РА
29
Ш19

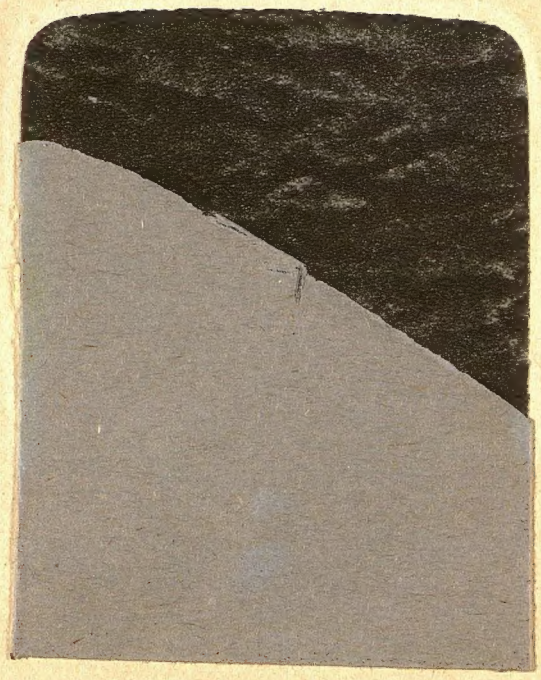
С. Шамбинаго.

ПѢСНИ ВРЕМЕНИ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНАГО.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія И. И. Иванова.
1914.



~~4.3. 15/3~~

РА 29
Ш 19

С. К. Шамбинаго.

чудный старец.
398.5
Ш 19

ПѢСНИ
ВРЕМЕНИ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНАГО.

227

ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

Доп. кат. 2678

СИНОДАЛЬНАЯ (ПАТРІАРШАЯ) БИБЛІОТЕКА

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Типографія И. И. Иванова.
1914.

30.
1-Ш-19.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
№ 21675

ПАМЯТИ

Всеволода Ѳеодоровича

Миллера.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе V
Пѣсня о царской женитьбѣ.
I. 1
II. 32
Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ.
I. 51
II. 74
Пѣсня о разгромѣ Новгорода.
I. 98
II. 139
III. 175
Пѣсня о нераскаянной кончинѣ.
I. 203
II. 230
Пѣсня о спасеніи Никитой Романовичемъ царскаго сына.
I. 252
II. 287

Предисловіе.

Въ XXVIII томѣ Записокъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Института было помѣщено мое изслѣдованіе „Пѣсни-памфлеты XVI вѣка (М. 1913, 1—266 стр.). Въ немъ я V
пытался на основаніи анализа широко распространенныхъ пѣсенъ о Кострюкѣ и Васильѣ Буслаевѣ 1) установить приблизительное содержаніе тѣхъ основныхъ композицій, которыя вошли въ составъ извѣстныхъ по разнымъ записямъ варіантовъ и 2) дать историческій комментарій, который показалъ бы отношеніе пѣсенъ къ тому или другому событію и — наличность окраски, опредѣляющей разбираемыя пѣсни прежде всего какъ памфлеты извѣстной эпохи. Работа моя вызвала прежде всего критическую статью покойнаго академика В. Ѳ. Миллера (въ майской книгѣ Вѣстника Европы за 1913 годъ). Въ ней было указано на убѣдительность моего анализа пѣсенъ о Кострюкѣ и сдѣланы нѣкоторыя дополненія и поправки. Детальнѣй того же сюжета В. Ѳ. коснулся въ спеціальной статьѣ своей: „О нѣкоторыхъ пѣсенныхъ отголоскахъ событій царствованія Ивана Грознаго“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1913, іюль). Изслѣдователь, признавая, что мое „толкованіе и пріуроченіе нѣкоторыхъ историческихъ пѣсенъ къ событіямъ царствованія Ивана Грознаго весьма близки къ тѣмъ выводамъ“, къ которымъ онъ и самъ пришелъ, занимаясь такими же вопросами, присоединилъ къ моимъ наблюденіямъ свои дальнѣйшія соображенія. Они очень интересны въ смыслѣ возможности толковать нѣкоторыя богатырскія старины какъ историческія переживанія. Въ той же книгѣ того же журнала вслѣдъ за статьей В. Ѳ. Миллера была помѣщена другая по по-

воду моей работы: Б. М. Соколова—„Шуринъ Грознаго, удалой борецъ Мамстрюкъ Темгрюковичъ“. Авторъ коснулся въ ней тѣхъ же пѣсенъ, на которыхъ остановилъ свое вниманіе В. Ѳ., привелъ подробный матеріалъ по исторіи Черкесскаго рода Темгрюковичей и высказалъ свой взглядъ на личность героя пѣсни. Оба изслѣдователя, расходясь со мной въ частностяхъ, признали вполнѣ пріемлемыми положенія первой части моей работы.

Вторая часть, разборъ пѣсенъ о Васильѣ Буслаевѣ, была разобрана только въ вышеназванной критической статьѣ В. Ѳ. Миллера. Пріуроченіе богатырской старины, новгородской, по обычному опредѣленію, ко времени Грознаго, какъ гипотетическое, должно было, естественно, вызвать рядъ вопросовъ. Изслѣдователь не согласился съ моимъ толкованіемъ этого сюжета, какъ композиціи XVI вѣка, потому что я не разъяснилъ: 1) какая партія въ Новгородѣ могла бы юмористически изобразить ужасы погрома родного города, 2) умѣстенъ ли шутливый разсказъ объ этомъ ужасномъ бѣдствіи, 3) какой смыслъ въ настолько замаскированномъ памфлетѣ, что въ немъ нельзя узнать главнаго лица, противъ котораго онъ направленъ, безъ тѣхъ пріемовъ реставраціи, устраненій неудобныхъ лицъ и эпизодовъ, къ которымъ прибѣгаетъ комментаторъ, и 4) для чего было автору памфлета затемнять его внесеніемъ второстепенныхъ персонажей. На вопросы эти косвеннымъ образомъ будутъ даны отвѣты въ самомъ изслѣдованіи. Прибавлю, что 1) особеннаго бѣдствія для города Новгородскій разгромъ не оказалъ, 2) юмористическій разсказъ не есть шутливый, 3) реставрація текстовъ необходима для уясненія основной пѣсни и 4) внесеніе побочныхъ персонажей принадлежитъ логикѣ пѣсни и не всегда, конечно, можетъ быть объяснено удовлетворительно. Впрочемъ разногласіе В. Ѳ. Миллера со мною — только принципіальное. Покойный академикъ въ своихъ позднѣйшихъ работахъ все болѣе и болѣе останавливался на XVI вѣкѣ, какъ на эпохѣ, наиболѣе отразившейся во всемъ эпосѣ, а въ лекціяхъ своихъ категорически указывалъ на рѣшающую роль XVI вѣка въ процессѣ переработки эпическихъ пѣсенъ. Старыя богатырскія пѣсни, по его мнѣнію, были приспособлены къ историческимъ событіямъ эпохи Ивана Грознаго. Въ этомъ смыслѣ онъ признаетъ за мной правоту

въ указаніяхъ на слѣды XVI вѣка въ старинахъ о Васильѣ Буслаевѣ и въ томъ, что „погромъ Новгорода при Иванѣ Грозномъ могъ отложиться на нѣкоторыхъ былинныхъ картинахъ“ (Стр. 379). По мнѣнію изслѣдователя — пѣсня о Васильѣ Буслаевѣ въ XVI вѣкѣ могла передѣлаться на новый ладъ, но что *основная пѣсня* была сложена ранѣе этого вѣка. Допуская возможность этого объясненія, замѣчу, что для меня, въ такомъ случаѣ, новой композиціей является эта передѣланная въ XVI вѣкѣ пѣсня, отъ нея я и отправлялся.

Вниманіе, оказанное моей работѣ, побудило меня приступить къ настоящему изданію, исправивъ тѣ недочеты, ошибки и пропуски, на которые было указано въ вышеприведенныхъ статьяхъ. Изслѣдованіе повторяетъ въ основѣ текстъ книги „Пѣсни-памфлеты“ и дополнено главой—разборомъ пѣсни „Царь убилъ сына“. На свою работу я смотрю теперь какъ на попытку разобраться въ рядѣ пѣсенъ, въ основѣ которыхъ лежатъ историческія переживанія, идущія отъ эпохи царя Ивана Грознаго.

Въ анализѣ варіантовъ я руководствовался тѣми наблюденіями изслѣдователей, по которымъ эпическая пѣсня, какъ извѣстное проявленіе психологическаго акта, подчинена процессу измѣненія, причемъ ея эволюція развивается по опредѣленнымъ законамъ. Покойный академикъ А. Н. Веселовскій въ своей статьѣ „Сравнительная миѳологія и ея методъ“ [1]) говоритъ, что у религіознаго миѳа, какъ и у сказки, есть своя исторія, аналогическая, развивавшаяся въ параллельныхъ рядахъ формъ и превращеній. Большую роль въ послѣдовательномъ развитіи миѳовъ играли процессы осложненія, раздвоенія и повторенія. „Тѣ же явленія повторялись и въ исторіи сказки, и повторяются еще у насъ на глазахъ“. Особенное значеніе изслѣдователь придаетъ процессу осложненія. „Заставьте, говоритъ онъ, любого сказочника или сказателя повторить вамъ нѣсколько разъ и, еще лучше, въ разное время одну и ту же былину или сказку. Всякій разъ онъ введетъ въ свой разсказъ, иногда незамѣтно

[1]) По поводу книги Анджело де-Губернатисъ: „Zoological Mythology“. Вѣстникъ Европы, 1873, X.

для себя, нѣчто новое, какую нибудь подробность или лишнюю поѣздку. Онъ не сочиняетъ, а только путаетъ". Если сказочникъ неумѣлъ, то бываетъ, что и сказки узнать нельзя: до того много сказокъ онъ смѣшиваетъ по забывчивости, по безсознательному подбору подробностей. „Но вѣдь и тѣ сказки, которыя мы считаемъ за хорошо сохраненныя и читаемъ въ печатныхъ изданіяхъ, сложились точно такимъ же путемъ". Это будутъ, по терминологіи автора, сказки сводныя, или осложненныя. Совершенно тоже приложимо и къ пѣснямъ.

Что касается процесса раздвоенія, то къ нему въ значительной близости примыкаетъ такъ называемое эпическое повтореніе. Вмѣсто одного героя является нѣсколько, чаще всего трое. Про одного разсказывается, что онъ совершилъ три поѣздки. Три героя являются такимъ же повтореніемъ, какъ и три поѣздки одного. Если только послѣднему удается исполнить то, чего не сдѣлали другіе, то это „только требованіе симметріи". Естественно, что не совершившіе подвига должны завидовать удачливому герою, враждовать съ нимъ. Отсюда — „антагонизмъ доблести и трусости, добра и зла", который развился изъ хода эпическаго повѣствованія, не будучи данъ въ его основаніи. Отсюда—братья и сестры добрые и злые. Съ этими процессами приходится считаться и при вопросѣ объ измѣненіи основной пѣсни.

Не записанное, а передаваемое устно произведеніе существуетъ во множествѣ варіантовъ. Одни сказатели, забывая подробности, могутъ возстановить въ памяти кое-какіе моменты и передаютъ содержаніе или въ нѣсколькихъ строкахъ, или въ такомъ изложеніи, что основа пѣсни еле намѣчена. Другіе, плохо помня пѣсню, при повторномъ записываніи послѣ извѣстнаго перерыва, забываютъ ее окончательно. Таковъ, напр., сказатель Прохоровъ, о которомъ Гильфердингъ говоритъ, что одну изъ старинъ, которыя онъ пѣлъ Рыбникову, именно про царя Волшана и Ваньку Удовкина, „онъ въ настоящее время уже позабылъ; также не могъ припомнить ничего про Садка, о которомъ при г. Рыбниковѣ зналъ еще отрывокъ". Изъ утраты содержанія пѣсни памятью вытекаетъ первая причина измѣненія основной композиціи — *утрата мотивировки*. Многіе пересказы сохраняютъ лишь остовъ повѣство-

ванія, контуры безъ раскраски. Взаимоотношенія дѣйствующихъ лицъ, ихъ характеристика, мотивы поступковъ, причины, вызвавшія конфликтъ — сказателями опускаются; если и бываетъ расцвѣтка, то она берется изъ обще-эпическаго запаса. Варіанты, проходя черезъ устную передачу, оставляютъ по пути детали, да и контуры постройки сохраняютъ грубо. Мѣсто забытыхъ подробностей заступается пріемами и положеніями, излюбленными памятью. Недостатокъ въ живости и движеніи разсказа замѣняется обычнымъ поэтическимъ трафаретомъ: широкимъ пользованіемъ общими мѣстами (loci communes), ретардаціей, окаменѣвшими эпитетами или характеристиками. Количество стиховъ въ пѣснѣ благодаря этому увеличивается значительно, но изложеніе проигрываетъ въ смыслѣ драматическаго движенія и содержательности разсказа. Напримѣръ, запоминается бой, который трактуется какъ состязаніе, или какъ враждебное столкновеніе. Однако причины, вызвавшія то и другое, памятью не удерживаются. Въ картинахъ боя весь интересъ современнаго передатчика-крестьянина привлеченъ его внѣшними перипетіями, какъ наиболѣе понятными и легко цитируемыми. Всѣ воинскія старины современнаго репертуара чрезвычайно походятъ другъ на друга: подвиги наметываются на богатырей и совершаются ими по безнадежно однообразному шаблону, пріемы схватки съ врагомъ вездѣ одинаковы. Между тѣмъ внутренній мотивъ, почему такой-то подвигъ и совершившій его герой стали предметомъ поэтической композиціи нигдѣ въ варіантахъ ясно не отмѣченъ. Бываетъ, что передатчику все равно, какую сторону побьютъ, лишь бы была картина боя. Основная пѣсня должна была быть содержательнѣй. Иначе—зачѣмъ было складывать пѣсню. Дѣйствительно, если сличить варіанты, а—„пѣсенные варіанты подлежатъ такой же сравнительной оцѣнкѣ, какъ и варіанты старыхъ текстовъ“ [1]),—выявится реконструкція основной пѣсни съ достаточно мотивированнымъ содержаніемъ.

Итакъ пѣсни въ своемъ послѣдовательномъ развитіи подчи-

[1]) Слова акад. А. И. Соболевскаго въ рецензіи на изслѣдованіе И. Жданова: „Русскій богатырскій эпосъ“. (Жур. Мин. Нар. Просв. 1895, X).

нены, прежде всего, процессу выдѣленія трафаретнаго изложенія въ ущербъ внутренней мотивировкѣ.

Отмѣченное акад. А. Н. Веселовскимъ *осложненіе* будетъ второй причиной измѣненія основной пѣсни. Этотъ процессъ постоянно является результатомъ стремленія пополнить утраченное памятью и объяснить малопонятное. Осложненіе сюжета можетъ быть двоякимъ. Во первыхъ, въ варіанты пѣсни вносятся подробности, взятыя вообще изъ эпическаго запаса. Герои заходятъ въ чуждыя имъ пѣсни, лишь мѣняя имена; части одного сюжета вплетаются въ другой, ничего общаго съ первымъ не имѣющій; въ пѣсни заходятъ сказочные мотивы. И этотъ подборъ одной подробности къ другой—не только „безсознателенъ“: онъ часто вытекаетъ изъ стремленія сказателя пропѣть складно старину, которую онъ, въ сущности, позабылъ. Свидѣтельства новѣйшихъ собирателей согласно передаютъ объ умѣніи пѣвцовъ владѣть стихомъ, а иногда—о поразительномъ знаніи чуть не всего эпическаго матеріала (сказательница села Зимней Золотицы Аграфена Крюкова знала 60 различныхъ сюжетовъ). „Неровности свода, можно сказать словами А. Н. Веселовскаго, сглаживались въ постоянныхъ пересказахъ, такъ что теперь трудно въ нихъ открыть гдѣ-нибудь существованіе пазa“.

Особымъ видомъ осложненія нужно считать *контаминацію сюжетовъ*. Контаминація — явленіе хронологически позднее въ жизни пѣсни и предваряетъ собою образованіе эпопей. Въ основѣ ея лежитъ также забвеніе основного повѣствованія, которое сказатель пожелалъ восполнить привлеченіемъ разсказовъ о другихъ подвигахъ воспѣваемаго героя. Соединеніе вмѣстѣ пѣсенъ о различныхъ подвигахъ одного и того же богатыря замѣчается уже въ сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга. Сказатель Калининъ пропѣлъ Гильфердингу старину въ 1093 стиха, обнимающую всѣ подвиги Добрыни Никитича. Въ новѣйшихъ собраніяхъ старинъ Архангельской губерніи контаминированныя такимъ способомъ старины занимаютъ господствующее положеніе.

Однако не всегда контаминированный варіантъ заключаетъ всю или почти всю эпическую біографію героя. Очень часто контаминируются пѣсни, которыя по основнымъ сюжетамъ совершенно

отличны другъ отъ друга, имѣютъ разныхъ героевъ. Соединеніе произошло здѣсь благодаря наличности въ сюжетахъ какой-нибудь общей эффектной сцены, случайному сходству положенія, сходной роли второстепенныхъ персонажей (напр.—сватовъ). Въ послѣднемъ случаѣ часто соединяются, напр., пѣсни о женитьбѣ князя Владимира и Дуная, гдѣ послѣдній является сватомъ и князю и самому себѣ. Отъ Калинина Гильфердингомъ записана старина, соединяющая всю эпопею о Садкѣ съ пѣсней о Вольгѣ Всеславьевичѣ, который, кстати, выступаетъ съ аттрибутами Василія Буслаева. Новѣйшія записи даютъ многочисленные примѣры соединеній подобнаго рода.

Наконецъ, третья причина измѣненія пѣсни вытекаетъ изъ процесса *раздвоенія* или—*эпическаго повторенія*. Обыкновенно повторяется понравившійся эпизодъ: являются два разноименныхъ героя, совершающихъ одни и тѣ же подвиги. Какъ на яркій примѣръ подобнаго повторенія слѣдуетъ указать на существованіе двухъ старинъ—объ Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ и объ Алешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ Змѣевичѣ. За выключеніемъ именъ—все остальное въ этихъ пѣсняхъ очень сходно: тѣ же подробности, даже выраженія. Акад. А. Н. Веселовскій, подвергавшій разбору эти старины [1]), предполагалъ, что обѣ пѣсни явились продуктомъ разложенія болѣе древняго сказанія, какимъ могло быть „Сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ“.

Примѣръ подобнаго повторенія понравившагося эпизода можно найти и въ книжныхъ памятникахъ. Въ одной изъ передѣлокъ Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ (Имп. Пуб. Б-ки Q XVII, № 209) помѣщенъ извѣстный разсказъ о единоборствѣ инока-воина Александра Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ, гигантскаго роста. Оба соперника пали вмѣстѣ съ конями отъ страшной сшибки. Пересвѣту принадлежала, такимъ образомъ, слава не только „начинателя“ побоища, но и героя, отнявшаго отъ татаръ ужаснаго силача, отъ котораго „многимъ было бы пити горькую чашу“. Разсказъ о единоборствѣ находится во всѣхъ спискахъ всѣхъ редакцій Сказанія.

---

[1]) „Южно-русскія былины“, X.

Чернецъ Александръ Пересвѣтъ былъ отпущенъ преп. Сергіемъ не одинъ: съ нимъ на битву уѣхалъ и „братъ“ Ослябя (Іаковъ или Андрей—имя не устойчиво въ спискахъ). Однако опредѣленной роли послѣдній не играетъ. Только въ упомянутой передѣлкѣ послѣ разсказа о единоборствѣ слѣдуетъ повтореніе его, гдѣ дѣйствующими лицами являются: „вторый печенѣгъ, именемъ Телебеі, таков же, якоже і первый“ и—„Андреі чернецъ“. Все остальное—простое повтореніе изложеннаго эпизода.

Повторяются не только эпизоды, которые, кстати сказать, часто выдѣляются изъ общаго хода поэтическаго разсказа и образуютъ самостоятельные варіанты, но и излюбленныя общія мѣста. Такъ, напримѣръ, locus communis пира часто вставляется при всякомъ удобномъ случаѣ, въ то же время повторная вставка его существенно измѣняетъ дальнѣйшее теченіе пѣсни.

Съ указанными измѣненіями, вызванными процессами забвенія, осложненія и повторенія, необходимо считаться, если желательно выявить приблизительный типъ основной пѣсни. Приблизительный потому, что анализъ современныхъ печатныхъ варіантовъ возведетъ къ реконструкціи только той пѣсни (или пѣсенъ), измѣненія которой можно прослѣдить по матеріалу. Если традиція олонецкихъ сказателей можетъ относиться къ XVIII вѣку, а Кирша восходитъ къ списку 1721 года, то реконструированная пѣсня будетъ относиться къ самому началу XVIII, въ лучшемъ случаѣ къ концу XVII вѣка, не раньше. Такой пѣснѣ еще далеко до той, которая, положимъ, вышла „изъ подъ пера поэта“ въ XVI вѣкѣ. Между ней и нашей реконструкціей можетъ существовать не одно звено, стоящее, за отсутствіемъ матеріала, внѣ наблюденій изслѣдователя.

Однако реконструкція хотя бы и послѣднихъ звеньевъ имѣетъ весьма большое значеніе. Выясняется затушеванное варіантами содержаніе пѣсни, направленіе, общая идея, которыми руководствовался поэтъ при своей композиціи. Контаминированныя пѣсни распадаются на составныя части, и возможно, что наиболѣе обезличенная въ этой спайкѣ на самомъ дѣлѣ оказывается самостоятельной пѣснью, съ опредѣленной мыслью и сюжетомъ.

Пѣсни о Кострюкѣ-Мастрюкѣ.

Пѣсня о царской женитьбѣ.

I.

Пѣсни, героемъ которыхъ является Кострюкъ или Мастрюкъ (Мамстрюкъ) [1] Темрюковичъ (Темгрюковичъ), принадлежатъ къ распространеннѣйшимъ остаткамъ старинной поэзіи и записаны въ предѣлахъ отъ Бѣлаго до Каспійскаго морей [2]. Значительное количество варіантовъ найдено въ украйнахъ сѣверной и казацкой, и въ Сибири. Эта обширная территорія изъ нахожденія, различныя природныя, историческія и бытовыя условія должны были оказать сильное вліяніе на измѣненіе первоначальнаго текста. Утрата содержанія пѣсенъ памятью сказателей произвела еще бо́льшія перемѣны въ основной постройкѣ.

Послѣднее обстоятельство повліяло, главнымъ образомъ, на то, что взамѣнъ забытой идеи пѣсни выдвинулся легче запоминаемый внѣшній эффектъ, въ разбираемыхъ пѣсняхъ — эпизодъ борьбы пришельца героя съ русскими удальцами. Варіанты ихъ опускаютъ причины и поводы столкновенія, забываютъ имена дѣйствующихъ лицъ, ихъ взаимоотношенія, сосредоточивая разсказъ лишь на

---

[1] Лѣтописи, какъ и старины, употребляютъ одинаково формы: Мамстрюкъ и Мастрюкъ. Ср. Александро-Невскую лѣтопись, (Рус. Истор. Б-ка, III): 7073. „Тогожъ мѣсяца іюня въ 17 день пріѣхалъ изъ Черкасъ къ Москвѣ Мастрюкъ князь Темрюковичъ“ (стр. 262). „А Мамстрюка князя отпустилъ царь и великій князь въ судѣхъ“. (Ibid. 267).

[2] Покойный акад. В. Ѳ. Миллеръ въ статьѣ: „О нѣкоторыхъ пѣсенныхъ отголоскахъ событій царствованія Ивана Грознаго“ (Ж. М. Н. П. 1913, VII) писалъ, что въ издаваемомъ имъ сборникѣ историческихъ пѣсенъ, число варіантовъ „перешло за 60 нумеровъ“.

описаніи внѣшнихъ перипетій единоборства. Подобнаго рода старины занимаютъ весь IV отдѣлъ VI выпуска пѣсенъ сборника Кирѣевскаго (стр. 161—171), о которомъ самъ редакторъ отозвался такъ: „Этотъ отдѣлъ отличается краткостью состава и отрывочностью“, и—VI отдѣлъ (тамъ же, стр. 176—185), гдѣ помѣщены старины, по признанію того же редактора, „совершенно сбитыя содержаніемъ“. Дѣйствительно, эти короткіе, полузабывшіе содержаніе и искаженные отрывки ничего не даютъ для уясненія основной пѣсни.

Въ этихъ фрагментахъ нечего даже искать полнаго сюжета пѣсни. На первое мѣсто они выдвигаютъ одну борьбу. Если же сказатель и пытался стройно пропѣть всю пѣсню, то память ему измѣняла, и до конца довести старины онъ не могъ.

Стремленіе пополнить утраченное памятью создало, между прочимъ, два пересказа, осложненіе которыхъ произошло благодаря индивидуальной обработкѣ.

Въ одномъ изъ нихъ (Кир. VI, стр. 178) разсказывается, какъ Иванъ Грозный—„Царь богатырь“ отдаетъ свою „бо̀льшую“ дочь за Кострюка. Молодой сидитъ на пиру задумчиво и на вопросъ царя — не лихую ли думу онъ думаетъ—выпрашиваетъ „на кулакъ бойца“. Бойцы найдены, двое братьевъ. Съ ними Кострюкъ попеременно вступаетъ въ состязаніе. Послѣ сшибки съ первымъ братомъ „теща“ обращается къ побитому герою съ такими словами укоризны:

91. Былъ ты какъ маковъ цвѣтъ,
А сталъ теперь какъ мать родила!

Въ отвѣтъ она получаетъ отъ зятя рѣзкую отповѣдь:

94. Ахъ ты теща любимая!
Ты, какъ пыль толоконная,
Какъ затычка оконная!
Вѣдь не то мнѣ-ка дорого,
Что чистое золото,
А то мнѣ-ка дорого,
Похвала молодецкая!

Послѣ второй сшибки Кострюкъ „съ душою разставается“. Обычное содержаніе пѣсни въ этомъ варіантѣ все перебито, отно-

шеніе Кострюка къ тещѣ проработано по матеріалу пѣсенъ, трактующихъ о насмѣшкахъ надъ тещами [1]). „Борьба“ замѣнена здѣсь кулачнымъ боемъ, для того чтобы придать бо́льшую остроту эпизоду. Отсюда идетъ прозвище борцовъ—„Кулашниковы“, встрѣчающееся, напр., въ старинѣ, записанной въ Кирѣевской слободкѣ (Кир. VI, стр. 176), нѣкоторыми варіантами измѣненное въ „Калашниковы“ (см., напр., Гуляевскую запись у акад. В. Ѳ. Миллера въ статьѣ „Историческія пѣсни изъ Сибири“).

Второй пересказъ представленъ записью, сдѣланною въ Саратовѣ г-жей Пасхаловой (Кир. VI, стр. 182). Прежде всего—сомнительна вся структура этой старины: по ней прошлась рука позднѣйшаго литератора, сдѣлавшаго изъ старины какое-то приспособленіе для пѣсенника, вродѣ:

13. Вотъ и гости къ царю съѣхалися,
Всѣ князья-бояре, люди ратные,
Да боярскихъ дѣтей до полутораста,
Да посадскихъ дѣтей четыреста:
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,
Удальца-бойца, славна витязя,
Самого князя Черкасскаго,
Мамстрюка ли Ермолаича.
Загремѣло на дворѣ государевомъ,
Какъ пріѣхалъ давно жданный гость.... и т. п.

Все содержаніе представляетъ не столько слабое воспоминаніе, сколько варіацію на данную тему. Князь Черкасскій, блестящій аристократъ, пріѣзжаетъ къ царю на свадебный пиръ „со своею молодою княгинею“. На пиру онъ ищетъ „кулашничка“. И вотъ, какъ полная противоположность блестящему „витязю“, выступаетъ противъ него хромоногій, присапывающій носомъ крестьянскій дѣтина. До такой утрировки доведенъ здѣсь образъ маленькаго Потани. Этотъ „крестьянскій сынъ“, безъ имени, укладываетъ на бою князя замертво. „Молодая княгиня расплакалася“, проситъ схватить сына крестьянскаго, но царь приказы-

[1]) Ср. напр. пѣсни, содержащія грубое обхожденіе зятя съ тещей, у Шейна, („Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ“..., томъ I, вып. I, изд. Имп. Акад. Наукъ. 1898) №№ 917, 918, 919 и 920.

ваетъ ей не мѣшаться „въ дѣла царскія“. Пусть другой попробуетъ съ нимъ побороться, вызываетъ царь. Выискивается какой-то „княгининъ родной братъ“, который рветъ на части бѣднаго дѣтину. Сентиментальный и тенденціозный характеръ этой пѣсни—несомнѣненъ.

Оба варіанта явно уклоняются отъ основной пѣсни въ сторону личныхъ намѣреній редакторовъ, для которыхъ обычное содержаніе показалось неинтереснымъ. Матеріала для уясненія основного текста, по сравненію съ остальными многочисленными пересказами, они не даютъ.

Оставляя въ сторонѣ искаженные отрывки [1]) и обращаясь къ такимъ пересказамъ, гдѣ болѣе или менѣе подробно и послѣдовательно изложено содержаніе, можно видѣть, что пѣсни о Кострюкѣ-Мастрюкѣ не представляютъ строгаго единства. Всѣ наличныя пересказы этихъ пѣсенъ по присутствію или отсутствію въ нихъ мотива женитьбы царя Ивана Васильевича заставляютъ дѣлить ихъ на двѣ различныя пѣсни, вѣроятно подвергшіяся въ позднее время процессу контаминаціи.

Редакторъ сборника Кирѣевскаго, имѣвшій подъ руками 23 варіанта [2]) разбираемыхъ пѣсенъ и разбившій ихъ на 7 отдѣловъ, „наиболѣе употребительныя“ помѣстилъ въ третьемъ отдѣлѣ, какъ ближе всего подходящія къ данному имъ заглавію: „Царь еще женится“. Однако старину V-го отдѣла онъ не рѣшился подвести подъ этотъ общій заголовокъ, назвавъ ее „совершенно особой“ (см. стр. 172). Редакторъ чувствовалъ въ ней присутствіе элементовъ основной разницы. Я предлагаю—пѣсни, гдѣ разска-

[1]) Кромѣ указанныхъ въ сборникѣ Кирѣевскаго, такіе отрывки или варіанты, излагающіе только одну борьбу, находятся и въ другихъ собраніяхъ: Шейна („Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ“... Томъ I, стр. 298; его же: „Былевыя пѣсни“ въ Чтеніяхъ въ О. И. и Д. Р. 1877, III, стр. 55, гдѣ даже имя героя передѣлано на „Стрюкъ Семрюковичъ“; его же: „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія с.-з. края“, Томъ II, № 84, о которомъ самъ собиратель замѣтилъ: „Жаль, что нашъ отрывокъ прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ“), Пальчикова („Крестьянскія пѣсни“, № 38) и въ отдѣльныхъ записяхъ: въ Трудахъ Музыкально-Этнографической Коммиссіи (Томъ II, № 55), въ Этнографическомъ Обозрѣніи у В. Ѳ. Миллера: „Къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ“ (Этн. Обозр. 1904, № 3, стр. 39 и 41) и въ Смоленскомъ этнографическомъ сборникѣ (бѣлорусская передѣлка: часть IV, стр. 609. М. 1903).

[2]) Не считая сводныхъ, соединенныхъ съ другими сюжетами.

зывается о женитьбѣ царя Ивана Васильевича Грознаго на Марьѣ Темрюковнѣ и о борьбѣ царскаго шурина Мастрюка Темрюковича, назвать *Пѣсней о царской женитьбѣ*, а пѣсню, гдѣ совершенно отсутствуетъ мотивъ женитьбы, описывается приходъ крымцевъ и бой Кострюка съ русскими удальцами—*Пѣсней объ отбитомъ наѣздѣ*. По своей основной композиціи, какъ будетъ видно ниже, обѣ эти пѣсни ничего общаго между собою не имѣютъ.

Что пѣсни „О царской женитьбѣ“ и „Объ отбитомъ наѣздѣ“ были отдѣльными композиціями показываетъ еще разница въ именахъ героевъ. Герой первой пѣсни—лицо историческое, царевъ шуринъ, черкасскій князь Мамстрюкъ Темгрюковичъ, герой второй пѣсни носитъ единственно имя—Кострюкъ, прозвище ничего не обозначающее и отвлеченное отъ имени „Мастрюкъ“. [1])

Переходя къ анализу варіантовъ Пѣсни о царской женитьбѣ, я остановлю вниманіе прежде всего на группѣ сводныхъ старинъ, въ которыхъ разбираемая пѣсня примкнула къ другому сюжету. Таковы, во первыхъ, два варіанта (Кир. VI, стр. 102 и 109), соединяющіе сюжетъ женитьбы съ сюжетомъ объ убіеніи Грознымъ сына. Въ старинѣ Кир. VI, стр. 102 разсказъ объ убійствѣ занимаетъ первые 126 стиховъ, въ которымъ механически, съ описанія пира присоединенъ сюжетъ женитьбы. Второй варіантъ заключаетъ пѣсню о женитьбѣ въ первыхъ 64 стихахъ, а потомъ уже, снова механически и неожиданно, присоединена пѣсня объ убіеніи царевича. Полное отсутствіе связи между частями заставляетъ предполагать, что сводка и не имѣла мѣста у сказателей, а пѣсни были помѣщены въ сборникѣ Кирѣевскаго въ редакціонномъ соединеніи.

Эти сводные варіанты передаютъ обычный текстъ пѣсни и отличаются отъ него только нѣкоторымъ сокращеніемъ. Единственную подробность вводитъ первый варіантъ въ исходѣ: пристыженная царемъ Иваномъ царица (безъ имени):

227. Защекотала сороченькой,
Полетѣла съ каменной Москвы. (Кир. VI, стр. 102).

Представленіе царицы-пятигорки оборотнемъ, напоминающее

[1]) Если не ставить этого имени въ соотвѣтствіе со словомъ „кострика“, „костри́коватый человѣкъ“—несговорчивый, строптивый. (См. Даль, Толковый словарь... Вып. 7. М. 1863, стр. 783).

еретницу-Маринку, соблазнительницу Добрыни, роднить эту сводную старину съ такими, гдѣ сюжетъ женитьбы примыкаетъ къ сюжету, трактующему о смерти первой царицы [1]).

Послѣднія спаяли оба сюжета очень тѣсно. Пѣсня о царской женитьбѣ примкнула къ первой части потому, что умирающая царица въ числѣ прочихъ завѣтовъ, убѣждаетъ мужа не жениться на иновѣркѣ.

Варіанты искажены поздними поправками. Варіантъ Кир. VI, стр. 114, послѣ зачина, начинается рѣчью умирающей царицы Софьи Романовны. Умоляя царя быть добрымъ отцомъ и государемъ милостивымъ до князей—бояръ, крестнаго батюшки „Богдана Сирскаго“ и „до своихъ солдатушекъ служащіихъ“, царица заботится и объ его будущей женѣ:

50. Когда я, царица, представлюся,
Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ
На той ли Марьѣ Темрюковнѣ.
А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ
На той супавѣ татарскіе:
Хоша есть у ней много приданаго
Пановей-улановей и злыхъ поганыхъ татаровей,
Есть у ней брателко родимое,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ.

Перебитость приведеннаго отрывка характеризуетъ, кстати, и всю старину, очень испорченную. Смыслъ долженъ быть таковъ: не женись ты въ проклятой Литвѣ, на супавѣ (купавѣ) татарской, Марьѣ Темрюковнѣ, хоть и много у нея приданаго, потому что есть у ней братъ—Кострюкъ, а женись въ Москвѣ.

Однако царь не слушаетъ ни ея рѣчей, ни дядюшки Богдана Сирскаго: ѣдетъ „въ Литву“ жениться; съ Марьей и „брателкомъ“ Кострюкомъ царь возвращается въ Москву. Съ дороги пишетъ „посоленъ листъ“, чтобы встрѣтили его съ честью. Невдалекѣ отъ Москвы снова

95. Становилъ онъ свою силу-армію,
Отправлялъ скора гонца,

[1]) Кир. VI, стр. 114 и 119; Марковъ, Бѣл. былины, №№ 84, 106. Всѣ записаны въ Архангельской губ.

Скора гонца и скора посла,
Чтобы чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія:
Гдѣ стоять моей силѣ-арміи.

Въ Москвѣ царь „принималъ златы вѣнцы“. На радости — пиръ, на которомъ „шуринъ любимый“ проситъ доставить ему борцовъ. Выискивается „Васенька хромоногенькой“, который мечетъ Кострюка о кирпичный полъ, спускаетъ его нагимъ—выдупляетъ изъ платья. Общая картина единоборства передана здѣсь кратко и неясно, но еще неожиданнѣе заключеніе:

161. Бралъ царь свою Марью Темрюковну
И велъ онъ въ далече чисто-поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце:
Тутъ ей и славу поютъ.

Съ тѣхъ поръ — сталъ слушаться царь дядюшки любезнаго и женился въ каменной Москвѣ. Многое позабыто въ разобранномъ пересказѣ и, главное, опущено, за какую же вину, собственно, царь убилъ свою молодую царицу?

Нѣкоторый отвѣтъ на послѣдній вопросъ даетъ пересказъ Кир. VI, стр. 119, не оконченный пѣвшей его старухой. Умирающая Софья Романовна непосредственно переходитъ къ наказу, спрашивая, будетъ царь жить холостымъ или женится. Не вѣря словамъ царя, обѣщающаго, что — будетъ холостъ ходить, она предрекаетъ, что женится онъ въ „матушкѣ проклятой Литвѣ“ на Марьѣ Темрюковнѣ:

19. Принесетъ она рубашки красна золота,
Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ [1]),
Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыихъ:
Увидишь тутъ чудо великое!

Затѣмъ, какъ и въ предыдущемъ варіантѣ, умоляетъ его быть добрымъ и милостивымъ.

Предсказаніе исполняется: царь женился въ Литвѣ на Марьѣ, которая „пасынкамъ“ принесла рубашки красна золота:

38. Надѣли какъ на псовъ ядовитыихъ,
Тѣхъ псовъ розорвало....

[1]) т. е. ея сыновей.

На этомъ обрывается старина: пѣвица запуталась и не знала, что пѣть дальше. Однако мысль отрывка ясна: доброй, молодой царицѣ благовѣрной противоположена еретница вѣдунья, намѣревавшаяся погубить царевичей. Тогда понятна будетъ причина преданія ея смертной казни, равно какъ и указаніе на способность превращаться въ сороку, подобно Маринкѣ. Въ варіантѣ Маркова № 84, какъ и въ предыдущемъ — нѣтъ мотива борьбы съ Кострюкомъ: царица лишь проситъ царя не жениться „въ проклятой Литвѣ“ на „Марьи Небрюковны“. Старина чрезвычайно растянута ненужными подробностями. № 106 того же собранія представляетъ соединеніе трехъ сюжетовъ: смерти царицы, казни сына и единоборства Потанюшки хроменькаго съ „родной сестрой“ Марьи Верблюковны — Кострюкомъ - Мастрюкомъ. Полузабытые отрывки эти опредѣляютъ тѣмъ не менѣе отношеніе въ поэзіи къ „падущей на злыя дѣла“ черкашанкѣ, второй женѣ Грознаго.

Пѣсня о царской женитьбѣ въ лучшей редакціи находится: 1) въ старѣйшей записи сборника Кирши Данилова и 2) въ VI выпускѣ сборника Кирѣевскаго на стр. 109, 121, 125, 129 и 150,— въ шести варіантахъ [1]), которые, кромѣ помѣщеннаго у Кирши, записаны въ губерніяхъ Саратовской и Симбирской. Слѣдуетъ отмѣтить нахожденіе этой редакціи въ Поволжьи, въ казацкой украйнѣ. Всѣ ея варіанты, не исключая старины Кирши, ярко окрашены казацкимъ (донскимъ) колоритомъ.

Въ основѣ этой редакціи лежитъ варіантъ Кирши не только по своей относительной древности, но и по выдержанному плану и стройному изложенію. Остальные — сохраняютъ этотъ планъ,

---

[1]) Я не присоединяю сюда единичныхъ записей, сдѣланныхъ въ губерніяхъ Владимирской, Калужской и Пермской; пѣсни попали туда случайно, запомнились плохо, поэтому кратки, отрывочны и новаго ничего не даютъ. Въ той же Владимирской губ. записана пѣсня, приведенная подъ № 2 Бережковымъ въ Извѣстіяхъ Ист.-фил. Института въ г. Нѣжинѣ, вып. XV, въ статьѣ: „Еще нѣсколько образцовъ нар. ист. пѣсенъ... Сохраняя обычный планъ, она изобилуетъ ретардаціями, плохо передавая подробности. Выдѣляю еще старину Кир. VII, стр. 51, записанную въ 60-хъ гг. въ области войска Донского: она плохо сохранила основное повѣствованіе и измѣнила имя героя на „Севрука“. (ср. Шейна, Матеріалы для изученія быта... № 84). Наконецъ—Кир. VI, стр. 102, часть сводной, хотя и представляетъ пѣсню по плану совпадающей съ указанной редакціей, но изложена схематично, съ утратой подробностей.

опуская изрѣдка нѣкоторыя части, или же измѣняя изложеніе основного варіанта.

Старина Кирши начинается зачиномъ хронологическаго характера: „В годы прежния, времена первоначалныя, при бывшемъ волномъ царе, при Иване Васильевиче, когда холостъ былъ государь царь Иванъ Васильевичъ“... Подобный зачинъ сохраненъ и двумя варіантами Кирѣевскаго: старина на стр. 125 говоритъ:

1. Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
   Содержатель онъ всей Руси,
   Сберегатель каменной Москвы,
   При блаженной его памяти.....

Короче передаетъ подобное же старина на стр. 129:

1. У насъ было при прежнемъ царѣ,
   При Иванѣ Васильевичѣ,
   Сбережатель каменной Москвѣ...

Этотъ зачинъ поддерживается варіантами сборника Григорьева, №№ 137 и 156:

1. Въ годы ти были прежніе,
   Въ времена ти были досельніе,
   При нашомъ при свѣтѣ цари
   При Иванѣ Васильевици [1]).

Остальные пересказы даютъ зачинъ географическій:

Какъ у насъ было на Русѣ,
На Русѣ было, въ каменной Москвѣ...

Сводная старина (Кир. VI, стр. 109) въ зачинъ вводитъ рѣчь царя, заимствованную изъ другихъ пѣсенъ:

1. Что сидите, богатыри,
   И чѣмъ же вы похваливаетесь?
   Ваша силушка буде отъ Бога,
   А имѣніе отъ меня, царя...

Въ сущности смыслъ зачиновъ (исключая послѣдняго)—одинъ: пѣсня предлагаетъ разсказать о томъ, что было (или случилось) на Москвѣ при Иванѣ Васильевичѣ.

---

[1]) Этотъ же зачинъ, въ испорченномъ видѣ, зашелъ въ нѣкоторые варіанты второй пѣсни. См. Рыб. II, 36, III, 44.

1) За зачиномъ слѣдуетъ непосредственное указаніе на женитьбу царя. По Киршѣ — царь „поизволилъ“ жениться не въ Москвѣ, а бралъ жену въ Золотой ордѣ, „у тово Темрюка царя, у Темрюка Степановича, онъ Марью Темрюковну, сестру Мастрюкову, купаву крымскую, царицу благоверную“.

„Не у насъ въ Москвѣ“, а —„у черкашенина“ беретъ царь жену у Кир. VI, стр. 109 и 121. Другіе варіанты называютъ родину невѣсты „землею черкасской“, и просто „иной землею“, но брата ея тогда зовутъ черкашениномъ, (Кир. VI, стр. 125). Указаніе на „Черкасскую землю“, совпадающее съ исторической дѣйствительностью, слѣдуетъ отнести къ основной пѣснѣ. Указаніе Кирши на „Орду“— не органично. Орда пѣснями понимается или въ смыслѣ военнаго отряда, полка: „ты коей земли, да ты коей орды?“ или какъ указаніе на чужую, непріятельскую землю, и въ этомъ смыслѣ „Орда“ очень часто синонимируетъ съ терминомъ „Литва“. Какъ разъ старина Кир. VI, стр. 150 и передвигаетъ мѣсто дѣйствія въ „Литву“. Герой въ ней носитъ двойное имя: „КострюкъМострюкъ“ и называется татариномъ [1]). Послѣдняя старина пытается объяснить причину непонятнаго выбора царемъ иновѣрки, усиливая несогласный съ привычнымъ этикетомъ царскій поступокъ еще тѣмъ, что онъ и невѣсту выбралъ не по обычному порядку старшинства:

12. Черезъ большую меньшую беретъ,
Онъ Марью Темрюковну.
Онъ затѣмъ черезъ большую
Меньшую беретъ,—
Она много приданаго даетъ...

Мотивировки этой не помнятъ остальные варіанты, сохраняя глухія указанія, что царь беретъ за себя: „малую“ сестру—Кир. VI, стр. 125, „большу“ сестру — стр. 129, „черезъ большую среднюю беретъ“— стр. 121. У Кир. VI, стр. 109 и у Кирши этой подробности нѣтъ, и, какъ несомнѣнно лишней, только усиливающей отрицательное отношеніе къ непривычному факту со стороны сказателей, ей не могло быть мѣста въ основной пѣснѣ.

---

[1]) Причину появленія двойного имени—укажу ниже.

2) Старина Кирши описываетъ царскій поѣздъ за невѣстой: „аи царскова поезду полторы было тысячи, князи — бояра, могучие богатыри, пятьсот донскихъ казаковъ, что не лутчихъ добрыхъ молотцовъ“. Царь ѣдетъ черезъ рѣки быстрыя, грязи смоленскія и лѣса брынскіе въ Золотую орду, гдѣ „понелъ царь государь царицу благоверную“, а съ ней въ провожатые взялъ „триста татариновъ, четыреста бухариновъ, пятьсотъ черкашениновъ и любимова шурина—Мастрюка Темрюковича, молодова черкашенина“. Царскаго поѣзда становится „безъ малаго три тысячи“. Всѣ возвращаются назадъ, царь снова ѣдетъ черезъ „рѣки быстрыя, грязи смоленскія и лесы брынския“ и „здравствуетъ“ въ каменной Москвѣ своей, гдѣ заводить на радостяхъ пиръ.

Остальные пересказы совпадаютъ съ приведеннымъ отрывкомъ чуть не буквально, однако не вездѣ. Указаніе на царскій поѣздъ и на обратный его путь къ Москвѣ принадлежитъ Киршѣ (и въ ослабленномъ видѣ въ №№ 59 и 80 собранія г. Григорьева), но отсутствуетъ въ остальныхъ варіантахъ и, вѣроятно, его не было въ основной пѣснѣ. Доказательствомъ служитъ во первыхъ—нескладица въ изложеніи и повторяемость, столь рѣдкая у Кирши. Полторы тысячи поѣзда и пятьсотъ донскихъ казаковъ противополагаются тремъ тысячамъ обратнаго поѣзда и пятью стамъ черкашаниновъ. Дважды описано, какъ царь ѣдетъ черезъ рѣки, грязи и лѣса. Трижды повторено, какъ царь: „здраствуетъ черезъ реки быстрыя...“, „здраствуетъ... в тои Золотой ордѣ“, „здраствуетъ... у себя въ каменной Москве“. Во вторыхъ —„пятьсотъ донскихъ казаковъ“ оказываются на пиру въ числѣ гостей званыхъ, слѣдовательно старина забыла, что они состояли въ числѣ царскаго поѣзда за невѣстой. Въ третьихъ, наконецъ, остальные пересказы передаютъ это мѣсто стройнѣе, сохраняя почти дословно нѣкоторые стихи Кирши. Такъ: Кир. стр. 129, указывая на большое приданое, говоритъ:

11. Онъ и много за ней приданаго беретъ:
Онъ и дваста бояриновъ,
Полтораста татариновъ,
Пятьсотъ донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцовъ,

Еще за ней приданаго беретъ
Ея брата меньшаго,
Мастрюка Темрековича.

Нѣсколько измѣняютъ цифровыя данныя остальные варіанты, но всего чаще фигурируютъ „донскіе казаки“ въ качествѣ приданаго. Попали они въ текстъ несомнѣнно потому, что пѣсня вращалась въ средѣ казацкой. Основная пѣсня могла указывать вообще на большой пріѣздъ въ Москву разныхъ иноземцевъ во главѣ съ шуриномъ Мастрюкомъ.

3) Царь устраиваетъ свадебный пиръ. Мотивъ пира находится во всѣхъ пересказахъ, но разработанъ не одинаково. Старина Кир. стр. 129 указываетъ, что пиръ сдѣланъ „про любимова шурина“, оставляя такимъ образомъ за Мастрюкомъ эпитетъ, данный варіантомъ Кирши. „Гостемъ милымъ, шуриномъ родимымъ“ называетъ его и Кир. стр. 125.

Пиръ вводится въ старины обычной формулой, распространяемой иногда хвастаньемъ разгулявшихся сотрапезниковъ. Варіанты разбираемой редакціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ подверглись вліянію этого распространенія.

Короче и стройнѣе описаніе пира у Кирши: когда всѣ „пьютъ—едятъ, потешаются, зелено вино кушаютъ, белу лебедь рушаютъ“, не веселъ сидитъ одинъ Мастрюкъ, дорогой царскій гость, потому что у себя на умѣ держитъ такую мысль: „изощелъ онъ семь городовъ, поборолъ онъ семдесятъ борцовъ, и по себѣ борца не нашолъ“,—ему хочется царя „потѣшить“ съ царицей благовѣрною—„хочетъ Москву загонять, силно царство Московское“.

Дума на пиру обычно понимается какъ—„лихо“: Грозный изображается не выносящимъ молчаливой сосредоточенности пирующихъ и въ рядѣ пѣсенъ обращается къ нимъ съ вопросомъ подозрѣнія, ужъ не лихо ли кто на царя думаетъ? Эта подробность зашла и въ настоящія старины, хотя и привязана механически. Такъ у Кир. стр. 151 говорится:

27. Одинъ гость не пьетъ, не ѣстъ, не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
На царя лихо думаетъ:
Ужъ тотъ же гость Кострюкъ-Мострюкъ,

Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
Молодой черкашенинъ.
Онъ и проситъ у царя борцовъ,
Что борцовъ—удалыихъ молодцовъ...

Представленіе о „лихой“ думѣ соединяется нѣкоторыми пересказами съ мотивомъ хвастанія, послѣдній вводитъ тему обычнаго заклада, по которому побѣжденный окончательно покоряется побѣдителю. Распространеніе завело эти варіанты какъ въ область обще-эпическихъ представленій, такъ, въ частности, соединило это мѣсто съ соотвѣтствующимъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ, рисуя Мастрюка какъ врага съ явно выраженными завоевательными стремленіями. Варіантъ Кир. стр. 121 начинаетъ разсказъ въ тонѣ Кирши: „любимый царскій шуринушка“

25. Онъ думаетъ думушку, съ кѣмъ поборотися,
За прокладъ поводитися...

но распространяетъ его указаніями на то, что Мастрюкъ очень далекъ отъ желанья потѣшить новобрачныхъ:

27. Онъ хочетъ каменну Москву въ полонъ взять,
Онъ хочетъ взойти во Кремль городокъ,
Онъ и хочетъ съ насъ пошлины брать:
Съ воротъ поворотныя,
А съ дымовъ подымовныя,
Съ молодицъ повалешныя,
А съ дѣвицъ повѣнешныя.

Пѣсня совершенно забыла, что все дѣйствіе какъ разъ происходитъ въ „Кремлѣ-городкѣ“. Регламентація дани приличествуетъ врагу передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій, между тѣмъ разбираемый варіантъ ограничивается въ дальнѣйшемъ обычнымъ для всей редакціи описаніемъ единоборства. Уклоненіе варіанта въ область иныхъ эпическихъ мотивовъ искажаетъ все это мѣсто, что еще болѣе замѣтно въ старинѣ Кир. стр. 129, гдѣ желанія Мастрюка побороться и собрать пошлину соединены очень нескладно—Мастрюкъ хвалится:

32. Я де всю Москву изошелъ,
По себѣ борцовъ не нашелъ,
Борцовъ, удалыхъ молодцовъ.

Борцовъ не случилося,
Молодцовъ не годилося.
Какъ я сяду на калиновомъ мосту
Да буду брать пошлину:
Со стариковъ похоронное,
Со старухъ повивальное,
Съ бабъ повалешное,
Съ красныхъ дѣвокъ повѣнешное!

Въ другихъ варіантахъ хотя и внесенъ мотивъ хвастанья, но похвальба Мастрюка согласуется съ варіантомъ Кирши, гдѣ герой говоритъ, что онъ прошелъ города, ища съ кѣмъ побороться. Такъ, у Кир. стр. 125 Мастрюкъ хвалится „своей силою“:

38. Я Москву вашу насквозь пройду,
Не найду я себѣ спорщика,
Съ кимъ бы могъ я поборотися!

Заявленіе его, что онъ „семь городовъ“ прошелъ и „семьдесятъ борцовъ“ поборолъ (у Кирши) поддерживается еще цѣлымъ рядомъ варіантовъ и первой и второй пѣсни [1]). Мастрюкъ такимъ образомъ рисуется не только какъ хвастающійся, но и, дѣйствительно, опытный борецъ.

Мотивы хвастанья и лихой думы, соединенной, съ угрозами не побороть, а завоевать царство Московское, какъ не органическіе, явившіеся результатомъ усиленья первоначальнаго образа на основаніи эпическихъ формулъ, не должны были имѣть мѣста въ основной пѣснѣ, къ которой, слѣдовательно, ближе тѣ варіанты, гдѣ герой сидитъ задумчивъ потому, что ищетъ себѣ достойнаго противника, чтобы борьбой потѣшить новобрачныхъ.

4) „Никита Романовичъ“ докладываетъ объ этомъ желаніи царю, причемъ повторяетъ формулу пира и думу Мастрюка. Эта эпическая ретардація имѣетъ мѣсто у Кирши и еще въ трехъ старинахъ разбираемой редакціи. Двѣ старины—Кир. стр. 125 и 129 пропустили роль Никиты Романовича, но, несомнѣнно, она принадлежала основной пѣснѣ, такъ какъ имя Никиты Романовича упоминается весьма часто: новому царскому шурину противопо-

[1]) Кир. VI, стр. 161; Рыб. II, 35; III, 44; IV, 16; Г. 261; Григ. I, 137 и 156.

лагается, такимъ образомъ прежній, царскій дядюшка, братъ покойной царицы Романовны. Случайность пропуска имени Никиты Романовича въ упомянутыхъ варіантахъ поддерживается стариной Кир. стр. 109, гдѣ также не говорится о докладѣ Никиты Романовича, но послѣдній всетаки принимаетъ участіе въ дальнѣйшемъ, созывая по царскому приказу борцовъ.

5) Въ отвѣтъ на докладъ, царь приказываетъ искать борцовъ повсюду. Тамъ, гдѣ нѣтъ имени Никиты, царь велитъ скликать борцовъ слугамъ (Кир. стр. 125) или созываетъ ихъ самъ (Кир. стр. 129). По Киршѣ—царь велитъ искать „по всей Москве, по широкимъ улицамъ и по чистымъ переулочкам“; иначе—борцовъ скликаютъ съ „Краснаго крыльца“. Однако варіанты согласно отмѣчаютъ, что въ Москвѣ „борцовъ не случилося“. Какъ будетъ видно дальше, ихъ, дѣйствительно, нашли въ иномъ мѣстѣ: они—уроженцы другого города. Что въ городѣ не случается въ рѣшительную минуту богатырей—пріемъ эпическій, знакомый хотя бы по пѣснямъ о Василіи пьяницѣ. Но, можетъ быть, основная пѣсня и не развивала дѣйствія въ Москвѣ: въ послѣднюю оно было перенесено позже, какъ въ обычный для пѣсенъ съ именемъ Ивана Грознаго центръ. Иначе трудно объяснить, почему гонцы ѣздятъ по улицамъ и переулкамъ московскимъ, а зовъ ихъ слышатъ (какъ у Кирши) борцы „средь Урья Поволскова“ (т. е. Юрьева Польскаго). Другіе варіанты также не объясняютъ этого мѣста, и передъ приходомъ борцовъ чувствуется какой то пропускъ.

6) Никита Романовичъ находитъ борцовъ, какъ говоритъ варіантъ Кирши: „средь Урья Поволскова, слободы Александровы, два братца родимые по базару похаживаютъ“—Мишка Борисовичъ и Потанка. Костюмъ у нихъ особый: „бороды бритые, усы торженые, а платье саксонское, сапоги съ раструбамі“.

То же указаніе находится у Кир. стр. 150: два брата „Василія Васильевича“:

70. Они же со низовой стороны,
Уроженцы весела города
Александровской слободы...

Сохранено и впечатлѣніе отъ ихъ одежды:

76. Они полы-ты затыкивали,

А сапожки подтягивали,
Они шапочки заламывали,
Усы за уши закладывали...

Своеобразный покрой костюма далъ возможность варіанту Кир. стр. 129 своеобразно осмыслить ихъ въ видѣ какихъ то двухъ шутовъ, Гришуту съ Мишутою, которые

60. ... шуточки пошучиваютъ,
Они шапочки заламываютъ,
Чулочки потягиваютъ,
Сапожки подправливаютъ:
Мастрюка-то поддражниваютъ [1]).

Александровская слобода, мало говорившая позднимъ передатчикамъ, замѣнялась первымъ попавшимся въ голову названіемъ: „деревни“— Онихиной (Кир. стр. 125), „села Ивановскаго“ (Кир. стр. 109) или „Новгорода“ (Кир. стр. 121). Одинаково варьируются и имена ихъ: два брата „Ивана Ивановича Кашинины“ (Кир. стр. 109 и 121), часто — два „Андрея Андреевича, калашничка“, несомнѣнно —„кулашничка“ [2]).

Двое борцовъ, оказывающихся въ то же время часто „братьями“— яркій примѣръ эпическаго повторенія. Побѣждаетъ Мастрюка всегда кто-либо одинъ. Попытки заставить бороться всѣхъ вмѣстѣ, естественно, оказываются неудачными. Эпическое повтореніе явилось результатомъ разработки понравившагося эпизода борьбы: чтобы растянуть послѣднюю прибѣгали къ смѣнѣ картинъ единоборства, хотя и не разнообразили рисунка. Тамъ, гдѣ имена братьевъ одинаковы (два Андрея, Ивана или Василія), побѣдитель отличается эпитетомъ: „меньшой“. Тамъ, гдѣ имена различны, побѣдителемъ оказывается обыкновенно Потаня или

---

[1]) Ср. дальнѣйшее паденіе этого непонятнаго для сказателей описанія: Два брата Андреи Андреевичи:

46. Яны сами то малешеньки,
На калѣнушкахъ низешеньки,
На языкъ пришяпетываютъ,
Одинъ на аднаго паглядываютъ,
Усы за усы закладываютъ. (Смолен. эти. сбр. Ч. IV).

[2]) Поддерживается варіантами: Рыб. I, 68; II; 35, III, 44; Г. 310; Григ. I, 137, 156, но представляетъ особенность второй редакціи Пѣсни.

„Потанка“, имя, сохраненное Киршей и варіантами второй редакціи разбираемой пѣсни [1]). Потаня имѣетъ постоянный эпитетъ „маленькій“, что и соотвѣтствуетъ эпитету „меньшой“, прилагаемому къ одноименнымъ братьямъ. Очень частое имя Потани и его зарегистрированный почти для всѣхъ пересказовъ постоянный эпитетъ, заставляютъ думать, что онъ является основнымъ побѣдителемъ царскаго шурина.

Къ основной пѣснѣ слѣдуетъ возводить и упомянутую въ двухъ варіантахъ „Александровскую слободу“. Для разсказа изъ времени Грознаго этотъ географическій терминъ, конечно, предпочтительнѣе вымышленныхъ названій деревень или случайныхъ подстановокъ. Во всѣхъ варіантахъ послѣднія различны, имя же слободы находится въ двухъ пѣсняхъ, изъ нихъ въ одной старѣйшей по записи. Основная пѣсня, слѣдовательно, изъ Москвы переносила мѣсто дѣйствія именно въ этотъ „веселый городъ“. Костюмъ, въ которомъ являются борцы —черта поздняя, до мелочей напоминающая лубки съ изображеніемъ солдатъ Петровской гвардіи. Причину, почему пѣсня такъ одѣваетъ борцовъ, я укажу въ своемъ мѣстѣ.

7) Никита Романовичъ докладываетъ, что борцы явились. Такъ какъ центромъ вниманія современныхъ пересказовъ служатъ эффекты внѣшніе, въ данномъ случаѣ—борьба, то послѣдняя разрабатывается съ особымъ тщаніемъ, и варіанты, до сихъ поръ въ общемъ сходные, въ описаніи борьбы допускаютъ много разнорѣчій. По Киршѣ — молодцы предварительно уговариваются — можно ли имъ вообще и какъ именно бороться съ царскимъ шуриномъ, смѣютъ ли они его побороть. Царь даетъ разрѣшеніе и кладетъ условія, кого считать побѣжденнымъ: пускай побѣдитель „платья бы с плечь снялъ, да нагова с круга спустилъ, а нагова, какъ мать родила, ай мать на светъ пустила“.

Условія борьбы повторяются также въ старинѣ Кир. стр. 150,

[1]) „Потанюшка Хроменькій“ почти во всѣхъ новѣйшихъ записяхъ: Марковъ №№ 36 и 85; Григорьевъ I, 137 и 156; Ончуковъ №№ 91, 98; Б. и Ю. Соколовы № 12; У Григорьева I, 59 и 116 и у Ончукова № 77 — побѣдителемъ является „Васенька“, какъ мнѣ думается—имя зашедшее изъ пѣсенъ о Василіи Буслаевѣ, въ дружинѣ котораго находился Потаня.—См. ниже, стр. 26.

но поставлены тамъ не на мѣстѣ: борецъ спрашиваетъ объ нихъ передъ послѣдней „пошибкой“:

133. О ты о еси, царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Не можно ли Кострюка побороть,
Не можно ли нагого пустить,
Нагого въ чемъ мать родила?

На это царь отвѣчаетъ:

143. Ты пожала-ста потѣшь меня царя,
Какъ тебя мочь взяла!

И здѣсь борьба должна закончиться „вылупленіемъ“ Мастрюка изъ платья, какъ и въ остальныхъ пересказахъ этой редакціи. Такъ какъ во второй редакціи тоже находятся указанія на предварительныя условія состязанія, и такъ какъ эти условія совпадаютъ съ обычнымъ исходомъ, то ихъ слѣдуетъ относить къ основной пѣснѣ.

8) Всѣ варіанты согласно изображаютъ Мастрюка настолько обрадовавшимся приходу борцовъ, что онъ изъ „большаго мѣста“ скачетъ черезъ свадебные столы, „черезъ ества сахарныя, чрезъ питья медяныя“ и, задѣвъ ногой, валитъ столы и калѣчитъ гостей. (Кирша и Кир. стр. 150), давитъ онъ „все приданое“, какъ говорятъ другіе варіанты. Скокъ черезъ столы—обычная формула, примѣняемая при выраженіяхъ особой радости (жена Добрыни, узнавъ мужа, хочетъ „прямо скочить“ черезъ свадебный столъ и тѣмъ его „обезчестить“). Подавить при этомъ гостей-бояръ — снова формула, прилагаемая къ изображенію грубаго или разгнѣваннаго богатыря. Общность поэтическихъ loci communes въ разбираемомъ мѣстѣ подчеркивается дальнѣйшимъ заимствованіемъ красокъ изъ обще-эпическаго запаса въ старинѣ Кир. стр. 125: когда Мастрюку доложили о борцахъ:

75. Зашипѣлъ онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ по звѣриному,
Переломалъ пятьдесятъ скамей,
Передавилъ онъ приданство все:
Двѣсти татариновъ,
Полтораста бояриновъ,

И семьсотъ донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцовъ.

Наличность изображенія грубаго скока въ большинствѣ пересказовъ предполагаетъ присутствіе его и въ основной пѣснѣ. Слѣдуетъ только обратить вниманіе, что у Кирши онъ изложенъ отлично отъ обычныхъ формулъ съ большимъ уклономъ въ сторону юмора: „скачетъ прямо Мастрюкъ изъ мѣста большева, из угла переднева, черезъ столы белодыбовы, черезъ ества сахарныя, черезъ питья медяныя, левой ногой задел за столы белодубовы, повалилъ онъ тритцать столовъ, да прибилъ триста гостей: живы да негодны, на карачкахъ ползаютъ по палате бѣлокаменной. То похвальба Мастрюку, Мастрюку Темрюковичу“.

9) Наконецъ пѣсня переходитъ къ описанію борьбы. Такъ какъ послѣдняя является состязаніемъ, то пересказы варьируютъ пріемы схватки сообразно понятіямъ сказателей. Варіантъ Кирши описываетъ борьбу дважды: Мастрюкъ, у котораго „борьба ученая“, пошелъ сначала бороться „колесомъ“ съ Мишкой Борисовичемъ; послѣдній бросилъ его „с носка“ о землю, за что заслужилъ царское спасибо: „что чисто борется“, и отошелъ „къ сторонѣ“. На смѣну ему выходитъ „Потанка“, подпирающійся костылемъ; тутъ Мастрюку приходится плохо: Потанка „за плеча сграбился, согнетъ корчагою, вздымалъ выше головы своей, опустилъ о сыру землю“. Лежитъ Мастрюкъ безъ памяти, не слыхалъ, какъ платье сняли: былъ во всемъ, сталъ ни въ чемъ, со сраму заползъ подъ крыльцо“.

„Двѣ пошибки“ разрабатываетъ и Кир. стр. 125: Мастрюкъ схватывается сначала съ большимъ братомъ:

86. Они водиться поводилися
Межонный день до вечера
И всю ночь до бѣлой зари...

Никто не поборолъ. Послѣ этого расплывчатаго описанія слѣдуетъ картина второй пошибки:

92. Схватился съ меньшимъ братомъ:
Тотъ его беретъ за лѣвый воротокъ,
Подымаетъ на правой на носокъ,
Онъ приподнялъ повыше себя,

Ударилъ о сыру землю.
По колѣни его въ землю вшибъ,
По колѣни, чуть не по поясъ;
Онъ и цвѣтное платье съ него сшибъ,
Пустилъ его косо на босо,
Пустилъ его въ чемъ мать родила.

О двухъ пошибкахъ, наконецъ, разсказываетъ Кир. стр. 150: варьируя пріемы схватки, и эта старина сходится съ предыдущими въ описаніи развязки: Мастрюка въ концѣ концовъ обнажаютъ:

167. Онъ и всталъ, да самъ шататься сталъ,
Онъ сорома-тъ ладонью зажалъ,
А самъ въ подклѣтъ побѣжалъ.

Не довольствуясь двукратнымъ повтореніемъ сшибки для большей длительности описанія, два варіанта (Кир. стр. 121 и 129) увеличиваютъ число пошибокъ съ двухъ на три. Старины эти, правда, передаютъ ихъ скомканно:

81. Въ первую пошибочку
Съ Мастрюка сбили шапочку,
А въ другую то пошибочку
Съ Мастрюка сбили сапожечки,
А въ третью то пошибочку
И зипунъ-то сорвали.
Онъ ужъ забивается
Подъ крылечушко подъ Красное,
Подъ анбары государевы.

То же разсказываетъ и Кир. стр. 121. Подробнѣе три пошибки разработаны въ старинѣ Кир. 102, гдѣ борецъ, обдирая побѣжденнаго, обращается къ царю съ такими словами:

213. Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Не во гнѣвъ бы вашей милости,
Что деру штаны отласные.

Каждый сказатель привносилъ что-нибудь свое. Кир. стр. 150 заставляетъ побѣдителя нести въ кабакъ снятое съ Мастрюка платье. Всѣ эти подробности принадлежатъ позднѣйшимъ передатчикамъ, которые по своему пониманію и наклонностямъ разу-

крашивали излюбленную сцену. Въ основной пѣснѣ описаніе сшибки было, несомнѣнно, стройнѣе, повторенія не было: борьба велась съ однимъ противникомъ и оканчивалась сообразно условіямъ—пострамленіемъ Мастрюка, что его нагимъ пустили ходить по двору передъ народомъ. Это униженіе и отмѣчаетъ царица, обращающаяся съ укоризненной рѣчью къ царю Ивану.

10) Рѣчь царицы находится во всѣхъ варіантахъ; различная по выраженію она, тѣмъ не менѣе, заключаетъ въ себѣ одну и ту же мысль.

Марья Темрюковна обижена посрамленіемъ родного брата. У Кирши —„какъ бы бела лебедушка по заре она прокликала“ царю Ивану: „такова у тебя честь добра до любимова шурина, а дѣтина наругаеца, что детина деревенскои, почто онъ платье снимаетъ!“ Всѣ другіе пересказы этой редакціи перевели укоры царицы съ царя на побѣдителя, котораго Марья осыпаетъ руганью:

106. Ты крапива, крапивной сынъ!
Не много васъ посѣяно
Да много уродилося!
Хотя бы ты и силенъ,
И хотя бы тебѣ Богъ пособилъ,
На что ты такъ наругаешься
И на что насмѣхаешься?
Пустилъ ты его, въ чемъ мать родила?
(Кир. VI, стр. 25).

Обращеніе царицы къ борцу-русаку вполнѣ понятно, такъ какъ старины склонны забыть весь эпизодъ женитьбы и развить идею превосходства русскаго надъ татариномъ. Укоры по адресу царя, сохраненные варіантомъ Кирши, встрѣчаются въ пересказахъ второй редакціи, напр. у Кир. VI, стр. 132:

158. Царь Иванъ Васильевичъ!
У насъ эдакъ не водится,
У насъ эдакъ не борятся,—
Кому бы кого одолить,
До нитки бы платье снять,
Да того на срамъ пустить,
Честнымъ людямъ на посмѣшище!

Основная пѣсня, не забывавшая, что все дѣло происходитъ на свадебномъ пиру у царя, и что съ посрамленіемъ Мастрюка посрамлена и царица, слова послѣдней обращала именно къ Ивану Грозному, отъ кого царица и получаетъ отповѣдь, которой заканчивается пѣсня.

11) Отповѣдь эта сохранена всѣми пересказами. Ея рѣзкій характеръ опредѣляетъ, въ сущности, идею самой пѣсни: вмѣстѣ съ Мастрюкомъ посмѣяться и надъ черкашанкой, которую царь взялъ себѣ въ жены изъ какой-то далекой земли, вопреки обычаю во всѣхъ отношеніяхъ. „Любимый шуринъ“ и „царица благовѣрная“—далеко не учествованы по пересказу Кирши, гдѣ царь съ ироніей и сухо отвѣчаетъ молодой женѣ: „Гой еси ты царица во Маскве, да ты Марья Темрюковна! А не то у меня честь во Маскве, что татары-те борютца, тото честь въ Москве, что русакъ тешитца. Хотя бы ему голову сломилъ, да любил бы я, пожаловалъ двухъ братцовъ родимыехъ, двухъ удалыхъ Борисовичевъ“.

Варіанты Кир. стр. 125 и 150 передаютъ отвѣтъ царя въ общемъ близко къ Киршѣ:

116. Ты баба, ты бабье знай!
Не то-то намъ дорого,
Что татаринъ похваляется,
А то-то намъ дорого,
Что русакъ насмѣхается! (Кир. VI, стр. 125).

Короче изложенъ исходъ во второмъ варіантѣ:

180. Ужъ ты баба,
Ты бабье и знай!
Татарина-тъ бѣсится,
А русака-тъ тѣшится [1]). (Кир. VI, стр. 150).

И въ этой части замѣтно стремленіе довести картину до утри-

---

[1]) Послѣдніе два стиха по размѣру (2/4)—тѣ же, что въ пѣснѣ, записанной для Ричарда Джемса: „Бережечикъ выблетца,—да песочикъ сыплетца,—(а) ледочикъ ломитца“.... о которомъ акад. Ѳ. Е. Коршъ (см. Памятники старин. рус. яз. и слов. II, 1, изд. И. Акад. Наукъ, 1907, стр. 16), говоритъ, что онъ и понынѣ употребляется „въ пѣсняхъ величальныхъ, насмѣшливыхъ, хороводныхъ, плясовыхъ“. Совпаденіе не случайно, такъ какъ на насмѣшливый (или, какъ называютъ—„скоморошій“) характеръ пѣсенъ о Мастрюкѣ указываютъ многіе изслѣдователи.

ровки: нѣкоторые пересказы усиливаютъ отповѣдь царя до рѣзкой ругани:

125. Охъ ты баба, баба б[illegible]
Татарскія твои сѣмена!
Не то-то мнѣ дорого,
Что татаринъ хвалится,
А то дорого, что крестьянинъ тѣшится.
(Кир. стр. 121).

Оставляя крайности, можно предположить, что основная пѣсня устами царя имѣла въ виду показать, что „потѣха“ русскаго выше посрамленія татарина, хотя бы онъ и былъ братомъ молодой царицы.

Царской отповѣдью и оканчивается пѣсня въ разбираемой редакціи, исключающей всякій намекъ на кровавую развязку единоборства.

Я назвалъ эту первую редакцію—лучшей потому, что она во всѣхъ довольно близкихъ другъ отъ друга варіантахъ сохраняетъ очень послѣдовательно схему, а мѣстами—и тенденцію, принадлежавшую основной пѣснѣ. Схема пѣсни возстановляется изъ приведеннаго анализа варіантовъ:

Царь Иванъ Васильевичъ, собираясь жениться (вторично), беретъ себѣ невѣсту въ Черкасской землѣ, у Темрюка,—Марью Темрюковну. Съ ней вмѣстѣ пріѣзжаетъ братъ, (обычно Мастрюкъ Темрюковичъ) и многіе черкашане. Устраивается свадебный пиръ, на которомъ царскій шуринъ, отмѣнный борецъ, проситъ поединщика—потѣшить борьбой новобрачныхъ.

Царь отдаетъ приказъ скликать борцовъ по всему городу (Александровой Слободѣ). Сзываетъ ихъ прежній царскій шуринъ (Никита Романовичъ). Герой радъ состязанію, рѣзко и грубо спѣшитъ на него. На состязаніе выступаетъ борецъ (обыкновенно—Потаня), который условливается, чѣмъ считать борьбу законченной. Побѣжденнымъ будетъ тотъ, кто окажется лишеннымъ одежды. Послѣ борьбы въ такое положеніе становится царскій шуринъ. Посрамленіе брата вызываетъ упрекъ царицы, обращенный къ царю, но въ отвѣтъ она получаетъ отъ послѣдняго рѣзкую отповѣдь.

Тенденція основной пѣсни могла отразиться въ разбираемой редакціи во I) въ противоположеніи прежняго, русскаго—новому, иноземному, съ ироніей по адресу послѣдняго, новому шурину противополагается прежній, являющійся, въ сущности, виновникомъ посрамленія, такъ какъ ему было поручено скликать борцовъ, изъ которыхъ одинъ оказался настолько искуснымъ, что смогъ побороть Мастрюка; царицѣ, заступающейся за брата, противополагается царь, для котораго веселье „русака“ выше всего. Во 2)— въ утрировкѣ условій борьбы: побѣжденный не только долженъ лечь передъ противникомъ, онъ долженъ сверхъ того оказаться голымъ при народѣ, т. е. быть и побѣжденнымъ и въ то же время посрамленнымъ. Мастрюкъ, именно, убѣгаетъ „отъ срама“. Самая борьба ограничена въ этой пѣснѣ, такъ какъ тенденція вращается около нея.

Такова схема Пѣсни о царской женитьбѣ, варіанты которой обращаются преимущественно въ казацкой украйнѣ. Другая группа переноситъ насъ на сѣверную украйну. Варіанты послѣдней составляютъ вторую редакцію. Представлена она семью старинами, изъ нихъ: четыре олонецкихъ—сборника Рыбникова II, 35 и близкая къ ней, но неоконченная—IV, 15 и сборника Гильфердинга №№ 166 и 310; и—три архангельскихъ, помѣщеныхъ въ VI выпускѣ собранія Кирѣевскаго (стр. 132—143 и 156). Изъ нихъ Р. II 35, записанная отъ сказателя Лядкова, вмѣстѣ съ Р. IV, 15 близки къ пересказу Швецова Г. № 310, а три архангельскихъ записаны въ одномъ и томъ же Шенкурскомъ уѣздѣ; изъ нихъ первыя двѣ совершенно сходны между собою, а послѣдняя, записанная, какъ значится въ примѣчаніи, отъ „неискуснаго“ пѣвца, примыкаетъ къ предыдущимъ, затягивая разсказъ эпическими ретардаціями.

Всѣ эти старины, подобно первой редакціи, начинаются съ указанія на царскую женитьбу. Царь Иванъ Васильевичъ женится въ ордѣ невѣрной (землѣ Черкасской, Татарской, Крымской, Жидовской, Литовской) на Марьѣ. Отчество невѣсты варьируется въ связи съ тѣмъ, какъ варьируется имя героя, ея брата: Кострюковна, Демрюковна, Чемерюковна. Если въ первой редакціи, за единственнымъ исключеніемъ, имя героя было Мастрюкъ, то въ разбираемой оно—неустойчиво: имя, обыкновенно, двойное: Ко-

стрюкъ-Мастрюкъ или Кострюкъ-Демрюкъ и дальнѣйшія искаженныя формы: Демрюкъ Демьюкъ Семрюковичъ, Чемерюковичъ.

Въ приданое царь беретъ 500 (или 300) донскихъ казаковъ (или—татаръ) и кромѣ того—новаго шурина, Кострюка, который сидитъ на свадебномъ пиру печальнымъ.

Застольная печаль вызываетъ знакомый уже вопросъ: не лихо ли на кого думаетъ Кострюкъ? Намѣченный лишь немногими чертами въ первой редакціи, этотъ мотивъ здѣсь разработанъ. У Р. II, 35 и Кир. стр. 156 вопросъ этотъ задаетъ Никита Романовичъ, противоположеніе котораго новому „больше царскому“ шурину, очевидно, понравилось передатчикамъ. Въ остальныхъ старинахъ (кромѣ Р. IV, 15, краткой и неполной) вопросъ этотъ задаетъ царь, причемъ у Г. 310 Кострюкъ представленъ врагомъ—насильникомъ.

31. На царя лихо думаешь,
Али на мать каменну Москву?

допытывается Грозный. Отвѣтъ Кострюка въ общемъ одинаковъ: онъ задумался потому, что ищетъ борцовъ побороться. Варіантъ Р. II, 35 продолжаетъ развивать представленіе Кострюка насильникомъ:

42. Я пятьсотъ борцовъ поборолъ,
Пятьсотъ городовъ за себя побралъ.
Еще какъ московскихъ борцовъ поборю,
Всю Москву за себя возьму,
А царя Ивана Васильевича въ полонъ полоню.

Скромное исчисленіе борцовъ и городовъ первой редакціи превратилось здѣсь въ огромныя цыфры. Гиперболизація, заставляющая Кострюка грозить даже плѣненіемъ царя, приближаетъ это мѣсто къ Пѣснѣ объ отбитомъ наѣздѣ.

Царь поручаетъ скликать борцовъ, какъ и въ первой редакціи, Никитѣ Романовичу, который зоветъ ихъ съ „Краснаго крыльца“. Согласіе варіантовъ, удерживающихъ роль созывателя за прежнимъ шуриномъ, поддерживаетъ утвержденіе, что она была и въ основной пѣснѣ.

Дальнѣйшій разсказъ посвященъ описанію единоборства, причемъ, какъ и въ первой редакціи, приходится отмѣчать исклю-

чительное сосредоточеніе вниманія сказателей на этомъ эпизодѣ. Увлекаясь подробностями, они часто теряютъ нить самой пѣсни.

На зовъ съ Краснаго крыльца (при этомъ Никита Романовичъ помѣщается на „сѣромъ горючемъ камени“ или „трубить въ трубу“, созывая) приходятъ борцы. Имена ихъ во второй редакціи неустойчивы. Чаще всего, въ 6 старинахъ, упоминается „Василька маленькій“, заимствовавшій свой эпитетъ у „маленькаго“ Потани. Онъ, собственно, одинъ и ведетъ борьбу. Борцовъ, какъ и выше, двое: въ товарищи Василькѣ дается „Потанюшка хроменькій“, замѣненный у Р. II, 35—„Обросинькой“, или „Сенюшка“ (Г. 166). Въ старинѣ Г. 310 выступаютъ три брата изъ Иванова села: Василій, Андрей и Потапей Андреевичи. Съ другой стороны—варіантъ Кир. стр. 156 называетъ борцами Илеюшку хроменькаго и Иванушку маленькаго, сохраняя въ первомъ имени смутное воспоминаніе о непобѣдимомъ Ильѣ Муромцѣ, во второмъ—обычнаго сказочнаго героя.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, при разборѣ старинъ о Васильѣ Буслаевѣ, я укажу на знаменательный фактъ совпаденія именъ дружинниковъ Василья съ именами борцовъ, пришедшихъ по царскому зову. Въ числѣ этихъ дружинниковъ непремѣнно будетъ фигурировать „маленькій Потаня“. Разсматриваемая редакція вполнѣ завладѣла этимъ постояннымъ эпитетомъ, но подставленіе въ большинствѣ случаевъ имени „Василька“ свидѣтельствуетъ о непосредственномъ вліяніи самого героя пѣсенъ о Васильѣ Буслаевѣ.

Дальнѣйшее повѣствованіе второй редакціи разсказываетъ о приходѣ борцовъ, которые воздаютъ почесть царю и выговариваютъ условія состязанія. Вторая редакція разрабатываетъ это мѣсто детальнѣе первой, причемъ указаніе варіанта Р. IV, 15 на своеобразный отвѣтъ царя борцамъ:

56. Дивья вамъ Господь пособилъ,
Пособили чудотворцы Московскіе:
Буду васъ поить—кормить
И по цѣлой по тысячѣ пожалую—

заставляетъ предполагать, что оно въ значительной мѣрѣ находится подъ вліяніемъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ.

Пересказы оттѣняютъ, что Кострюкъ—царскій шуринъ и заставляютъ борцовъ ограждать себя, не казнили бы ихъ въ случаѣ побѣды. По пересказамъ Кир. стр. 132 и 138 Никита Романовичъ успокаиваетъ ихъ, говоря, лишь бы Господь пособилъ, вины за ними не будетъ. Тамъ же, гдѣ успокаиваетъ ихъ царь, послѣдній относится къ Кострюку не столько какъ къ любимому шурину, сколько какъ къ врагу, котораго онъ очень боится. Въ варіантѣ Р. IV, 15 борцы воздаютъ честь царю:

51. Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Прикажи-тко съ нимъ поборотися,
Руку—ногу ему ломить,
Глазъ вонъ выворотить,
Чтобъ съ насъ послѣ не взыскивать.
—Дивья вамъ Господь пособилъ,
Пособили чудотворцы московскіе:
Буду васъ поить кормить
И по цѣлой по тысячѣ пожалую.

Плохая по сохранности старина Кир. стр. 156 передаетъ чувство радостнаго облегченія, когда царю доложили о приходѣ борца:

90. Ужъ ты гой еси, Никита Романовичъ!
Ты поди-тко поспрошай его:
Не во хмелю ли у него слово молвилось,
Не во хмелю ли онъ призахвастнулся?

Взглядъ на Кострюка, какъ на врага—подробность, какъ будетъ указано,—болѣе органичная для Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ. Сообразно этому перипетіи и исходъ единоборства въ разсматриваемой редакціи носятъ характеръ потѣхи кровавой, съ увѣчьемъ, а не простого состязанія, какъ въ первой.

Большая путаница замѣтна въ роли перваго и второго борцовъ. Послѣдніе обѣщаютъ бороться „оба“ въ старинѣ Р. II, 35: первый собирается кинуть его „за Днѣпру рѣку“, второй—„нагого по двору спустить“. Въ дальнѣйшемъ, какъ и у Г. 166, они оба сразу принимаютъ участіе въ схваткѣ. Впрочемъ, чаще борьба ведется одинъ на одинъ.

„Не два ясныхъ сокола слеталися“—борцы сходились. Такъ начинается у Р. II, 35 любимый сказателями эпизодъ единоборства.

Грубый скокъ Кострюка черезъ пирные столы у Г. 166 продолженъ выраженіемъ глумленія надъ русскими борцами, маленькими и хроменькими, подобно варіанту Кирши:

62. Это то есть мнѣ не борцы,
Да й то не удалы молодцы!
Я братца въ руку возьму,
Да й другого въ другую возьму,
Я братцями вмѣсто хлесну,
У нихъ кости расхлебаются,
И всѣ суставы разсыплются!

Ср. у Кирши: „А светъ ты волной царь, царь Иванъ Васильевичь, што у тебя въ Москве за похвалные молодцы, поученые, славные! На ладонь ихъ посажу, другой рукою роздавлю!“ Вѣроятно, эта подробность имѣла мѣсто и въ основной пѣснѣ.

Борьба, какъ я говорилъ, разработана съ кровавыми подробностями. Она длится до тѣхъ поръ, пока у Кострюка не разрывается платье и лопается кожа; борецъ ломаетъ ему руки, ребра, вытряхиваетъ изъ платья и пускаетъ нагимъ (Р. II, 35; Г. 310). Въ пересказѣ Г. 166 въ третью пошибку на Кострюка кидаются оба брата, подбрасываютъ его выше церкви: при паденіи на землю у него лопается рубашка и кожа.

Меньше рѣзкихъ подробностей въ архангельскихъ варіантахъ. Кир. стр. 156 разсказываетъ, что Кострюкъ пошелъ бороться „въ большое колесо“, а Илеюшка —„въ маленькое“. Эта схватка кончилась побѣдой царскаго шурина. Во вторую сшибку „колесо“ русака оказалось значительно бо́льшимъ, и Кострюкъ былъ „спущенъ нагимъ“. Архангельскіе варіанты сохраняютъ ближе первую редакцію, гдѣ состязаніе кончается обнаженіемъ противника, въ то время какъ олонецкіе, находясь подъ вліяніемъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ, заставляютъ Кострюка получать такія увѣчья, что страннымъ кажется, какъ онъ могъ убѣжать куда бы то ни было.

Будучи ближе къ первой редакціи, архангельскіе варіанты, тѣмъ не менѣе, вводятъ новыя подробности въ описаніе борьбы. Старины Кир. стр. 132 и 138 разсказываютъ, что Кострюкъ выскочилъ на зовъ, подавивъ скамьей собранныхъ гостей. Марья Демрюковна предупреждаетъ его, что не хороша примѣта—задѣть

за скамью передъ состязаніемъ. Кострюкъ не слушаетъ и, встрѣтясь съ борцомъ (Васинькой), условливается, на что бороться. Кострюкъ предлагаетъ закладъ — о буйной головѣ. Но Васинька замѣчаетъ:

235. Не хочу съ тобой бороться
Черезъ буйныя головы,—
Ты вѣдь шуринъ царевъ:
Надо—царь вины не положилъ;
Станемъ боротися
Черезъ платье цвѣтное....

Кострюкъ побѣжденъ. Тогда Марья Демрюковна сама приноситъ ему одежду, затѣмъ обращается къ царю со словами укоризны, что такъ не водится, чтобы снимали до нитки платье.

Для того чтобы еще болѣе оттѣнить срамоту Кострюка, оказавшагося нагимъ среди зрителей, старины Г. 166 и 310 вводятъ неожиданную подробность: обнаженный Кострюкъ оказывается дѣвицей:

93. А былъ добрый молодецъ,
Стала красная дѣвица. (Г. 310).

Сказатель Г. 166 не ввелъ этого въ текстъ, но замѣтилъ, что герой „оказался дѣвицей“. Это превращеніе является результатомъ развитія мотива „вылупленія изъ платья“, утрированьемъ стыда наготы.

Послѣ эпизода единоборства повѣствованіе быстро идетъ къ концу. Заступничество царицы за брата и ея укоризна, обращенная къ царю, сохранены слабо. Старина Кир. стр. 132 только отвѣтомъ царя, обращеннымъ къ Марьѣ Темрюковнѣ, заставляетъ думать, что предыдущая рѣчь принадлежитъ царицѣ. У Кир. стр. 138— уже ясно, что укоризна царю высказывается Кострюкомъ. Наконецъ, у Г. 310, царица со своей рѣчью обращается неизвѣстно къ кому и отвѣта не получаетъ:

97. За бѣду пришло
Марьи Демрюковны:
Не поставлю я пени въ томъ,
Что крестьянской—отъ сынъ одолѣлъ
А царева то шурина,

А поставлю я пеню въ томъ,
Что нага по двору спустилъ.

Въ остальныхъ варіантахъ это слабое воспоминаніе исхода первой редакціи отсутствуетъ вовсе и замѣнено взятой изъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ причетью убѣгающаго побѣжденнаго Кострюка. Въ старинѣ Г. 166 эта причеть изложена особенно полно:

95. Не дай ко мнѣ, Господи,
Въ каменной Москвѣ побывати
Да й борцовъ поотвѣдывати,
Да й борцовъ удалыхъ молодцевъ,
Все названныхъ мастеровъ,
Не дѣтямъ, не внучатамъ,
Да не роду нашего Карачанамъ.

Иначе въ старинѣ Кир. стр. 132 (и 138), которыя соединяютъ оба исхода: уклоняющійся къ первой редакціи и къ Пѣснѣ объ отбитомъ наѣздѣ. Кострюкъ говоритъ:

169. Спасибо тѣ, зятюшко,
Царь Иванъ Васильевичъ,
На твоей каменной Москвѣ!
На дай мнѣ Богъ бывати
Не только мнѣ, да и дѣтямъ моимъ.

Причеть эта очень сходна съ формулой, влагаемой въ уста разбитаго на голову предводителя непріятельской рати въ повѣствовательной литературѣ и органична для Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ.

Вторая редакція, сохраняя нѣкоторые основные мотивы Пѣсни о царской женитьбѣ: мотивы брака на иноземкѣ, желанія царскаго шурина побороться—потѣшить новобрачныхъ, роль Никиты Романовича, одинаковое представленіе о борцахъ — русакахъ, глумленіе шурина надъ русскими, представляетъ въ то же время дальнѣйшую переработку сюжета. Побудительной причиной этой переработки служитъ излюбленный мотивъ единоборства, для котораго пѣсня удаляется отъ историческихъ подлежащихъ и вводитъ подробности, заимствованныя изъ другого репертуара. Подходъ къ варіаціи единоборства начинается ранѣе, съ разработки темы о лихой думѣ царскаго шурина за пирными столами. Лихая

дума выростаетъ въ угрозу, и герой изъ родственнаго сотрапезника превращается окончательно въ насильника—врага, угрожающаго плѣномъ всему царству и установленіемъ дани. Сообразно съ этимъ разрабатываются и условія боя, оттѣняется ставшая естественной боязнь царя передъ такими заявленіями шурина, почему въ саму борьбу вводится мотивъ кровавой развязки.

Такъ какъ Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ разрабатываетъ исключительно враждебныя столкновенія, то разбираемая редакція, заимствуя изъ нея украшающія дополненія, въ исходѣ совершенно уже ассимилируется со второй пѣснью и заключаетъ ее причетью разбитаго и убѣгающаго врага, который „закаивается“ бывать въ Москвѣ. Вторая редакція, удаляясь отъ основного замысла, забываетъ собственныя имена, дѣлаетъ неустойчивымъ само имя героя: для нея важенъ не мотивъ посрамленія иноземныхъ царицы и шурина, а исходъ единоборства, которое она разсматриваетъ какъ „побѣду“. Отсюда и герой — не столько посрамленъ, сколько побѣжденъ, какъ врагъ. Заимствованіе конца изъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ тогда будетъ вполнѣ естественно.

Сосредоточивая вниманіе на единоборствѣ, разсматриваемая редакція должна вводить и новыя подробности. Поэтому—разработаны пріемы схватки, введенъ неожиданный мотивъ превращенія героя въ дѣвицу.

Не трудно видѣть, что переработка Пѣсни о царской женитьбѣ второй редакціи основана на контаминаціи ея съ Пѣсней объ отбитомъ наѣздѣ.

II.

„Пѣсня о царской женитьбѣ“—составная часть контаминаціи, обыкновенно называемой изслѣдователями—„Пѣсней о Кострюкѣ“, не была предметомъ детальнаго разбора. Представители миѳологической школы заняты были всецѣло изученіемъ героическаго богатырства и почти не обращали вниманія на „историческія пѣсни“. О. Миллеръ въ своемъ обозрѣніи народной словесности [1]) вкратцѣ упоминаетъ о „Кострюкѣ Темрюковичѣ“, ссылаясь на работу П. И. Вейнберга. Въ Кострюкѣ онъ видитъ историческаго царевича татарскаго, пріѣхавшаго въ Москву вмѣстѣ съ сестрой царицей, но выступающаго въ пѣснѣ съ чертами „богатыря нахвальщика“. Въ побѣдѣ русскихъ удальцовъ надъ татариномъ изслѣдователь отмѣчалъ удовлетвореніе народнаго чувства, оскорбленнаго бракомъ царя съ татаркой.

Спеціально разбираемой пѣсней занимался П. И. Вейнбергъ, посвятившій единственную въ научной литературѣ монографію пѣснямъ эпохи Грознаго [2]). Написанная подъ вліяніемъ воздѣйствій миѳологической теоріи книга эта нашла себѣ рецензента въ лицѣ акад. А. Н. Веселовскаго, указавшаго на методологическіе промахи работы [3]). Цѣлью П. И. Вейнберга было, между прочимъ, привязать эпосъ „историческій“ къ эпосу „героическому“, такъ какъ теорія требовала постепенной эволюціи миѳа. Мостомъ для этого перехода изслѣдователь какъ разъ сдѣлалъ пѣсни о Кострюкѣ, съ которыхъ началъ свою работу. Основываясь на

[1]) Исторія русской словесности древней и новой. А. Галахова. Т. I, (Изд. 3, стр. 123).

[2]) Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Варшава. 1872.

[3]) Вѣстникъ Европы 1872, кн. X.

одномъ варіантѣ Кирѣевскаго, гдѣ царица Марья улетаетъ „сорокой“ изъ Москвы, изслѣдователь отмѣтилъ присутствіе въ ея характеристикѣ чудеснаго элемента въ видѣ оборотничества. Еще болѣе подобныхъ чертъ, говоритъ онъ, въ самомъ Кострюкѣ, въ разсказѣ о которомъ „весьма ясно сквозитъ миѳическая основа, близко роднящая этотъ эпизодъ съ героическимъ эпосомъ“. Кострюкъ—богатырь со всѣми аттрибутами и признаками эпическаго богатырства“.

Эпичность Кострюка, по мнѣнію П. Вейнберга, выражается представленіемъ его—удальцомъ, поборовшимъ пятьсотъ борцовъ, взявшимъ пятьсотъ городовъ; когда идетъ онъ—„самъ шатается, переклады сгибаются, подмосты колыблются“. Превращеніе Кострюка въ женщину даетъ возможность изслѣдователю вспомнить о богатыршѣ-женщинѣ, противницѣ Ильи Муромца. „Сверхъ-естественный“ характеръ борьбы Кострюка подтверждался для автора этой параллелью да еще однимъ варіантомъ Рыбникова, гдѣ герой, бросившись на своихъ противниковъ, не только задѣлъ столы и подавилъ гостей, но и „зашипѣлъ по змѣиному, заревѣлъ по звѣриному“. Вотъ всѣ, отмѣченныя изслѣдователемъ, черты миѳологической основы. Въ остальномъ П. Вейнбергъ ограничился передачей содержанія пѣсни по всѣмъ доступнымъ ему въ то время варіантамъ. Доказательствъ „миѳологичности“ пѣсенъ о Кострюкѣ приведено, слѣдовательно, немного, но для автора они казались исчерпывающими. „Въ изложеніи, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей работѣ, мы не станемъ держаться хронологическаго порядка событій, воспѣваемыхъ пѣснями, а начнемъ съ тѣхъ пѣсенъ, которыя по своему легендарному, а въ иныхъ мѣстахъ и миѳологическому характеру находятся въ наиболѣе тѣсной связи съ былинами, и будемъ постепенно переходить къ тѣмъ, въ которыхъ чисто-историческій элементъ очищается все болѣе и болѣе“.

Усматривая въ пѣсняхъ о Кострюкѣ сліяніе чисто-историческаго и легендарнаго элемента, изслѣдователь какъ бы чувствовалъ, что онѣ—результатъ соединенія или спайки.

Еще рѣшительнѣе въ этомъ направленіи высказался онъ въ началѣ своего изложенія. Называя первый разбираемый отдѣлъ

пѣсенъ: „Женитьба Ивана Грознаго и единоборство Кострюка“, П. Вейнбергъ говоритъ: „Мы ставимъ эти два эпизода вмѣстѣ, потому что они почти вездѣ разсказываются нераздѣльно одинъ отъ другого. Тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ можетъ быть изложенъ какъ отдѣльное цѣлое“.

Другіе изслѣдователи лишь случайно и вскользь упоминали о разбираемыхъ пѣсняхъ, между тѣмъ, по словамъ акад. В. Ѳ. Миллера [1]), „подробное разсмотрѣніе всѣхъ варіацій основной пѣсни могло бы дать нѣкоторыя интересныя наблюденія надъ эволюціей исторической пѣсни“.

Разборъ варіантовъ Пѣсни о царской женитьбѣ показалъ, что основная пѣсня была посвящена разработкѣ двухъ эпизодовъ: брака царя на черкашанкѣ и посрамленія царскаго шурина, черкашанина, русскимъ борцомъ. Оба эпизода эти изложены съ указаніями на взаимоотношенія дѣйствующихъ лицъ и довольно прозрачными намеками на отношеніе къ нѣкоторымъ изъ нихъ автора основной пѣсни. Намеки эти могутъ опредѣлить какъ причину появленія пѣсни, такъ и самую складку послѣдней.

1) Основная пѣсня о царской женитьбѣ начиналась съ повѣствованія о свадьбѣ царя Ивана Грознаго и черкашанки Марьи Темрюковны. Подлежащимъ пѣсни является, такимъ образомъ, историческій фактъ — второй бракъ Ивана Васильевича на пятигорской княжнѣ, дочери князя Темгрюка Айдаровича, состоявшійся 21 августа 1561 года.

Царь Грозный охарактеризованъ мало. Его роль — преимущественно въ концѣ, гдѣ авторъ пѣсни, его устами, даетъ отповѣдь царицѣ. Обычная характеристика царя, находящаяся въ другихъ пѣсенныхъ сюжетахъ, здѣсь отсутствуетъ: подозрительность, одна изъ постоянныхъ чертъ Грознаго, хотя и появляется въ разбираемой пѣснѣ („не лихую ли думу Мастрюкъ думаетъ“), но, какъ было указано, составляетъ черту неорганическую.

Царица Марья Темрюковна изображается красивой черкашанкой (купавой), пріѣхавшей въ Москву съ большой свитой, въ томъ

---

[1]) Въ статьѣ: „Историческія пѣсни изъ Сибири“. (Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, 1904. I).

числѣ и съ братомъ, изъ за близкихъ отношеній къ которому она столь рѣзко посрамлена въ исходѣ. Ея нерусское происхожденіе всюду оттѣняется, и пѣсня явно нерасположена къ царицѣ — басурманкѣ, попробовавшей было укорить русскихъ. Образъ царицы не рѣзко очерченъ пѣсней, впрочемъ и московскія лѣтописи даютъ скудныя свѣдѣнія о ней и обо всемъ почти девятилѣтнемъ супружествѣ царя.

Въ „Елагинской смѣси“, извѣстной Карамзину, въ краткой статьѣ: „О царицах царя Ивана Васильевича“ [1]) черкасская княжна значится второй женою Грознаго: „Первая царица Настасия Романовна Юрьева. Вторая царица Марія Темрюковна Черкасова Пятигорскихъ“. Въ выпискѣ изъ хронографа: „О бракахъ царя Іоанна Васильевича“ [2]) она носитъ иное, христіанское отчество: „Въ лѣто 7055-е ѳевраля 13 сочетася бракомъ царь Иванъ Васильевичь на Анастасіи Романовне Захаріиной, иже нужне умре 7 августа 7068-о. Въ лѣто 7069 августа 21 обрачися царь вторичьно на Маріи Ѳеодоровнѣ Черкаской Горской, и съ туги нравныя и зѣло лютые терпи умре сентября 1-го лѣта 7078“. Хронографическое свидѣтельство это намекаетъ отчасти и на черты характера второй царицы, которая, по свидѣтельству Карамзина, къ сожалѣнію не указавшаго источника, дѣйствительно была „на злыя дѣла падущая, какъ сказано въ одной современной рукописи исторической“ [3]). По преданію злая царица усиливала жестокія наклонности царя Ивана, и годы ихъ совмѣстнаго сожительства опредѣляютъ наиболѣе мрачную эпоху царствованія.

Иниціатива злобности, можетъ быть, и не принадлежала царицѣ Марьѣ, но обстоятельства ставили ее въ положеніе исключительное. До Марины Мнишекъ она была первой царицей — басурманкой. Если иноземка, жена Ивана III не пользовалась особой популярностью и даже въ лѣтописяхъ вызывала къ себѣ саркастическое отношеніе, тѣмъ болѣе сплетенъ возбуждала о себѣ красавица княжна, привезенная въ Москву учиться закону и языку, жившая въ ней долго до принятія христіанства, крещенная митро-

[1]) Отчетъ Имп. Пуб. Б-ки за 1867 г. стр. 91. Рукопись XVII вѣка.
[2]) И. Пуб. Б-ки О. XVII. 17. XVIII вѣка.
[3]) Прим. 82 къ IX тому Исторіи.

политомъ и къ досадѣ другихъ невѣстъ ставшая законной царской женою. Ея обликъ развивался какъ противоположность кроткой, рожденной въ православіи, Анастасіи. Качества послѣдней давали матеріалъ для развитія противоположныхъ качествъ Маріи. Такъ быстро забывшій первую супругу царь представлялся околдованнымъ чаровницей — басурманкой. Свѣтлый обликъ Ивана — покорителя Казани и Астрахани смѣнился фигурой мрачнаго тиранна, и эту „перемѣну“ молва могла приписывать чарамъ его супруги.

Кн. А. Курбскій въ своей Исторіи не касается этого брака и даетъ иное объясненіе начавшейся перемѣнѣ въ характерѣ и поступкахъ царя. Свои построенія основываетъ онъ на логическихъ выводахъ и на томъ, что „слышалъ“. Сплетнямъ о вліяніи царицы Марьи вѣрили другіе и давали имъ различное примѣненіе. Несомнѣнно, что многія изъ нихъ легли въ основу поэтическихъ композицій.

Въ предыдущей главѣ было указано на рядъ сводныхъ старинъ, въ томъ числѣ на такія, гдѣ Пѣсня о царской женитьбѣ соединена съ пѣсней о кончинѣ Анастасіи. Общее впечатлѣніе отъ сводки — именно стремленіе выявить противоположныя качества двухъ царицъ. Марья Темрюковна рисуется по одному варіанту даже злой волшебницей—отравительницей царскихъ сыновей, дѣтей Анастасіи. По другому — она сорокой улетаетъ изъ Москвы. Въ этихъ варіантахъ ея характеристика напоминаетъ другой пѣсенный персонажъ — Марину Игнатьевну, присяжную отравительницу, злодѣйку-ненавистницу, казнившую много народа, волшебницу, превратившую Добрыню въ тура. Она также обращается въ сороку и улетаетъ. По одному варіанту Гильфердинга (II, № 163) трупъ ея былъ сожженъ. Оригинальное имя, совпадающее съ именемъ жены Самозванца—Марины Мнишекъ, заставило изслѣдователей сближать этотъ старинный персонажъ съ авантюристкой-царицей. Припоминалось преданіе, по которому Марина, послѣ убіенія Лжедимитрія, улетѣла изъ Москвы, обернувшись сорокой: съ тѣхъ поръ, говорятъ, сороки не залетаютъ въ городъ. Объясненію причинъ, по которымъ Марина Игнатьевна отразила въ пѣсняхъ историческую Марину Мнишекъ, а также и отношенію послѣдней къ образу Марьи Темрюковны посвящена

акад. В. Ѳ. Миллеромъ значительная часть главы: „Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ“ [1]). Добавлю, съ своей стороны, что взаимоотношенія эти въ свое время, вѣроятно, отмѣчались рѣзче и были тѣснѣе, что показываетъ то обстоятельство, что на образѣ старинной Марины отразились въ равной степени какъ черты жены Лжедимитрія, такъ и жены нареченнаго отца его: рядомъ съ отчествомъ „Игнатьевна“ Марину въ пѣсняхъ не менѣе часто сопутствуютъ—„Кайдаловна“ и „Кайдаровна“. Послѣднее должно напоминать дѣда царицы Марьи, отецъ которой звался—Темрюкъ Айдаровичъ.

Сложныя сплетенія эти разсыпаны фрагментами по многимъ старинным сюжетамъ. Соединить эти обломки въ постройку—дѣло не легкое. Въ варіантахъ нѣкоторыхъ пѣсенъ попадаются имена: Пятигорка, Семигорка, Златыгорка, Латыгорка, Салыгорка и Святогорка, которыя носитъ какое-то волшебное и злое существо, восходящее къ образу „бабы-горынинки“. Сближая послѣдній эпитетъ съ эпитетомъ Терека-„горыновичъ“, я думаю, во-первыхъ, что подъ этимъ существомъ въ основѣ скрывается именно черкашанка Марья, „пятигорская княжна“, и во-вторыхъ, что формы Семигорка и другія являются простымъ измѣненіемъ „Пятигорка“ въ виду забвенія значенія этого слова. Ак. В. Ѳ. Миллеръ, разбирая пѣсни о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ [2]), говоритъ, что „на образованіе имени Семигорки могло бы повліять имя „Пятигорки“, подъ которымъ была въ свое время извѣстна въ народѣ нелюбимая имъ вторая жена Ивана Грознаго, Марья Темрюковна, Черкесская княжна, изъ Пятигорья, причемъ число пять замѣнилось эпическимъ семь“. И ниже: „въ эволюціи пѣсни о Кострюкѣ личность Марьи Темрюковны или Пятигорки получаетъ очертанія богатырши. Немудрено, что въ такомъ видѣ она проникла и въ старинную былину и отожествилась съ богатыркой матерью Подсокольника, которая въ одномъ изъ архангельскихъ варіантовъ г. Григорьева носитъ имя Марьи Бурдуковны или Златыгорки“ [3]). Современные сказатели ассимилировали прозвище „Пятигорка“,

[1]) Очерки русской народной словесности. Томъ II. М. 1910.
[2]) Очерки, томъ II, стр. 177.
[3]) Ibid. стр. 300.

повліявшее на представленіе Марьи—богатыршей съ тѣмъ типомъ матери Подсокольника, гдѣ эта женщина является бабой-богатыркой, носящей прозвища, сложенныя со словомъ гора [1]). Какъ бы то ни было, поэзія опредѣленнаго времени не особенно чествовала царицу-иноземку, и въ этомъ смыслѣ Пѣсня о царской женитьбѣ не является исключеніемъ.

Итакъ въ разбираемой пѣснѣ героиня носитъ исторически вѣрное имя и отчество, правильно указано ея происхожденіе, наличность родного брата; вездѣ она титулуется и изображается царицей.

Исключая рѣзкій выпадъ, съ которымъ Марья Темрюковна обращается къ русскимъ борцамъ, поборовшимъ и посрамившимъ ея родного брата, пѣсня не рисуетъ ее такимъ извергомъ, какъ это видно, напр., въ синкретическомъ образѣ Марины или въ сводныхъ старинахъ, гдѣ разбираемая пѣсня соединена съ сюжетомъ о кончинѣ первой царицы. Однако отношеніе къ ней проработано въ спеціальномъ тонѣ. Тонъ этотъ находится въ связи съ тѣмъ пѣсеннымъ складомъ большинства варіантовъ разбираемой пѣсни, на который, какъ я сказалъ выше, не разъ обращали вниманіе изслѣдователи и согласно считали его „веселымъ, насмѣшливо скоморошьимъ“. Стоитъ прочесть любой варіантъ Пѣсни о царской женитьбѣ въ цѣломъ, чтобы почувствовать постоянный юморъ по отношенію къ царицѣ. Это постоянство заставляетъ предполагать наличность юмора и въ основной. Высватанная въ чужой землѣ, окруженная приданымъ — татарами и черкашаниномъ Мастрюкомъ, Марья Темрюковна вездѣ зовется „царицей благовѣрной“. Не думается, чтобы здѣсь было простое окаменѣніе эпитета: слишкомъ послѣдовательно выдержана эта антитеза варіантами [2]). Царь, въ исходѣ пѣсни, какъ разъ даетъ понять царицѣ, что она не знаетъ русскихъ обычаевъ. Варіанты, усилившіе отповѣдь царя до грубой ругани, исходили именно изъ контраста иноземки и благовѣрной царицы. Въ этой гипер-

---

[1]) Ibid. стр. 301.

[2]) Варіантъ Кирши, напр., вездѣ ставитъ: „купава крымская, царица благоверная“.

болизаціи виденъ, такимъ образомъ, переходъ отъ юмора къ насмѣшкѣ.

2) Рядомъ съ царицей Марьей Темрюковной пѣсня упоминаетъ взятаго въ числѣ „приданаго“, привезеннаго съ собою въ Москву, брата ея—Мастрюка Темрюковича. Онъ—главный герой Пѣсни о царской женитьбѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и царица—лицо вполнѣ историческое. По исторіи Черкесскаго рода Темгрюковичей и ихъ сношеній съ Московскою Русью во второй половинѣ XVI вѣка имѣются достаточныя данныя. Они всѣ использованы въ статьѣ Б. М. Соколова: „Шуринъ Грознаго удалой борецъ Мамстрюкъ Темгрюковичъ“, написанной по поводу моей книги „Пѣсни-памфлеты XVI вѣка [1]). Авторъ статьи указываетъ, что у Темгрюка князя, кромѣ дочери, было трое сыновей: 1) Доманука, 2) Мамстрюкъ, пожалованный государемъ въ Кабардинскіе князья и 3) Салтанкулъ, жившій въ Москвѣ и получившій при крещеніи имя Михаила. Родственная связь съ Темгрюкомъ тѣснѣе скрѣпила сношенія съ „черкасами“, начавшіяся еще раньше. Между Темгрюкомъ и Грознымъ непрерывно идутъ переговоры о денежной и военной помощи. Царь часто посылалъ къ нему со своимъ жалованьемъ, отправлялъ посольства, дабы оберегать его „отъ недруговъ отъ черкасъ, которые отъ него отступили и которые ему тѣсноту чинили“. Александроневская лѣтопись разсказываетъ, что 17 іюня 1565 года князь Мастрюкъ Темрюковичъ пріѣхалъ въ Москву изъ Черкасъ, „и царь и великій князь велѣлъ ему за собою ѣхати въ Олександровскую слободу; и челомъ ударилъ царю и великому князю Мастрюкъ въ Олександровской слободѣ, и билъ челомъ царю и великому князю отъ отца своего, отъ Темгрюка князя, что Темгрюку князю пришли многіе тѣсноты отъ черкасъ и ему непослушны во всемъ, и государь бы пожаловалъ, послалъ свою рать въ Черкасы и отъ непослушныхъ его велѣлъ оборонять“. Рать была отпущена въ сентябрѣ 1565 года: „и отпустилъ (царь) въ Черкасы съ Мастрюкомъ княземъ по отца его челобитью рать свою на черкасскихъ князей, которые

[1]) Ж. М. Н. П. 1913, VII. На стр. 29 авторъ перечисляетъ источники, которыми онъ пользовался при изложеніи московско-черкасскихъ отношеній.

имъ не послушны, на кабардѣйскихъ князей.... А Мастрюка отпустилъ въ судѣхъ, а съ нимъ въ послѣхъ къ Темгрюку Матвѣя дьяка Ржевского съ черкасскими казаки и стрѣльцы, и Волга стала, и Мастрюкъ зимовалъ подъ Дѣвичьими горами на усть Кульи"... Черезъ годъ, въ октябрѣ 1566 года рать вернулась. Это былъ единственный пріѣздъ Мамстрюка на Русь при жизни Грознаго.

Б. М. Соколовъ полагаетъ, что въ Пѣснѣ о царской женитьбѣ фигурируетъ подъ именемъ Мастрюка какъ разъ этотъ Мамстрюкъ Темгрюковичъ. Совпаденіе, кромѣ имени, авторъ усматриваетъ въ прозвищѣ пѣсеннаго Мастрюка—„шуриномъ милымъ", „любимымъ", въ представленіи его удалымъ и смѣлымъ бойцомъ, любителемъ хвастнуть своей силой и ловкостью. По исторіи—Грозный внимательно относился къ Мамстрюку, и послѣдній, вѣрно служа Руси, постоянно находился въ войнѣ и борьбѣ съ сосѣдями, будучи не только храбрымъ, но и могучимъ.

Трудно, однако же, предположить, чтобы образъ рѣдкаго гостя остановилъ вниманіе пѣсни. Скорѣе всего приходится согласиться съ г. Бережковымъ, который въ примѣчаніи къ изданной имъ пѣснѣ о Мастрюкѣ Темрюковичѣ [1]), говоритъ: „Намъ казалось бы вѣроятнымъ предположить, что боролся не Мамстрюкъ, только однажды случайно пріѣзжавшій въ Москву, сколько это извѣстно по указаніямъ историческимъ, а другой его братъ Салтанукъ—Михаилъ, постоянно въ Россіи жившій".

Основнымъ мотивомъ пѣсни служитъ издѣвательство надъ Мастрюкомъ. Оттого онъ иронически и зовется „милымъ, любимымъ" шуриномъ. Изъ документальныхъ данныхъ не видно, почему Мамстрюкъ долженъ быть предметомъ насмѣшки. Другое дѣло—Салтанукъ-Михаилъ. Царевъ шуринъ, князь Михаилъ Темгрюковичъ Черкасскій Пятигорскій, по словамъ Карамзина—„то знатнѣйшій воевода, то гнуснѣйшій палачъ", провелъ свою жизнь въ Московскомъ государствѣ очень своеобразно. Онъ былъ постояннымъ предметомъ издѣвательствъ Грознаго: царь то возвышалъ

[1]) Еще нѣсколько образцовъ нар. ист. пѣсенъ. Стр. 27. Извѣстія ист.-фил. института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Томъ XV. Нѣжинъ 1895.

его почестями, дарилъ деньгами, то выколачивалъ у него послѣднія на правежѣ; то приближалъ къ себѣ, то мучилъ. Царь давалъ своему шурину разныя порученія. Такъ, онъ велѣлъ сообщить черезъ него митрополиту Макарію о взятіи Полоцка и подать ему поминокъ: крестъ серебряный позолоченый съ каменьями. Съ другой стороны Михаилъ, по царскому повелѣнію, разсѣкъ на части нѣкоего Хозяя Тютина, грека родомъ, котораго Курбскій называетъ „подскарбіемъ великимъ"—казначеемъ, и указываетъ, что вмѣстѣ съ нимъ было погублено и все его семейство" [1]).

Однако и самъ Михаилъ не избѣгъ печальной участи: въ 1571 году онъ былъ посаженъ на колъ, и имя его занесено въ Синодикъ Ивана. Не долго царскій шуринъ пережилъ свою сестру царицу. Вскорѣ послѣ смерти послѣдней, когда царь уже помышлялъ о слѣдующемъ бракѣ—28 октября 1571 года „поялъ царь дѣву ноугороцкую гостію Марѳу Васильевну Собакину, но поживъ съ нею больнѣ, отъя животъ и умре ноября 13 дня", [2])—онъ поспѣшилъ раздѣлаться съ прежними родственниками. Гваньини въ своей Moscoviae descriptio передаетъ, предметомъ какихъ жестокихъ издѣвательствъ былъ князь Черкасскій со стороны царя, который вымогалъ у него деньги, травилъ медвѣдями, творилъ неправильный судъ надъ его челядью, кончавшійся казнями. Злоключеніямъ Черкашанина Гваньини посвятилъ особую главу, давъ ей ироническій подзаголовокъ: „Qualem gratiam magnus dux socero suo exhibuerit". Такъ какъ существуетъ старинный переводъ Гваньини, то я предложу эту главу по русски: [3])

„Которое жаловане князь великий шурину своему учинилъ. Михайло Темрюковичь прозвищемъ честного роду человѣкъ,

---

[1]) Ср. показаніе Hoff'a (о сочиненіи котораго подробно будетъ сказано въ главѣ о Василіи Буслаевѣ): Царь приказалъ своему шурину, князю Михаилу Темгрюковичу Черкасскому, казнить казначея Хозяя Юрьевича, въ его собственномъ домѣ, вмѣстѣ съ женой, двумя пяти-шести лѣтними сыновьями и двумя дочерями. Князь разсѣкъ несчастнаго на мелкія части и разбросалъ по площади.

[2]) Рукопись Имп. Публ. Б-ки. O. XVII. 17.

[3]) Рукопись Имп. Пуб. Б-ки F. IV. 106. XVII вѣка. О старыхъ переводахъ Гваньини на русскій языкъ—см. у акад. А. И. Соболевскаго—Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ", стр. 76—78.

великаго князя шуринъ, такую милость одержал нѣколи: по двѣ недѣли или болши князь великий жаловане и приятелство свое к нему держалъ, а после тово такъ ся на нево нинависть про што прогнѣвал,—у всѣх ворот и у малых воротичек его медвѣди дикие и сердитые привезати велѣл, у всякихъ воротъ и у малыхъ воротичокъ по три или по два. Хто з двора выти хотѣлъ, и медвѣди его тотчас разодрали. А в тѣ поры господинъ шурин заперся в хоромех, и толко что было—онъ ѣлъ и пил, а тѣ медвѣди нолны двѣ недѣли от воротъ не бывали. И какъ уже князь великиі у тово вышереченнаго шурина своего провѣдав, что у нево денег много, и он его велѣл похватити и пригнавъ к нему хвалшивую, то есть смышленую, пеню велѣл отвести на то мѣсто, гдѣ должников по звычею тамошнево народу ослопы и плетми секут. И там стол долго его по повелѣнью княжачему батоги били, покамѣста бы всю казну свою обявил. И какъ на нем князь великиі ничего на нем не мог выбити, и после того ему самъ изъ казны своей вѣдомой счотъ денегъ отчести велить. И тымь обычаемь князь великиі шурина своево подчивает,—иногды его ограбитъ со всего жывота, а иногды обогатит. А в кою пору покажетьца тому шурину своему великим жалованьемъ, и он самого пощадит, а лутчево человѣка его сердечново, которой всѣ жывоты его править, и он тово велит похватит и вилит ево стол долго бит, покамѣста казну государя своего всю обявит. А иногды государь ево, ужалився его, и вскорѣ денги, которые князь великий доправить велѣл, отчести велит.

Случилося то в одно время, что возница пререченново Михайла с возницею великаго князя сошлися на дороге, учали промежсобою бранитися, а, бранився, побили ся; і возница великого князя болнѣе был убитъ. И к маршалку, или болшому въ полатах пришедчи, учался жаловати, что его убил возница шурина великого князя, и болшой полатной великому князю то извѣстил. И он, выслушав речи и безо всяково очищеня с стороны оговорные, стрелцов своих на двор к шурину своему послалъ и велѣлъ имъ трех человѣкъ его лутчих на воротех у него повѣсити, и тѣ слуги повѣшеные на воротех долго висѣли, и всѣ, коим было зъ двора и во двор ходити, и онѣ под тѣхъ повѣшеных

людей на двор ходити и выходити двѣ недѣли, покамѣстъ по княжчому повелѣню ихъ сняли“ [1]).

Пѣсня о царской женитьбѣ, въ сущности, передаетъ другое, подобное вышеприведенному описанію, издѣвательство надъ Черкашаниномъ. Все въ ней сведено къ формулѣ:

Не то намъ дорого,
Что татаринъ похваляется,
А то намъ дорого,
Что русакъ потѣшается.

Къ этой формулѣ можно возвести и разсказъ Гваньини. Разбираемая пѣсня, трактуя эту тему въ основномъ изводѣ, въ дальнѣйшихъ варіантахъ допустила естественную гиперболизацію: съ одной стороны росло представленіе Мастрюка непобѣдимымъ борцомъ—богатыремъ, изошедшимъ и поборовшимъ множество (сотни) городовъ, съ другой—углублялся оттѣнокъ невзрачности и хилости русскихъ его противниковъ, чтобы еще болѣе выдѣлить смыслъ пѣсни: какъ смѣлъ черкашанинъ бросить вызовъ русскимъ людямъ.

Такимъ образомъ участники Пѣсни о царской женитьбѣ: царь Иванъ Васильевичъ Грозный, царица Марья Темрюковна, князь Мастрюкъ Темрюковичъ—лица историческія, поставленныя въ извѣстныя отношенія между собою. И отношенія эти, особенно царя Ивана къ иноземцу шурину — правдоподобны, въ чемъ убѣждаетъ вышеприведенный разсказъ Гваньини. Этими отношеніями воспользовалась пѣсня для разработки конфликта, созданнаго поэтическою фантазіей съ опредѣленною цѣлью.

Конфликтъ этотъ происходитъ на свадебномъ пиру. Излюбленный locus communis пира, которымъ почти постоянно, хотя не

[1]) Еще болѣе утонченную по своей жестокости расправу передаетъ въ своемъ повѣствованіи упомянутый выше Hoff: „Съ своимъ шуриномъ, княземъ Михаиломъ Темгрюковичемъ Черкасскимъ, на сестрѣ котораго самъ былъ женатъ, царь поступилъ такимъ образомъ. Женивъ его на дочери богатаго и всѣми уважаемаго Василія Михайловича, онъ, спустя извѣстное время, приказалъ молодую, шестнадцати-лѣтнюю жену вмѣстѣ съ полугодовалымъ ребенкомъ разсѣчь на куски, разметать по серединѣ двора, гдѣ ежедневно проѣзжалъ мужъ. И тотъ не имѣлъ права ничѣмъ выражать своего ужаса и горя“. Можетъ быть этотъ разсказъ—фикція, но характерно, что онъ дополняетъ свидѣтельство Гваньини о томъ, что царь не оставлялъ шурина своимъ жестокимъ вниманіемъ.

всегда кстати, открывается дѣйствіе въ современныхъ варіантахъ, здѣсь наиболѣе умѣстенъ. Свадебный пиръ по поводу вторичнаго бракосочетанія царя, конечно, событіе, принадлежащее исторіи. Пѣсня, пользуясь имъ, искусно противополагаетъ всю новую, иноземную родню Ивана его соотечественникамъ и роднѣ прежней.

Представителемъ послѣдней является „прежній царевъ шуринъ“, „дядюшка“—Никита Романовичъ, братъ покойной царицы Анастасіи. Личность эта не разъ останавливала вниманіе изслѣдователей, какъ очень популярная въ различныхъ пѣсенныхъ сюжетахъ и въ то же время мало отмѣченная исторіей. Главную роль играетъ онъ въ пѣснѣ объ осужденіи Иваномъ Грознымъ на казнь царевича, причемъ изображается спасителемъ послѣдняго, по нѣкоторымъ варіантамъ — убивающимъ палача Малюту, единственнаго, который отважился было привести въ исполненіе приговоръ надъ царскимъ сыномъ. Съ другой стороны—Никита Романовичъ вводится въ кругъ обычныхъ богатырей, стоитъ на заставѣ съ Ильей Муромцемъ, Алешей Поповичемъ и Добрыней [1]). Съ третьей стороны—онъ воевода, освобождающій Москву отъ Литвы или отъ Ливиковъ (Витвиковъ), причемъ оборачивается волкомъ и горностаемъ для этого освобожденія [2]). Не трудно видѣть въ этой „популярной“ личности конгломератъ очень многихъ персонажей, воспринявшій на себя черты пѣсенъ и сказокъ.

Въ пѣснѣ объ осужденіи на казнь царевича и въ разбираемой—Никита Романовичъ понимается, единственно, какъ братъ царицы Анастасіи, т. е. какъ лицо историческое. Въ первой изъ названныхъ пѣсенъ Анастасія бѣжитъ къ нему, какъ къ близкому, чтобы помочь спасти отъ казни своего сына; въ Пѣснѣ о царской женитьбѣ—его роль блѣднѣе: онъ является созывателемъ борцовъ—противниковъ Мастрюку. Пѣсня, вѣроятно, намѣренно заставила Грознаго обратиться къ „прежнему“ шурину, который бы помогъ найти побѣдителя „новаго царскаго шурина“.

По зову Никиты Романовича на царскій дворъ собираются

---

[1]) Гильф. № 246 и 250. Въ послѣдней старинѣ Илья Муромецъ зовется: „родитель ево дяденька“.

[2]) См. Гильф. № 88, гдѣ Микита зовется „московской князь“.

борцы, Желающихъ бороться могло собраться нѣсколько, но основная пѣсня, какъ указано, рисовала борьбу одинъ на одинъ. Органичнымъ для борца-побѣдителя Мастрюка, какъ я говорилъ, слѣдуетъ признать имя Потанюшки, главное же—эпитеты, опредѣляющіе его какъ младшаго и убогаго персонажа. Антитеза хилаго русака и богатыря—Черкашанина могла, въ значительной степени, поддерживаться сказками, гдѣ младшій и убогій всегда оказываются сильнѣе старшихъ.

Обыкновенно Потаня (или тотъ, кто его замѣняетъ по имени, хотя и рѣдко) называется „маленькимъ“; если онъ въ числѣ нѣсколькихъ братьевъ, то „меньшимъ“. Въ дальнѣйшемъ понятіе „маленькій“ разрабатывается: онъ дѣлается — хроменькимъ: на ножку припадываетъ, костылемъ подпирается; затѣмъ—онъ „на языкъ пришепетываетъ“; убогъ онъ и своимъ происхожденіемъ: онъ—„небытенькой“, иначе:

41. Идетъ Потанюшка вдовинъ сынъ,
На ножку Потанюшка прихрамливаетъ,
На другую Потанюшка припадываетъ. (Р. № 109) [1]).

Если личность борца раздвоилась, то эпитеты раздѣлились по именамъ: Потанюшка хроменькій выступаетъ рядомъ съ Васенькой маленькимъ.

Постоянный въ числѣ борцовъ Пѣсни о царской женитьбѣ, большею частью побѣдитель Мастрюка, маленькій Потаня въ то же время является непремѣннымъ дружинникомъ Василія Буслаева. И тамъ его обликъ разрабатывается аналогично. Сначала Потаня выступаетъ съ постояннымъ эпитетомъ „маленькій“: Василій Буслаевъ, выбирая дружину,

4. Приходитъ то онъ къ малому, къ упалому,
Къ малому, къ упалому Потанюшкѣ. (Р. I, 57).

Затѣмъ онъ представляется хромымъ: къ Василью

32. Идетъ на пиръ Потанюшка маленькій,
Маленькій Потанюшка, храбренькій,
На ножку припадывать, съ подлобья выглядывать.
(Р. II, 33).

[1]) Цитирую по II изданію.

Варіанты пѣсенъ о Васильѣ Буслаевѣ идутъ далѣе: они представляютъ Потаню еще горбатымъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и эпитеты распредѣляются: при Потанюшкѣ хроменькомъ является Хомушка горбатенькій.

Особой роли Потаня въ пѣснѣ о Васильѣ Буслаевѣ не играетъ: онъ—рядовой членъ особой по характеру, какъ будетъ видно ниже, дружины. Поэтому заключать, что имя Потани зашло сюда изъ Пѣсни о царской женитьбѣ, не приходится: по пересказамъ странствуютъ персонажи лишь съ опредѣленными функціями (сваты, похитители женщинъ), если не считать, конечно, путаницы позднѣйшихъ варіантовъ. Наличность имени и основного прозвища—маленькаго Потани въ двухъ различныхъ пѣсенныхъ сюжетахъ, думается, не есть результатъ случая и можетъ найти себѣ объясненіе.

Основная пѣсня не задавалась сказочной этикой—противоположенія сильнаго малому. Не умаляя богатырской силы Мастрюка, она въ то же время не унижала и русскихъ: одной силѣ противопоставлялась другая. Не даромъ въ варіантѣ Кирши Данилова борцы говорятъ о себѣ: „Мы борцы въ Москве похваленые, молодцы поученые, славные“. И другіе варіанты не забываютъ отмѣтить, что пріемы борьбы русакамъ извѣстны не хуже, если не лучше, чѣмъ Мастрюку. Слѣдовательно эпитетъ „маленькій“ съ его усиленіями есть подробность дальнѣйшая. Основная пѣсня понимала образъ борца иначе, чѣмъ передатчики времени поздняго.

Слова: малюта, малютка, малюточка—синонимы и обозначаютъ маленькаго, малорослаго человѣка [1]). „Малютка“ въ свою очередь, является уничижительнымъ при имени „Малюта“, имени, подъ которымъ является въ поэзіи глава опричнины Малюта Скуратовъ. На ряду съ обыкновеннымъ:

73. Единъ палачъ не пужается,
Единъ злодѣй выступается
Малюта палачъ, сынъ Скуратовичъ (Кир. VI, стр. 72)

---

[1]) См. Даль, Толковый словарь живого вел.-рус. языка. М. 1863. Вып. 7. Стр. 893.

—казнить царевича Ѳедора, гораздо чаще—Малютка Скуратовъ сынъ“ что казнилъ много царевичей:

116. Малютка того и не пытаючи
Беретъ Ѳедора да за желты кудри,
Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубить да буйну голову. (Г. 153).

Также, въ разсказѣ о смерти Малюты:

102. Наѣхалъ Никита Романовичъ,
Смахнулъ саблей востроей,
Отнесъ Малютки буйну голову
За его поступки неумильные. (Р. I. 65).

Очень немногаго требовалось отъ сказателей, чтобы эту форму имени понимать не столько какъ уничижительную, сколько какъ варіантъ понятія „небольшой“. У. Г. 13 всюду встрѣчается сочетаніе: „маленькій Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ“. Иначе:

127. Ай ты стой-ко-сь, палачъ немилосливый,
Ай ты маленькій Малютушка Шкуратьевичъ. (Г. 175).

Варіантами соединяются, такимъ образомъ, понятія уменьшительное и уничижительное:

77. Изъ за того стола за нижайшаго
Выходитъ маленькій Малютка Скурлатковъ сынъ. (Г. 209).

Это презрительное отношеніе къ Малютѣ поддерживается прибавкой къ его прозвищу имени другого разбойника:

109. Во той во лавкѣ наугольныя
Стоялъ малая Малютка Стенька воръ Скуратовъ сынъ,
Торговалъ онъ товарами заморскима. (Р. II, 34)

Послѣдовательное измѣненіе Малюты въ малютку, маленькаго дало возможность сказателю Щеголенку выразиться довольно опредѣленно: „Малюченька Потанюшка Скурлатовъ сынъ“. Интересно, что сводныя старины, соединяющія Пѣсню о царской женитьбѣ съ пѣсней объ осужденіи на казнь царевича, упомянувъ разъ про Малюту, собиравшагося казнить царевича, уже не говорятъ о маленькомъ Потанѣ, противникѣ Мастрюка, а замѣняютъ его другими именами: два брата Андрея Андреевича (Кир. VI, стр. 107), Иваны Иванычи Кашинины (ibid. стр. 110).

Въ постоянномъ эпитетѣ „маленькій“ можно, поэтому, видѣть,

въ качествѣ результата психологическаго процесса, измѣненіе имени опричника Малюты Скуратова. Тогда будетъ понятно, почему борцы нашлись въ „Александровой слободѣ“. По замыслу пѣсни противникомъ Мастрюка выступило, слѣдовательно, одно изъ наиболѣе приближенныхъ къ царю лицъ, выражавшее собою всю дружину—опричнину. При такомъ предположеніи группировка дѣйствующихъ лицъ будетъ тѣснѣе: съ одной стороны—иноземцы, съ другой—царь съ опричниной. [1])

Находящееся въ варіантѣ Кирши и нѣкоторыхъ другихъ описаніе внѣшняго вида борцовъ: „по базару похаживаютъ, ай бороды бритые, усы торженые, а платье саксонское, сапоги с рострубамі“ заставляло нѣкоторыхъ изслѣдователей видѣть въ нихъ какихъ-то захожихъ скомороховъ—шпильмановъ. Однако, какъ я уже замѣтилъ, простое сравненіе этого описанія съ любымъ лубкомъ, изображающимъ петровскихъ солдатъ, укажетъ на убѣдительнѣйшее тожество. Эта поздняя раскраска явилась своеобразнымъ результатомъ забвенія опричнины-дружины: отъ послѣдней оставалось впечатлѣніе, какъ о силѣ чуждой и непріязненно настроенной. Для старовѣровъ—казаковъ такая сила понималась прежде всего въ новой солдатской гвардіи, одѣтой въ „саксонское“ платье и въ ботфорты. Представленіемъ ея замѣнили они полустершееся, но сходное по переживанію представленіе объ опричнинѣ, существовавшей, въ сущности недолгое время.

На ряду съ историческими лицами въ Пѣснѣ о царской женитьбѣ приходится считаться, слѣдовательно, еще съ историческими переживаніями, выразившимися въ воспоминаніяхъ о свадебномъ пирѣ, роли Никиты Романовича и отголоскахъ опричнины.

Остается, наконецъ самое зерно пѣсни—эпизодъ борьбы Мастрюка, его посрамленіе, а вмѣстѣ съ нимъ—и царицы. Это зерно—уже поэтическая композиція.

[1]) Ак. В. Ѳ. Миллеръ въ рецензіи на мою книгу „Пѣсни-памфлеты“ (Вѣстникъ Европы 1913, V), сказалъ, что „нѣтъ достаточно основаній видѣть“ въ эпитетѣ „маленькій“ измѣненіе имени „Малюты“. Я не говорю, чтобы Малюта являлся дѣйствительнымъ противникомъ Мастрюка, а говорю только о группировкѣ, сдѣланной пѣсней, группировкѣ, которая еще болѣе поддерживается оригинальнымъ описаніемъ внѣшности пришедшихъ борцовъ.

Поэтъ остановился на борьбѣ, какъ на такомъ мотивѣ, гдѣ можно было бы выявить срамъ черкашанина, потому что во 1) сама борьба являлась потѣхой исконно русской, не даромъ она такъ любовно варьируется пересказами, и во 2)—она была вполнѣ въ духѣ времени Грознаго, когда его опричники въ Слободѣ постоянно устраивали состязанія, кулачные бои, когда можно было вполнѣ посмѣяться надъ побѣжденнымъ.

Борьба основной Пѣсни о царской женитьбѣ не оканчивалась кроваво: Мастрюкъ былъ „повылупленъ“ изъ платья. При анализѣ варіантовъ мною отмѣчено, какъ они, впослѣдствіи, разрабатывали это язвительное, глумливое отношеніе къ царскому шурину, усиливая грубый юморъ вплоть до представленія Мастрюка дѣвицей. Царь не только „не кладетъ вины“ побѣдителю, но и самъ доволенъ, видя, какъ русакъ потѣшается. Онъ рѣзко обрываетъ заступившуюся было за брата царицу, несмотря на то, что дѣло происходитъ на свадебномъ пиру. И эту отповѣдь царицѣ варіанты подхватили и усилили.

Пѣсня о царской женитьбѣ должна была сложиться, конечно, послѣ господства пятигорцевъ. Царь утѣшился съ другими женами, жестоко насмѣшливо расправился съ прежнимъ шуриномъ, забылъ совершенно царицу Марью. Поэтому пѣсня, поносящая, какъ бы то ни было, московскую царицу, законную жену Ивана, могла и не быть подъ цензурнымъ запретомъ. Пѣсня сохранила имя самого царя: не надъ нимъ смѣялись, глумотворили надъ случайной, иноземной царской родней.

Не будучи партійной, разбираемая пѣсня тѣмъ не менѣе должна считаться памфлетомъ на царицу. Способность русскихъ къ насмѣшкѣ, юмору, широкой волной разлитая по ряду поэтическихъ произведеній, поднялась въ этомъ случаѣ до царскихъ палатъ и не пощадила даже вѣнчанной царицы. Возможность появленія подобныхъ пѣсенъ важна въ томъ отношеніи, что можетъ быть продолжена предположеніемъ о существованіи и такихъ, гдѣ самъ царь могъ быть представленъ далеко не въ лестномъ для него видѣ. Произведенный ак. В. Ѳ. Миллеромъ анализъ пѣсенъ о Казани [1]) убѣдилъ акад. В. Ѳ. Миллера о существованіи двухъ

[1]) В. Ѳ. Миллеръ: „Къ пѣснямъ о взятіи Казани“. Этногр. Обоз. кн. 81—82.

изводовъ разнаго достоинства. Одинъ изводъ выдержанъ въ серьезномъ тонѣ, представляетъ продуманный планъ и извѣстную идею, выражавшуюся въ томъ, что взятіемъ сильнаго басурманскаго царства Иванъ Грозный покрылъ себя славой и сдѣлался истиннымъ царемъ. Совершенно другого характера слѣдующій изводъ, (варіанты котораго записаны на казацкой украйнѣ, губ. Симбирская, Саратовская). Событіе изложено въ немъ грубо юмористически, пѣсня издѣвается не столько надъ татарами, сколько надъ русскими съ самимъ царемъ во главѣ. Разсказъ о взятіи пересыпанъ шутливыми, даже рѣзкими стихами по адресу царя и войска, отрицательно изображена подозрительность Грознаго. Такой пѣснѣ не было мѣста во дворцѣ, за пиромъ. Причины вызывавшія такія пѣсни, были разнообразны; политическія играли роль, можетъ быть, наиболѣе важную. Недовольство и осужденіе царскихъ поступковъ могло порождать поэтическія композиціи, гдѣ событія излагались въ нѣкоторомъ отвлеченіи, намѣренно допускалась затушеванность. Царскаго имени, естественно, не могло упоминаться въ такихъ памфлетахъ, оно должно было замѣняться какимъ-нибудь псевдонимомъ. Предложенный дальше разборъ пѣсенъ о Васильѣ Буслаевѣ можетъ служить примѣромъ такого памфлета.

Контаминація „Кострюкъ-Мастрюкъ“ состоитъ, какъ я говорилъ, изъ двухъ сюжетовъ. По выдѣленіи Пѣсни о царской женитьбѣ остается группа варіантовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ другая пѣсня—Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ.

Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ.

1.

Во всѣхъ пересказахъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ измѣненія и отступленія отъ основной пѣсни явились, главнымъ образомъ, какъ результатъ контаминаціи разбираемой пѣсни съ Пѣсней о царской женитьбѣ. Сплетеніе той и другой стало настолько тѣснымъ, особенно въ той части, гдѣ описывается единоборство, что многія подробности первой пѣсни попали во вторую и обратно.

Прежде чѣмъ обратиться къ анализу варіантовъ разбираемой пѣсни, укажу на нѣкоторыя группы варіантовъ, стоящія какъ бы въ промежуткѣ между той и другой пѣсней.

Въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ (1907, книга 1) Н. М. Петровскимъ помѣщена статья: „Рукописный пѣсенникъ XVIII в.“ Рукопись находится въ одной изъ казанскихъ частныхъ библіотекъ и писана на бумагѣ, судя по филиграни, 1781 года. Подъ № 81 въ пѣсенникѣ помѣщена Пѣсня о царской женитьбѣ, одинаковая по плану съ основной, но герой ея носитъ имя „Кастрюкъ Тимирюгавичъ“. Несомнѣнно, пѣсня попала въ запись въ извѣстной степени распаденія, что показываетъ нѣкоторая порча собственныхъ именъ: „У царя и царевича у Івана васильевича“... „Марья темирюгавна“, „Микита микитавичъ, балшія природы ево балшія Романовыя“, „Каструкъ“ и „Кастрюкъ“. Изложеніе посвящено, главнымъ образомъ, описанію единоборства шурина съ двумя Андреями Андреевичами. „Кострюкъ Демрюковичъ“ является дѣйствующимъ лицомъ въ варіантѣ той же Пѣсни, записанномъ Ѳ. М. Истоминымъ въ Олонецкой губерніи (Истоминъ и Дютшъ. Пѣсни русскаго народа № 5). Размѣръ и стихъ этого варіанта близокъ

къ богатырскимъ старинамъ, откуда позаимствованы и обще-эпическія черты. (Формула пира, ст. 17—27) Послѣднія и ретардація значительно увеличиваютъ размѣръ пѣсни, посвященной, главнымъ образомъ, единоборству и посрамленію героя отъ двухъ братьевъ Ондреевичей: Обросиньки и Васеньки. Третій варіантъ, напечатанный акад. В. Ѳ. Миллеромъ въ статьѣ „Къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ“ (Этногр. Обоз. 1904, 3. стр. 39—40) ближе всего къ варіанту пѣсенника и трактуетъ исключительно о единоборствѣ. Наконецъ, четвертый варіантъ приведенъ ак. В. Ѳ. Миллеромъ въ статьѣ „Историческія пѣсни изъ Сибири (Извѣстія 1904, 1), гдѣ герой носитъ имя Кострюкъ Иземзюрьевичъ. Новаго для Пѣсни о царской женитьбѣ всѣ эти варіанты не даютъ; нахожденіе же имени только Кострюка (а не Мастрюка и не двойного, какъ въ указанной выше 2 редакціи пѣсни) показываетъ, что все вниманіе въ нихъ перенесено на описаніе схватки, чѣмъ на воспроизведеніе другихъ подробностей основной пѣсни, о которыхъ упоминается вскользь и кратко.

Въ отдѣльную группу необходимо выдѣлить еще новѣйшія записи. По содержанію всѣ онѣ клонятся въ одинаковой степени къ той и другой пѣснѣ. Въ началѣ—сохраненъ мотивъ женитьбы; конецъ—развитъ по плану Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ. Имена и частности перепутаны; особенному искаженію подвергалось имя героя, которое представляетъ дальнѣйшія варіаціи имени „Мастрюкъ“. Короче говоря, новѣйшія записи представляютъ уже контаминированую пѣсню осложненной привнесеніемъ подробностей изъ другихъ пѣсенъ или распространенной лишнимъ пустословіемъ, что дѣлаетъ варіантъ очень скучнымъ. Таковы старины Зимняго берега Бѣлаго моря, собранныя г. Марковымъ. Въ нихъ герой носитъ имя „Кострюкъ-Небрюкъ“ (№ 84) или „Небрюковиць“ (№ 36), даже—„Дюкъ-Кострюкъ“ (№ 85). Обычный для разбираемыхъ пѣсенъ короткій стихъ замѣненъ здѣсь длиннымъ; количество стиховъ значительно увеличено. Варіантъ А. Крюковой (№ 36), растянутый на 236 стиховъ, разсказываетъ, какъ царь собрался жениться у „короля въ проклятой Литвѣ на Марьѣ Небрюковнѣ, причемъ съ нимъ отправляется эпическій сватъ Дунай. На свадебномъ пиру царь, замѣтивъ печальнаго

Кострюка, обращается къ нему съ рѣчью такъ же, какъ это обычно дѣлаетъ на пирахъ Владимиръ. Борьба описана хотя многословно, но блѣдно. Какъ примѣръ ненужнаго многословія укажу на длиннѣйшую сцену, картину одѣванія Кострюка царицей. (Ст. 200 до конца).

Въ другомъ варіантѣ (№ 85) изложеніе сходно съ обычной контаминаціей, хотя замѣчается подозрительная близость къ Киршѣ: выраженіе послѣдняго: „здравствуетъ... въ той Золотой орде“ сказатель запомнилъ, но исказилъ въ неимѣющее смысла „здравосцалъ“. Побѣдителемъ Кострюка, какъ и въ предыдущемъ варіантѣ, является Потанюшка хроменькій.

Третій и послѣдній варіантъ этого собранія, старина № 106, даетъ примѣръ контаминаціи, къ которой такъ охотно прибѣгаютъ современные сказатели. Пѣсня излагаетъ послѣдовательно эпизоды: смерть царицы, казнь сына, женитьбу на Марьѣ „Верблюковнѣ“, борьбу царскаго шурина съ Потаней, смерть царицы Марьи, (которая закололась), радость царя при видѣ спасеннаго царевича. Въ старинѣ 91 стихъ, поэтому сводка сдѣлана поверхностно и неполно. Варіанты бѣломорскаго собранія по удаленіи изъ нихъ того лишняго, что нанесли сказатели XX вѣка, не представляютъ ничего интереснаго для пополненія основного содержанія пѣсни.

Въ старинахъ, записанныхъ г. Григорьевымъ по р. Пинегѣ (первый томъ его собранія), прежде всего приходится отмѣтить, что онѣ гораздо ближе предыдущихъ къ обычному содержанію пѣсенъ о Кострюкѣ-Мастрюкѣ, но тоже въ достаточной степени испорчены, особенно въ собственныхъ именахъ. Четыре варіанта распадаются на 2 пары, каждая особой „редакціи“ по замѣчанію собирателя. Варіанты каждой пары по своей поразительной близости другъ къ другу являются простыми перепѣвами одной и той же пѣсни. Первая пара №№ 29 (59) и 80 (116) разсказываетъ о женитьбѣ царя въ Большой Ордѣ у Кострюка Демрюковиця (во Тауліи городѣ, прибавляетъ № 80), куда онъ пышно выѣзжаетъ (со сватомъ—Микитой Родомановицемъ, прибавляетъ № 80). По возвращеніи въ Москву устраивается свадебный пиръ, на которомъ Кострюкъ-Демрюкъ проситъ борцовъ, скликать кото-

рыхъ царь поручаетъ Микитѣ Радомановицу. На зовъ являются три брата—Мишенька, Гришенька и Васенька хроменькій, который, собственно, и является побѣдителемъ, хотя „до земли не допускаетъ“. Варіантъ № 80 (116) прибавляетъ въ этомъ мѣстѣ предупрежденіе царицы—не бороться—и вводитъ подробность изъ пѣсенъ о Василіи пьяницѣ, заставляя Васеньку три раза опохмеляться передъ борьбою. Пѣсни оканчиваются заклятіемъ Кострюка и Марьи не бывать больше въ Москвѣ. Итакъ эта „редакція“ представляетъ контаминацію съ уклономъ къ Пѣснѣ объ отбитомъ наѣздѣ.

Вторая пара—№№ 101 (137) и 120 (156)—находится также въ тѣснѣйшей связи между собою. Если первыя двѣ представляли обычный типъ пѣсенъ о Кострюкѣ-Мастрюкѣ съ уклономъ къ Пѣснѣ объ отбитомъ наѣздѣ, то вторыя ближе къ Пѣснѣ о царской женитьбѣ, въ частности къ варіанту Кирши, судя по зачину. Царь собирается жениться на Марьѣ Темрюковнѣ въ „невѣрной землѣ“, беретъ съ собой провожатыхъ (въ томъ числѣ какихъ-то „церквасыновей“). На свадебномъ пиру Кострюкъ-Темрюкъ мраченъ. На вопросъ Микиты Романовича, онъ отвѣчаетъ, что прошелъ тридцать городовъ, по себѣ борцовъ не нашелъ. Микита Романовичь, „стольникъ царевъ“, достаетъ ему борцовъ—Ваську маленькаго и Потаньку хроменькаго, оказавшихся дѣтьми „Ондрея Павженина“. Обрадованный Кострюкъ скачетъ черезъ столы, давитъ гостей. Борьба изображена неясно: участвуютъ какъ будто оба борца. Царица Марья обращается къ царю съ укоромъ, зачѣмъ спустили Кострюка нагимъ? Царь отвѣчаетъ, что такъ на Москвѣ водится, кто съ кѣмъ борется. (Въ старинѣ № 120 (156) сдѣланъ неясный намекъ на то, что Кострюкъ оказался дѣвицей).

Архангельская губернія, наконецъ, дала варіанты пѣсенъ о Кострюкѣ-Мастрюкѣ въ третьемъ мѣстѣ—на р. Печорѣ [1]). Собиратель записалъ свой матеріалъ въ двухъ волостяхъ Усть-Цылемской и Пустозерской. Старины той и другой волости, по наблюденію г. Ончукова, различны по содержанію и по репертуару. Причину разницы собиратель видитъ въ происхожденіи усть-цы-

[1]) И. Е. Ончуковъ. Печорскія былины. Спб. 1904.

лемовъ и пустозеровъ. По его мнѣнію, первые являются потомками новгородскихъ колонистовъ, представителей „чистой земли“, вторые произошли отъ служилыхъ людей Московскаго государства, можетъ быть—отъ той челяди, которая сопровождала опальныхъ московскихъ бояръ, часто отправляемыхъ въ этотъ край въ ссылку. Разница въ происхожденіи отразилась и на міросозерцаніи заслушанныхъ сказателей: въ старинахъ у усть-цылема — идеалы нравственные, у пустозера—скорѣе политическіе. Пустозеры любятъ присоединять къ старинамъ разныя преданія, преимущественно о царѣ Грозномъ. „Мнѣ попадались, говоритъ г. Ончуковъ, старинщики-пустозеры, которые разсказывали объ Иванѣ Грозномъ такъ, какъ будто царь этотъ жилъ лѣтъ 30 назадъ, на ихъ памяти [1]).

Однако разсужденіе г. Ончукова о не новгородскомъ происхожденіи пустозеровъ встрѣчаетъ основательныя возраженія. Самъ же собиратель разсказываетъ, какъ одинъ старинщикъ изъ дер. Бѣдовой упорно передавалъ ему преданіе, что пустозеры — новгородцы, потомки бѣжавшихъ изъ Новгорода во время казней Ивана Грознаго. Того же мнѣнія держались Озерецковскій и Латкинъ, цитируемые г. Ончуковымъ. Подтверждая свою гипотезу, г. Ончуковъ говоритъ, что такія пѣсни, какъ „Василій Буслаевъ“ не по нраву пустозеру: „своевольный Васька Буслаевъ, сомнительно, пользуется ли его сочувствіемъ“ [2]).

Между тѣмъ изъ записанныхъ—71 устьцылемской старины и 30—пустозерскихъ пѣсни о Василіи Буслаевѣ встрѣчаются: въ первыхъ—въ 3 плохихъ варіантахъ (изъ нихъ одинъ въ 10 строкъ), а во вторыхъ—въ пяти, сравнительно хорошаго содержанія. Какъ же согласить этотъ фактъ съ вышеприведеннымъ замѣчаніемъ? Приходится, слѣдовательно, согласиться съ мнѣніями тѣхъ, которые считаютъ пустозеровъ новгородцами.

Установленіе новгородскаго происхожденія части печорскихъ старинъ имѣетъ значеніе и для разбираемаго цикла пѣсенъ. При разборѣ Пѣсни о царской женитьбѣ я указалъ на ея преимущественное нахожденіе въ казацкой украйнѣ. Печорскіе варіанты

[1]) О. с. стр. XIII.
[2]) Ibid. стр. XIV.

записаны исключительно отъ пустозеровъ: врядъ ли пѣсня, носящая характеръ памфлета, была занесена московскими служилыми людьми, а не протестантами-новгородцами. Короче говоря—одна изъ частей контаминаціи—Пѣсня о царской женитьбѣ съ большимъ успѣхомъ держалась среди лицъ не московскаго происхожденія.

Печорскіе варіанты, ихъ—три, представляютъ также перепѣвъ обычной контаминаціи, съ уклономъ или къ Пѣснѣ объ отбитомъ наѣздѣ или къ Пѣснѣ о царской женитьбѣ.

Къ первой пѣснѣ уклоняется старина № 77, очень сжатая (40 стиховъ: сказатель, 80-лѣтній старикъ, многое позабылъ изъ своего прежде хорошаго репертуара), передающая разсказъ о единоборствѣ Кострюка (оказавшагося дѣвицей) съ Потанюшкой хроменькимъ и причети убѣгающаго героя. О женитьбѣ упомянуто вскользь.

Старина № 91 начинается разсказомъ о женитьбѣ и исчисленіемъ приданаго въ обычномъ изложеніи. Характерна замѣна „пятисотъ донскихъ казаковъ“—„пятьюстами стременныхъ стрѣльцовъ“. Кострюкъ борется съ Потаней, который, подобно Василію Пьяницѣ, опохмеляется трижды (чѣмъ напоминаетъ старину № 80 (116) собранія г. Григорьева). Борьба кончается бѣгствомъ нагого Кострюка подъ крыльцо и уходомъ царя съ царицей „въ ложню теплую“. Спѣвъ старину, сказатель (Павелъ Марковъ) дополнилъ ее разсказомъ: „Марья Темрюковна осердилась на царя Ивана, что позволилъ Потанѣ посрамить ея родного брата Кострюка; она вызвала Ивана Васильевича „поединщикомъ на поле битця-боротце“. При царскомъ дворѣ былъ бояринъ Бѣльской, такъ же какъ царь лицомъ и возрастомъ; Марья Темрюковна уѣхала впередъ на поле, а Бѣльскаго срядили въ царское платье и послали драться съ ней. „Бѣльской выѣхалъ, разъѣхались, Бѣльской царицу копьемъ шшипъ, она съ лошади пала, а Бѣльской сѣлъ ей на бѣлы груди да и распоролъ груди бѣлыя, а царица говоритъ: Не быть то Ивану Васильевичу, быть собакѣ Бѣльскому“. [1])

[1]) Обращу вниманіе, что любимецъ Ивана звался: Григорій Лукьяновичъ Скуратовъ-Бѣльскій-Малюта.

Наконецъ, старина № 98 передаетъ эпизодъ о женитьбѣ и единоборствѣ Кострюка-Мострюка Степановича съ Потаней хроменькимъ, распространенный заимствованіями изъ обще-эпическаго запаса и разработкой картины борьбы, кончающейся обнаженіемъ дѣвицы Кострюка. Царица изображается и здѣсь богатыршей:

94. Понесла то гнѣвъ царица на царя Грознаго:
Руку накинетъ, дакъ пышитъ одва,
Ногу накинетъ, дакъ дышитъ одва.

Тѣмъ и освободился царь, что помѣнялся платьемъ съ „дядюшкой Микитушкой“, который и укротилъ царицу. Сказатель заключилъ старину также прозаическимъ разсказомъ: „Царица Марья хотѣла задушить Ивана Васильевича за то, что тотъ позволилъ Потанѣ осрамить ея родную сестру. Узнавъ о покушеніи, дядя царя Никита Романовичъ „снялъ съ ней роту—дубьемъ отодралъ“.

Вышеприведенные пересказы новѣйшихъ собраній, въ сущности, утратили свою типическую физіономію контаминированныхъ пѣсенъ о Кострюкѣ-Мастрюкѣ такъ, какъ она познается въ болѣе старыхъ сборникахъ. Спайка въ нихъ сдѣлана тѣснѣе: нѣтъ ярко выраженныхъ чертъ ни Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ, ни Пѣсни о царской женитьбѣ. Причиной такой затушеванности служитъ, такъ сказать, вторичная проработанность контаминаціи, дополненіе ея вставками изъ эпическаго запаса. Послѣдній отчасти обще извѣстенъ, отчасти же новые варіанты пользуются матеріаломъ мало извѣстнымъ. Таково представленіе царицы Марьи Темрюковны какой-то богатыршей, роль Бѣльскаго, который былъ уже слабо намѣченъ нѣкоторыми варіантами Пѣсни о царской женитьбѣ подъ именемъ Богдана Сирскаго. Привнесеніямъ этимъ должно быть дано иное мѣсто, иное объясненіе. По удаленіи позднѣйшаго слоя привнесеній и печорскія старины, какъ и другія новѣйшихъ собраній, не даютъ поправокъ основной пѣснѣ, развѣ только подкрѣпляютъ нѣкоторыя детали.

Новѣйшіе варіанты по своему плану начинаются съ указанія на царскую женитьбу, о которой сказатели, впрочемъ, скоро забываютъ, стремясь къ излюбленному эпизоду единоборства. Конча-

ются варіанты, большею частью, причетью побѣжденнаго, убѣгающаго Кострюка. Начало поэтому совпадаетъ съ органической частью плана Пѣсни о царской женитьбѣ; конецъ — причеть побѣжденнаго, какъ будетъ видно ниже, органична для Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ. Итакъ—новѣйшіе варіанты, начиная одной пѣсней, кончаютъ разсказъ другой, т. е. являются разработкой уже контаминированной пѣсни. Дополненныя различными подробностями, они опустили рядъ прежнихъ, болѣе архаичныхъ, поэтому и планъ ихъ не совпадаетъ въ деталяхъ ни съ первой ни со второй пѣсней.

Стройный планъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ выявляется изъ старинъ сборниковъ: Кирѣевскаго, вып. VI, стр. 172; Рыбникова I, 68; II, 36 и 37; III, 44, IV, 16, Гильфердинга №№ 24, 193, 261 и 317; итого 10 варіантовъ. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще два варіанта Новгородской губерніи, нѣсколько испорченныхъ. Въ первомъ, записанномъ въ Кирилловскомъ у. (напечатанъ Шейномъ въ „Чтеніяхъ О. И. и Д. Р.“ 1877, кн. III, стр. 56) въ каменну Москву приходитъ „Паштрукъ, пашъ турецкій“ и говоритъ:

5. Ужъ вы гой еси, цари бѣлые
Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
Московскіе управители всей Москвы?
Дайте мнѣ супротивничка-борца поборотися,
Если вы не найдете, то васъ въ пастухи найму.

Посылаютъ искать двухъ братьевъ, Степаньку маленькова и Ваську коротенькова, находятъ въ кабакѣ. Ихъ опохмеляютъ, объясняютъ причину вызова. „Паша“ разгорѣлся, выскочилъ, подавилъ гостей. Васька спрашиваетъ царя:

44. Смѣть ли намъ съ этакимъ невѣжей поборотися?

Царь отвѣчаетъ:

45. Какъ бы вамъ Богъ помогъ...

Васька грянулъ пашу о землю такъ, что „сыра земля раздалася на казенную сажень“. Въ награду просятъ борцы—попить-погулять.

Другой записанъ Б. и Ю. Соколовыми въ Бѣлозерскомъ у. и помѣщенъ въ ихъ сборникѣ „Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края“, № 12. „Кострюкъ Мастрюкъ Милитюковичь пріѣзжаетъ въ Москву“

6. Съ той ли онъ со дѣвушкой,

Съ той ли со пухавушкой [1])
Со царицёю нерусскою...

И здѣсь, какъ и въ предыдущемъ, но еще полнѣе, оттѣненъ мотивъ вражескаго нашествія:

11. Закрицялъ жижнымъ голосомъ:
Што давайте намъ, благовѣрной цярь,
Ишше три дворика и три постоялые,
Широки три разъѣзжалые.
Не то зайду съ краю—Москву вырублю,
А зайду съ другово—Москву выпалю,
А тебя царя въ полонъ возьму,
Съ божьифъ церквей кресты сниму.

Далѣе — обычно: царь созываетъ борцовъ: выискивается Потанюшка маленькій—коротенькій—хроменькій—шепелявый, зоветъ Кострюка выйти въ поле и кидаетъ его подъ облака. У Кострюка лопается кожа. Дѣвушка пухавушка, царица нерусская пеняетъ Потанѣ:

61. Ишшо што это у тебя за боротьё,
За медвѣжья ухватоцька?

Этимъ кончается варіантъ, основанный также на изложеніи, главнымъ образомъ, единоборства. Эти варіанты даютъ достаточно матеріала для приблизительной реконструкціи основной пѣсни.

Анализъ варіантовъ буду производить по частямъ плана разбираемой поэтической композиціи.

1) Пѣсня начинается непосредственно съ разсказа о походѣ крымской поляницы удалой (крымской царицы, купавы, дочери царя Турскаго) на Русь. Поляница поднялась съ войскомъ и Кострюкомъ. Не доѣзжая до Москвы, крымцы остановились лагеремъ въ полѣ. Старина Р. П. 36 разсказываетъ, какъ „при блаженныя памяти“ (царя Ивана) крымская царица сговорилась съ Кострюкомъ „ѣхать въ землю Россійскую“— выкликать поединщика побороться съ Кострюкомъ, „его силы отвѣдати и плеча богатырскаго“.

17. Они ѣхали-поѣхали,

---

[1]) купавушкой.

До Москвы не доѣхали.
Середи поля пріѣхали,
Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго,
Да шатры то раздернули,
Шатры полотняные,
Да ковры то шелковые...
30. Да послали скора посла,
Скора посла скоморошину

—принимать „поленицу удалую“ и отвѣдать силы молодого Кострюка. Старина Г. 261 даетъ точное географическое указаніе, гдѣ былъ разбитъ этотъ крымскій станъ:

1. На горахъ было да Воробьевыихъ,
На мѣстахъ было да на знакомыихъ,
Становилися да пораздернули
Шатры да бѣлъ полотняны...

Изъ лагеря были отправлены послы къ царю Ивану Васильевичу съ требованіемъ, чтобы въ Москвѣ былъ приготовленъ крымцамъ отмѣнный пріемъ. Послу предписано изложить свои требованія строго, „съ прикладкою“, какъ „великую грозу“.

Въ старинѣ Р. III, 44, вообще наиболѣе полно передающей пѣсню, дано содержаніе „посольной грамоты“:

92. Ай же ты, Грозный царь
Иванъ Васильевичъ!
Вотъ тебѣ грамота посольная
Отъ Кострюка сына Кострюкова:
Чисти улки съ пріулками,
Конюшни споражнивай,
Дворы разглаживай,
Питья размѣривай,
Ѣства налаживай!
Ѣства были бы сахарныя,
А питья медвяныя.
И вываживай налаживай
Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
Молодушекъ станицами,

Удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками.

Смыслъ этой грамоты — точное установленіе дани. Нужно думать, что указаніе на дань, требуемую крымцами, было и въ основной пѣснѣ потому, что упоминаніе о „пошлинахъ“ зашло въ первую пѣсню, гдѣ оно смысла не имѣетъ. Царскій шуринъ Пѣсни о царской женитьбѣ, гость на свадебномъ пиру, неожиданно рисуется насильникомъ:

29. Онъ и хочетъ съ насъ пошлины брать—
Съ воротъ поворотныя,
А съ дымовъ подымовныя,
Съ молодицъ повалешныя,
А съ дѣвицъ повѣнешныя. (Кир. VI. стр. 121).

Органичная для разбираемой, эта регламентація дани въ первой пѣснѣ сохранилась, впрочемъ, не какъ юридическое воспоминаніе, а какъ сатирическое осмысленіе. Царскій шуринъ хвастается:

48. Да буду брать пошлину—
Со стариковъ похоронное,
Со старухъ повивальное,
Съ бабъ повалешное,
Съ красныхъ дѣвокъ повѣнешное. (Кир. VI, стр. 129).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ уже замѣтны слѣды позднѣйшаго измѣненія разбираемаго начала пѣсни. Такъ въ старинѣ Кир. VI, стр. 172 — купава собирается на Русь съ „сыномъ“ Кострюкомъ, изображается „съ уклонкою, съ ласковымъ словцомъ“, сына учитъ также быть ласковымъ и тихимъ:

13. Ужъ ты кланяйся по низешеньку,
А слова говори по гладешеньку,
А кресты веди по писанному.

Въ варіантѣ Соколовыхъ—„пухавушка“—любовница Кострюка. Подробности эти не имѣютъ никакого отношенія къ дальнѣйшему разсказу.

Въ другихъ пересказахъ (Р. I, 68, II, 36 и Г. 24) измѣненія явились результатомъ отмѣченной не разъ редакціонной обработки, выражавшейся въ стремленіи сосредоточить вниманіе на внѣшнемъ заманчивомъ мотивѣ пѣсни—борьбѣ героя съ русскими

удальцами. Интересъ къ изображенію борьбы настолько овладѣвалъ сказателями, что они спѣшили охарактеризовать Кострюка прежде всего, какъ борца. Поэтому Кострюкъ изображается посылающимъ гонца въ Москву не столько за данью, сколько за вызовомъ борцовъ, „побороться“. На этотъ вызовъ царь тотчасъ же отликается, говоря, что борцы „у него уже готовы“. Неожиданное требованіе борцовъ со стороны подступившаго къ Москвѣ крымца нарушаетъ теченіе разсказа, такъ какъ Кострюкъ все равно будетъ снова просить борцовъ, когда сядетъ за столъ царскій. Старина Р. I. 68 говоритъ даже о троекратномъ вызовѣ борцовъ: первый разъ Кострюкъ проситъ ихъ черезъ посла (стихъ 35), второй—лично самъ у царя (стихъ 51), наконецъ, третій—кричитъ на все государство Московское, вызывая охотниковъ побороться (стихъ 86).

Подробности также лишнія, не имѣвшія мѣста въ основной пѣснѣ. Несомнѣнно, здѣсь на лицо эпическое повтореніе, съ которымъ не разъ придется встрѣчаться въ дальнѣйшемъ разсказѣ.

2) Посолъ пріѣзжаетъ въ Москву и излагаетъ требованія крымцевъ. Царь дѣлаетъ приготовленія къ пріему. Вслѣдъ за посломъ въѣзжаютъ и крымцы—поляница и Кострюкъ. Послѣдній выступаетъ буйнымъ и грубымъ богатыремъ по обычному эпическому шаблону: идетъ по мостамъ, мосты зыблются, по переходамъ—переходы колеблются; креста не кладетъ, царю не бьетъ челомъ; (его поведеніе, какъ насильника, разработано по мотивамъ характеристики Идолища). Грубость крымца въ этомъ мѣстѣ органична. Настоятельно и рѣзко требуетъ онъ себѣ супротивниковъ—борцовъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, какъ слѣдуетъ расправиться съ царемъ, „полонить“ его, а саму Москву „головней прокатить“, „спалить царство Московское“.

Пересказы, будучи сходны въ этой части повѣствованія, даютъ общее впечатлѣніе вражескаго набѣга крымскихъ татаръ на Москву съ неизбѣжнымъ сожженіемъ города. Кромѣ того ими оттѣнена высокомѣрная заносчивость крымцевъ.

3) Царь Иванъ Васильевичъ всячески чествуетъ пришельцевъ, поднося дары, устраивая почестный пиръ. Самъ въ то же время приказываетъ кличъ кликать, искать борцовъ—потягаться съ Ко-

стрюкомъ. Въ изображеніи отношеній царя къ Кострюку пересказы оттѣняютъ это стараніе угодить крымцу, какъ будто—нѣкоторую робость, выразившуюся въ предупредительной поспѣшности царя исполнить требованія. Грозный царь тотчасъ же отвѣчаетъ скорому послу—скоморошинѣ:

50. Конюшни то у меня испростаны,
Дворы то—испорожнены.

Въ этой части плана два пересказа (Р. III, 44, и Г. 193) вводятъ слѣдующую подробность: царь поручаетъ скликать борцовъ особому лицу—дьяку Ѳедькѣ. Эта подробность—введеніе личности позовщика не органична для разбираемой пѣсни и зашла сюда изъ первой, гдѣ вызовомъ борцовъ завѣдуетъ Никита Романовичъ. Неизвѣстный „дьякъ Ѳедька", замѣнившій царскаго шурина, указываетъ именно на заимствованіе мотива изъ Пѣсни о царской женитьбѣ, причемъ сказатели не понимали, какое значеніе придается этому позовщику въ первой пѣснѣ.

4) Являются призванные борцы. По мѣрѣ приближенія пѣсни къ разсказу о единоборствѣ появляется все больше и больше точекъ соприкосновенія съ первой пѣсней, такъ какъ единоборство служитъ въ тоже время центральной частью и Пѣсни о царской женитьбѣ.

Борцовъ, въ силу эпическаго повторенія, двое. Когда Кострюку доложили, что „борцы на дворѣ", онъ грубо скачетъ черезъ столы и давитъ гостей. Съ этой подробностью приходилось встрѣчаться уже въ первой пѣснѣ. Здѣсь она не органична и приплетена, вѣроятно, для того, чтобы оттѣнить грубость Кострюка. И не только этой подробности,—всего разсказа о приходѣ борцовъ не было въ основной пѣснѣ, такъ какъ мотивъ единоборства, какъ будетъ указано ниже, органиченъ лишь для одной изъ нихъ.

Въ двухъ варіантахъ, наиболѣе уклоняющихся отъ обычнаго содержанія разбираемой пѣсни, завязка единоборства излагается нѣсколько иначе.

Въ старинѣ Г. 261 разсказывается, что царь, у котораго борцовъ не случилось, собираетъ пиръ, чтобы посовѣтоваться. Такимъ образомъ пиръ по случаю встрѣчи крымцевъ—забытъ.

На пиру „честная вдова Апраксія“ указываетъ на своихъ сыновей—Ванюшку и Потанюшку маленькаго, которыхъ царь и приглашаетъ участвовать въ борьбѣ. Кострюкъ за столомъ напивается и начинаетъ ругать Потаню. Отсюда—завязка борьбы.

Въ этомъ разсказѣ слѣдуетъ, съ одной стороны, отмѣтить воздѣйствіе обще эпическихъ пріемовъ, выразившихся въ введеніи въ locus communis пира мотива ссоры и, далѣе, роли честной вдовы, напоминающей мать Хотѣна. Съ другой—имя Потани, органичное для Пѣсни о царской женитьбѣ, предполагаетъ воздѣйствіе послѣдней.

Въ такомъ же родѣ варіантъ Г. 317. На зовъ Никиты Романовича откликаются у старухи въ кузницѣ три брата: Васенька, Потанюшка и Мишенька хроменькій. Послѣдній и побѣждаетъ Кострюка. Имена Никиты Романовича и Потани снова указываютъ на вліяніе первой пѣсни и на введеніе подробностей, взятыхъ изъ сказочныхъ мотивовъ. Обѣ эти старины, отличаясь въ разбираемомъ мѣстѣ отъ обычнаго изложенія, и въ дальнѣйшемъ представляютъ нѣкоторыя уклоненія. Въ обѣихъ—борьба Кострюка оканчивается тѣмъ, что побѣдитель снимаетъ платье съ противника, который оказывается дѣвицей. За побѣжденнаго заступается царица (крымская—у Г. 261, носящая имя Марьи—у Г. 317), которая запрещаетъ надругаться надъ Кострюкомъ; царь, однако, хвалитъ и награждаетъ борцовъ. Не трудно видѣть, что всѣ эти подробности являются механическимъ заимствованіемъ изъ Пѣсни о царской женитьбѣ, живыми нитками пришитымъ къ пѣснямъ, въ остальномъ сохраняющимъ планъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ.

Обыкновенно, какъ указано выше, борцовъ—двое. Разбираемая пѣсня, конечно, должна была выставлять кого-либо въ противники крымцамъ. Если въ основной пѣснѣ не было самого факта борьбы, то органиченъ былъ противникъ, носившій какое-либо имя. Въ Пѣснѣ объ отбитомъ наѣздѣ, дѣйствительно, имена „борцовъ“ иныя, чѣмъ въ первой. Въ значительномъ большинствѣ варіантовъ (Р. I, 68, II, 36 и 37; III, 44; Г. 24 и 193) они называются—Ѳедька и Михалка. Если варіантъ Г. 193 и упоминаетъ въ началѣ Иванку и Михалку, то въ дальнѣйшемъ сказатель все-таки поправился и пѣлъ про Ѳедьку и Михалку.

5) „Хлѣбъ-соль на столѣ, а борцы—на дворѣ“—обычное обращеніе къ Кострюку, чтобы сообщить ему о приходѣ борцовъ. Этимъ выраженіемъ вводится собственно эпизодъ единоборства. Такъ какъ варіанты разбираемой пѣсни, какъ и предыдущей, разрабатываютъ, главнымъ образомъ, мотивъ борьбы,—который и явился главной причиной контаминаціи ихъ, то, будучи до сихъ поръ сходными даже въ подробностяхъ, они въ этой части повѣствованія представляютъ много разнорѣчій.

По закону эпическаго повторенія борьба чаще всего происходитъ съ двумя борцами поочередно.

Это явленіе наблюдалось и въ Пѣснѣ о царской женитьбѣ; и тамъ и тутъ оно не органично. Гораздо важнѣе для второй пѣсни указаніе, что роковымъ для Кострюка всегда оказывается Михалка, Михаилъ Ивановичъ:

55. Выходили на широкій дворъ
Михайла Ивановичъ
Съ Кострукомъ Черкашениномъ.
Кострукъ Михаила разъ поткнетъ,
Кострукъ Михаила второй поткнетъ,—
Михайла расходился,
Михайла разсердился:
Коструку ноги выломалъ,
Коструку глаза выкопалъ,
Изъ платьевъ вонъ вытрехнулъ (Р. II. 37).

Иначе—Михалка подбрасываетъ Кострюка выше церквей московскихъ (Р. I. 68), которыя въ старинѣ Р. III. 44 перечисляются:

231. Вздымливалъ повыше себя,
Выше церкви соборныя
Михаила архангела,
Креста Благовѣщенска,
Ивана Великаго.

Очень рѣдко (Г. 24) и довольно нескладно борьба ведется Кострюкомъ заразъ съ обоими борцами. Къ подобному изображенію склонны и новѣйшія старины, но справиться съ описаніемъ также не могутъ.

Что Михалка былъ лицомъ не случайнымъ среди другихъ

именъ борцовъ—противниковъ и побѣдителей Кострюка, доказываетъ старина Р. IV, 16. Извѣстный „борецъ“ Кострюкъ, изошедшій въ поискахъ борцовъ 70 городовъ, пріѣжаетъ въ Москву и говоритъ:

7 Ежели нѣтъ у васъ молода борца,
Всю Москву за щитомъ возьму,

т.-е. поступитъ съ Москвою такъ же, какъ и съ предыдущими городами. Противниковъ этому насильнику ищетъ „Михайла князь московскій,“ который пишетъ ярлыки скорописчаты. Идутъ вдовины дѣти: Иванушка, Михайло и Потаня. Побѣдителемъ оказывается послѣдній. Въ этомъ варіантѣ Михайло изъ простыхъ борцовъ попалъ, такъ сказать, въ политическіе противники Кострюка.

Особенное измѣненіе въ пересказахъ потерпѣло описаніе исхода единоборства. Осложненіе выразилось, прежде всего, въ постепенной разработкѣ подробностей борьбы и усиленіи изображенія побѣды, выразившемся не только въ посрамленіи, но и въ увѣчьѣ противника. Много матеріала для этого осложненія дала первая пѣсня, гдѣ борьба является также центральной частью. Перекрестное вліяніе въ данномъ мѣстѣ было на столько интенсивно, что не легко разобрать, что принадлежитъ органически первой и что—второй пѣснѣ. Можно отмѣтить пока то, что борьба Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ должна кончиться не только тѣмъ, кто кого „повылупитъ изъ одежи“. Въ этой борьбѣ трудно найти намекъ на увеселительное состязаніе, на которое вызывалъ Мастрюкъ, желая потѣшить новобрачныхъ.

Наростаніе подробностей побѣды въ варіантахъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ идетъ въ такомъ порядкѣ. Сначала Кострюкъ, подброшенный борцомъ, падаетъ на землю, и на немъ „лопается рубашка“. Побѣжденный герой въ то же время посрамленъ: „былъ во всемъ, оказался ни въ чемъ“. Этотъ срамъ юмористически оттѣнялся пикантной подробностью нѣкоторыми варіантами Пѣсни о царской женитьбѣ, заставлявшими Кострюка превращаться въ дѣвицу. Въ разбираемой пѣснѣ эту подробность сохранили старины Г. 261 и 317, которыя, какъ уже было сказано, имѣютъ наклонность дѣлать механическія заимствованія изъ варіантовъ первой пѣсни.

Дальнѣйшее развитіе исхода борьбы въ пересказахъ второй пѣсни выражается въ томъ, что у Кострюка лопается не рубашка, а—кожа на тѣлѣ „отъ шеи до гузна“ или—„брюшина“. Однако и этого увѣчья не достаточно: борцы выламываютъ Кострюку руки-ноги, выкапываютъ очи, а потомъ уже—„вытряхиваютъ изъ платья“. Трудно представить, какъ могъ столь изувѣченный, ослѣпленный Кострюкъ не только со срамомъ уѣхать обратно, но хотя бы встать тутъ же съ мѣста. Впрочемъ старины Р. I. 68, Г. 24 и 193 говорятъ, что Кострюку „славу выпѣли“, т.-е. намекаютъ этимъ, что спутникъ крымской поляницы былъ убитъ.

Логическія несообразности: съ одной стороны смертельное увѣчье, съ другой—благополучный, хотя и со срамомъ уѣздъ побѣжденнаго Кострюка указываютъ на два различныхъ исхода столкновенія. Наслоенія въ первой пѣснѣ такъ или иначе можно снять потому, что въ ней борьба носитъ спортивный характеръ и въ основѣ своей не имѣетъ ничего трагическаго. Иное дѣло исходъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ: онъ долженъ былъ быть кровавымъ. Грозное требованіе Кострюка—достать борцовъ и, въ случаѣ отказа или побѣды, попалить и поплѣнить Московское государство въ основной пѣснѣ было тѣсно связано съ исходомъ. Послѣдній логически влекъ за собой или плѣнъ и разореніе или освобожденіе отъ крымцевъ. Для самого царя и то и другое было очень важно. Поэтому тѣ подробности варіантовъ, гдѣ царь Иванъ Васильевичъ не только обѣщаетъ въ случаѣ побѣды щедро наградить борцовъ, но и призываетъ на нихъ благословеніе Божіе:

106. Помоги тебѣ, Господи,
Да пособи тебѣ, Господи! (Р. II, 36. То же у Г. 193)

или зашедшее въ первую пѣсню:

56. Дивы вамъ Господь пособилъ,
Пособили чудотворцы московскіе! (Р. IV, 15)

должны быть отнесены къ основной пѣснѣ.

Шутливымъ описаніемъ такое столкновеніе выразится не могло: уѣздъ поляницы явился результатомъ побѣды русскихъ надъ крымцами, символизованной убіеніемъ насильника Кострюка. Отсюда—весь эпизодъ единоборства, какъ спортивнаго состязанія,

долженъ быть выдѣленъ изъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ, признанъ неорганическимъ и всецѣло отнесенъ къ Пѣснѣ о царской женитьбѣ, какъ покажутъ дальнѣйшія соображенія.

6) Варіанты пѣсни оканчиваются изображеніемъ отъѣзда крымцевъ и славой. Всѣ они согласно передаютъ, какъ послѣ побѣды надъ Кострюкомъ поляница крымская собирается вонъ изъ Москвы. Уѣзжаютъ крымцы огорченными, („Пошла пава, заплакала“—у Р. I, 68) „по заднимъ по выходамъ“, закаиваясь „болѣ ввѣкъ въ Москвѣ да не бывать“. За то царь радуется и веселится:

122. А живетъ-то нашъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
А живетъ-то онъ, да звеселяется,
Звеселяется въ своихъ да радостяхъ,
Онъ своими-то же воинами защитается,
А живетъ-то онъ безъ всякой опасности,
А вѣкъ по вѣку, отнынѣ до вѣку, аминь! (Г. 24).

Въ этомъ родѣ былъ исходъ основной пѣсни. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ онъ развитъ подробностями, явившимися результатомъ или разработки мотивовъ или заимствованій изъ первой пѣсни.

Такъ, въ старинѣ Р. П. 37 крымская „царица“, прежде чѣмъ „некрасно“ снарядиться и уѣхать изъ земли Московской, обращается къ борцамъ съ укоромъ за причиненное Кострюку увѣчье:

69. Ай же вы, глупые русскіе борцы!
На что было рука-нога ломить,
Зачѣмъ было глаза выкопать
И изъ платьевъ вонъ повытряхнуть!

Эти слова укора—неумѣстны. Побѣжденная, собирающаяся со срамомъ бѣжать поляница не имѣла ни права, ни возможности порицать русскихъ. Подобное обращеніе—органическая принадлежность первой пѣсни. Тамъ эти укоры вполнѣ естественны, такъ какъ царица играетъ совершенно иную роль, она въ опредѣленныхъ отношеніяхъ и къ царю и къ побѣжденному татарину. Встрѣчающіяся изрѣдка во второй пѣснѣ эти укоризненныя слова царицы доказываютъ свою неорганичность тѣмъ, что вездѣ они передаются неотчетливо.

Въ старинѣ Г. 193 они изложены даже косвенной рѣчью. И неизвѣстно, кто царицѣ возразилъ на это:

91. Царица не попурхивай,
Крымска не помахивай,
Не выѣхать съ нашего граду.

И какъ бы въ подкрѣпленіе этихъ словъ, царицѣ, дѣйствительно, не пришлось выѣхать изъ города, ее „въ полонъ взяли".

Въ переходныхъ пѣсняхъ (Г. 261 и 317) отмѣчено такое же заступничество царицы. Отвѣтъ ей вложенъ въ уста Потани. Въ старинѣ Г. 317 царица получаетъ отповѣдь отъ царя, награждающаго борцовъ. Обыкновенно безымянная крымская царица здѣсь носитъ, какъ указано, имя Марьи, т.-е. Марьи Темрюковны первой пѣсни. Поэтому роль царицы въ исходѣ пѣсни должна быть отброшена.

Такимъ образомъ вторая пѣсня разсказываетъ о томъ, какъ крымская поляница (имени нѣтъ) съ войскомъ и богатыремъ Кострюкомъ (имя въ пѣснѣ вездѣ одинаково) подходятъ къ Москвѣ и располагаются станомъ. Крымцы держатся вызывающе, выставляютъ грозныя требованія. Ихъ приходъ наводитъ на Москву ужасъ, но дѣло оборачивается такъ, что крымцамъ самимъ приходится уйти со срамомъ. Въ Москвѣ, у царя—радость по случаю освобожденія.

Рѣшающимъ моментомъ для отступленія поляницы служитъ исходъ борьбы Кострюка съ русскимъ удальцомъ. Столкновеніе кончилось весьма печально для нахвальщика, и поляница должна была признать себя побѣжденной.

Въ Пѣснѣ о царской женитьбѣ центральная часть занята повѣствованіемъ о подобной же борьбѣ нахвальщика съ русскимъ борцомъ. Для героя этой пѣсни исходъ борьбы также печаленъ. Однако въ описаніи исхода борьбы, во всемъ остальномъ повѣствованіи и въ именахъ обѣ пѣсни ничего общаго между собою не имѣютъ. Соединяетъ ихъ, слѣдовательно, вставка одного и того же эпизода. Гдѣ нибудь, но только въ одной пѣснѣ, этотъ эпизодъ, какъ уже отмѣчено, долженъ быть органичнымъ.

Трудно предположить изъ контекста второй пѣсни именно въ ней органичность эпизода борьбы татарина съ русскимъ.

Припомню начало Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ.

Поляница и Кострюкъ собрались походомъ на Московское царство. Не доѣзжая до Москвы, раздернули они шатры среди поля, привязали добрыхъ коней — расположились ратнымъ станомъ и отправили пословъ къ царю Ивану Васильевичу. Посольство состояло въ грозномъ требованіи покорности и дани, а въ случаѣ отказа — содержало угрозу прокатить головней по всему царству и согнать большой полонъ.

Начало пѣсни разсказываетъ хотя объ обычномъ, но всегда серьезномъ набѣгѣ татарской орды на Москву. Поэтому исходъ, въ виду категорическихъ требованій татаръ, представляется важнымъ: дѣло должно разрѣшиться боемъ, добровольно никогда не сдавались. Между тѣмъ въ дальнѣйшемъ — никакого боя нѣтъ, и крымцы совершенно неожиданно требуютъ борца, съ кѣмъ бы одинъ изъ нихъ могъ „побороться - поваляться“. Кромѣ того желаніе этого состязанія, не разъ повторяемое, происходитъ на пиру у царя въ самой Москвѣ.

Въ описаніи борьбы варіанты даютъ рядъ комическихъ положеній. Ожидаемая трагедія разрѣшилась комедіей. Даже если бы Кострюкъ и погибъ въ борьбѣ, поспѣшность удаленія крымцевъ, словно послѣ жестокаго пораженія, ничѣмъ не мотивирована.

Между началомъ и продолженіемъ пѣсни — несомнѣнная разногласица. Подобное несоотвѣтствіе начала и конца — примѣръ въ старинахъ не единичный. Въ свое время былъ отмѣченъ аналогичный случай при разборѣ акад. В. Ѳ. Миллеромъ старинъ о Батыгѣ [1]). Изслѣдователь указалъ на „рѣзкое несоотвѣтствіе“ вступленія старины съ дальнѣйшимъ содержаніемъ. Написанное въ мрачномъ тонѣ вступленіе повѣствуетъ о плачѣ Богоматери, „вѣдающей невзгодушку великую“. На стѣнѣ Кіева Заступница плачетъ о судьбѣ города, потому что обложенный неисчислимой силой Батыевой, онъ неминуемо долженъ погибнуть. Предчувствіе Ея, однако, не оправдывается: по выраженію акад. В. Ѳ. Миллера огромныя силы Батыги „шутя искрошилъ кабацкій засѣдатель Василій пьяница“. Такая неожиданная развязка дала поводъ изслѣдователю видѣть въ разбираемой старинѣ двѣ слившіяся

[1]) См. Очерки русской народной словесности, часть I, стр. 312 и сл.

пѣсни, „изъ которыхъ одна послужила матеріаломъ для новой постройки“.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, входило ли такое несоотвѣтствіе въ намѣреніе поэта или явилось результатомъ позднѣйшей порчи, необходимо отмѣтить, что Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ въ своемъ позднемъ видѣ скомпанована аналогично. Если въ основной пѣснѣ вмѣсто борьбы трактовался бой, то подробности его были опущены или по ихъ трафаретности или — въ силу особыхъ условій, какъ будетъ указано ниже. Условія эти вытекали изъ взаимоотношеній дѣйствовавшихъ въ пѣснѣ лицъ и той роли, которую играла сама Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ.

Нравившійся эпизодъ борьбы русака съ пріѣзжимъ татариномъ притянулся въ пѣсню для того, чтобы еще болѣе оттѣнить радость по случаю освобожденія отъ возможнаго разоренія и въ то же время посмѣяться надъ крымцами. Такой эпизодъ уже былъ на лицо въ Пѣснѣ о царской женитьбѣ, построенной на веселой трактовкѣ борьбы пріѣзжаго „татарина“ съ русскимъ удальцомъ. Заимствованіе его во вторую пѣсню и было, какъ я говорилъ, причиной контаминаціи, причемъ эпизодъ борьбы вошелъ во вторую пѣсню или приспособляясь къ ней или почти безъ измѣненія. Варіанты уже не различали, гдѣ онъ ограниченъ, отсюда и въ той и въ другой пѣснѣ произошли обоюдныя заимствованія.

Обращусь къ дальнѣйшему содержанію пѣсни. Кострюкъ по въѣздѣ въ Москву приглашенъ царемъ на пиръ. Присутствіе буйнаго молодца привлекло въ описаніе пира мотивъ застольной кручины героя, подозрительнаго вопроса царя о причинѣ грусти и — хвастанья героя на пиру. (Старина Г. 317). Этотъ locus communis, отнюдь не способствующій движенію повѣствованія, служитъ введеніемъ къ заимствованію вышеизложеннаго эпизода борьбы татарина съ русскимъ: Кострюкъ, хвастаясь и чванясь на пиру, вызываетъ борцовъ съ нимъ помѣряться.

Пиръ и борьба, будучи органически связаны съ первой пѣснью, и обработаны въ ней болѣе детально. Во второй пѣснѣ подробности эти значительно сгладились. Нѣкоторые пересказы даже не знаютъ, въ какое мѣсто поставить самый вызовъ борцовъ и при-

бѣгаютъ къ эпическому повторенію, заставляя вызывать ихъ по два и по три раза.

Сама борьба какъ внезапно началась, такъ быстро и кончилась. Пѣсня о царской женитьбѣ указываетъ причины, ея вызвавшія, описываетъ пріемы самой схватки, впечатлѣніе, произведенное борьбою. Слушателямъ (или читателямъ) она предлагаетъ длительную картину, логически разработанную. Между тѣмъ сокращенная, почти безъ подробностей схватка Кострюка съ русскимъ вызываетъ эффектъ неожиданный — немедленные сборы въ путь крымской поляницы. Отъѣздъ ея можетъ быть мотивированъ только тѣмъ, что Кострюкъ погибъ въ этомъ бою. Однако не всѣ пересказы определенно говорятъ о гибели богатыря, часть ихъ намѣренно неясно передаетъ, уѣхала ли поляница одна или въ въ сопровожденіи Кострюка.

Тамъ, гдѣ есть намекъ на гибель послѣдняго, можно считать сохраненіе впечатлѣнія отъ трагической развязки, достойно завершившей надменный приходъ крымцевъ.

Современные варіанты, забывъ основное содержаніе Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ, выдѣляя мотивъ единоборства, развивая его по первой пѣснѣ, совершенно не объясняютъ спутника Кострюка — крымской поляницы. Ея обликъ чрезвычайно туманенъ.

Не давая поляницѣ опредѣленной роли, старины, называя ее купавой или царицей крымской, турецкой, предполагаютъ въ ней во 1) персонажъ женскаго рода и во 2) лицо, обращающееся съ укоризной къ русскимъ за увѣчье, причиненное Кострюку. Я отмѣтилъ, что въ послѣднемъ случаѣ поляница смѣшана съ молодой женою Грознаго изъ первой пѣсни, которая, какъ царица, могла обращаться со словами укоризны за увѣчье ея брату. Эта же царица „Марья“ укрѣпила за крымской поляницей представленія ея женщиной, царицей, даже — матерью Кострюка (или — полюбовницей).

Здѣсь несомнѣнное забвеніе персонажа основной пѣсни. Въ старинахъ терминъ „поляница“ не является непремѣннымъ прозваніемъ богатыршъ. Онъ чаще прилагается для опредѣленія богатырей мужского, чѣмъ женскаго пола. Женщинъ — поляницъ въ эпосѣ немного, онѣ всѣ извѣстны поименно и участвуютъ въ опре-

дѣленномъ кругѣ. Становясь женою какого-либо богатыря, онѣ часто лишаются силы и прекращаютъ всякіе богатырскіе наѣзды. Только въ крайности вспоминаютъ онѣ свое былое богатырство.

По отношенію же къ богатырямъ слово „поляница“ служитъ обычнымъ приложеніемъ:

377. И у него есте сильныи богатыри,
Поляницы есте да удалыи. (Г. 75)

Иначе: locus communis богатырской заставы:

104. Гдѣ семь стоитъ богатырей,
Поляницъ да вѣдь удалыихъ. (Г. 115)

Въ Пѣснѣ объ отбитомъ наѣздѣ „крымская поляница“, ничѣмъ не проявляющая себя какъ женщина, и не должна разсматриваться какъ таковая. Ея синонимомъ будетъ, слѣдовательно, Крымскій царь, этотъ богатырь — насильникъ, постоянно грозившій Москвѣ съ Поля.

По выдѣленіи изъ разбираемой пѣсни эпизода борьбы Кострюка, какъ неорганичнаго, на ея долю придется, такимъ образомъ, разсказъ о грозномъ приходѣ Крымскаго царя и его посрамленіи въ бою подъ Москвою. „Кострюкъ“ явится тогда однимъ изъ спутниковъ крымца, можетъ быть важнымъ мурзою, жестоко пострадавшимъ при враждебномъ столкновеніи.

II.

Съ выдѣленіемъ мотива единоборства разобранная пѣсня оказывается очень скудной по фактическому матеріалу. Ея вскрытый основной изводъ скорѣе похожъ на реляцію, такъ какъ сообщаетъ только о приходѣ подъ Москву крымцевъ и ихъ постыдномъ бѣгствѣ. Вниманіе, если и сосредоточено, то лишь на освобожденіи отъ вражескаго нашествія, и пѣсня оканчивается въ тонѣ славы.

Полной иллюстраціи опредѣленнаго историческаго событія пѣсня, слѣдовательно, не даетъ. Нѣтъ подробностей боевыхъ картинъ, выпущены или затушеваны имена. Оставлено лишь впечатлѣніе радости по поводу отбитія врага.

Упоминаніе, однако, въ пѣснѣ именъ царя Ивана Васильевича, крымскаго царя, какъ его противника, подробности о расположеніи крымцевъ станомъ подъ Москвою, побѣда надъ ними заставляютъ относить эту пѣсню къ опредѣленной эпохѣ. Изслѣдователь народныхъ пѣсенъ объ Иванѣ Грозномъ [1]), соединяющій объ Пѣсни: объ отбитомъ наѣздѣ и царской женитьбѣ, отказываетъ Кострюку въ историчности, считаетъ его видоизмѣненіемъ старинныхъ Калина, Батыя и другихъ татарскихъ темныхъ силъ, которыя приходили на Русь съ враждебными намѣреніями. Даже въ выраженіяхъ пѣсенная характеристика Кострюка совпадаетъ, по его мнѣнію, съ соотвѣтствующими перечисленныхъ татарскихъ персонажей. Одинаково со старинами, говоритъ тотъ же изслѣдователь, описываются: отправленіе посла, раскидываніе стана подъ городомъ, угрозы богатырямъ и городу, просьба поединщиковъ, самый фактъ единоборства и, наконецъ, кровавая развязка. Ак.

[1]) П. Вейнбергъ. Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ.

В. Ѳ. Миллеръ въ своей статьѣ „О нѣкоторыхъ пѣсенныхъ отголоскахъ событій царствованія Ивана Грознаго“ [1]) не согласенъ съ моимъ предположеніемъ о существованіи отдѣльной Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ. По его мнѣнію эта Пѣсня является эволюціей предыдущей подъ воздѣйствіемъ типа старины о нашествіяхъ басурманскихъ царей-нахвальщиковъ съ ихъ угрозами и отголосковъ опредѣленныхъ историческихъ событій. Кострюкъ — могъ превратиться въ эпическій персонажъ нахвальщика, а Иванъ Грозный—подобно князю Владиміру освободиться отъ него подвигомъ одного богатыря. Причеть убѣгающаго героя обычна и для другихъ басурманскихъ царей въ старинахъ. Марья Темгрюковна могла превратиться въ крымскую купаву, красавицу и стать въ иныя отношенія къ брату (мать, любовница). Наконецъ—побѣдитель Кострюка Михаилъ — имя, которое могло попасть и случайно.

Что Кострюкъ построенъ по обще-эпическому шаблону татарскихъ персонажей, съ этимъ положеніемъ, конечно, надо согласиться. Этотъ шаблонъ служитъ лишній разъ доказательствомъ неорганичности и, если можно такъ выразиться, отвлеченности типа Кострюка въ разбираемой пѣснѣ: здѣсь онъ—не Мастрюкъ, царскій шуринъ, а врагъ—татаринъ. Причеть восходитъ не къ эпической, а къ книжной причети, гдѣ она употребляется тоже въ качествѣ частой формулы. Однако ак. В. Ѳ. Миллеръ (въ той же статьѣ) согласился со мною, что выдѣленные варіанты Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ „сохраняютъ отголоски“ событій времени царствованія Грознаго, а имя борца Михалки можетъ быть поставлено въ связь съ Михайломъ Воротынскимъ. Трудно предположить, почему именно Пѣсня о царской женитьбѣ могла превратиться въ пѣсню о вражескомъ набѣгѣ и побѣдѣ.

Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ является отголоскомъ крупнаго событія, имѣвшаго мѣсто въ царствованіе Грознаго. Нельзя ясно представить, въ какомъ видѣ она вышла изъ первоначальной редакціи; но многое въ ней, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, должно было измѣниться или сократиться.

---

[1]) Жур. Мин. Нар. Пр. 1913, VII.

Припомню историческія событія, послужившія толчкомъ для созданія пѣсни [1]).

Лѣто 1570 года прошло въ тревогахъ, въ ожиданіи татарскаго нашествія. Весною 1571 года крымскій ханъ Девлетъ-Гирей съ 120 тысячнымъ войскомъ подошелъ къ Московскимъ украйнамъ. Къ Окѣ выступили противъ него московскіе воеводы съ войскомъ, а царь съ опричниною пошелъ въ Серпуховъ. Перебѣжчики разсказали хану, что Москва—пуста, оставлена безъ прикрытія, и Девлетъ-Гирей зашелъ въ тылъ расположенному по Окѣ русскому войску. Царь поспѣшно отступилъ въ Бронницы, оттуда въ Александровскую слободу. Воеводы же поспѣшили къ Москвѣ и пришли къ ней за день до прихода татаръ. Послѣдніе, явившись, зажгли предмѣстья. Ясный день и сильный вѣтеръ помогли пожару, и вся Москва, кромѣ Кремля, сгорѣла вся. Погибло множество войска и народа, по свидѣтельствамъ иностранцевъ — до восьмисотъ тысячъ, Москва - рѣка не могла проносить мертвыхъ,— нарочно были поставлены люди спускать трупы по рѣкѣ.

Ханъ ушелъ безъ осады Кремля, но увелъ большой полонъ. Этотъ разгромъ былъ не военной побѣдой крымцевъ, конечно, а простымъ наѣздомъ. Тѣмъ не менѣе ударъ былъ очень чувствителенъ. Возвращающемуся въ Москву царю гонцы Девлетъ-Гирея подали такую грамоту: „Жгу и пустошу все изъ-за Казани и Астрахани, а всего свѣта богатство примѣняю къ праху, надѣясь на величество Божіе. Я пришелъ на тебя, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы; но ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что де я Московскій государь! Были бъ въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ ты бъ пришелъ противъ насъ и стоялъ. Захочешь съ нами душевною мыслію въ дружбѣ быть, такъ отдай наши юрты—Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесвѣтное богатство намъ давать—не надобно: желаніе наше Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видѣлъ и опознялъ“.

Разсказъ объ этомъ несчастномъ набѣгѣ Девлетъ-Гирея съ поэтическими украшеніями передаетъ Hoff, причемъ связываетъ

[1]) См. Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. Т-ва „Общественная Польза“, II, стр. 223 и сл. Карамзинъ, Т. IX, стр. 203 и сл. и прим. 391, изданіе Спб. 1852 г.

его съ именемъ Михаила Темгрюковича, Черкасскаго князя. Разсказъ этотъ—очень близокъ событію [1]) и основанъ на сплетняхъ напуганныхъ очевидцевъ. „Всемогущему Богу угодно было исполнить то, чего такъ часто желалъ деспотъ: видѣть Москву когда-нибудь грудой угля и пепла. Поэтому Господь воздвигъ на Москву позабытаго было врага, крымскихъ татаръ, которые выступили въ походъ въ маѣ 1570 года съ 40 тысячами войска. По полученіи извѣстій, царь собралъ возможно большую рать, самъ сталъ во главѣ съ старшимъ сыномъ, въ надеждѣ, что татары, узнавъ о его личномъ присутствіи, повернутъ назадъ. Однако татары переправились черезъ Оку-рѣку, и противъ нихъ выступилъ воевода князь Михаилъ Воротынскій съ земщиной, сколько ея оставалось. Рать была не велика, и князю пришлось отступить. Ханъ отправилъ князю ярлыкъ такого содержанія: Если Иванъ дѣйствительно настоящій царь Руси, какъ вѣчно выставляетъ это на видъ и гордится передъ татарами, пусть тогда назначитъ мѣсто, гдѣ бы они могли сойтись, какъ подобаетъ двумъ царямъ и врагамъ. Ханъ не заставитъ себя ждать—не даромъ прошелъ онъ 200 миль, желая найти Ивана.—Царь былъ такъ пораженъ вызовомъ и фактомъ прихода татаръ, что бѣжалъ, минуя Москву и свою кровавую яму—Александровскую слободу, до Ярославля. Ханъ, не получая отвѣта, расположился въ увеселительномъ дворцѣ села Коломенскаго, а сыновей отправилъ разбить станъ на Воробьевы горы. Начались поджоги и грабежи. Москва до того горѣла, что татарамъ самимъ пришлось отступить изъ за огня и дыма. Всѣ деревянныя зданія сгорѣли до чиста,—нельзя было найти столба, къ чему бы привязать коня. Огонь охватилъ пороховой складъ, и въ этомъ мѣстѣ взрывомъ разрушено было до 50 саженей стѣны со всѣми постройками. Сгорѣли всѣ городскія ворота, а людей погибло до 120 тысячъ, какъ потомъ было сосчитано. Много сбѣжалось въ Москву бѣдныхъ крестьянъ, они задохлись или были убиты. Словомъ—невозможно описать этого бѣдствія, надо было быть очевидцемъ. Москва рѣка согрѣлась отъ жара, окрасилась кровью. Трупы

[1]) Я пользовался печатнымъ изданіемъ Hoff'a 1582 года библіотеки Императорскаго Московскаго и Румянцевскаго Музея.

похоронить было невозможно; по приказанію царя ихъ бросили въ рѣку, но образовалась плотина, вода не могла протекать и поднялась. Колодцы высохли, и оставшіеся жители, утоляя жажду рѣчною водою, заболѣвали. Ханъ сдѣлалъ свое дѣло, опустошилъ еще много близъ лежащихъ мѣстъ и удалился, услыхавъ, что на помощь Москвѣ идетъ герцогъ Магнусъ съ 15 тысячами войска. Уходя, онъ отправилъ гонца къ великому князю, прося не гнѣваться на то, что онъ ему надѣлалъ, и обѣщая вновь притти скоро.

Въ это время царь сдѣлалъ главнокомандующимъ противъ татаръ своего шурина, князя Михаила Темрюковича, и всѣмъ далъ знать объ этомъ. Но когда князь ѣхалъ къ царю и былъ отъ него въ 6 миляхъ, послѣдній приказалъ безъ всякаго повода посадить его на колъ".

Гибельное нашествіе крымцевъ, возможность ихъ скораго возвращенія, опасность борьбы съ Крымомъ заставили Ивана значительно смягчить тонъ по отношенію къ хану: въ сношеніяхъ его съ нимъ замѣтна уступчивость, предупредительность и покорность.

Если сожженіе Москвы заставило смириться царя, то для московскихъ жителей печаль и разореніе должны были быть еще поразительнѣй. Въ Москву сбѣжалось изъ окрестностей много народа, чтобы укрыться отъ татаръ. Во время пожара дѣваться было некуда: въ полѣ—татары, Кремль запертъ. И народъ погорѣлъ въ безчисленномъ множествѣ, тѣснясь въ воротахъ и на прилегавшихъ къ нимъ улицахъ. Впечатлѣніе было громадно.

Годъ прошелъ въ переговорахъ, и лѣтомъ 1572 года Девлетъ-Гирей вновь двинулся къ Окѣ съ большимъ войскомъ. Съ 27 іюля по 3 августа на берегу Лопасни, въ Молодяхъ, произошелъ рядъ сильныхъ схватокъ съ татарами. Эти схватки и были той самой многодневной битвой, о которой кн. Курбскій въ своей Исторіи отозвался какъ о побѣдѣ, покрывшей славою князя Михаила Ивановича Воротынскаго [1]). Иванъ Грозный въ это время былъ въ Новгородѣ на свадьбѣ у своего шурина Григорія Але-

[1]) Н. Устряловъ. Сказанія князя Курбскаго. Спб. 1868, стр. 86—87.

ксѣевича Колтовского, гдѣ „тогожъ лѣта“ жестоко расправлялся съ дѣтьми боярскими, „металъ въ Волховъ рѣку, съ каменіемъ топилъ“ [1]).

Крымцы должны были со срамомъ покинуть поле сраженія, потерявши очень много войска. Перемѣнить тонъ пришла очередь Девлетъ-Гирею.

Это отбитіе крымскаго наѣзда особенно выигрывало какъ контрастъ съ разгромомъ 1571 года. Побѣда была полная, и жители обстраивающейся Москвы должны были особенно ее привѣтствовать и радоваться. Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ и является отраженіемъ впечатлѣнія, произведеннаго этимъ событіемъ 1572 г.

Объ этомъ событіи существуетъ особый разсказъ подъ названіемъ „Повѣсть о бою воеводъ московскихъ съ невѣрнымъ ханомъ“. Она была извѣстна Карамзину, который въ 391 примѣчаніи къ IX тому приводитъ довольно подробное ея изложеніе. Сама повѣсть помѣщена въ рукописномъ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ „О древностяхъ Россійскаго государства“. (Московской Синодальной библіотеки [2]).

Карамзинъ считалъ повѣсть „неправдоподобною“, такъ какъ другія ничего не говорятъ о плѣненіи и убіеніи татарскихъ царевичей. Повѣсть носитъ характеръ лѣтописной замѣтки, отписки, но весьма подробно разсказываетъ о дѣлѣ. Я приведу ея содержаніе цѣликомъ.

Повѣсть о бою воеводъ московскихъ съ невѣрнымъ ханомъ.

В лѣт ҂зп-го, июля въ кѕ҃ д. приходил крымской царь со многими людми, да нагайской мурза Теребердій, а с ним нагайских татар ҂к на Оку рѣку. И Теребердій мурза с нагайскими татары пришел на Сенкин перевоз в ноч против недѣли кз҃ д. А об сю сторону Оки рѣки стояли двѣсти голов дѣтеи боярских. И они

---

[1]) См. прим. Устрялова (о. с.). стр. 326.

[2]) № 963, по Карамзину № 52. Рукопись конца XVI—начала XVII вѣка. Повѣсть находится въ I томѣ, на л. 98. Въ рукописи она помѣщена отдѣльно, съ заголовкомъ, сдѣланнымъ другою рукой, по окончаніи разсказа слѣдуетъ лѣтописная запись о кончинѣ царевича Ивана Ивановича, царя Ивана Васильевича и о воцареніи Ѳедора Ивановича. При передачѣ текста мною внесены въ строку надстрочные знаки, въ скобки поставлены недостающія буквы и введена современная пунктуація и заглавныя буквы.

тѣх дѣтей боярских разгромили, а плетени изподкопали, да перешли на сю сторону Оки.

А втѣпоры болшие воеводы стояли против царя от Серпухова три версты. И въ кѝ д. июл в понедѣльникъ Теребердий мурза пришел под Москву и отнял вси дороги около Москвы, а не воевал и не жег.

А в недѣлю июл кз̄ д. крымской царь велѣл и стрѣляли из за Оки из полкового снаряду по нашим по руским полком. И государевы воеводы, княз Михайло Иванович Воротынской велѣл стреляти из за Гуляя города за Оку по татарским полком из пушек. Да того было до вечера два часа. И вечера и тое ночи царь оставил на том мѣсте з двѣ тысячи татар, а велѣл им с нашими воеводами травитис. А сам ночи тое на том же Сенкинѣ перевозѣ на сю сторону Оки перешел со всем войском.

И пришла государевым воеводам вѣсть в понедѣльникъ рано, что царь на сю сторону перешел, и княз Михайло Иванович Воротынской со всеми воеводами въ понедѣльникъ пошелъ за царемъ. В передовом полку воевода княз Дмитрей Иванович Хворостинин. И пришед на крымской на сторожевой полкъ с немцы да с стрѣлцы, и учали с ними дѣло дѣлати. И с ними многіи дѣти боярские, дворяне. Да мчали крымской сторожевой полкъ до царева полку, а в сторожевом полку были два царевича. А царевичи прибѣжали к царю и учали говорити: „Ты, государь, идеш к Москвѣ, а нас московские люди ззади побили, а на Москвѣ, государь, не без людей ж будет“. И царь послал с царевичи нагайских да крымских татар на помоч двенатцат тысяч.

И царевичи с нагайскими татары и с крымцы мчали князя Дмитрѣя Хворостинина до болшего полку, до князя Михайла Воротынского, до города до Гуляя. И княз Дмитрей поустороонился с полком города Гуляя направо. И втѣпоры княз Михайло Воротынской из за Гуляя велѣл стрелцом стрѣлять из пищалей по татарским полком, а пушкарем из болшего снаряду из пушек бити. И на томъ бою нагайских и крымских татар многих безчислено побили.

И царевичи с того дѣла приехали к царю и учали говорити тѣж рѣчи: „Ты, государь, идеш к Москвѣ, а московские люди нас побили, нагайских и крымских людей, из снаряду“. И от тѣх речей царь убоялсе, к Москвѣ не пошел, а перешел Похру рѣку, семь верстъ, да стал в болоте.

А на завтрѣя понедѣлника во вторникъ наши полки с крымскими травилис, а сьемного бою не было.

Июля въ $\overline{\text{а}}$ д. в сред. нашим полком с крымскими и с нагайскими татары дѣло было велико, и сеча велика. И божею милостью а государским счастьем на том бою крымских и нагайских татар многих безчислено побили. И нагайского болшего воеводу мурзу Теребердия убили. Да на том же дѣлѣ сын боярской, суздалец Темир Алалыков взял крымского болшего воеводу Дивия Мурзу. И многих мурзъ поимали. Да крымских же Ширинских князей и трех братов убили. А нашихъ люде(й) боярских убили на том дѣле человѣк с семдесятъ.

Июля же в $\overline{\text{кѣ}}$ д. в четвергъ государевы воеводы с крымскими травилис, а сьемного бою не было.

А в суботу авгус. въ $\overline{\text{ѣ}}$ д. царь послал нагайских и крымских татар со царевичи, многих, и многие полки татарские, пѣших и конных людей к Гуляю городу выбивати Дивия Мурзу из Гуляя, и город велѣл взяти. И татаровѣ, пришед к Гуляю городу, да ималис за стѣну. И государевы стрѣлцы тут многих татар побили и рук татарских безчислено обсекли. И княз Михайло Иванович Воротынской своим болшим полком крымских и нагайских татар обшел долом, а, пошед, приказал пушкарем из снаряду ударяти, изо всех пушек. И как они выстрѣлили из пушек, и княз Михайло Иванович Воротынской сзади напустился на крымские полки, а из за Гуляя города княз Дмитрей Хворостинин с немцы и с стрѣлцы. Да учали с крымскими и с нагайскими татары дѣло дѣлати сьемное, и сеча была велика, и божею милостью и государским счастьем на том дѣле убили царева сына, царевича, да внука царева, Колбина сына, царевича, и многих мурзъ и татар живых поимали.

Того ж дни в суботу поздно оставил царь в болоте крымских татар, тысячи с три резвых людей а велѣл с нашими тра-

витис. А сам тое ночи, против недѣли августа въ г҃ д., побежал и тое ночи Оку рѣку перешел. И на утре государевы воеводы узнали, что царь побежал, и на тѣх на осталных татар напустились всеми полки, да тех татар до Оки всѣх побили. Да на Оки царь ж оставил для береженя татар тысячи з двѣ, и наши воеводы и тѣх татар с тысячю убили, а иные в воду вмѣталис да тонули, а иные за Оку ушли. А государевы воеводы пошли опят по старым станом, на Коломну и в Серпухов, и по берегом и по перевозом.

Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ въ значительной мѣрѣ сохранила соотвѣтствіе этому историческому повѣствованію.

1) Крымская поляница собралась на Москву съ Кострюкомъ, лицомъ, стоящимъ такъ или иначе съ нею въ близкихъ отношеніяхъ и знатнымъ. Въ Повѣсти говорится, что крымскій царь пришелъ съ нагайскимъ мурзою Теребердіемъ, который былъ убитъ, царевичами—сыномъ царевымъ и внукомъ, „Колбинымъ сыномъ", которые тоже были убиты, и съ крымскимъ большимъ воеводою, дивіемъ-мурзою, который попалъ въ плѣнъ. Кострюкъ, имя, отвлеченное отъ имени Мастрюкъ-Местрюкъ Пѣсни о царской женитьбѣ, могло заслонить имѣвшееся въ основномъ изводѣ какое-либо другое имя. Впрочемъ, какъ будетъ указано ниже, знатный спутникъ крымскаго хана могъ не имѣть имени и въ основной пѣснѣ.

2) Крымцы остановились станомъ подъ Москвою, но не открывали враждебныхъ дѣйствій, а отправили къ Ивану грознаго посла для выраженія покорности. Станъ крымцевъ подъ Москвою въ Пѣснѣ могъ являться воспоминаніемъ о станѣ Девлетъ-Гирея въ его приходъ 1571 года, но и въ Повѣсти можно найти соотвѣтствіе: Теребердій 28 іюля пришелъ подъ Москву, отнялъ всѣ дороги, но „не воевалъ и не жегъ".

3) Угроза Кострюка—на дымъ спустить царство Московское, вызвавшая заискивающій тонъ царя—несомнѣнное воспоминаніе о взаимоотношеніяхъ царя и хана послѣ Московскаго погрома. Ханъ грозится попалить государство: оно и было разорено пожаромъ. Пѣсня и оттѣняетъ несоотвѣтствіе страшной угрозы крымцевъ съ исходомъ, столь для нихъ печальнымъ.

4) Если Повѣсть и говоритъ о воеводѣ передового полка князѣ Дмитріи Ивановичѣ Хворостининѣ, то всетаки онъ оцѣнивается такъ помощникъ главнокомандующаго. Послѣднимъ былъ князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій. Ему въ высшей мѣрѣ принадлежитъ честь посрамленія крымцевъ, какъ это видно изъ Повѣсти и указаннаго свидѣтельства кн. А. Курбскаго. Во всѣхъ олонецкихъ варіантахъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ [1]) противникомъ, побѣждающимъ Кострюка, является исключительно Михайло, разъ названный Михайломъ Ивановичемъ. Совпаденіе—не случайно: татарское имя можетъ не сохраниться, такъ какъ побѣда разсматривается какъ пораженіе не одного лица, а всего татарскаго войска, но имя народнаго героя будетъ гораздо болѣе устойчиво, хотя бы сказатели и забыли, кого надо понимать подъ именемъ Михаила. Что противъ Кострюка выступаютъ двое борцовъ (Мишка и Ѳедька), то подробность эта, зашедшая изъ первой пѣсни, является, какъ сказано, примѣромъ эпическаго повторенія. Что изъ двухъ или изъ трехъ борцовъ, гдѣ одинъ носитъ имя Михаила побѣдителемъ не всегда является послѣдній, вполнѣ объяснимо: для современныхъ сказателей, большею частью, имена безразличны.

Не нужно забывать, что побѣда надъ Кострюкомъ въ Пѣснѣ объ отбитомъ наѣздѣ разработана по мотиву органичной для Пѣсни о царской женитьбѣ борьбы героя со спеціалистами-борцами. Всѣ военныя подробности Повѣсти: съемные и артиллерійскіе бои, подвижная крѣпость—Гуляй-городъ, засады не находятъ себѣ соотвѣтствія въ пѣснѣ. Ихъ, несомнѣнно, не было и въ томъ основномъ изводѣ, который возстановляется изъ анализа варіантовъ. Историческая пѣсня—отнюдь не поэтическая лѣтопись. Опуская перипетіи, она всегда преслѣдуетъ свой, личный поэтическій замыселъ. Въ данномъ случаѣ Пѣсня стремилась выдѣлить и выразить ликованіе по случаю побѣды.

Въ дальнѣйшей своей жизни пѣсня ради осмысленія могла принять въ себя уже готовый мотивъ посрамленія татаръ. Отвѣтъ на вопросъ: какъ же были отбиты татары? былъ готовъ: посра-

[1]) Кромѣ Г. 261, но эта старина, какъ было отмѣчено, очень тѣсно связана съ Пѣсней о царской женитьбѣ.

мленіе „татарина“ Мастрюка въ борьбѣ съ русскими удальцами дало возможность попасть этому эпизоду и во вторую пѣсню. Заимствованіе было тѣмъ болѣе легкимъ, что эпизодъ былъ занятенъ и понимался шире, такъ какъ совпадалъ съ уже сознаннымъ превосходствомъ русскихъ надъ татарами, не безъ глумленія надъ послѣдними.

5) Послѣ пораженія Кострюка крымская поляница уѣзжаетъ, а царь остается веселъ и радостенъ. Повѣсть не даетъ заключенія, но оно само собой понятно. Въ этомъ исходѣ пѣсни содержалась главная причина ея существованія: выраженіе радости по поводу ухода крымцевъ. Пѣсня смутно помнитъ, что побѣдилъ татаръ какой-то Михалка, но не останавливается на этомъ обстоятельствѣ, а выражаетъ царское ликованіе по поводу посрамленія хана при вторичномъ набѣгѣ. Замалчиваніе побѣды Воротынскаго можетъ навести на рядъ предположеній; отчасти я о нихъ скажу ниже, хотя ихъ разрѣшеніе принадлежитъ къ области гипотезъ.

Въ этомъ финалѣ многіе варіанты приводятъ причеть убѣгающаго крымца. Такъ въ старинѣ Г. 24 поляница, уѣзжая изъ Москвы, „ѣде заклинается“:

116. А не дай мнѣ-ка-ва болѣ, Господи,
Болѣ ввѣкъ въ Москвѣ да не бывать,
И московскіихъ борцовъ да въ глаза не видать!

Если и можно эту причеть [1]) сопоставить съ подобной же изъ старинъ (напр. изъ старины о Калинѣ [2]): „достальныя татары на побегъ бегутъ, сами оне заклинаютца: не дай Богъ намъ видать рускихъ людей, неушто въ Киеве всѣ таковы,—одинъ человѣкъ всѣхъ татаръ прибилъ“, то обѣ онѣ весьма напоминаютъ причеть книжныхъ повѣстей, изображающихъ посрамленіе татаръ. Такова напр., часто варьируемая повѣстями о Мамаевомъ побоищѣ, но лучше всего сохранившаяся въ Повѣданіи Софоніи, причеть разбитаго на голову, бѣгущаго „неготовыми дорогами“ Мамая: „Уже намъ, братія, въ земли своей не бывать и катунь и дѣтей

[1]) Какъ дѣлаетъ въ своей работѣ П. Вейнбергъ, стр. 69—70.
[2]) Кирша Даниловъ, изд. Спб. 1901, стр. 103—104.

своихъ не видать, а на Русь ратью не ходить, и выхода намъ у русскихъ князей не просить".

Такимъ образомъ Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ совпадаетъ съ реляціей объ историческомъ событіи 7080 (1572) года въ томъ, что сохраняетъ воспоминаніе о приходѣ крымскаго хана съ дивіемъ мурзою подъ Москву, угрозѣ крымца — попалить царство московское и позорномъ уходѣ гордыхъ насильниковъ. Боевыхъ дѣйствій подъ Москвой нѣтъ ни въ Пѣснѣ ни въ Повѣсти. Ихъ и не было, такъ какъ сраженіе происходило у Оки. Перипетіи послѣдняго, составляя главную часть Повѣсти, совершенно опущены въ Пѣснѣ, которая развита по обще-старинному трафарету. Характеристика героя—насильника, его пріемы и поступки, способъ, которымъ рѣшаютъ дѣло противники, являются, какъ было сказано, locis communibus старинъ. Отличаетъ ее отъ послѣднихъ складъ, отмѣчаемый изслѣдователями и одинаковый съ Пѣсней о царской женитьбѣ. Основная пѣсня, говоритъ акад. В Ѳ. Миллеръ [1]), носила яркій скоморошій характеръ, была сложена короткимъ стихомъ и пѣлась на живой, веселый мотивъ, что доказываютъ напѣвы ея въ сборникахъ Истомина и Дютша: (I, 42) и Кирши Данилова (стр. 15). Обычный эпическій размѣръ, который усвоили нѣкоторые варіанты (особенно — новѣйшіе), считается тѣмъ же изслѣдователемъ вторичнымъ; результатомъ извѣстной обработки. Въ связи съ этимъ размѣромъ усиливаются въ пѣснѣ и шаблонныя черты и старинные образы. Это наблюденіе подтверждаетъ приведенную выше обще-эпическую характеристику Кострюка, какъ результатъ постепеннаго вліянія шаблона.

„Скоморошій" характеръ пѣсни—несомнѣненъ, но думаю, въ этомъ случаѣ на напѣвъ ея окончательно повліяла Пѣсня о царской женитьбѣ. Давъ разбираемой пѣснѣ мотивъ борьбы, послѣдняя не могла не внести вмѣстѣ съ ней и короткаго, „скоморошьяго" стиха. Веселый и живой характеръ безпредѣльно слитъ именно съ первой пѣсней, благодаря содержанію и той цѣли, для которой она сложилась, и тѣмъ хотя бы пикантнымъ подробностямъ, которыя уже были отмѣчены при разборѣ мотива перехо-

[1]) Въ цитированной статьѣ „Историческія пѣсни изъ Сибири". (Стр. 20 отдѣльнаго оттиска).

да Кострюка въ дѣвицу. Оставляя скоморошество по преимуществу за ней, прибавлю, что веселость могла гармонировать въ тоже время и съ бодрымъ исходомъ Пѣсни объ отбитомъ наѣздѣ.

Остается одинъ вопросъ, трудно разрѣшимый. Какъ согласить то, что въ Повѣсти главнымъ героемъ является князь Михайло Ивановичъ Воротынскій, а въ Пѣснѣ осталось только глухое упоминаніе о Михалкѣ, (да и тотъ—только борецъ, благодаря вліянію Пѣсни о женитьбѣ), въ лучшемъ случаѣ—о Михайлѣ Ивановичѣ? Разбираемая пѣсня не даетъ отвѣта. Нѣсколько помогутъ другія пѣсни о томъ же событіи 1572 года, дошедшія къ сожалѣнію, въ единичныхъ пересказахъ.

Одна изъ такихъ пѣсенъ на тотъ же сюжетъ сохранилась въ записной книжкѣ Ричарда Джемса[1]). Запись ея сдѣлана осенью или зимою 1619—1620 года, такъ что дошедшій текстъ менѣе чѣмъ на пятьдесятъ лѣтъ моложе событія.

Какъ и Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ Джемсова не даетъ иллюстраціи къ исторической дѣйствительности, а сосредоточиваетъ вниманіе на неудачѣ похода крымцевъ, вводя элементъ нравоучительный, въ духѣ московскаго бого- и царепочитанія.

Такъ какъ варіантовъ этой пѣсни нѣтъ, приходится ограничиться изложеніемъ ея содержанія.

Пѣсня начинается съ описанія похода:

1. А не силная туча затучилася,
   а не силніи громы грянули:
   кудѣ ѣдетъ собака Крымской царь?—
   а ко силнему царству московскому.

Крымскій царь, какъ и подобаетъ татарскому хану въ историческихъ воинскихъ повѣстяхъ, вполнѣ убѣжденъ въ побѣдоносномъ походѣ. Онъ говоритъ:

5. А нынѣчи мы поѣдимъ къ каменной Москвѣ,
   а назадъ мы пойдемъ, Рѣзань возмемъ.

Увѣренность въ побѣдѣ настолько велика, что, остановясь у рѣки Оки, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ имъ было нанесено пораже-

[1]) П. Симони. Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVII столѣтій. Вып. II, I. Пѣсни записанныя для Ричарда Джемса въ 1619—1620 г. Спб. 1907.

ніе, крымцы заранѣе подробно дѣлятъ между собою всю русскую землю:

7. А какъ будутъ они (у) Оки рѣки,
а тутъ они станутъ бѣлы шатры ростaвливать:
„А думайте вы думу съ цѣла ума:
кому у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ,
а кому у насъ въ Володимерѣ,
а кому у насъ сидѣть въ Суздалѣ,
а кому у насъ держать Рѣзань старая,
а кому у насъ въ Звенигородѣ,
а кому у насъ сидѣть въ Новѣгородѣ“.

Съ такимъ предложеніемъ обращается крымскій ханъ къ приближеннымъ. Отвѣтъ ему даетъ „диви-мурзы сынъ улановичъ“:

16. Выходитъ диви-мурзы сынъ улановичъ:
„А еси государь нашъ, Крымской царь!
а тебѣ, государь, у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ,
а сыну твоему въ Володимерѣ,
а племнику твоему въ Суздалѣ,
а сродичу въ Звенигородѣ,
а боярину конюшему держать Рѣзань старая.

Все это мѣсто пѣсни—сродни Повѣсти [1]). Акад. Ѳ. Е. Коршъ, въ примѣчаніи къ Джемсовой пѣснѣ [2]), слово „улановичъ“ понимаетъ, какъ „царевичъ, королевичъ“, во всякомъ случаѣ—какъ лицо знатнаго рода. Что касается названія „диви-мурза“, то оно упоминается въ Повѣсти, гдѣ отмѣчено, что нѣкій Темиръ Алалыковъ въ дѣлѣ 30 іюля взялъ въ плѣнъ „крымского большего воеводу дивия-мурзу“. Флетчеръ [3]) поясняетъ этотъ терминъ. У татаръ, говоритъ онъ, первыя лица послѣ царя суть нѣкоторые

---

[1]) Неизвѣстно, почему П. Безсоновъ, редакторъ 7 выпуска Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, перепечатывая на стр. 56—57 эту Джемсову пѣсню, отнесъ ее ко времени царствованія Ѳедора Ивановича. Все дѣйствіе Джемсовой пѣсни происходитъ у Оки, а при царѣ Ѳедорѣ ханъ подступалъ къ самой Москвѣ. Ока и упоминаніе о „диви-мурзѣ“ какъ разъ сближаютъ эту пѣсню съ Повѣстью 1572 года.

[2]) У П. К. Симони стр. 27—28, примѣч. 33.

[3]) „О государствѣ русскомъ“. Флетчеръ былъ въ Москвѣ въ 1589 году.

князья, называемые или мурзами или дивѣй-мурзами, изъ коихъ каждый имѣетъ въ своемъ распоряженіи отдѣльный отрядъ, извѣстный подъ именемъ орды и состоящій изъ 10, 20 или 40 тысячъ человѣкъ [1]). Отвѣчаетъ царю, слѣдовательно, сынъ большого воеводы, дивія-мурзы.

Перечисленные будущіе владѣтели городовъ русскихъ напоминаютъ по знатности и родственной близости къ хану тѣхъ вельможъ, которые по Повѣсти какъ разъ были убиты въ многодневной битвѣ. Въ ней, припомню, пали: сынъ и внукъ царевы, мурза Теребердій и князья Ширинскіе. Пѣсня тенденціозно распредѣляетъ города между особыми неудачниками.

Диви-мурзы сынъ улановичъ не забываетъ и себя:

23. А меня, государь, пожалуй Новымъ городомъ:
у меня лежатъ тамъ свѣтъ добры-дни батюшка —
диви-мурза сынъ улановичъ.

Въ этомъ мѣстѣ находится какой-то пропускъ или путаница, отмѣченные еще акад. Ѳ. Е. Коршемъ. Можно думать, тѣмъ не менѣе, что здѣсь намекается на судьбу того самого дивія-мурзы, который попался въ плѣнъ [2]). Флетчеръ упоминаетъ о такомъ плѣнникѣ въ разсказѣ, описывающемъ, какъ русскіе обращаются съ взятыми въ плѣнъ: они, говоритъ историкъ, стремятся крестить плѣнныхъ. „На другой годъ послѣ того, какъ крымскіе татары сожгли Москву, былъ взятъ въ плѣнъ какой-то дивѣй-мурза, одинъ изъ начальниковъ, бывшихъ въ этомъ походѣ, съ 300 другихъ татаръ, и всѣмъ имъ обѣщали сохранить жизнь, если они согласятся окреститься по русскому обряду“. Тѣ отказались. Тогда ихъ всѣхъ повели къ Москвѣ-рѣкѣ и окрестили самымъ жестокимъ образомъ, „ударяя по головѣ, бросали ихъ въ воду,

[1]) Орда въ томъ же значеніи осталась въ старинахъ: Пріѣзжаго богатыря, особенно незваного, постоянно спрашиваютъ: Ты коей земли, да ты коей орды?

[2]) В. Ѳ. Миллеръ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1913, VII, стр. 13—14) указываетъ, что „Диви-мурзы сынъ Улановичъ“ проситъ крымскаго царя пожаловать его Новгородомъ потому, что онъ дѣйствительно попалъ туда, но не въ качествѣ владѣтеля, а въ позорной роли плѣнника, и ссылается на Новгородскую 2 лѣтопись (П. С. Р. Л. т. 3, стр. 173), гдѣ подъ августомъ 1572 г. записано: „Да того же мѣсяца въ 9, въ суботу, Мурзу Дивія привезли въ Новгородъ ко государю жива: и государь мурзу приказалъ ко князь Борису Давидовичу Тулупова на бреженье на улицю Рогатицю“.

для чего была нарочно сдѣлана во льду прорубь". Можетъ быть и „диви-мурза" пѣсни кончилъ жизнь свою такимъ же печальнымъ образомъ, какъ описываетъ Флетчеръ.

Джемсова пѣсня, какъ и Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ, не сохранила собственныхъ именъ ханскихъ приближенныхъ. Подобно той же Пѣснѣ она совершенно обошла молчаніемъ не только перипетіи боя, но даже и самый фактъ столкновенія. Разсказъ непосредственно послѣ словъ диви-мурзы сына переходитъ къ описанію пораженія, которое съ провиденціально-поучительной точки зрѣнія разсматривается какъ небесная кара за хвастовство и самоувѣренный дѣлежъ русской земли:

26. Прокличетъ съ небесъ Господень гласъ:
„Ино еси собака, Крымской царь!
то ли тобѣ царство не свѣдомо?
А еще есть на Москвѣ семьдесятъ апостоловъ,
опришенно трехъ святителей,
еще есть на Москвѣ православной царь!"

Отрывочными стихами выражена здѣсь увѣренность, какъ могутъ крымцы даже думать о завоеваніи, когда Московское царство находится подъ особымъ покровительствомъ сонма угодниковъ, заступниковъ передъ престоломъ Всевышняго, и кромѣ того есть на Москвѣ православный царь, богобоязненный и любимый Богомъ (о немъ, вѣдь, говоритъ гласъ господень). Посягать на такое хранимое Богомъ царство—задача безразсудная, и „дума" крымцевъ о раздѣленіи земли уже этимъ самымъ обречена на неудачу.

Дѣйствительно, крымцы бѣгутъ отъ этого божія гласа. Ихъ поспѣшное отступленіе напоминаетъ бѣгство крымской поляницы въ Пѣснѣ:

32. Побѣжалъ еси, собака, Крымскій царь,
не путемъ еси, не дорогою,
не по знамени не по черному.

Изображая то же самое событіе 1572 года, находясь въ тѣсномъ соприкосновеніи съ Повѣстью о боѣ московскихъ воеводъ съ невѣрнымъ ханомъ, пѣсня эта близка по направленію къ Пѣснѣ объ отбитомъ наѣздѣ. Джемсова пѣсня ни слова не упо-

минаетъ о князѣ Михаилѣ Воротынскомъ. Обаяніе православнаго царя, который можетъ величаться заступничествомъ Божіимъ, здѣсь выдвинуто на первый планъ. Пѣсня объ отбитомъ наѣздѣ также имѣла въ виду „веселящагося и радостнаго“ царя. Отсюда обѣ пѣсни поспѣшный уходъ крымцевъ тенденціозно приписываютъ судьбѣ, благоволящей царю и Московскому государству, а не личному мужеству и военнымъ дарованіямъ опредѣленнаго лица, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Иванъ Грозный любилъ слушать пѣсни о событіяхъ своего царствованія. Олеарій передавалъ о спеціальныхъ пѣсняхъ по поводу успѣховъ русскаго оружія. Приводя то же свидѣтельство Олеарія, акад. В. Ѳ. Миллеръ прибавляетъ: [1]) „эти придворныя пѣсни, слушавшіяся Иваномъ Грознымъ за веселой пирушкой, дѣйствительно развлекали его, щекотали его самолюбіе и тщеславіе“. Пѣсни, пѣвшіяся въ присутствіи самого царя, естественно, должны были быть хвалебными, торжественными. Въ этихъ придворныхъ пѣсняхъ личность „прозрителя“—царя выступала съ чертами панегирика: онъ „вывелъ порфиру изъ Царяграда“, храбро предводительствовалъ ратью подъ Казанью, онъ—грозный, но справедливый владыка („за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ“). Поэты и пѣвцы должны были изощряться въ одахъ XVI вѣка такъ же, какъ и въ XVIII, отклоняя все непріятное и выдвигая положительныя стороны характера и образа правленія властелина.

Основываясь только на этой категоріи придворныхъ пѣсенъ можно вывести заключеніе, неправильно обобщаемое изслѣдователями историческихъ пѣсенъ, что послѣднія носятъ характеръ исключительно „монархическій“, что „народъ“ въ нихъ съ благоговѣніемъ относится къ личности царя, котораго любитъ за то, что съ нимъ „началось и Московское царство“. Гораздо вѣрнѣе будетъ предположеніе, что только часть пѣсенъ дѣйствительно отражала на себѣ эти взгляды придворной среды. Оставалась другая часть, можетъ быть, большая, гдѣ прославлялся не царь Иванъ, а его, ставшіе опальными, воеводы.

---

[1]) Въ своей статьѣ: „Къ пѣснямъ о взятіи Казани“.

Такое важное, а главное—льстящее самолюбію событіе 1572 года должно было быть предметомъ вниманія въ царскомъ дворцѣ на ряду съ пѣснями о взятіи Казани и Астрахани. Особое значеніе, поэтому, въ нихъ и придано царской радости и утвержденію, что Господь хранитъ Московское царство.

Придворнымъ значеніемъ этихъ пѣсенъ и объясняется, почему въ нихъ не фигурируетъ имени настоящаго виновника побѣды надъ Девлетъ - Гиреемъ. Князь Михайло Ивановичъ Воротынскій находился въ опалѣ, постигшей его вскорѣ послѣ побѣды.

Исторію опалы съ рѣзкой отповѣдью по отношенію къ царю передаетъ князь А. Курбскій, [1]) который, перечисляя рядъ жестокихъ и несправедливыхъ поступковъ Грознаго, говоритъ: „А что же сему за вина была княжати Воротынскому? Негли тая точію: егда, по сожженію великаго славнаго мѣста Московскаго, многонароднаго отъ Перекопскаго царя и по спустошенію,... аки единъ годъ спустя, той же царь Перекопскій, хотяше уже до конца опустошити землю оную и самого того князя великаго выгнати изъ царства его, и поиде, яко левъ кровоядецъ, рыкая".

„Услышавъ же сіе, наше чудо (т. е. царь Иванъ) забѣжалъ передъ нимъ сто и двадесять миль съ Москвы, ажъ въ Новгородъ великій (гдѣ пировалъ на свадьбѣ у Колтовского и топилъ дѣтей боярскихъ), а того Михаила Воротынскаго поставилъ съ войскомъ... Онъ же, яко мужъ крѣпкій и мужественный, въ полкоустроеніяхъ зѣло искусный, съ тѣмъ такъ сильнымъ звѣремъ бусурманскимъ битву великую сведе: не далъ ему распростертися, а ни на мнѣе воевати убогихъ христіанъ: но бьящееся крѣпцѣ зѣло съ нимъ и, глаголютъ, колько дней брань она пребывала. И поможе Богъ христіаномъ, благоумнаго мужа полкоустроеніемъ, и падоша отъ воинства христіанскаго бусурманскіе полки, и самого царя сынове два, глаголютъ, убіени, а единъ живъ изыманъ на той битвѣ, царь же самъ едва въ орду утече, а хоругвей великихъ бусурманскихъ и шатровъ своихъ отбѣжалъ въ нощи. На той же битвѣ и гетмана его славнаго, кровопійцу христіанскаго, дивія мурзу изымано жива; и всѣхъ тѣхъ, яко гетмана и

[1]) Н. Устряловъ. Сказанія князя Курбскаго, стр. 86—87.

сына царева, такъ и хоругвь царскую и шатры его послалъ до нашего хороняки и бѣгуна, храбраго же и прелютаго на своихъ единоплеменныхъ и единоязычныхъ, непротивящихся ему".

Я съ намѣреніемъ привелъ описаніе событія 1572 года, сдѣланное кн. А. Курбскимъ, чтобы показать отсутствіе у писателя въ данномъ случаѣ тенденціозности въ смыслѣ чрезмѣрнаго восхваленія кн. Михаила Воротынскаго. Тѣмъ рѣзче будетъ контрастъ въ описаніи награды побѣдителю.

„Что же воздалъ за сію ему службу? Послушай, молю, прилежно прегорчайшія тоя и жалостныя ко слышанію трагедіи! Аки лѣто едино потомъ спустя, онаго побѣдоносца и обронителя своего и всея русскія земли изымати и связанна привести и передъ собою поставити повелѣ".

Вины за кн. Воротынскимъ не было, развѣ только, что онъ былъ еще удѣльный князь, и ему Грозный завидовалъ. Былъ подкупленъ рабъ, который и оговорилъ своего господина въ томъ, что онъ хотѣлъ самого царя „счаровати". Ты, говорилъ царь, „добывалъ еси на меня бабъ шепчущихъ?" „Не научихся о царю! отвѣчалъ Воротынскій, и не навыкохъ отъ прародителей своихъ чаровать и въ бѣсовство вѣрити; но Бога единаго хвалити, въ Троицѣ славимаго, и тебѣ, цареви, государю своему, служити вѣрнѣ"...

Царь, однако, повелѣлъ своего полководца „связанна положа на древо между двѣма огни, жещи мужа въ роду паче же въ разумѣ и въ дѣлахъ наисвѣтлѣйшаго; и притекша, глаголютъ, самого, яко начальнаго ката къ катомъ, мучившимъ побѣдоносца, и подгребающа угліе горящіе жезломъ своимъ проклятымъ подъ тѣло его святое" [1]).

При такихъ взаимоотношеніяхъ царя и воеводы нечего было думать о сохраненіи имени послѣдняго въ Пѣснѣ.

Остается гипотетическій вопросъ: попала ли основная пѣсня

---

[1]) Въ своей статьѣ: „Историческія переживанія въ старинахъ о Суханѣ" Сборникъ въ честь В. О. Ключевскаго), я коснулся того же разсказа Курбскаго, такъ какъ по моему мнѣнію, съ которымъ согласился акад. В. Ѳ. Миллеръ, старина о Суханѣ принадлежитъ къ кругу пѣсенъ, отражавшихъ жестокіе и несправедливые поступки Грознаго со своими воеводами.

въ царскій дворецъ безъ имени Михаила—воеводы уже въ самомъ основаніи, или же имя было выкинуто благодаря, такъ сказать, цензурнымъ требованіямъ? Наличность въ Пѣснѣ объ отбитомъ наѣздѣ побѣдителя—Мишки заставляетъ во всякомъ случаѣ предполагать, что побѣдитель крымца былъ въ свое время отмѣченъ поэзіей.

Дѣйствительно, о кн. Воротынскомъ были пѣсни. Въ этомъ убѣждаетъ существованіе сохранившейся въ трехъ варіантахъ пѣсни, озаглавленной редакторомъ сборника Кирѣевскаго: „Царь въ Серпуховѣ“ [1]).

Всѣ варіанты носятъ слѣды поновленія и ярко окрашены пребываніемъ въ казацкой средѣ. Впрочемъ эти казацкія наслоенія снимаются безъ труда, а вольнолюбивая среда способствовала сохраненію въ пѣснѣ именно тѣхъ намековъ на современность, которые изгоняло московское правительство.

Варіанты начинаются съ указанія на подготовленіе къ походу:

1. Царь Иванъ Васильевичъ
   Копилъ силушки ровно тридцать лѣтъ,

---

[1]) Эта пѣсня перепечатана въ сборникѣ Кирѣевскаго (VI выпускъ, стр. 190—191) изъ I тома Извѣстій Академіи Наукъ, гдѣ помѣщены 15 записей старинъ, сдѣланныхъ свящ. Ѳаворскимъ въ селѣ Павловѣ, Нижегородской губ., съ сохраненіемъ стиля и размѣра. Въ Извѣстіяхъ пѣсни идутъ въ такомъ порядкѣ: 1) Про Василису Даниловую; 2) Про свадьбу Олеши Поповича; 3) Про Василья Казнеровича; 4) Сорочинычки; 5) Правежъ; 6) Кончина Петра Великаго; 7) Про Василья Казнѣровича и Добрыню Никитича, какъ они въ Орду ходили; 8) Про Илью Муромца и Соловейка разбойника; 9) Про молодца Чуриву; 10) Монастырь (царь ссылаетъ царицу въ Суздаль); 11) Гришка Отрепьевъ; 12) Царь Петръ Алексѣевичъ ворочается (изъ заграницы); 13) Село Павлово (про Бориса Петровича Шереметева); 14) Походъ подъ Полтаву; 15) Походъ на Азовъ. Разбираемая пѣсня въ Извѣстіяхъ помѣщена подъ № 4 и носитъ заглавіе „Сорочинычки“, по названію турецкихъ дѣвушекъ, привезенныхъ, какъ полонъ, къ царю. Заглавіе показываетъ, между прочимъ, на что передвинулся и на чемъ сосредоточился интересъ въ пѣснѣ. Два другіе варіанта указаны В. Ѳ. Миллеромъ въ цитируемой не разъ статьѣ въ Жур. Мин. Нар. Прос. 1913, VII. Первый напечатанъ въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XV (1893) отд. I, стр. 331—332. Второй—въ Былинахъ и пѣсняхъ Астраханскихъ казаковъ. Для однороднаго хора собралъ и на ноты положилъ А. А. Догадинъ, подъ ред. Н. С. Кленовскаго. Астрахань. Вып. I, стр. 5—6 (текстъ). Оба этихъ варіанта—казацкіе: 1-й записанъ въ Терской области, въ станицѣ Умаханъ-Юртовской, 2-й—въ Астраханской губ., въ Дурновской и Пичуженской станицахъ.

Накопилъ силы сорокъ тысячей,
Накопилъ силушку, самъ въ походъ пошелъ.

По этому Нижегородскому варіанту у города Серпухова происходитъ смотръ войска (по обычаю повѣствовательнаго шаблона):

5. Черезъ Москву-рѣку переправилса,
Не дошедши города Серпуха
Становился онъ въ зеленыхъ лугахъ

и сталъ „переглядывать силу“. Всѣ князья-бояре оказались на лицо, не случилося одного только:

13. Што ни лучшево, слуги вѣрново,
Максима сына казачьево,
По прозванью-ту Краснощокова.

Здѣсь—результатъ казацкаго вліянія и явной забывчивости. Популярное, постоянно встрѣчающееся имя Краснощекова случайно попало въ пѣсню, которая сейчасъ же, вслѣдъ за 15-мъ стихомъ поправляетъ свою оговорку и продолжаетъ:

16. Сказали царю про Мишеньку:
Измѣнилъ теѣ, царю бѣлому,
Придался онъ хану турецкому,
Ко шишиморѣ деревенскому,
Онъ прельстился на ево золоту казну,
На то ли на платье на свѣтное,
На тѣхъ ли на сорочиночекъ,
По нашему—на красныхъ дѣвушекъ.

Для позднихъ сказателей имя Мишеньки, изъятаго давно изъ обихода благодаря опалѣ, говорило очень мало. Однако навѣтъ (и, какъ будетъ видно, напрасный) князей-бояръ на Мишеньку, вѣрнаго слугу, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому впечатлѣнію, которое получается отъ разсказа кн. А. Курбскаго.

Астраханскій варіантъ близокъ къ предыдущему: царь у Оки (имени города нѣтъ) переглядываетъ силу, дѣлаетъ смѣту „генераламъ и фельдмаршаламъ“, (какъ и въ первомъ). Не оказывается „лучшаго воина Краснощекова“, онъ измѣнилъ, предался султану турецкому, прельстился на деньги да на дѣвушекъ—плѣнницъ. Этотъ варіантъ вездѣ оставляетъ только „Краснощекова“, зато Терскій болѣе опредѣленъ:

15. Всѣмъ князьямъ-боярамъ переборъ пошелъ.
Одного-то князя не случилося,
Все Михайлушки, братцы, Михайловича:
Предался онъ, братцы, князю Рымскому,
Князю Рымскому, царю не русскому.

Прозвище Михайлушки „Гагаринъ“—здѣсь такое же неудачное наслоеніе, какъ и Краснощековъ. Терскій варіантъ и Серпуховъ замѣнилъ Кадаргой, а Оку—Кадаргуномъ. Но имя Михаила и „царь Рымскій“, т. е. Крымскій возвращаютъ варіантъ къ основной пѣснѣ.

Однако—навѣтъ напрасенъ: на другой день, поутру рано, Мишенька „съ полону ѣдетъ“,

30. Везетъ съ собой двѣ сумы переметныя,
Въ сумахъ ту сидятъ сорочиночки,
Турецкаго хана двѣ дочери.
Не доѣхавши до шатра, самъ съ коня слѣзалъ,
Не дошедши до царя, сталъ низко кланяться:
Здравствуй, батюшка православный царь!
Не вели меня скоро казнити,
Прикажи мнѣ слово молвити:
Здравствуй, батюшка православный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Со славнымъ городомъ со Серповымъ!
Возьми ты у меня двухъ полынянычекъ,
Турецкаго хана двухъ дочерей! (Нижегородскій вар.)

Астраханскій варіантъ близокъ къ предыдущему, тоже поздравленіе царя „съ Серпуховымъ“, но нѣтъ упоминанія о привозѣ сорочиночекъ. Терскій, болѣе краткій, передаетъ только о пріѣздѣ Михайлушки и поздравленіи царя „съ новымъ городомъ“.

Упоминаніе о Краснощековѣ, Гагаринѣ, „Турецкомъ“ ханѣ, привозѣ полонянокъ—дочерей ханскихъ, тонъ, съ которомъ Мишенька обращается къ царю, несомнѣнный пропускъ въ пѣснѣ (царь Грозный, напр., никакъ не реагируетъ на то, что обвиненъ его самый вѣрный слуга), отсутствіе конца, испорченный стихъ пѣсни, поздняя растушевка („Становился онъ въ зеленыхъ лугахъ, при алыхъ цвѣтахъ, при лазоревыхъ“; „Князьямъ-бояромъ переборъ пришелъ, енераламъ всѣмъ, федьмаршаламъ“; „При-

дался онъ къ хану турецкому, ко шишиморѣ деревенскому"; „По утру-то было на зоринькѣ, на восходѣ красново солнышка, не ясенъ соколъ по горамъ леталъ, не бѣлый кречеть перепархивалъ" въ Нижегородскомъ и Астраханскомъ, частью въ Терскомъ варіантахъ)—всѣ эти черты указывають на позднѣйшую переработку въ той средѣ, куда попала пѣсня, оканчивавшаяся въ основномъ видѣ, вѣроятно, поздравленіемъ царя съ побѣдой.

Если отдѣлить эти поздніе наросты, то въ пѣснѣ вскроется слѣдующая основа: царь Иванъ Грозный, стоящій съ войскомъ въ Серпуховѣ, по навѣту бояръ опаляется на лучшаго своего слугу-воеводу Мишеньку. Послѣдній, оказывается, былъ въ отлучкѣ именно потому, что сражался съ невѣрными и пріѣхалъ къ царю съ побѣдою и полономъ. В. Ѳ. Миллеръ говоритъ, что походъ Ивана Грознаго подъ Серпуховъ относился къ 1571 году, и пѣсня, слѣдовательно, содержитъ отголоски событій 1571 и 1572 года. Подозрѣніе въ измѣнѣ имѣло фактическое основаніе въ 1571 году, когда ханъ пошелъ къ Москвѣ по указанію измѣнниковъ, нѣкіихъ дѣтей боярскихъ. Самъ царь много говорилъ объ измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что въ ней повинился князь Иванъ Мстиславскій, и далъ на себя запись. „Если упоминаемый въ пѣснѣ доносъ объ измѣнѣ, полученный царемъ въ Серпуховѣ, соотвѣтствуетъ событіямъ 1571 года, то имя „лучшаго вѣрнаго" слуги царскаго Мишеньки, если оно является отголоскомъ имени Михаила Ивановича Воротынскаго, относитъ насъ къ его побѣдѣ надъ татарами 1572 года" [1]).

Итакъ—совпаденіе имени, указаніе на царскій станъ подъ Серпуховымъ, на измѣну, битва съ невѣрнымъ „ханомъ" заставляютъ не только относить эту пѣсню къ упомянутымъ событіямъ, но и видѣть въ ней сохраненный въ казачьей средѣ осколокъ того ряда пѣсенъ, гдѣ фигурировалъ дѣйствительный побѣдитель, а царь рисовался только „опаляющимся" по навѣтамъ. Такой пѣснѣ не было мѣста въ палатахъ Грознаго,—она и ушла къ подвижной и мятежной казацкой украйнѣ, къ Волгѣ. Пѣсня же объ отбитомъ наѣздѣ сохранила только одно туманное воспоминаніе о Михалкѣ—Михаилѣ Ивановичѣ.

[1]) См. В. Ѳ. Миллеръ. Жур. Мин. Нар. Прос. 1913, VII, стр. 6—11.

Лишившись главнаго содержанія, не будучи въ состояніи долго жить какъ славословіе, Пѣсня захирѣла, стала принимать въ себя все болѣе и болѣе чертъ и эпизодовъ изъ болѣе жизненной юмористической композиціи, сложенной на тему о женитьбѣ царя Грознаго на черкашанкѣ, и образовала, въ концѣ концовъ, контаминацію.

Поэтому, говоря о контаминированныхъ пѣсняхъ о Кострюкѣ-Мастрюкѣ, слѣдуетъ считать основной композиціей Пѣсню о царской женитьбѣ.

Пѣсни о Василіи Буслаевѣ.

Пѣсня о разгромѣ Новгорода.

I

Современныя записи старинъ о подвигахъ Василья Буслаева заключаютъ въ себѣ двѣ самостоятельныхъ пѣсни. Въ одной разсказывается о буйной жизни героя и его жестокой расправѣ съ новгородцами, въ другой—о покаянномъ путешествіи и преждевременной кончинѣ. Въ сборникѣ Кирши Данилова каждой пѣснѣ присвоенъ особый заголовокъ: первой—„Василья Буслаева“, второй—„Василей Буслаев молитца ездилъ“ [1]). Всѣ наличныя записи даютъ пересказы или той и другой пѣсни въ отдѣльности, или сводку обѣихъ. Въ послѣднемъ случаѣ вторая пѣсня примыкаетъ къ первой въ сильно сокращенномъ и скомканномъ видѣ, переходъ отъ одной части къ другой сдѣланъ механически, появляется неожиданно и ничѣмъ не мотивированъ. Сводка принадлежитъ позднѣйшему процессу контаминаціи и явилась результатомъ забвенія второй, наиболѣе трудной для запоминанія пѣсни. Въ основномъ изводѣ каждая пѣсня представляла самостоятельное цѣлое.

Пѣсни о Василіи Буслаевѣ—очень популярный остатокъ старинной поэзіи и представлены многочисленными записями различныхъ сборниковъ. Въ виду того, что между матеріаломъ Кирши и сборниковъ XIX вѣка и новѣйшими записями наблюдается раз-

---

[1]) Приблизительно такіе же заголовки нашелъ я у Ончукова въ репертуарѣ крестьянина Маркова: 1) Василій Буслаевъ въ Новгородѣ (№ 88) и 2) Василій Буслаевъ въ Іерусалимъ ѣздилъ (№ 89). Остальнымъ старинамъ его собранія на тѣ же темы присвоено однообразное заглавіе: Василій Буслаевъ,

ница, я сначала, какъ и выше, займусь анализомъ варіантовъ болѣе раннихъ, затѣмъ перейду къ позднѣйшимъ.

Основное содержаніе первой пѣсни—кровавая расправа Василья съ новгородцами, кончающаяся ихъ полнымъ покореніемъ, даетъ возможность назвать ее—*Пѣсней о разгромѣ Новгорода.*

Пересказы Пѣсни о разгромѣ Новгорода находятся въ сборникахъ: Кирши Данилова, (стр. 31 изд. 1901); Кирѣевскаго, вып. VI, №№ 1 и 2; Рыбникова—I, №№ 55, 56, 57 и 58; II—№ 32; III—№ 39; Гильфердинга—№ 30, 54, 103 и 286. Изъ нихъ старина Р. I. 57 одинакова съ Г. 54, какъ записанная отъ одного пѣвца Прохорова, а Р. II. 32—съ Г. 103, какъ записанная отъ Іевлева. Итого для первой пѣсни—11 варіантовъ.

Пересказы второй пѣсни — въ сборникахъ: Кирши Данилова (ibid. стр. 69); Рыбникова, I, №№ 59 и 60, III—40. Итого—4 варіанта.

Сводныя старины находятся въ сборникахъ: Рыбникова, II, № 33; Гильфердинга №№ 44, 141, 259 и 284 [1]). Итого—7 варіантовъ.

Наибольшей популярностью, какъ видно изъ предложеннаго итога, пользуется первая пѣсня.

И. Ждановъ [2]), въ своемъ разборѣ содержанія варіантовъ считалъ старины Рыбникова—I, 58 и I, 59—двумя частями одной и той же пѣсни, произвольно разбитыми собирателемъ на два отдѣльныхъ номера. Однако Рыбниковъ здѣсь не при чемъ: самъ сказатель (извѣстный Рябининъ), когда пѣлъ эти отрывки, дѣлилъ ихъ сознательно на двѣ отдѣльныхъ пѣсни. Аналогичный примѣръ представляютъ старины Рыбникова III, 39 и III, 40: сказа-

---

[1]) Мнѣ извѣстенъ еще варіантъ сводной старины въ рукописи Имп. Пуб. Б-ки Q. XVII, № 230, отмѣченный А. Бычковымъ въ описаніи рукописей Савваитова, I, 1900, стр. 136. На л. 20 рукописи XIX в., заглавный листъ которой носитъ названіе „Устюжскія пѣсни“, помѣщена „простонародная сказка“ съ примѣчаніемъ, что она „нараспѣвъ поется и написана такъ, какъ поютъ“. Написана она стишными строками и продставляетъ сжатый разсказъ о хвастаньи Василья Буслаева на пиру „битца-дратися“ съ Новымъ городомъ, испугъ Василья своей похвальбы, требованіе его старостами Новгородскими, столкновеніе Василья со старцемъ „Волотоманцемъ“ и нѣсколькихъ строкъ о скаканьи Василья черезъ „камешекъ“. Содержаніе запомнилось очень плохо.

[2]) Въ изслѣдованіи „Русскій былевый эпосъ“, Спб. 1895. См. главу: „Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ“.

тель (родственникъ Л. Богданова) также по собственной иниціативѣ отдѣлилъ пѣсню о разгромѣ Новгорода отъ пѣсни о смерти Василія Буслаева. Наоборотъ, соединеніе Гильфердингомъ въ старинѣ № 54 обѣихъ пѣсенъ въ одно цѣлое слѣдуетъ признать произвольнымъ потому, что сказатель Прохоровъ, которому принадлежитъ разбираемая старина, былъ заслушанъ еще Рыбниковымъ, которому спѣлъ лишь одну первую пѣсню (что составляетъ первую часть № 54 Гильфердинга). Послѣднему собирателю Прохоровъ припомнилъ и вторую, а Гильфердингъ самъ присоединилъ ее къ первой части.

Изслѣдователемъ состава пѣсенъ о Васильѣ Буслаевѣ, И. Ждановымъ, уже было отмѣчено, что какъ отдѣльные, такъ и сводные пересказы (равнымъ образомъ и сказки, привлеченныя изслѣдователемъ), передаютъ повѣствованіе въ сущности одинаково [1]). Разница касается только подробностей и зависитъ отъ утраты памятью отличавшагося полнотой и ясностью содержанія основной пѣсни. Полнота страдаетъ, главнымъ образомъ, въ сводныхъ пересказахъ; ясность—тамъ, гдѣ нужна мотивировка, которую не могутъ осилить сказатели. Такимъ образомъ общіе законы передачи пѣсенной традиціи въ крестьянской средѣ вполнѣ подтверждаются анализомъ сохранившихся текстовъ разбираемой композиціи.

Изъ всѣхъ варіантовъ первой пѣсни (отдѣльныхъ и сводныхъ) три: Р. I. 57 (=Г. 54), Р. II, 32 (=Г. 103) и Г. 259 представляютъ полное забвеніе основного сюжета. Забытое содержаніе дало просторъ обычному эпическому трафарету, и въ двухъ изъ этихъ варіантовъ дѣйствіе перенесено въ стольный Кіевъ градъ, на безсмѣнные пиры князя Владимира. Одна изъ этихъ старинъ (Р. II, 32=Г. 103) разсказываетъ, какъ Василій Буславьевичъ „повыхвасталъ“ на „великомъ балу“ у Владимира „побороть весь Кіевъ градъ“, даже—Москву. Дальнѣйшій разсказъ излагается съ точки зрѣнія выполненія Васильемъ этого хвастовства и говоритъ объ избіеніи всѣхъ, кто бы ни подвернулся. Василій сначала бьетъ

[1]) Временно исключаю старину Гильфердинга № 321; о ней будетъ сказано отдѣльно впослѣдствіи.

„силу“ телѣжной осью, затѣмъ—отнятымъ у „крестнаго батюшка“ языкомъ колокольнымъ. На такомъ же пиру Василій хвастаетъ и бьется объ закладъ передъ княземъ Владимиромъ „биться-дратися со всѣмъ Новымъ-градомъ“ и въ другой старинѣ, Г. 259. Весь интересъ здѣсь также сосредоточенъ на томъ, выполнитъ ли герой нахвастанное. Разсказъ кончается полученіемъ съ князя „золотой казны“, какъ уплаты за выигранный имъ съ дружиною закладъ. Драка, исходъ которой интересенъ безотносительно,—вотъ центръ, вокругъ котораго группируются эти фрагментарные пересказы. Вниманіе, удѣляемое этому, чисто внѣшнему, сюжету, повлекло за собой полнѣйшее забвеніе плана, подробностей, собственныхъ именъ. Забылась и основная идея пѣсни, несомнѣнно существовавшая. Вѣдь не для одного же исхода—выиграетъ или не выиграетъ заклада герой—была сочинена большая пѣсня. Въ такомъ случаѣ и пѣсни о Садкѣ окажутся сложенными на тотъ же сюжетъ—выигрыша заклада.

Въ старинѣ Р. I. 57 (=Г. 54) вниманіе сосредоточено также на внѣшнемъ эффектѣ—дракѣ. Василій наборомъ дружины или еще чѣмъ-то „раздражилъ“ новгородскихъ мужиковъ; тѣ и придумали:

36. А сдѣлаемте, робята, свой почестной пиръ,
Не позовемъ то мы Василья да Буславьева. (Г. 54).

Когда же Василій пришелъ на пиръ неожиданно, новгородцы, еще больше разсердившись на его незваный приходъ, [1]) предложили ему побиться о закладъ—драться-ратися на Волховомъ мосту. Драка принята, дружина три дня бьется, пока Василій спитъ—не вѣдаетъ; на четвертыя сутки богатырь смѣняетъ дружину и побиваетъ всѣхъ. Достается и „старчищу-пилигримищу“, который выѣхалъ противъ него на „добромъ конѣ“. Старчище вызванъ тѣми же мужиками, которые стало быть принимали всѣ мѣры, чтобы погубить Василья. Сказатель такъ увлекся описаніемъ драки, что забылъ упомянуть о закладѣ, который долженъ былъ получить Василій по уговору.

---

[1]) 55. Какъ тутъ то мужикамъ да стало зарко-то,
Да набъ-то мужикамъ его концать еще,
Да того Васильюшка Буславьева.

„Зарко“ пояснено въ примѣчаніи къ стиху—„задорно“.

Изложенные здѣсь варіанты начинаютъ разсказъ не съ обычнаго описанія дѣтства героя, а именно съ момента хвастанья, тѣсно соединеннаго съ обычнымъ описаніемъ пира. Василій или ходитъ по городу Кіеву, набираетъ себѣ дружину, затѣмъ идетъ незванымъ на пиръ къ новгородцамъ (Р. I. 57=Г. 54), или сидя на пиру у Владимира, хвастаетъ, что поборетъ города Москву и Кіевъ (Р. II, 32=Г. 103); или—что побьется съ Новгородомъ (Г. 259). Болѣе подробно излагаетъ разсказъ старина Р. I. 57 (=Г. 54), гдѣ еще представляется возможность прослѣдить обычное содержаніе, всего менѣе помнитъ его Р. II. 32 (=Г. 103), гдѣ къ бою съ Васильемъ неожиданно начинаютъ готовиться какіе-то „городо-Кемскіе мужики“, и вниманіе сосредоточено на томъ, кто кого въ бою дракѣ великой спихнетъ „подъ Обуховъ мостъ“ въ Волховъ. Для выясненія основного содержанія пѣсни всѣ эти пересказы существеннаго даютъ очень мало.

Изъ остальныхъ пересказовъ отмѣчу еще старину Р. I, 58, собственно, отрывокъ,—все, что могъ припомнить Рябининъ изъ первой пѣсни. Васильюшка Буслаевичъ призадумался:

4. Есть бы у меня была дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Самъ то я, Васильюшка, въ тридцатыихъ,
Такъ ѣхалъ бы я биться со всѣмъ Новымъ-градомъ.

Чтобы набрать дружину, онъ разсылаетъ письма:

15. Кто хочетъ сладко ѣсть, да красно носить,
Тотъ поди на дворъ къ Василью ко Буслаеву.

По письмамъ привалило силушки „чернымъ-черно“, но никто не могъ повытерпѣть ударовъ червленаго вяза. Снова Василій пишетъ приглашенія; на этотъ разъ откликнулась настоящая дружина, которую онъ одарилъ богато. На этомъ обрывается пересказъ. Изъ дальнѣйшаго Рябининъ могъ припомнить только, какъ навстрѣчу вышелъ „старчище Елизарище“, котораго ударилъ по головѣ Василій и разбилъ ему шапку-колоколъ. Рябининскій отрывокъ заключается слѣдующей замѣткой собирателя: „Изъ другихъ разнорѣчій извѣстно, что Василій побилъ мужиковъ новгородскихъ. За это Мамелфу Тимоѳеевну позвали въ судъ и крѣпко тамъ разобидѣли. Къ сожалѣнію, этого мѣста Рябининъ

не помнилъ". Неизвѣстно, откуда собиратель почерпнулъ эти свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ интересный отрывокъ Рябинина слишкомъ не великъ, чтобы можно было имъ пользоваться. (Еще меньшій фрагментъ былъ въ памяти Рябинина изъ второй пѣсни о поѣздкѣ Василья, см. тамъ же № 59).

Слѣдующая старина—Г. 284 представляетъ неполный и сокращенный пересказъ пѣсни о боѣ съ новгородцами, кончающійся встрѣчей со старцемъ Угрюмицемъ, котораго, какъ водится, Василій убиваетъ. Старина эта любопытна попыткой мотивировать смерть Василья. Мать, узнавъ объ убіеніи старца, кликнула сыну родимому:

95. Ты зачѣмъ убилъ да крестна батюшка,
Тебѣ самому да вѣдь така же смерть приде.

Такъ и случилось: пошелъ Василій во дороженьку, видитъ, лежитъ камень „превеличающій", на немъ надпись:

100. Еще кто этотъ камень вѣдь перескочитъ,
Такъ вѣкъ богато будетъ жить.

Василій пробуетъ „скочить", но тутъ ему и смерть пришла. Старина эта не представляетъ значительныхъ по интересу подробностей. По прежнему все вниманіе ея обращено на то, кто выиграетъ закладъ. „Новгородскій новый староста" даже не согласенъ принять дары отъ матери Василья, такъ ему нужна „Васильева головушка".

Всѣ остальные пересказы [1]) принадлежатъ одной редакціи и расположены, приблизительно, по одному плану. Этотъ планъ является основнымъ, хотя внѣшнимъ, остовомъ первоначальной постройки, такъ какъ внутреннее содержаніе пѣсни давно стало неяснымъ особенно для той народной среды сѣвера или казацкой украйны, куда, обыкновенно, отливали пѣсни.

Основная Пѣсня о разгромѣ Новгорода въ свое время была сочинена однимъ какимъ либо поэтомъ. Передаваемая изъ поколѣнія въ поколѣніе, занесенная изъ первоначальнаго мѣста рожденія въ среду совершенно иную, записанная значительно поз-

[1]) Кирша; Кирѣевскій V, 1 и 2; Рыбниковъ I, 55 и 56; II. 33; III, 39 и сходная съ нимъ старина Гильфердинга № 141; Гильфердингъ №№ 30, 44 и 286.

же; пѣсня не заключается цѣликомъ въ томъ или иномъ варіантѣ. Послѣдніе берегутъ лишь фрагменты развалившейся художественной постройки. Болѣе ими менѣе бережливое отношеніе къ этимъ фрагментамъ, попытки ихъ реставраціи или, наоборотъ, небреженіе, обусловливаемое различными причинами, и вызываютъ тѣ измѣненія, общая характеристика которыхъ была дана мною выше [1]).

Слѣдуя принятому методу, я и здѣсь попытаюсь сначала изъ сличенія варіантовъ установить черты общія или всѣмъ имъ или большинству. Такія черты помогутъ намѣтить главнѣйшія детали основной постройки. Дальнѣйшій анализъ варіантовъ дастъ возможность разобраться нѣсколько и въ томъ внутреннемъ содержаніи, которымъ руководствовался первоначальный слагатель пѣсни.

Для большей наглядности и удобства я разсмотрю каждую часть плана въ отдѣльности по всѣмъ варіантамъ.

1) Объ отцѣ Василья почти всѣ пересказы говорятъ одинаково, (временно оставляю вступленіе къ старинѣ Р. I. 55), допуская или гиперболизацію: Буслай жилъ 90 лѣтъ да цѣлу тысячу“ (Г. 44; 141), или порчу, происходящую отъ непониманія: Буслай „съ каменной Москвой состарѣлся“ (Г. 30), вмѣсто—„не спаривалъ“. Достигнувъ преклоннаго возраста онъ „с Новымъ городомъ жилъ не перечился, со мужики новгороцкими поперекъ словечка не говаривалъ“ (Кирша). Это мирное отношеніе къ Новгороду оттѣнено всѣми старинами; позже и по аналогіи стали присоединяться и другіе города, съ которыми онъ „не спорилъ“: то Кіевъ, то Псковъ, то Москва.

2) Упоминанье объ ученіи Василія находится лишь у Кирши и Р. I. 56, гдѣ герой обучается ратному дѣлу. Мотивъ этотъ имѣетъ сходство съ соотвѣтствующимъ въ старинахъ о Вольгѣ, но врядъ ли онъ зашелъ оттуда. Вольга, какъ идеальный охотникъ,

[1]) Выше я, между прочимъ, отмѣчалъ стремленіе сказателей широко пользоваться общими мѣстами. Ниже, при анализѣ варіантовъ, будетъ видно, какъ широко примѣненный обычный locus communis пира (и хвастанья) былъ причиной коренного измѣненія пути, по которому пошла впослѣдствіи разбираемая пѣсня.

долженъ былъ обучаться охотничьимъ пріемамъ, которые и прилагалъ къ дѣлу, Василій же учился грамотѣ, которая ему пригодилась: многіе варіанты говорятъ о писаньи имъ „ярлыковъ скорописчатыхъ“. Изъ позднѣйшаго смѣшенія въ нѣкоторыхъ варіантахъ могло выйти заключеніе, что и Вольгѣ грамота „въ наукъ пошла“. Мотивъ обученія Василья нельзя поэтому разсматривать, какъ зашедшій изъ какихъ-либо другихъ старинъ [1]).

3) Буйный характеръ и жестокія шутки Василія изображаются пересказами вездѣ согласно. Это мѣсто не принадлежитъ исключительно разбираемой пѣснѣ, оно встрѣчается въ старинѣ о Константинѣ Сауловичѣ и, особенно, въ сказкахъ: о Ерусланѣ Лазаревичѣ, лубочной—о богатырѣ Самсонѣ, въ одномъ изъ варіантовъ сказки о королевичѣ и его дядькѣ и въ другихъ сказкахъ о богатыряхъ. Но трудно согласиться съ И. Ждановымъ, утверждавшимъ, что разбираемое мѣсто мало выразительно „для изображенія такого удальца, какъ Василій Буслаевъ“ [2]). Наоборотъ, характеристика Василья послѣдовательно проведена старинами: дурные задатки дѣтской натуры дали пышные ростки въ зрѣломъ возрастѣ. Съ дружиной Василій продѣлывалъ болѣе жестокія потѣхи. Во второй пѣснѣ подведенъ итогъ всей его жизни словами: „съ молоду бито много, граблено“. Между тѣмъ Константинъ Сауловичъ и всѣ сказочные персонажи нигдѣ не проявляютъ въ дальнѣйшей своей дѣятельности того буйства, какое выказывали съ молоду. Старина о Константинѣ Сауловичѣ и сказки въ дальнѣйшемъ забываютъ, что ихъ благородные герои калѣчили своихъ сверстниковъ въ дѣтствѣ. Въ этихъ произведеніяхъ характеристика богатырства героевъ не можетъ, такимъ образомъ, считаться проведенной послѣдовательно. Можно скорѣе говорить о заимствованіи ими этой характеристики изъ пѣсни о Василіи Буслаевѣ, въ виду ея популярности.

4) Жалобы новгородцевъ и какъ результатъ ихъ—„журьба“

---

[1]) Ср. у. О. Миллера (Илья Муромецъ и богатырство кіевское): изслѣдователь говоритъ, что обученіе Вольги грамотѣ замѣшалось сюда изъ старинъ о Василіи Буслаевѣ (стр. 193). Упоминаніе объ ученіи Василья находится еще въ старинѣ собранія Тихонравова и Миллера № 64.

[2]) О. с. стр. 375.

сына матерью раздражаютъ Василья (Кирша), вызываютъ въ немъ „кручину“ („съ той кручины“, что жалуются, Р. III. 39,—Василій и рѣшилъ набрать дружину головорѣзовъ). Эта „кручина“ была понята нѣкоторыми сказателями буквально, какъ печаль, огорченіе. Отсюда явилось представленіе Василья огорченнымъ, нерадостнымъ, жалующимся матери на обиду отъ новгородцевъ. Въ старинѣ Р. I. 55 Василій обижается на новгородцевъ, укоряющихъ его за потѣхи надъ ребятами такими словами:

14. Тебѣ съ эстою удачей молодецкою
Наквасити рѣка будетъ Волхова.

Не трудно понять препозиціонный характеръ этой рѣчи: новгородцы какъ бы пророчествуютъ о своемъ грядущемъ избіеніи.

Жалоба, принесенная матери, вызываетъ совѣтъ съ ея стороны—набрать дружину (Р. I. 55; II, 33). Но отъ этого совѣта ей самой же приходится плохо. И. Ждановъ [1]), такъ же, какъ и я, считаетъ этотъ совѣтъ—не органичнымъ въ пѣснѣ и склоненъ видѣть сохраненіе основнаго мотива въ пересказѣ Кирши. Однако и вся роль матери въ пѣснѣ подновлена на основаніи другихъ источниковъ. Матерая, честная вдова, мать Василья, носитъ въ большинствѣ пересказовъ имя Мамелфы Тимоѳеевны. Фонетическія измѣненія въ иныхъ старинахъ восходятъ къ этому же имени, соотвѣтствующему христіанскому „Мамелхва“. Въ немногихъ случаяхъ встрѣчается замѣна: Фетьма, Авдотья Васильевна, Ѳфимья Александровна. Это имя не принадлежитъ исключительно пѣснѣ о Василіи Буслаевѣ: одинаково зовется и мать Добрыни, Соловья Будимировича, Збута Королевича. Ея роль, самый образъ матерой вдовы также не исключительная принадлежность пѣсни о Василіи Буслаевѣ. Съ тѣми же чертами характера являются и матери Добрыни, Соловья Будимировича, Збута Королевича. Роль матери Василья, несомнѣнно строго опредѣленная въ основной пѣснѣ, въ послѣдовательномъ ея развитіи значительно осложнилась. Поводомъ къ осложненію послужило развитіе представленія Василья „кручиноватымъ“ героемъ, неучествованнымъ на пиру. Въ старинахъ имѣется еще герой, въ лицѣ матери

[1]) О. с. стр. 373.

неучествованный на пиру. Какъ Василій, такъ и онъ „ходитъ въ городѣ, уродуетъ“. Безпокойное поведеніе Хотѣна вызываетъ такія же нареканія на него, какъ и на Василья. Въ лицѣ матери Хотѣна обижена, въ сущности, вся его семья. Эта фамильная обида цѣликомъ перенесена и въ семью Буслаевыхъ. Недаромъ нѣкоторые пересказы заставляютъ мать совѣтовать Василью набрать себѣ въ отместку дружину. Зашедшій въ разбираемую пѣсню эпизодъ, болѣе органичный въ старинахъ о Хотѣнѣ, выразился даже текстуальнымъ сходствомъ: мать встрѣчаетъ Василья такими же словами, какъ Хотѣнъ свою мать:

17. Что ты, Васильюшко, съ пиру идешь
Да не веселъ вѣдь, не радошенъ?
Мѣсто тебѣ было не по разуму?
Ли рюмка тебѣ не рядомъ пришла,
Али пьяница да осмѣяласе (Г. 284).

Хотѣнъ обращается къ своей матери съ такими словами:

23. Ты свѣтъ государынь моя матушка!
Развѣ мѣсто те было не по вотчины,
Развѣ винная чара да не рядомъ дошла,
Развѣ пьяница тобою осмѣяласе,
И безумница да слово молвила. (Г, 282).

Сходство и одинаковая роль этихъ двухъ вдовъ, матерей Хотѣна и Василья, отмѣчены были акад. В. Ѳ. Миллеромъ [1]). Не трудно видѣть, что черты матери Хотѣна постепенно отслаивались на изображеніи Мамелфы. Хотѣнъ мститъ за обиду матери и свою, Василью не за что мстить: онъ, а не его обидѣли. Считая и кручину героя и такое развитіе характеристики матери неорганичнымъ, я ниже укажу, что послѣдней въ разбираемой пѣснѣ принадлежало, главнымъ образомъ сдерживающее начало: она выступаетъ въ защиту новгородцевъ противъ сына.

5) Обычный процессъ набора дружины, представляемый пересказами, таковъ: Василій пишетъ письма и разсылаетъ ихъ повсюду. Являются молодцы (обыкновенно 30 безъ единаго); трое изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ переименованы: Потанюшка

[1]) Очерки русской народной словесности, Ч. 1, стр. 228.

(рѣдко Васенька) хроменькій, Костя Новоторжанинъ (или Бѣлозерянинъ), Хомушка горбатенькій (или Ѳома толстородливой). Молодцы должны выпить чару единымъ духомъ и вытерпѣть ударъ червленымъ вязомъ по буйной головѣ. Эта проба даетъ право зачислиться въ ряды дружинниковъ Василья, носить платье цвѣтное, пить и ѣсть изъ готоваго. Испытаніе производится на дворѣ, посреди котораго выкатывается бочка или ставится чанъ съ напиткомъ. (Кирша, Р. I, 55, II, 33). Нѣкоторые пересказы воспользовавшись мотивомъ питья чары единымъ духомъ, вводятъ сюда locus communis пира, а послѣдній, въ свою очередь, притягиваетъ традиціонныхъ Кіевъ и Владимира, какъ было указано. (Ср. Г. 141—гдѣ пиръ и выкаченная бочка соединены вмѣстѣ). Этотъ пиръ сказатели старались мотивировать: или его устраиваетъ Василій для того, чтобы на немъ избрать дружину (Р. I, 56; Р. III, 39: Г. 141, 259) или—онъ устраивается на радостяхъ, по случаю набора дружины (Р. I, 55; Кир. V, 2; Ср. еще Р. I, 58).

Съ мотивомъ пира соединяется иногда попытка объясненія дальнѣйшаго: почему Василій пришелъ на пиръ новгородцевъ незванымъ, почему его не пригласили? Очевидно—потому, что были на что-либо обижены или сердиты. И вотъ—старины Р. I, 55, 58; Г. 44; Кир. V, 1 и 2 вводятъ такую подробность: по письмамъ народъ валитъ на васильевъ широкій дворъ „увалами-перевалами“, обѣщается „опить-объѣсть“ Василья. Тотъ угощаетъ корыстныхъ гостей червленымъ вязомъ. Мужики уходятъ, посылая проклятія: „не упито было, не уѣдено, а увѣчья на вѣкъ залѣзено“. Злобу свою они, конечно, затаили, чтобы при случаѣ выместить. На ихъ мѣсто, уже вторично, приходитъ настоящая дружина.

Картина пира по случаю набора дружины не могла находиться въ основной пѣснѣ, равно какъ и дальнѣйшія осложненія: обида новгородцевъ и, особенно, двукратная попытка набора дружины. Прежде всего картина избіенія новгородскихъ мужиковъ на избирательномъ пиру Василья введена некстати: она предваряетъ центральную часть пѣсни, трактующей именно избіеніе новгородцевъ. Да и слова: „не упито было, не уѣдено, а увѣчья на вѣкъ залѣзено“ варіантомъ Кирши отнесены въ конецъ пѣсни,

къ выраженію недовольства дружины Василья, укоряющей хозяина за плохое вознагражденіе.

Что касается разсказа о наборѣ дружины, то старины, заставляющія Василья писать письма дважды, и желающимъ вступить въ ряды ея являться также два раза, даютъ снова примѣръ эпическаго повторенія. Это повтореніе—результатъ позднѣйшаго измѣненія пѣсни, и въ основной оно не имѣло мѣста.

Нѣкоторыя старины отмѣчаютъ, что послѣ того, какъ Василій набралъ дружину и сталъ ея предводителемъ, издѣвательства и „шутки“ сдѣлались опаснѣе: „какой зайдет, убьютъ ево, за ворота бросятъ“ (Кирша), или—дружина съ Васильемъ начали зазывать народъ на пиры, а потомъ выгоняли его „взашей да всутычъ“. (Р. I. 57 = Г. 54).

Что касается характеристики самой дружины, то пересказы, хотя и въ различныхъ выраженіяхъ, но общихъ по тону, представляютъ ее вполнѣ отличной отъ обще-эпической дружины, сопровождающей богатыря. Подробнѣе этой характеристики я коснусь въ дальнѣйшемъ.

б) Усиленіе буйствъ и злодѣйствъ Василья является прямымъ переходомъ къ главной части пѣсни, начинающейся приходомъ Василья на пиръ новгородцевъ. Этотъ пиръ понимается, прежде всего, какъ „братчина“ (Кирша), устроенная въ складчину, съ особымъ старостой (Г. 286). Рѣже—этотъ пиръ происходитъ у „князей“ новгородскихъ.

Василій идетъ на пиръ незваным. Гораздо проще было бы объяснить это неприглашеніе тѣмъ, что Василій ранѣе и не зналъ о томъ, что въ Новгородѣ пируютъ. Кирша такъ и объясняетъ: Василій „услыхалъ“, что у новгородцевъ „канунъ варенъ, пива яшныя“. Въ нѣкоторыхъ старинахъ послѣ разсказа о наборѣ дружины чувствуется этотъ переломъ, подходъ къ началу самостоятельной части.

116. И завелся у князя новгородскаго почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей,
А молодца Василья не почествовали... (Р. I. 55).

Въ другой старинѣ переломъ этотъ оттѣненъ еще рѣзче:

112. И тогда мужики новгородчана
Заводили свой почестный пиръ
У того Викулы у Окулова.
И говоритъ молодой Василій сынъ Буслаевичъ:
Пойдемъ-те-тка, братіи, на почестный пиръ
Къ тому къ Викулы къ Окулову. (Р. II. 33).

Нѣкоторыя старины, какъ я сказалъ выше, вводили здѣсь попытку объяснить неприглашеніе раздраженіемъ новгородцевъ на Василья. Въ старинѣ Г. 141 прямо сказано, что они были сердиты на него за то, что нахлесталъ ихъ вязомъ. О томъ, что его не позвали изъ мести—говоритъ старина Р. I. 57 (=Г. 54). Этимъ объясненіемъ сказатели полагали сгладить переходъ, казавшійся имъ черезъ чуръ рѣзкимъ. Мотивировка прихода Василья, какъ видно, вездѣ различна. Тотъ фактъ, что Василій приходитъ на пиръ „незваным“ развился изъ представленія нѣкоторыми варіантами этого новгородскаго пира братчиной, на которую, по обычному праву—„незванъ ходитъ никто“, а если придетъ незваный, то его, бивъ да ограбивъ, нужно удалить съ братчины. Отсюда—приходить на послѣднюю незваным, значитъ въ себѣ самомъ таить намѣренія враждебныя и быть готовымъ на все.

Дѣйствительно, буйный Василій изображается входящимъ на пиръ, какъ сердитый, неучествованный богатырь: онъ отворяетъ двери на пяту, садится на лавку и толкаетъ всѣхъ гостей, какъ насильникъ Кострюкъ. Не отстаетъ отъ него избранная имъ дружина, склонная къ грабежу, насилію и глумленію. Характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ передаетъ старина Р. II, 33:

120. И увидѣли мужики новогородчана,
Что идетъ Василій сынъ Буславьевичъ,
И заложили ворота крѣпко на крѣпко,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
Ай же ты, Васинька маленькій!
Вскочи-тко ты въ широкій дворъ,
Найди-тко вѣтрянку маненьку
И подними-тко ты съ широка двора,
Отвори-тко вороты-тѣ на пяту,
И зазови-ко меня хлѣба-соли кушати.

И Василька маленькой вскочилъ-то въ широкій дворъ
И нашелъ вѣтрянку маненьку,
И подынулъ онъ съ широка двора,
И заскочилъ онъ на широкій дворъ
И отворялъ вороты-тѣ на пяту,
И зазывалъ хлѣба-соли кушати.

Характеризуя въ подобномъ тонѣ Василья и дружину, большинство пересказовъ отмѣчаетъ, что со стороны новгородцевъ онъ былъ встрѣченъ привѣтливо и посаженъ „въ большой уголъ“.

Упоминаніе о „братчинѣ“ у мужиковъ или „пирѣ“ у князей новгородскихъ притянуло снова обычный locus communis пира съ соотвѣтствующимъ хвастаньемъ сидящаго за столомъ героя. Таковъ, напримѣръ, онъ въ старинѣ Г, 286: на пиру новгородскаго старосты, когда всѣ стали „пьяны веселы“, всѣ расхвастались:

32. И который-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
И который-то хвастаетъ золотой казной,
И безумной похвасталъ молодой женой.
И сидитъ-то Василій Буславьевичъ,
И ничѣмъ-то Василій не хвастаетъ.
И говоритъ-то новгородскій староста:
И что ты Василей Буславьевичъ,
И что ты ничѣмъ не похвастаешь?
И чѣмъ мнѣ-ка, братцы, похвастати?
Да нѣту у меня вѣдь добрыхъ коней,
И нѣту у меня золотой казны,
И нѣту у меня молодой жены;
И похвастаю силой могучіе,
Итти-то вѣдь биться-драться на весь Новый градъ
И съ тѣмъ-ли новгородскіемъ старостой.

За хвастаніемъ слѣдуютъ по обыкновенію „записи“, на какихъ условіяхъ состязаться. Обычный эпическій пріемъ, встрѣчающійся во многихъ старинахъ, въ данномъ случаѣ сдѣлалъ изъ Василья такого же безличнаго соперника Новгороду, какимъ является упомянутый Садко въ современныхъ варіантахъ. Этотъ пріемъ совершенно передвинулъ точку зрѣнія пѣсни, и Василій явился не буйнымъ героемъ, пришедшимъ во главѣ дружины съ враждеб-

нымъ намѣреніемъ „покорить мужиковъ новгородскихъ“, а простымъ упьянчливымъ хвастуномъ, подъ вліяніемъ хмельной бесѣды вызывающимъ на бой Новгородъ. Самый бой поэтому ничѣмъ не мотивируется, кромѣ безпричиннаго удальства. Исходомъ боя, какъ ни странно, интересуются сами мужики новгородскіе.

Съ того момента, когда въ одинъ изъ пересказовъ основной пѣсни зашелъ этотъ мотивъ пира и хвастанья, нужно считать, что она стала развиваться иначе, чѣмъ первоначально. Это именно хвастовство притянуло и упомянутую выше „кручину“ неучествованнаго на пиру героя, жалобу матери, попытку матери поправить какъ-нибудь это дѣло. (Р. I. 55; II, 32 = Г. 103; Г. 284). Вся роль матери, развитая по схемѣ старинъ о Хотѣнѣ—результатъ этой новой переработки. Чтобы еще болѣе оттѣнить, какъ реагируетъ мать на жалобу сына, нѣкоторые пересказы заставляютъ ее послѣ похвальбы сына нести новгородскимъ властямъ дань (обычныя мисы золота—серебра—жемчуга). Отвѣтъ послѣднихъ заслуживаетъ вниманія: имъ ничего не нужно, лишь бы Василій исполнилъ похвальбу, побилъ бы ихъ или бы самъ остался побѣжденнымъ. Это, если можно такъ выразиться, спортивное отношеніе къ сюжету заставило даже старины Р. I, 57 (= Г. 54) и Г. 141 вызовъ на состязаніе изображать исходящимъ отъ самихъ новгородцевъ.

Что разбираемое мѣсто представляетъ переломъ въ жизни пѣсни, весьма важный въ ея развитіи, опредѣлившій дальнѣйшую форму ея существованія, доказывается тѣмъ, во 1) что плохо помнящія основной сюжетъ старины, вродѣ Г. 30 и 44, совсѣмъ опускаютъ разбираемый эпизодъ; во 2) что locus communis пира и хвастанья съ заимствованіями нѣкоторыхъ положеній изъ эпическаго запаса не могутъ заполнить здѣсь отступленія отъ фактическаго содержанія и движенія въ пѣснѣ, до тѣхъ поръ развивавшейся довольно послѣдовательно, и въ 3) главное,—что старины Кирши и Р. I, 55, по времени наиболѣе древнія, такъ какъ первая находится въ рукописи XVIII вѣка, а вторая записана Рыбниковымъ въ 1860 г. отъ 90-лѣтняго старика, представляютъ весь эпизодъ прихода на пиръ и вызова Васильемъ на бой новгородцевъ совершенно иначе.

По старинѣ Кирши—привѣтливо встрѣченный на пиру Василій начинаетъ вдругъ буйствовать; съ братчины онъ съ дружиною идетъ въ „царевъ-кабакъ“, напивается тамъ и возвращается обратно. На пиру тѣмъ временемъ началась драка, Василій бросился было разнимать, но „иной дуракъ зашолъ, ево по уху оплелъ“. Василій закричалъ „громкимъ голосомъ“ дружинѣ, и попла потѣха: „скоро оне улицу очистели, прибили уже много до смерти, вдвое втрое перековеркали, руки ноги переламали, кричатъ ревутъ мужики посацкия“. Въ разгарѣ драки Василій предлагаетъ закладъ—напуститься на весь Новгородъ: „тако вы менѣ з дружиною побьете Новымъ городомъ, буду вамъ платить дани выходы по смерть свою на всякой годъ по три тысячи; а буде же я васъ побью, и вы мне покоритися, то вамъ платить мне такову же дань“. На этомъ договорѣ „руки они подписали“. „Началась у нихъ драка—бой великая“, (вѣрнѣе—продолжалась?), Василій съ дружиною много побили мужиковъ и купцовъ. Тогда новгородцы „догадалися“,—пошли съ дорогими подарками къ матери, прося унять чадо милое. Та посылаетъ „дѣвушку чернавушку“, которая и притащила Василья къ матери, послѣдняя заперла его въ погребъ за желѣзныя двери. Дружина продолжала биться одна.

И. Ждановъ обратилъ вниманіе на этотъ варіантъ Кирши, замѣтивъ, что замѣна кулачной потѣхи застольной похвальбой явилась воздѣйствіемъ эпической аналогіи, вліяніемъ тѣхъ описаній пира, которыя такъ обычны во всѣхъ старинахъ. По этой аналогіи пиръ у „князя“ новгородскаго, а не у народа, объясняется вліяніемъ пира у „князя“ Владимира. „Слѣдуетъ, кажется, говоритъ изслѣдователь, остановиться на этомъ варіантѣ Кирши, какъ на болѣе древнемъ“ [1]). Варіантъ Кирши, дѣйствительно, сохраняетъ черты основной пѣсни, но уже въ нѣкоторой степени разложенія, затушевавшаго черты оригинала. Варіанты помогутъ разобраться въ этомъ темномъ мѣстѣ:

а) Призванный на пиръ Василій (по Киршѣ) начинаетъ буйствовать, уходитъ съ пира въ кабакъ, потомъ возвращается; на-

[1]) О. с. стр. 210.

чинается драка, въ разгарѣ которой Василій предлагаетъ биться. Въ старинѣ P. I. 55 есть схожее указаніе на то, что незваный гость насильничаетъ на пиру: какъ зашелъ онъ

137. За дубовый столъ, въ большой уголъ,
И тронулся на лавочку къ пестно-углу,
И попехнулъ Василій правой рукой,
Правой рукой и правой ногой;
Всѣ стали гости въ пестно-углу.
И тронулся на лавочку къ верно-углу
И попехнулъ лѣвой рукой, лѣвой ногой:
Всѣ стали гости на новыхъ сѣняхъ.
Другіе гости перепалися,
Отъ страху по домамъ разбѣжалися.

Выгналъ гостей Василій и сѣлъ за дубовый столъ

148. Со своей дружиной хороброю.
Опять всѣ на пиръ собиралися.

Далѣе идетъ уже разсказъ о закладѣ: „продраться Василью черезъ Волховъ мостъ“. Перерывъ на пиру, давшій поводъ къ избіенію, слѣдовательно—органиченъ.

б) По Киршѣ Василій съ дружиною побиваютъ новгородцевъ еще *до предложенія* заклада. Это избіеніе вызвано обидой Василья на то, что его оплели по уху. Затѣмъ когда уже былъ заключенъ договоръ, началась настоящая драка, и было вновь побито много народа; тогда мужики спохватились, пришли съ дарами и просьбою къ матери унять сына. Василій запертъ въ погребъ, но дружина продолжаетъ биться. Дѣвушка чернавушка, только что притащившая Василья къ матери, помогаетъ дружинѣ и освобождаетъ Василья. Тотъ спѣшитъ на помощь, вновь драка (въ третій разъ), вновь мужики покорились, вновь понесли подарки честной вдовѣ съ просьбой унять „свое чадо милое, молода Василья со дружиною“. Дѣвушка чернавушка снова хватаетъ „Василья за бѣлы руки“ и снова приводитъ къ матери.

Не трудно видѣть здѣсь путаницу, легко разбираемую. Здѣсь снова примѣръ эпическаго повторенія понравившагося мотива. Разсказъ о дракѣ Василья до заключенія договора, какъ предваряющій собой главное содержаніе, и разсказъ о приношеніи да-

ровъ матери до запиранія Василья въ погребъ, какъ предваряющій конецъ пѣсни—выраженіе новгородцами полной покорности до окончательнаго исхода боя,—не органичны и должны быть отброшены. Равнымъ образомъ возбуждаетъ сомнѣніе двойственная роль дѣвушки-чернавушки: она то арестуетъ Василья, то помогаетъ ему и дружинѣ. О ней, впрочемъ, ниже.

в) „Закладъ“ Василья, понятый большинствомъ пересказовъ въ смыслѣ обычнаго предложенія спорящей стороны, является, въ сущности, условіемъ, которое ставитъ Василій побѣдителю. Дань, платимая побѣжденными, точно регламентируется. По Киршѣ подробное перечисленіе, что должны уплачивать новгородцы, помѣщено въ концѣ пѣсни, когда они окончательно (по Киршѣ выходитъ—вторично) выразили покорность: „Рады мы платить на всякой годъ по три тысячи, на всякой годъ будемъ тебѣ носить с хлебниковъ по хлебику, съ калачниковъ по калачику, с молодицъ повенешное, с девицъ повалешное, со всехъ людей со ремесленныхъ, опричь поповъ и дьяконовъ“. Но этимъ условіямъ слѣдовало бы стоять раньше, при началѣ столкновенія, во время заключенія договора, тамъ, гдѣ ихъ поставляетъ большинство пересказовъ. Условія эти у мѣста, напр., въ старинѣ Г. 30: кто кого побьетъ, договаривается Василій, тотъ можетъ:

24. Съ дѣвокъ брать повѣнчальное,
Со стариць брать постригальное,
Съ гостей торговыхъ посуконное.

Сходную текстуально регламентацію дани мы встрѣчали уже въ Пѣснѣ объ отбитомъ наѣздѣ. И тамъ и тутъ—locus communis, вставленный потому, что Кострюкъ, какъ и Василій, понимаются какъ враги. Въ основной Пѣснѣ о разгромѣ Новгорода было вѣроятно, указаніе на то, что Василій ставитъ извѣстныя требованія, и новгородцамъ, въ случаѣ побѣды, придется разсчитываться съ нимъ, какъ данникамъ.

г) Рядомъ съ женскимъ персонажемъ—матерью Василья Буслаева варіанты даютъ еще другой—дѣвку-чернавку. Эта чернавка (понимаемая старинами прежде всего, какъ дѣвка служилая, дворовая, придворная, портомойница, кухарка хлѣбная) изо-

бражается не укрощающей Василья, какъ у Кирши (гдѣ она два раза „тащитъ“ его за бѣлыя руки къ матери), а, наоборотъ, извѣщающей заключенному Василью о ходѣ боя его дружины и освобождающей героя. Она—добрый геній удальцовъ, а не врагъ. Тамъ, гдѣ старины оставляютъ за ней эпитетъ „чернавка“, она кромѣ того принимаетъ активное участіе въ боюдракѣ великой, помогаетъ дружинѣ биться. Даже пересказъ Кирши, оттѣняющій услужливость дѣвки, безпрекословно исполняющей приказы матери, не забываетъ ея основной роли: „И тутъ девушка чернавушка бросала она ведро кленовоя, брала коромысла кипарисова, коромысломъ темъ стала она помахивати по темъ мужикамъ новогороцкиемъ, прибила ужъ много до смерти“. Иначе—„дѣвка чернавушка“, при видѣ побоища кроваваго, на которомъ „слуги вѣрные“ Василья стоятъ „по колѣнъ въ руды“, и головы у ихъ проломаны:

108. И тутъ то ли дѣвка Чернавушка,
И тутъ то она слезно всплакала. (Г. 286).

Поэтому указаніе на дѣвку чернавку, какъ на исполнительницу приказовъ матери въ ущербъ Василью—не имѣло мѣста въ основной пѣснѣ.

Такимъ образомъ старина Кирши въ разбираемомъ мѣстѣ можетъ восходить къ основной пѣснѣ въ томъ случаѣ, если выкинуть изъ нея: избіеніе новгородцевъ до предложенія заклада, приходъ новгородцевъ съ дарами къ матери передъ запираніемъ Василья въ погребъ, роль дѣвки чернавки какъ противницы Василья. Съ другой стороны, выраженіе покорности въ случаѣ побѣды должно находиться при упоминаніи о заключеніи „договора“.

Перехожу къ дальнѣйшему разбору варіантовъ.

7) Василій на пиру предложилъ закладъ о своей буйной головѣ—итти на бой съ Новгородомъ. Старины, оттѣняя сдерживающую роль матери, вводятъ мотивъ запиранія героя въ погребъ, чтобы предупредить драку. Нѣкоторые пересказы (Р. I. 55) снова выводятъ на сцену „кручину“ героя, его жалобу матери. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ пересказахъ мать, запирая сына въ погребъ, отправляется съ дарами умилостивлять новгородцевъ. Однако представленіе Василья струсившимъ не вяжется съ общимъ

тономъ пѣсни. Оно и неорганично, потому что общимъ для всѣхъ пересказовъ является только запираніе Василья въ погребъ. Мать совсѣмъ не желаетъ новгородскаго кровопролитія, и вся роль ея въ пѣснѣ выражается, собственно, двукратной попыткой обузданія Василья:

1) въ разбираемомъ мѣстѣ—запираніемъ въ погребъ, чтобы предупредить драку,

2) въ концѣ пѣсни—заходомъ сзади, чтобы остановить разбушевавшагося сына. Къ этой основной роли примѣшались, какъ сказано, подробности, заимствованныя изъ другихъ пѣсенъ. Характеръ и роль матери Василья были предметомъ постояннаго измѣненія въ устахъ пѣвцовъ. Интересны попытки ихъ объяснить себѣ, какимъ способомъ удалось матери заключить богатыря въ погребъ. Пересказы даютъ такой рядъ послѣдовательныхъ измѣненій: 1) Мать запираетъ сына въ погребъ, и сама идетъ съ дарами (Р. I. 55, 56; Кир. V, 1, 2; Г. 286). 2) Она укладываетъ его спать, потомъ запираетъ. (Г. 54). 3) Василій самъ засыпаетъ подъ вліяніемъ вина, и она его запираетъ (Г. 44; Р. I. 57). 4) Мать напаиваетъ его „питьемъ забудущимъ“, онъ засыпаетъ, и тогда его запираютъ (Р. II. 32).

Не менѣе интересовало сказателей объясненіе, какимъ способомъ мать остановила Василья отъ окончательнаго избіенія новгородцевъ, въ исходѣ пѣсни. Если расходившагося богатыря могла удержать только одна мать, то нѣкоторыми пересказами она сама стала характеризоваться, какъ богатырша. Когда новгородцы не согласились, несмотря на дары, отпустить вину сыну, она

136. Крестъ на лицо, да съ терема долой,
Ударила чоботомъ во липину,
А улетѣла липина во задній тынъ,
А у нихъ задній тынъ весь и разсыпался;
Вси крыльца перильца покосилися. (Г. 141)

Развитіе образа идетъ дальше: она ѣдетъ на побоище „на добромъ конѣ“ (Г. 44; замѣчу, что въ этой старинѣ богатырскій обликъ матери выразился въ своеобразномъ пріемѣ, къ какому прибѣгаетъ она для заключенія Василья: она двери погреба „заворочала дубьемъ да колодьемъ“, чтобы ему было „не можно вытти

на святую Русь"). Выѣзжаетъ она, положивъ „шеломъ на буйну голову (Р. I. 56). Какъ богатырша, она для удержанія сына, конечно, прилагаетъ силу (Р. I. 56; II, 32; Г. 44, 54 (=Р. I. 57), а не нравственное воздѣйствіе. Гиперболизація явилась результатомъ жизни пѣсни въ устахъ крестьянъ-сказателей. Откинувъ эти подробности, въ основѣ оставляю только мотивъ „запиранія", удаленія Василья, чтобы предупредить избіеніе. Роль матери противополагается такимъ образомъ роли дѣвки чернавки.

8) Запираніе Василья Буслаева, имѣющееся во всѣхъ пересказахъ, дѣлитъ бой на два періода: въ первомъ бьется дружина одна, во второмъ—освободившійся Василій помогаетъ дружинѣ и на голову разбиваетъ мужиковъ новгородскихъ. Эти оба момента понимаются всѣми пересказами одинаково и относятся къ основной пѣснѣ.

Дружина безъ Василья, въ значительномъ большинствѣ пересказовъ, терпитъ большой уронъ отъ новгородцевъ. Чернавка говоритъ Василью:

94. Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
Спишь ты, Василей, не пробудишься,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
На томъ ли на мостикѣ на Волховскомъ
Попячена твоя дружина хоробрая,
Головки шалыгами прощелканы,
Руки кушаками перевязаны,
Стоитъ дружина по колѣнъ въ крови.

И дѣйствительно:

123. Приходитъ онъ ко мостику ко Волховскому
И видитъ дружину хоробрую попячену,
Стоитъ дружина по колѣнъ въ крови,
Головки шалыгами прощелканы,
Платкамы руки перевязаны,
И ноги кушаками переверчены (Р. I. 56)

Василій „становилъ дружину на сторону", и самъ сталъ мужиковъ „пощелкивать". Согласно передается это тяжелое положеніе дружины въ старинахъ: Кирши („твою дружину хоробраю му-

жики новгородцкия всехъ прибили—переранили"), Р. I. 55, 57; II, 33; III, 39; Г. 30, 44, 141, 259, 286.

Оружіе Василья—„червленый вязъ" или чаще—попавшаяся подъ руку „ось телѣжная"—принадлежитъ къ обычному въ старинахъ представленію вооруженія чѣмъ попало. Здѣсь дѣло не въ выборѣ оружія, а въ томъ, что окончательное избіеніе и покореніе новгородцевъ приписывается исключительно Василію Буслаеву.

9) Встрѣча Василья со старчищемъ — пилигримищемъ, кончающаяся тѣмъ, что Василій задорно и кощунственно глумится надъ старцемъ и его убиваетъ, также принадлежитъ къ такимъ мѣстамъ основной пѣсни, которыя приковывали особое вниманіе и интересъ позднѣйшихъ передатчиковъ. Интересъ этотъ настолько бывалъ интенсивенъ, что нѣкоторые варіанты даже выдѣляли исключительно этотъ эпизодъ встрѣчи, разрабатывали его, опуская всѣ остальныя подробности разгрома. И. Ждановъ, исходя изъ тѣхъ значительныхъ измѣненій, которымъ подвергся этотъ отдѣлъ пѣсни, считаетъ, что первоначальный видъ разсказа затерялся и спрашиваетъ: „Не слѣдуетъ ли признать, что столкновеніе со старикомъ имѣло первоначально видъ особаго эпизода былины и лишь позже поставлено въ связь съ картиной боя Василья и новгородцевъ?"[1]).

Соглашаясь, что первоначальный разсказъ эпизода въ значительной степени измѣнился, я считаю однако весь этотъ эпизодъ органической частью основной пѣсни. Анализа же варіантовъ этого мѣста, очень интереснаго въ смыслѣ выясненія личности Василья и историческихъ переживаній, я коснусь въ дальнѣйшемъ разсужденіи.

10) Эпизодомъ о встрѣчѣ со старчищемъ оканчиваются существенныя разнорѣчія въ пересказахъ; къ концу пѣсни они становятся столь же согласными, какъ и въ началѣ, до вызова на бой новгородцевъ.

Мужики (или князья) новгородскіе обращаются къ матери съ просьбой остановить избіеніе. Они готовы заплатить дань и

---

[1]) И. Ждановъ. О. с. стр. 222.

покориться. Мать выступаетъ какъ укротительница и удерживаетъ сына тѣмъ, что, зайдя сзади, хватаетъ его за плечи. Узнавъ родную матушку, Василій затихаетъ. Исходъ пѣсни рисуетъ пиръ героя съ дружиной по случаю покоренія Новгорода.

Разнорѣчія—не многочисленны. Старина Кирши заканчивается жалобой дружины, которая считаетъ себя недостаточно учествованной послѣ боя: „У мота и у пьяницы, у млада Васютки Буслаевича, не упита, не уедено, в красне хорошо не ухожено, а цветнова платья не уношено, а увечье на векъ залезено“. Въ другихъ старинахъ (напр. Г. 44 и 259) тѣ же стихи:

57. И не упито-то было да не уѣдено,
И въ красни-то хорошо не было хожено,
На добрыхъ коняхъ не было ѣзжено,
Безвѣчья на вѣкъ призализано.... (Г. 44)

отнесены къ жалобѣ мужиковъ новгородскихъ, которые пришли было на пиръ къ Василью, но были учествованы вязомъ. Я уже говорилъ, что логически этой жалобѣ не могло быть мѣста въ разсказѣ о наборѣ дружины; страннымъ кажется и неожиданный ропотъ послѣдней въ разбираемомъ исходѣ. Правда, Василій собралъ дружину за вознагражденіе—„кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго, носитъ платье цвѣтное“, но въ то же время нигдѣ нѣтъ намека, чтобы Василій не вознаградилъ ее послѣ боя-драки. Кромѣ того—высказанное недовольство въ такой формѣ предполагало бы завязку новой драмы, между тѣмъ пѣсня кончается. Поэтому колеблюсь считать слова эти органичными и для исхода основной пѣсни. Сказатели сами не знаютъ, гдѣ ихъ помѣстить. Съ другой стороны устные пересказы повторяютъ эту рѣчь почти дословно такъ, какъ у Кирши. Этотъ locus communis привязался къ пѣснѣ впослѣдствіи, вѣроятно, какъ выраженіе того негодованія, которое должны были выражать побитые и ограбленные новгородцы, когда Василій пировалъ съ дружиной по случаю побѣды. Можетъ быть съ этой точки зрѣнія станетъ понятнымъ, почему приводимые стихи нѣкоторыми устными варіантами вкладываются въ уста именно „мужиковъ новгородскихъ“, которые сунулись было на широкъ дворъ къ Василью.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на исходъ старины, записанной

Рыбниковымъ отъ сказателя, котораго онъ ставилъ очень высоко, девяностолѣтняго старика (I. 55). Старина вся замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, къ зачину ея я вернусь нѣсколько ниже [1]).

Василій убилъ старца и „напустился тутъ на домы на каменные“,

312. И вышла мать Пресвятая Богородица
Со того монастыря Смоленскаго:
Ай же ты, Авдотья Васильевна!
Закличь своего чада милаго,
Милаго чада, рожонаго,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставилъ народу на сѣмена.
Выходила Авдотья Васильевна со новыхъ сѣней,
Закликала своего чада милаго.

У меня нѣтъ данныхъ утверждать, что этотъ исходъ былъ въ основной пѣснѣ. Заступничество Богородицы, спасающей новгородцевъ отъ окончательнаго истребленія, могло развиться подъ воздѣйствіемъ легендъ, приписывающихъ спасеніе Новгорода чуду Пресвятой Богородицы. Подобныя легенды существовали издавна (напр., въ житіи Іоанна Новгородскаго). Но этотъ исходъ для основной пѣсни имѣетъ то большое значеніе, что окончательно опредѣляетъ роль матери. Очерченая реальными штрихами, какъ матерая вдова, любящая своего единственнаго сына, она разрѣшаетъ исходъ пѣсни, являясь какъ бы символомъ сдерживающей Василья силы, благопріятствующей Новгороду.

11) Нѣкоторые пересказы оканчиваются въ тонѣ ликованія по поводу покоренія Новгорода. Свою дружину Василій повелъ „обедати к матерой вдове Амелфе Тимофѣевне. Втапоры мужики новгороцкия приносили Василью подарочки, вдругъ сто тысячей, и затемъ у нихъ мирова попла. Аи мужики новгороцкия покорилися и сами поклонилися (Кирша). Въ основной пѣснѣ исходъ былъ, вѣроятно, простымъ констатированьемъ покоренія, какъ это обычно и въ другихъ пересказахъ.

---

[1]) Второе изданіе пѣсенъ Рыбникова, располагая старины не по содержанію, какъ прежде, а по репертуару пѣвцовъ, выдѣляетъ и этого сказателя, Колодозерскаго старика. Такимъ образомъ этотъ безымянный пѣвецъ пріобрѣтаетъ опредѣленную физіономію и очень оригиналенъ по репертуару.

Для старинъ сводныхъ—уходъ Василья съ побоища служитъ моментомъ для присоединенія второй пѣсни.

Таковы варіанты, выявляющіе содержаніе Пѣсни о разгромѣ Новгорода. Не трудно видѣть, что основная пѣсня, стройная и содержательная въ первоначальной редакціи, отъ послѣдовательной устной передачи въ средѣ, ушедшей во всѣхъ отношеніяхъ далеко отъ старинной поэзіи, не только многое забыла, но, что было отмѣчено, передвинула точку зрѣнія пѣсни. Въ ущербъ содержанію получили перевѣсъ общіе эпическіе пріемы. Дѣйствующія лица отъ индивидуумовъ снизошли до безличныхъ эпическихъ героевъ. Логически необходимыя подробности забылись, и разсказъ сталъ базироваться на внѣшнемъ эффектѣ. Таково содержаніе каждаго пересказа, въ отдѣльности взятаго.

Прежде чѣмъ передать схему пѣсни, я обращу вниманіе на пропущенный зачинъ старины (Р. I. 55), записанный отъ Колодозерскаго старика. Начиная старину, сказатель пояснилъ, что „у Буслава долго не было дѣтей [1]),

1. стоснулся Буславъ,
Садился на бѣлъ-горючъ камень,
Повѣсилъ буйную головушку,
Утупилъ очушки во сыру землю,
Думалъ про себя, удумливалъ:
Какъ бы породить ему любимое дѣтище!
Объявилась ему бабища матерая
И говорила таковы слова:
Эхъ ты Буславъ Сеславьевичъ!
Не могъ ты дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ,
Износу дѣтищу не было бъ.
Ступай-ка къ Авдотьѣ Васильевнѣ,
Бери за груди за бѣлыя,... заигрывай,
Понесетъ она дѣтище любимое,
Сильнаго могучаго богатыря.

И. Ждановъ [2]) признавалъ этотъ разсказъ „частью древнѣй-

[1]) Въ нижеслѣдующемъ стихъ сохраненъ довольно ясно; не понимаю, почему въ 1 и во 2 изданіи Рыбникова этотъ отрывокъ напечатанъ въ строку.

[2]) О. с., стр. 197—198.

шаго состава“ пѣсни. По его мнѣнію, эта полузабытая эпическая интродукція указываетъ на нѣсколько необычайное рожденіе Василья, хотя бы уже по одному тому, что 90—100-лѣтній отецъ, умирая, оставилъ очень молодого сына. Слова старухи: „не могъ ты дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ“ казались изслѣдователю неясными.

Ихъ смыслъ, однако, вытекаетъ изъ контекста: Буслай могъ бы имѣть желанное дѣтище, если бы потерпѣлъ какихъ-нибудь три мѣсяца,... но онъ этого не сдѣлалъ напрасно: „Эхъ ты“... укоряетъ его бабища. Пускай идетъ теперь онъ къ другой женѣ (дѣло не въ имени), и та ему родитъ сына. Стало быть, у Буслава ранѣе уже была жена, съ которой онъ, не дождавшись отъ нея дѣтища, поступилъ такъ, что вызвалъ укоризну со стороны какой-то матерой бабищи. Поспѣшная развязка была вызвана отсутствіемъ дѣтей у Буслава и страстнымъ желаніемъ имѣть ихъ.

Это вступленіе можетъ быть разсматриваемо, какъ воспоминаніе о какомъ-то драматическомъ событіи, уцѣлѣвшемъ въ памяти девяностолѣтняго сказателя. Изслѣдователь старинъ о Васильѣ Буслаевѣ И. Ждановъ вводитъ этотъ разсказъ въ рядъ звеньевъ основной пѣсни и говоритъ, что въ рожденіи Василья „обнаружилось воздѣйствіе какихъ-то темныхъ силъ и мутныхъ внушеній“. Правда, весь этотъ эпизодъ находится въ одномъ пересказѣ, въ основной пѣснѣ его могло и не быть, но разсказъ о бездѣтномъ Буславѣ могъ вращаться и отдѣльно, и связь его съ разсказами о подвигахъ сына сознавалась какъ органическая.

Вышеприведенный анализъ варіантовъ даетъ возможность, отбросивъ наслоенія и измѣненія, установить планъ Пѣсни о разгромѣ Новгорода и показать остатки сохранившейся расцвѣтки. Основная пѣсня располагалась, приблизительно, по такому плану:

1. Свѣдѣнія объ отцѣ Василья-Буславѣ (или Буслаѣ).
2. Ученіе Василья.
3. Его характеристика. Злыя шутки надъ сверстниками.
4. Жалобы родителей на Василья.
5. Наборъ дружины и усиленіе буйства.
6. Незваный приходъ на пиръ, устроенный въ Новгородѣ.
7. Буйное поведеніе на пиру.

8. Вызовъ на бой и требованія, что долженъ получить побѣдитель.

9. Заключеніе Василья для предупрежденія побоища.

10. Первый бой дружины съ новгородцами. Перевѣсъ послѣднихъ.

11. Освобожденіе Василья лицомъ, помогающимъ ему и дружинѣ.

12. Походъ Василья на побоище и встрѣча со старцемъ, кончающаяся гибелью послѣдняго.

13. Второй бой и избіеніе новгородцевъ.

14. Покореніе Новгорода и мольба новгородцевъ—унять Василья.

15. Василій укрощается лицомъ, сдерживающимъ его порывы.

16. Выраженіе полной покорности новгородцевъ.

На основаніи этого плана можно представить и схему Пѣсни:

Отецъ героя дожилъ до глубокой старости, всю жизнь не перечившись съ Новгородомъ. Долгое время онъ былъ бездѣтенъ. Уже въ преклонномъ возрастѣ родится у него сынъ, вскорѣ лишающійся отца.

Герой (имя только Василій Буслаевъ) съ раннихъ лѣтъ обучается грамотѣ. Подростая, шутитъ злыя шутки со сверстниками, ломая имъ руки, ноги, головы.

Родители потерпѣвшихъ приносятъ жалобы. Василій набираетъ себѣ дружину служилую: молодцы идутъ отовсюду. Съ ней онъ начинаетъ еще болѣе свирѣпствовать.

Василій узнаетъ, что въ Новгородѣ пиръ. Является туда незваным. На пиру онъ принятъ съ честью, но среди пира онъ выходитъ съ дружиной на улицу и начинаетъ буйствовать. Возвратясь на пиръ, объявляетъ причину своего прихода—биться со всѣмъ Новгородомъ.

Вызвавъ на бой, онъ выставляетъ и требованія: покориться и уплатить дань. Бой долженъ происходить на Волховомъ мосту,

Стороны сходятся. Мать запираетъ Василья въ погребъ, дружина бьется на мосту одна. Новгородцы одолѣваютъ.

Дѣвка-чернавка освобождаетъ Василья изъ заключенія, сообщаетъ о тяжеломъ положеніи дружины и торопитъ его на побоище.

Василій спѣшитъ на выручку. На пути, до моста, встрѣчается со старцемъ, обратившимся къ нему съ увѣщательнымъ словомъ. Василій не слушаетъ, глумится и убиваетъ старца.

Начинается второй бой: бьется одинъ Василій и разбиваетъ новгородцевъ. Тѣ просятъ пощады.

Отъ окончательнаго избіенія жителей расходившагося Василья удерживаетъ мать: она заходитъ сзади и кладетъ ему руки на плечи.

Василій унимается. Новгородцы выражаютъ полную покорность и приносятъ установленную выплату дани.

Схема эта развита подробностями, бытовое значеніе которыхъ не разъ отмѣчалось историками и изслѣдователями эпоса. Однако указывалось только на сильную новгородскую окраску, но устранялась историческая перспектива.

Разбираемая пѣсня бѣдна собственными именами. Объ имени матери было говорено выше. Имена дружинниковъ совпадаютъ съ именами борцовъ въ Пѣснѣ о царской женитьбѣ. О нихъ, какъ и объ имени Василія будетъ сказано впослѣдствіи.

Остается имя отца: Буслай или Буславъ. Несомнѣнно, это имя отвлечено отъ прозвища Василья—„Буслаевичъ“, подобно тому какъ отъ Святогора (или Самсона) Колывановича было отвлечено имя „Колыванъ“ и отдано очень туманному, безличному герою нѣкоторыхъ старинъ. Имена „Буслай“ или „Буславъ“ изслѣдователями объясняются вышедшими или изъ „Богуславъ“ или изъ „Буеславъ“. На послѣднемъ объясненіи останавливался И. Ждановъ [1]). Мнѣ оно кажется также болѣе вѣроятнымъ потому, во-первыхъ, что попадающееся въ нѣкоторыхъ варіантахъ отчество Буслая—„Сеславичъ“, второй своей частью поддерживаетъ имя Буеслава, и во вторыхъ, что Екатеринѣ II и Чулкову отчество Василья было извѣстно въ формѣ „Боеславичъ“ [2]). Если согла-

---

[1]) О. с. стр. 195—196.

[2]) См. „Россійскій Ѳеатръ“ Спб. 1788. Часть XX. Стр. 55. Новогородской богатырь Боеславичь, опера комическая, составлена изъ сказки, пѣсней русскихъ и иныхъ сочиненій. Интересно, что въ этой оперѣ герой — Василей Боеславичь трактуется какъ „славенской князь“, которому покорилась земля Словенская и все княжество Святорусское.

ситься съ такимъ толкованіемъ отчества героя, то оно, прежде всего, явится его прозваніемъ, эпитетомъ: „буеславичъ“—буйный, задорный, ярый. Съ подобными отчествами, являющимися въ то же время эпитетами, приходится считаться въ поэтической литературѣ. Ср. напр., объясненіе акад. В. Ѳ. Миллеромъ прозвища Микулы—„селягиновичъ“, классическое прозвище Олега въ Словѣ о полку Игоревѣ—„гориславичъ“. Вѣроятно въ такомъ же родѣ прозвище Хотѣна—„блудовичъ“.

Варіанты новѣйшихъ собраній старинъ восходятъ къ приведенной схемѣ. Въ достаточной степени забытая, она разукрашена подробностями, опредѣляющими индивидуальность сказателя и его отношеніе къ тому, что онъ поетъ передъ собирателями. Всѣ эти старины—сводныя, соединяющія пѣсни о разгромѣ Новгорода и нераскаянной кончинѣ.

Такова, прежде всего, старина Крюковой изъ бѣломорскаго собранія г. Маркова. Сказательница эта была уже мною отмѣчена постоянно стремящейся не столько передать матеріалъ, сколько растолковать его, распространить. Близость нѣкоторыхъ ея старинъ къ варіантамъ Кирши заставляетъ сильно подозрѣвать знакомство сказательницы съ печатными собраніями [1]).

Сводная старина ея о Васильѣ Буслаевѣ (№ 52) занимаетъ 462 стиха и неимовѣрно растянута эпическими ретардаціями. Въ зачинѣ упомянуты родители Василья: „князь Богусланушко“ и Овдотья Васильевна. Сынъ остается на рукахъ у матери, которая учитъ его грамотѣ. Злыя шутки надъ ребятами вызываютъ жалобы, даже угрозы мужиковъ-новгородцевъ („отсѣкемъ у тя по плець мы буйну голову“). Мать совѣтуетъ сыну набрать себѣ дружину; Василій пишетъ ярлыки, приглашая на пиръ. Являются дружинники: Потаня хроменькій, Костя новоторжанинъ, Данилушко горбатенькій. Съ 60 по 117 стихъ тянется описаніе набора этой дружины: разсказывается, какъ каждый изъ троихъ пьетъ поднесенную чару, и къ каждому Василій обращается съ одной и той же

[1]) Въ моей статьѣ „Къ литературной исторіи старинъ о Вольгѣ“ (Ж. М. Н. П. 1905, 11, стр. 144), я имѣлъ случай указать на совпаденіе варіанта Крюковой о Вольгѣ съ варіантомъ Кирши, причемъ собиратель сказалъ мнѣ, что видѣлъ въ семьѣ Крюковыхъ печатный сборникъ старинъ.

рѣчью. Услыхавъ, что у князя новгородскаго—пиръ, Василій совѣтуется съ матерью, не пойти ли; та отговариваетъ, но сынъ не слушаетъ, является на пиръ со своими тремя „могуцими богатырями“, грубо садится и пихаетъ гостей. Пиръ—съ обычной похвальбою, причемъ до вызова Василья выступаетъ съ хвастаньемъ, неизвѣстно зачѣмъ, Костя новоторжанинъ. Да и Василій хвастается безъ всякаго повода и смысла:

178. Ай ударюсь я съ вами о великъ залогъ,
О великъ то я залогъ, свою богатырску ту ли я буйну голову,
Пробиваю я свою вамъ буйну голову.

Все, что было на пиру, Василій разсказываетъ матери,—здѣсь снова ретардація. Мать запираетъ его въ „клѣтку желѣзную“, а къ вызвавшимъ Василья новгородцамъ, которымъ „охвота все отсѣкци то твоя та буйна голова,“ выходитъ съ дарами, но тѣ не принимаютъ. Мать бросаетъ дары, возвращается и видитъ, что дружина бьетъ на дворѣ новгородцевъ. Но тѣхъ набирается все больше и больше. Дружинѣ помогаютъ „кухароцки“, особенно—портомойница, она будитъ и Василья. Василій начинаетъ избіеніе народа „вязомъ“, перебилъ всѣхъ до единаго, „больше бить то Василью стало некого“.

На мосту у „Нѣпры“ Василій встрѣчается съ крестнымъ брателкомъ, который первымъ ударяетъ Василья, потомъ—съ крестовымъ батюшкой, котораго бьетъ по колоколу, что надѣтъ на головѣ. Женщины просятъ мать унять сына.

Далѣе пѣвица забывъ конецъ первой пѣсни и формулу перехода, ко второй подошла очень искусно. Собиратель сдѣлалъ послѣ стиховъ, заканчивавшихъ первую пѣсню:

350. Тутъ приходятъ къ Овдотьи все къ Васильевны
Ише ти ли женьшины новогородскія
Подъ косисцято къ ей да подъ окошецько...

слѣдующее примѣчаніе: „Здѣсь сказательница прервала пѣніе и стала разсказывать о томъ, что населеніе Золотицы вышло изъ Новгорода; когда она снова стала пѣть, то, вѣроятно, позабыла, на чемъ остановилась и потому пропустила то мѣсто, какъ женщины упросили Авдотью унять сына“.

Изложенный варіантъ Пѣсни о разгромѣ Новгорода даже не расцвѣченъ заимствованіями изъ эпическаго запаса. Онъ передаетъ безъ всякой мотивировки и связи между собою части плана основной пѣсни, растягивая ихъ безнадежнымъ многословіемъ, постоянной вставкою ненужныхъ частицъ, повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ, предложеній, рѣчей, описаній. Ни одной новой черты Пѣснѣ варіантъ этотъ не придаетъ.

Иного характера сводная старина, записанная г. Григорьевымъ въ Пинегѣ (Томъ I его собранія, № 3 (39)) отъ 80-лѣтняго старика, выучившагося старинамъ въ Архангельскѣ. Вся старина—развалившееся зданіе, которое сказатель неискусно старался поправить новымъ матеріаломъ. Разсказъ начатъ по обычной схемѣ: послѣ Буслáвея, умершаго девяноста лѣтъ, остались жена „Омельфа Олександровна“ и сынъ Василій, который шутитъ шутки съ ребятами. Жалуются на него—„генералу новгородскому“, который собираетъ пиръ, куда зоветъ Омельфу и передаетъ ей о недовольствѣ сыномъ. Мать идетъ съ пира печальной. Неучествованная на пиру вдова вызываетъ знакомые изъ другихъ пѣсенъ разспросы сына: стихи 29—42 разработаны на основаніи соотвѣтствующаго мѣста пѣсни о Хотѣнѣ. Съ уклономъ къ тому же сюжету приходилось считаться и въ нѣкоторыхъ выше разобранныхъ варіантахъ съ той разницей, что здѣсь близость къ пѣснѣ о Хотѣнѣ болѣе отчетлива.

Василій успокаиваетъ мать:

49. Ужъ ты не тужи-ко, моя матушка родимая:
Ужъ я самъ съ мужиками пріуправлюсе,
Съ ениралóмъ я да на судъ пойду.

Роль „генерала“ и является той новой поправкой, исказившей окончательно постройку. Василій изъ героя съ опредѣленной характеристикой переродился здѣсь въ какого-то буйнаго подчиненнаго: онъ „разгорячился“ у генерала, оттого и вызвалъ у него въ домѣ мужиковъ новгородскихъ на бой.

Наборъ дружины происходитъ также на пиру у Василья; въ числѣ дружинниковъ—Васенька маленькій и Потанюшка хроменькій. Весь разсказъ о наборѣ спутанъ и перебитъ: сказатель помнилъ, но не зналъ, къ кому и куда отнести выраженіе: „на

вѣку увѣчья залѣзены". Сказатель не помнилъ всего этого эпизода, скомкалъ его и сдѣлалъ непосредственный переходъ къ разсказу, какъ мать, безъ всякой причины, напаиваетъ и укладываетъ спать Василья. Далѣе—снова по схемѣ: когда пришло время итти на „Волховъ мостъ", выступаетъ дружина, которой крѣпко достается отъ мужиковъ новгородскихъ; дружинѣ помогаетъ „дѣвушка чернавушка", она же пробуждаетъ и Василья. Съ „подтелѣжной осью" бѣжитъ она на выручку; по дорогѣ встрѣчается ему „старишшо Макаришшо", его крестный отецъ и наставникъ. Обычное обращеніе старища къ Василью измѣнено здѣсь опять благодаря наличности генерала. Макарищо пробуетъ уговорить Василья:

156. Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буславьевичь!
И тебѣ Волхи рѣки всей не выпити,
У генерала всѣхъ мужиковъ да не выбити...

Василій убиваетъ старчище, избиваетъ мужиковъ; тѣ обращаются къ матери съ просьбой унять сына. Мать останавливаетъ его „сзади за плеци за богатырскія". Интересно въ этомъ варіантѣ сохраненіе воспоминанія о роли Богородицы въ дѣлѣ охраны новгородцевъ, о чемъ говорилъ Рыбникову колодозерскій сказатель: мать Василья „пожалѣла мужичковъ новгородскихъ" и пошла къ сыну, взявъ „образъ Божьей Матери". Съ 205 стиха начинается уже вторая пѣсня.

Пинежская старина передвинула точку зрѣнія на героя: въ ней Василій является не завоевателемъ города, а какимъ то мятежникомъ, возставшимъ, главнымъ образомъ, на генерала, особенно въ первой половинѣ варіанта. Вторая половина, начиная съ выхода Василья изъ затвора на побоище—болѣе архаична и сохраняетъ даже намекъ на участіе Божьей Матери въ исходѣ пѣсни.

Еще болѣе передвинули точку зрѣнія двѣ мезенскія старины (III томъ собранія г. Григорьева №№ 3 (307) и 18 (322)), также сводныя и весьма близкія другъ къ другу въ своей первой части—Пѣснѣ о разгромѣ Новгорода [1]).

[1]) Ихъ почти дословное совпаденіе понятно потому, что обѣ старины записаны въ одной деревнѣ, Дорогой горѣ. Неизвѣстно, почему собиратель отнесъ ихъ къ двумъ разнымъ „типамъ".

Старины переносятъ дѣйствіе въ „Рязань“ благодаря зачину, взятому изъ пѣсни о Добрынѣ:

1. Ишше прежде Резань слободой слыла
И ноньце Резань-та словетъ городомъ. (№ 3)

Разсказъ начатъ обычно, но по сжатому плану: игры съ ребятами—шутки—жалобы новогороднянъ—ученье Василья и наборъ дружины—избіеніе новогороднянъ. Съ 126 стиха начата уже вторая пѣсня въ первомъ варіантѣ и съ 128—во второмъ.

Оба варіанта, во-первыхъ, вносятъ въ разсказъ лишнія подробности: 1) мужики грозятъ, если мать не уйметъ сына, отравить его, купивъ „зельица на петьсотъ рублей“; 2) Василій учится „грамоткѣ тарханьской“ затѣмъ, чтобы, выучившись, „пріуправиться“ съ мужиками новгородскими: своеобразное осмысленіе передатчика, который не понялъ глухого указанія, зачѣмъ Василій, дѣйствительно, учился грамотѣ. Во-вторыхъ и главное—центральной частью (приблизительно 60 стиховъ) обоихъ варіантовъ служитъ разсказъ о наборѣ дружины. И Крюкова развивала особенно тотъ же эпизодъ. Василій закупаетъ въ кабакѣ вино (три сороковки), несетъ ихъ къ себѣ на дворъ, наливаетъ въ чанъ, спускаетъ цяроцьку“, на которой подпись—кто ее выпьетъ и вытерпитъ ударъ червленымъ вязомъ, тотъ ему „названый братъ“. Такое же приглашеніе пишетъ онъ и на „ерлыкахъ“. Являются на зовъ: Ѳома толстокожевниковъ, Костя новоторжанинъ и Потанюшка хроменькій. Съ каждымъ изъ нихъ происходитъ одна и та же процедура, повторяемая въ одинаковомъ изложеніи. Четвертымъ посѣтителемъ, прочитавшимъ ярлыкъ, приходятъ „мужики новгородена“, которые

115. ...прималисе за чярочку семерыма же,
А выпивали эту чяру десетерыма же, (№ 3)

что Василью „за бѣду стало“, и онъ ихъ всѣхъ сталъ охаживать вязомъ.

Нѣсколько иначе передаетъ то же мѣсто № 18: сказатель забылъ имена дружинниковъ и поспѣшилъ добавить къ Потанькѣ хроменькому—Еремку храбрынькаго и Олешеньку Поповиця. Напившіеся мужики тутъ и „присвалилисе“, весьма на руку Василью,

который рубитъ имъ соннымъ головы вострой саблей и тѣмъ самымъ выигрываетъ закладъ.

Собственно, ни боя, ни покоренія новгородцевъ нѣтъ въ этихъ варіантахъ, не говоря о томъ, что опущены такіе эпизоды, какъ бой дружины, встрѣча со старчищемъ, укрощеніе Василья матерью. Старины опустили ихъ, занявшись спеціально повѣствованіемъ о наборѣ дружины, основанномъ, главнымъ образомъ, на мотивѣ испиванія чары. Избіеніе пристегнуто механически: въ старинѣ № 3 Василій (или вѣрнѣе—сказатель) совсѣмъ забылъ, что съ мужиками надо такъ или иначе расчесться, старина № 18 воспользовалась ихъ случайнымъ опьяненіемъ для разрѣшенія коллизіи.

Выдѣляютъ эпизодъ набора дружины и привносятъ много своего и печорскіе варіанты. Какъ было указано выше, собиратель, г. Ончуковъ, дѣлитъ ихъ на группы. Устьцылемская представлена тремя, вѣрнѣе двумя старинами: собиратель почему то записалъ отъ сказателя Дуркина (№ 48) первые десять стиховъ, (содержащихъ ничего не стоящій зачинъ съ упоминаніемъ Рязани, какъ въ мезенскихъ старинахъ), и затѣмъ оборвалъ запись, замѣтивъ, что далѣе идетъ „обычное“ описаніе поѣздки въ Іерусалимъ. Изъ оставшихся вторая (№ 28) своеобразно передаетъ поѣздку Василья, о ней скажу при разборѣ второй пѣсни.

Единственная старина этой группы отнюдь не подтверждаетъ за устьцылемами ихъ новгородскаго происхожденія. Старина № 11, по замѣчанію самого г. Ончукова, больше передаетъ сюжетъ пѣсни о Василіи Казимировѣ, чѣмъ о Буслаевѣ. Однако не однимъ этимъ сюжетомъ она ограничивается; развивая повѣствованіе по сказочной складкѣ, она пользуется и матеріаломъ изъ сказокъ. Пересказъ вводитъ въ обстановку обычнаго стариннаго пира, съ княземъ Владимиромъ, который занятъ наметываніемъ службы на богатырей: повыправить дани—выходы. Вызывается Василій Буслаевъ, который, по обычаю, проситъ себѣ сотоварищей. Послѣдніе уже готовы—два его братца названные: Потанюшка хромой и Микитушка широкой. Дружинники отправляются на кораблѣ „къ царишшу Батуишшу“, причемъ разработано подробно плаваніе. Это описаніе плаванія является новымъ locus communis; соз-

даннымъ мореходной средою сѣвера. Въ печорскихъ старинахъ этотъ locus communis очень частъ. Батуишшо, прежде чѣмъ принять дань, дѣлаетъ дружинникамъ три предложенія—задачи. Съ этого мѣста старина построена цѣликомъ по плану сказокъ.

Задачи, невыполненіе которыхъ грозитъ неминуемой смертью, расположены въ такомъ порядкѣ. Царь предлагаетъ побороть трехъ его борцовъ. Василій Буслаевъ отвѣчаетъ:

89. Я надѣюсь на Спаса Вседоржителя,
На другого на брата на названаго,
На того же Потанюшку на хромова.

Потаня выходитъ бороться со всѣми тремя; борьба эта подчеркиваетъ его основную роль въ Пѣснѣ о царской женитьбѣ. Разбираемый варіантъ закрѣпляетъ идентичность этого персонажа въ обѣихъ Пѣсняхъ. Борьба оканчивается смертью царскихъ борцовъ. Батуишшо предлагаетъ второе состязаніе—сумѣть натянуть тетиву и выстрѣлить изъ лука его любимой дочери. Василій исполненіе этой задачи передаетъ Микитушкѣ широкому. Лукъ несутъ подъ одинъ конецъ „тридцать татариновъ“, подъ другой—столько же.

126. Какъ приходитъ Микита ко тугу луку,
Онъ беретъ то вѣдь лукъ во лѣву руку,
А тетивку беретъ да во праву руку,
Прижималъ онъ колѣномъ право правымъ,
Полетѣли отъ лука мелки дребезги.

Этотъ пріемъ испытанья силы взятъ изъ сказокъ. Онъ встрѣчается въ сказкѣ „Приплышъ“ (№ 177 Сѣверныхъ сказокъ, собранныхъ Ончуковымъ), гдѣ герой помогаетъ Ивану царевичу разбить въ щепья лукъ и мечъ невѣсты. То же самое можно найти въ варіантахъ сказки „Безногой и слѣпой богатыри“ (№ 116 собранія Аѳанасьева), гдѣ сватовство Ивана царевича сопровождается испытаніемъ его силы: онъ долженъ, между прочимъ, пустить стрѣлу изъ такого лука, который едва несутъ сорокъ человѣкъ.

Наконецъ третью задачу—сыграть съ царской дочерью въ шахматы блестяще выполняетъ самъ Василій Буслаевъ. Послѣ этого царю остается только принять дань, отъ которой онъ не-

извѣстно почему отказывался. „Робята“ отплываютъ тѣмъ временемъ въ свою землю, но на пути, на крутой горѣ начинаютъ тѣшиться—поскакивать съ камня на камень. Василій вступаетъ въ разговоръ съ кость-главой человѣческой, но не связанный ни съ чѣмъ разговоръ этотъ такъ и остается висящимъ въ воздухѣ. Сказатель совершенно не помнилъ ни первой, ни второй пѣсни о Васильѣ Буслаевѣ и заключилъ свою композицію словами: „скочилъ съ заду на передъ, палъ на камешокъ, разломалъ свою буйную головушку, чё больше? Больше не знаю“.

Собственно говоря, всю изложенную пѣсню и не слѣдовало бы озаглавливать „Василій Буслаевъ“—такъ мало въ ней основного содержанія. Подробный пересказъ ея лишній разъ поможетъ убѣдиться въ крайнемъ своеобразіи старинъ новѣйшихъ записей. Пустозерская группа неизмѣримо ближе къ обычному содержанію Пѣсни, хотя также не лишена новыхъ подробностей. Старины этой группы въ особенности выдѣляютъ эпизодъ набора дружины. Такова прежде всего сводная старина № 74, заключающая первую пѣсню въ 1—75 стихахъ, съ 76 до 139 (до конца) слѣдуетъ вторая пѣсня. Центральная часть старины, какъ я говорю,—наборъ дружины, съ которой Василій начинаетъ постройку корабля. Все, что касается избіенія новогородцевъ и ихъ покоренія—опущено. Варіантъ этотъ можно было бы цѣликомъ счесть за Пѣсню о нераскаянной кончинѣ, если бы не упоминаніе объ отцѣ „Буслаевѣ“ и о дружинѣ Василья. Варіантъ начинается съ обычнаго указанія на раннее сиротство Василья. Однако роль отца разработана на основаніи дальнѣйшаго матеріала: Буслай, умирая, кладетъ заповѣдь, чтобъ Василій набралъ себѣ дружину, съѣздилъ въ „Еросолимъ-градъ“, не купался бы въ Ердани-рѣкѣ и свезъ въ Св. землю поминки. Непосредственно за этой рѣчью слѣдуетъ разсказъ о наборѣ дружины, которую Василій выбираетъ, напаивая голей кабацкихъ. По ихъ головамъ онъ и прохаживается вязомъ, и тѣхъ, кто выдержалъ ударъ, беретъ себѣ въ товарищи. Имена послѣднихъ—обычны для всѣхъ новыхъ варіантовъ: неизмѣнный Потанюшка хромой, Костя новоторжанинъ, Василько малый. Остальныя голи кряхтя убрались со двора Василья, причитая:

54. Да у вора у Васьки Буславьева
Да не упито-ле было, не уѣдено,
Баско хорошо-ле было не ухожено,
Толькё на вѣкъ безвѣчьица залезѣно".

Этой причетью голей сказатель какъ бы объяснилъ неясно переданное нѣкоторыми варіантами неорганическое указаніе на то, что мужики новгородскіе были избиты на пиру у Василья, собранномъ по случаю набора дружины. Описаніемъ корабля, выстроеннаго подобно кораблю Соловья Будимировича, кончается варіантъ.

Слѣдующая старина № 88 начинаетъ разсказъ съ описанія пира, на которомъ Василій бьется объ закладъ. Начало сказатель позабылъ, хотя въ совѣтѣ матери—набрать дружину повторяется отцовская заповѣдь, сходная съ предыдущей въ № 74. Главной частью и здѣсь служитъ разсказъ о наборѣ дружины. Сказатель сохранилъ впечатлѣніе, что дружина выбиралась изъ сброда: „шильники, мыльники, игольники, всякіе люди недобрые" валятъ на дворъ къ Василью. Выборъ Кости новоторженина, Ѳомы толстаго и Потани хроменькаго описанъ подробно: каждый разъ повторяется обращеніе Василья къ пришедшему, питье чары, ударъ вязомъ и формула принятія: „да будь ты мнѣ названой братъ, да паче ты брата мнѣ родимаго", хотя сказатель здѣсь многое перепуталъ. Перепуталъ онъ и все описаніе боя, который у него повторенъ два раза: изложеніе перебито обращеніемъ новгородцевъ къ матери—унять сына, заключеніемъ Василья, освобожденіемъ его дѣвушкой чернавушкой и встрѣчей со старцемъ Антоніемъ „изъ Онтоньева монастыря". Второй бой кончается вторичной просьбой унять сына; мать изумлена—вѣдь Василій сидитъ запертъ замками желѣзными. Увидѣвъ, однако, что Василья дома нѣтъ, мать спѣшитъ на побоище и, чтобы остановить сына, хватаетъ его за ногу. Василій сердится:

186. Да што за трепича за ногой волочитче?
Да што за онуча привязаласе?

Увидавъ мать, однако, смиряется и приказываетъ мужикамъ обсыпать его червленый вязъ краснымъ золотомъ.

Въ этомъ пересказѣ разгромъ Новгорода также забытъ: вслѣдъ

за эпизодомъ набора дружины разработанъ безотносительно эпизодъ драки, въ силу эпическаго повторенія введенный въ разсказъ дважды. Эта старина опять скорѣе новая композиція, нежели Пѣсня о разгромѣ Новгорода.

Еще болѣе оригинальна въ смыслѣ выполненія старина № 94, поражающая крайней обстоятельностью описанія и медлительностью. Долго разсказывается въ ней о томъ, какъ удумливали, звать ли на пиръ Василья Буслаева съ матерью, какъ они собираются туда „въ каретѣ золоченой“, какъ Василій на пиру хвастаетъ, а его унимаетъ мать и дружина. Пространно пишутся условія боя; много размышляетъ мать, какъ укротить чадо милое. Ей помогаетъ въ этомъ отношеніи случайность: Василій напился и заснулъ, а мать собрала „кузнечей“: слѣдуетъ цѣлая процедура заковки, укладыванья сына спать, приставленія къ нему стражи. „Дѣвушка изъ Ново-города“ обращается къ Василью съ длинной рѣчью, гдѣ укоряетъ его, что онъ спитъ, а не вѣдаетъ, какъ его дружину избили. Василій сначала, слушая, плачетъ, затѣмъ сбрасываетъ съ себя оковы, умывается, утирается, одѣвается, обращается съ рѣчью къ стражѣ, вышибаетъ двери, благодаритъ дѣвицу, обѣщая наградить ее. По дорогѣ на побоище, куда Василій летитъ птицей, ему представляются двѣ встрѣчи: съ женщиной „снарядной“, которая говоритъ ему то же, что „дѣвушка изъ Новгорода“, но Василій недоволенъ ея укорами, „обдираетъ“ ее до гола, а платье отдаетъ дѣвушкѣ. Вторая встрѣча со старчищемъ Перегримищемъ, который снова повторяетъ тѣ же укоры. Столкновеніе ихъ разработано на 44 стихахъ, очень ординарныхъ. Наконецъ, Василій прибѣгаетъ „въ Новгородъ“ и обращается съ рѣчью къ дружинѣ. Далѣе слѣдуетъ картина избіенія и обращеніе побитыхъ къ матери за помощью. Мать, какъ и въ предыдущей старинѣ—удивлена, такъ какъ сынъ ея заперъ. Длительно повѣствуется, какъ она разспрашиваетъ слугъ, какимъ образомъ ушелъ Василій, ѣдетъ въ золоченной каретѣ провѣдать сына, какъ карету запрягаютъ. Конецъ—хватаніе за ногу, чтобы унять сына, слова Василья и обсыпанье вяза тотъ же, что и въ старинѣ № 88. Удивительнымъ кажется, какъ могъ сказатель пропѣть, а собиратель записать такую длинную и обстоятельно-скучную ста-

рину „въ невозможныхъ, по его словамъ, условіяхъ"—на берегу рѣки, при рѣзкомъ леденящемъ вѣтрѣ и разъѣдающемъ глаза дымѣ отъ костра. Сказатель былъ не трезвъ, да еще его торопилъ братъ замѣчаніями, что онъ занимается „пустяками". Этими обстоятельствами, вѣроятно, и объясняется это оригинально переданное содержаніе старины [1]).

Изъ варіантовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера слѣдуетъ выдѣлить старину № 61, записанную „сказателемъ И. А. Касьяновымъ„ и доставленную имъ въ Географическое общество. Буквальное совпаденіе ея со старинои Р. П, 33, записанной отъ калики изъ Красной Ляги, показываетъ, что она даже—не варіантъ, а скорѣе повтореніе рыбниковской старины.

Остальные два варіанта этого собранія, сводныя пѣсни № 62 и 63 записаны въ деревнѣ Трихновой горкѣ. Одно и то же мѣсто ихъ нахожденія опредѣлило и чрезвычайную близость старинъ, повторяющихъ сжато и перебито обычный планъ Пѣсни о разгромѣ Новгорода. Второй пересказъ (№ 63) уклоняется болѣе въ сторону эпическихъ заимствованій, вводя въ число хвастающихся Добрыню. Много эпизодовъ выпущено въ томъ и другомъ варіантѣ. Съ 101 стиха по 115—въ первомъ и съ 82 по 89 во второмъ присоединена вторая пѣсня, собственно—коротенькая замѣтка о встрѣчѣ Василія съ головой человѣческой [2]).

Наконецъ, старина „недавней" записи (№ 93 собранія старинъ новой и недавней записи подъ ред. акад. В. Ѳ. Миллера) передаетъ то же содержаніе, но разбиваетъ „подвиги" Василья: сначала описывается бой его съ мужиками новгородскими, кончающійся тѣмъ, что остановленный матерью Василій приходитъ домой и спитъ „три дни да три ноци". Затѣмъ слышитъ онъ угрозы со стороны старчища Елизарища, который зоветъ его „похристосоваться". Василій встрѣчается съ нимъ у Волхова моста. Старчище ударя-

1) Опускаю № 97, отрывокъ трактующій о любимомъ эпизодѣ набора дружины, какъ неполный и краткій (36 стиховъ).

2) Опускаю № 64, какъ записанный въ Москвѣ отъ пѣвца, который схематично передалъ, что у него осталось въ памяти отъ слышаннаго (или прочитаннаго).

етъ его „клюкою богатырскою“, а Василій—палицей и убиваетъ старца.

Старина эта записана въ 1904 году въ Олонецкой губерніи и еще болѣе подчеркиваетъ, къ какой степени разложенія находится современный эпосъ. Всѣ разобранные варіанты новѣйшихъ собраній познакомили, можетъ быть, со многимъ, но это многое не является реминисценціей какихъ-либо забытыхъ подробностей основной пѣсни. Взяты имена богатырей изъ другихъ пѣсенъ, часто—цѣлыя положенія, легко пріурочиваемыя къ надлежащему для нихъ мѣсту; легко выдѣляется сказочный матеріалъ, обильно привнесенный печорскими сказателями, которые, по свидѣтельству Е. Ончукова, прежде всего—сказочники.

Ни одной новой черты ни къ выдѣленному плану, ни къ схемѣ не даютъ эти новые варіанты. Ими подтверждаются, пожалуй, имена героя и его отца, но не матери, имя которой неустойчиво, что вполнѣ понятно изъ той роли, которую она играла въ основной пѣснѣ. Оставлены имена дружины, особенно Потани, который на лицо рѣшительно во всѣхъ пересказахъ. Молодость и шутки Василья восходятъ также къ основной пѣснѣ. Но съ момента набора дружины и дальнѣйшаго развитія враждебныхъ столкновеній—варіанты расходятся на столько, что имъ нельзя дать общаго плана. При разборѣ болѣе раннихъ варіантовъ уже была отмѣчена шаткость въ этомъ мѣстѣ, какъ результатъ стремленія сказателей объяснить и выдѣлить то, что имъ наиболѣе интересно. Если указанная группа оттѣняла, преимущественно, бой, какъ состязаніе, то группа новѣйшая склонна забыть этотъ бой, поставивъ на его мѣсто понравившійся эпизодъ набора дружины, легко вводимый пиромъ и поддерживаемый упоминаньемъ о питьѣ зелена-вина.

Трудное для запоминанія начало враждебныхъ дѣйствій, происшедшее на пиру новгородскомъ, сглажено совершенно разбираемыми старинами, которыя охотнѣе переходятъ къ чисто внѣшнимъ указаніямъ на запиранье и освобожденье Василья. Роль дѣвушки-чернавушки, какъ лица, помогающаго Василью, находитъ въ нихъ подтвержденіе.

Не понята встрѣча со старчищемъ, ироническое христосованье

съ нимъ. Къ убіенію старца варіанты подходятъ скоро и излагаютъ его угловато. Не отмѣчено, наконецъ, какой же результатъ имѣло избіеніе послѣ того какъ Василій былъ укрощенъ матерью. Не умѣя заключить старины, сказатели и переходили всюду къ Пѣснѣ о нераскаянной кончинѣ, хотя часто излагали ее въ немногихъ строкахъ. Смерть Василья казалась имъ удобнымъ завершеніемъ пѣсни, оставшейся бы иначе безъ конца, т.-е. безъ выраженія покорности новгородцевъ Василью, какъ побѣдителю и властелину.

Если даже старые пересказы въ значительной степени отошли отъ основной пѣсни, которая понимала столкновеніе съ Новгородомъ и результатъ его для жителей гораздо глубже, то тѣмъ болѣе забыли эту тенденцію новѣйшія старины, создавъ изъ когда-то содержательной основной пѣсни композицію, гдѣ на первый планъ выдвинутъ какой-либо понравившійся эффектъ, разрисованный, если не хватило памяти, заимствованіями изъ другихъ, не идущихъ къ дѣлу композицій. Пѣсня стала не передачей опредѣленнаго, написаннаго съ извѣстной цѣлью сюжета, а простой забавой, въ которой сказатель многаго искренне не понимаетъ.

Измѣненіе новѣйшихъ варіантовъ по сравненію съ каноническими заставляетъ думать объ измѣненіи послѣднихъ въ отношеніи къ еще болѣе древнимъ. Поэтому и приходится повторить, что основная пѣсня всегда была содержательнѣе и глубже.

II.

Во время господства миѳологической теоріи, дѣлившей старины на „циклы“, Василій Буслаевъ какъ и Садко-богатый гость считались непремѣнными героями пѣсенъ Новгородскаго цикла. Садко рисовался представителемъ торговой жизни, Василій долженъ былъ отражать удальство новгородское.

Бытовыя черты „новгородскихъ“ старинъ, рѣзко окрашенныя мѣстнымъ колоритомъ, издавна привлекали къ себѣ вниманіе историковъ. Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ посвящали имъ экскурсы: они усматривали въ старинахъ о Васильѣ Буслаевѣ отраженіе чертъ новгородской жизни въ эпоху XI—XII вѣка, расцвѣта новгородскаго ушкуйничества. Столь укрѣпившееся за Васильемъ Буслаевымъ представленіе его „ушкуйникомъ“ обязано, главнымъ образомъ, этимъ изслѣдователямъ.

Историкъ новгородскаго быта Костомаровъ личности Василья посвятилъ особую главу, помѣщенную непосредственно за характеристикой ушкуйничества. Признавая въ героѣ новгородскаго удальца по народному воззрѣнію, историкъ пошелъ дальше и символизировалъ Василья, признавъ въ немъ отвлеченіе новгородской души, не любящей закона: лучше пропасть, да не послушаться.

Костомаровъ схематизировалъ пѣсни о Васильѣ слѣдующимъ образомъ: Василій Буслаевъ, знатный богатый бояринъ, противополагается мужикамъ, позднѣйшему термину, заступившему древнее—„простая чадь“. Онъ ищетъ жизни, простора и приволья, вступаетъ въ стачку съ голытьбой, „матеріальной силою партій и заговоровъ“. Съ ними онъ начинаетъ шутки шутить надъ встрѣчными.

Василій, посредствомъ письменнаго приглашенія, набираетъ себѣ „названыхъ братьевъ“, заключаетъ съ ними союзъ—„по-

братимство", лежавшій въ условіяхъ народной жизни. Собираніе дружины черезъ письма, по мнѣнію историка, является чертой, идущей изъ сѣдой старины, какъ воспоминаніе о грамотныхъ людяхъ. Приходившему побратиму Василій давалъ ударъ вязомъ,— также черта, обозначающая на историческомъ языкѣ, что онъ съ каждымъ пришельцемъ, по новгородскому обычаю, дрался на палкахъ.

Съ побратимами Василій ищетъ случая „отомстить" новгородцамъ. Этотъ случай представляется на братчинѣ Никольщинѣ. Предварительно драки пишется договоръ, имѣвшій юридическую силу. Драка, т.-е. главная часть пѣсни, слѣдовательно, случайна. Поводъ и причина боя для Костомарова были неясны. „Здѣсь все является, говоритъ онъ, плодомъ внезапныхъ увлеченій, порыва страстей. Нѣтъ ничего разсчитаннаго. Такъ оно и было въ жизни вольнаго города. Здѣсь все безпричинно, какъ и въ разсказахъ лѣтописей, гдѣ также не доберешься, изъ-за чего люди волнуются, за что князей выгоняютъ, другихъ приглашаютъ... Планида набѣжала такая, человѣкъ не знаетъ самъ утромъ, что сдѣлаетъ вечеромъ"...

И вотъ это олицетвореніе буйной удали безъ причины предается избіенію новгородцевъ.

Въ бою Василью помогаетъ „дѣвка-чернавка", являющаяся „отраженіемъ мужественности новгородскихъ женщинъ". Василій, разгорячившись, не останавливается передъ убійствомъ пилигримища, отшельника, угодника, обычно умиротворяющаго волненія толпы однимъ словомъ. Этотъ старецъ, „по инымъ варіантамъ— безплотный", выступаетъ символомъ Церкви. Вдобавокъ, онъ еще крестный отецъ Василья, на котораго какъ и на родного отца нельзя было поднять руку [1]).

Недостаткомъ построенія Костомарова является его пренебреженіе зерномъ пѣсни—повѣствованіемъ о новгородскомъ погромѣ. Въ остальномъ онъ пошелъ дальше бытовыхъ историковъ, относясь къ пѣснѣ, прежде всего, какъ къ поэтической композиціи и понимая образы ея, какъ символы, т.-е. шире, чѣмъ рисуютъ ихъ отдѣльные варіанты. Въ пѣснѣ, по Костомарову, отразились, слѣдовательно: 1) символъ духовнаго уклада новгород-

[1]) Н. Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства. Томъ 2, глава IX.

ской жизни, 2) символъ мужественности новгородской женщины и 3) символъ Церкви.

Символизированъ типъ Василья Буслаева еще въ статьѣ Пассекъ [1]). Въ основу народнаго разсказа, говоритъ авторъ, положено изображеніе раздора между сторонами, который нерѣдко имѣлъ мѣсто въ древней жизни Новгорода. Съ теченіемъ времени, съ измѣненіями быта повѣствованіе измѣнялось и дополнялось. Древнѣйшая основа разсказа давала типъ новгородскаго боярина, не имѣвшаго никакого нравственнаго начала, кромѣ семейнаго. Грубый матеріализмъ и стремленіе запаса силъ къ простору, надменность и пренебреженіе къ низшимъ, желаніе господствовать—вотъ характерныя черты такого новгородскаго боярина. На фонѣ столкновенія хитрыхъ, уклончивыхъ мужиковъ со своенравнымъ бояриномъ развивается вся пѣсня. Ея начало надо относить къ временамъ древнѣйшимъ, такъ какъ нѣтъ помина о вмѣшательствѣ какой-либо власти въ дѣла Василья. Однако упоминаніе о попахъ, дьяконахъ, имя богатыря, указанія на грамотность, на постройку каменныхъ зданій подразумѣваютъ позднее измѣненіе древняго разсказа.

Всѣ данныя пѣсни говорятъ о Васильѣ только какъ о бояринѣ. Его боярство несомнѣнно: во 1) онъ самъ стремится быть правителемъ; 2) его отецъ—бояринъ; 3) онъ противополагается всему сонму людей посадскихъ; 4) иногда зовется „дворяниномъ“; т.-е. принадлежитъ къ сословію, куда позже вошли бояре.

Миѳологическая школа, господствовавшая въ эпоху написанія этой статьи, заставляла автора стремиться поскорѣе возвести пѣсню къ древнѣйшему времени безъ критическаго анализа матеріала. Характеризуя героя, авторъ, однако, основываетъ свои выводы какъ разъ на томъ, что самъ называетъ „позднѣйшими наслоеніями“. Вѣроятно, послѣднія отдѣлимы не такъ легко, если и Костомарову приходилось не разъ констатировать въ пѣснѣ „редакцію, измѣненную подъ вліяніемъ московской народности“. Сбивала автора также и яркая новгородская окраска пѣсни, заставлявшая его считать и персонажей ея—новгородцами. Неиз-

[1]) Новгородъ самъ въ себѣ. (Чтенія въ О-вѣ ист. и древ. рос. 1869, кн. 4).

вѣстно, почему черты быта, имъ найденныя, относились къ „глубокой“ древности. Только потому, что „несомнѣнный“ бояринъ Василій Буслаевъ не имѣетъ надъ собою власти. А если допустить возможность, что онъ самъ представитель власти? Тогда древнѣйшія черты могутъ быть перенесены ко времени болѣе близкому. Во всякомъ случаѣ поэтическое чутье подсказало автору значеніе Василья, какъ знатнаго, внѣ законовъ стоящаго человѣка съ наклонностями правителя.

Изслѣдователи, спеціально занимавшіеся русскимъ эпосомъ, оставили за Васильемъ Буслаевымъ представленіе новгородскимъ ушкуйникомъ. Богатымъ, своевольнымъ новгородцемъ рисуетъ его акад. В. Ѳ. Миллеръ, указывающій на условія новгородской жизни, дававшія возможность частнымъ лицамъ скапливать огромныя богатства. Василій, независимый ушкуйникъ, вызвалъ новгородцевъ на боевое состязаніе такъ же, какъ Садко предложилъ состязаться съ Новгородомъ въ богатствѣ, въ томъ, кто повыкупитъ товары [1]). Однако Новгородъ побѣдилъ Садка, но былъ покоренъ Васильемъ. Исходъ не одинаковъ, и разгромъ новгородскій остается безъ объясненія.

И. Ждановъ, въ не разъ цитированной работѣ, посвященной большею частью Василью Буслаеву, считаетъ послѣдняго новгородскимъ повольникомъ „именно ушкуйнической поры,—той поры, когда измѣнившееся молодечество еще жило полной жизнью, но когда новгородцамъ уже приходилось отыскивать оправданіе для своихъ удальцовъ, когда этихъ удальцовъ стали обзывать разбойниками“. Герой пѣсни—новгородскій молодецъ, надъ которымъ тяготѣетъ обвиненіе въ душегубствѣ, удалецъ, нуждающійся въ оправданіи, удалецъ той поры, когда появились „ушкуйници-разбойници“ [2]).

Бой Василья съ новгородцами, по словамъ изслѣдователя, яркими красками рисуетъ картину старо-русскаго игрища или же столкновеніе новгородцевъ во время усобицъ. Усобицы эти происходили на „великомъ мосту“, и разбушевавшихся укрощалъ

---

[1]) Очерки русской народной словесности, I, стр. 192.
[2]) О. с. стр. 279.

только владыка, входя съ крестомъ на мостъ и становясь посрединѣ драки.

Этимъ и ограничился изслѣдователь въ объясненіи разгрома Новгорода. Его занимала больше характеристика Василья, какъ грѣшника-разбойника, для которой онъ подыскивалъ западныя параллели. Поэтому безъ комментарій приводится имъ заключеніе Чулковской сказки, гдѣ говорится, что Василій Буслаевичъ послѣ боя „владѣлъ Новымъ-градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него подняться, всѣ сосѣди дальніе присылали къ нему мирныхъ пословъ со дары многими". И. Жданову, вѣроятно, Василій Буслаевъ не представлялся властителемъ, какъ автору статьи „Новгородъ самъ въ себѣ", иначе онъ обратилъ бы вниманіе, что ссылка Чулкова подтверждается однимъ стариннымъ варіантомъ, на который изслѣдователь сослался, но безъ вывода [1]). Объ этомъ варіантѣ я скажу ниже.

Итакъ, за эпической личностью Василья Буслаева прочно утвердилось представленіе его новгородскимъ ушкуйникомъ, выразителемъ удали и отваги. Бой съ новгородцами понимался какъ иллюстрація, между прочимъ, проявленія этой удали, наравнѣ съ подобными подвигами, которые продѣлываетъ Василій на пути въ Св. землю. Личность Василья признается не носящей чертъ обычнаго богатырства.

Внѣшнія бытовыя черты пѣсенъ о Васильѣ Буслаевѣ въ достаточной степени выявлены историками вообще и И. Ждановымъ—спеціально [2]). Черты эти слѣдующія: 1) существованіе указаній на родовитость отца Буслая и на его участіе, какъ члена новгородскаго вѣча, въ спорахъ Новгорода съ другими городами; 2) обликъ дружины Василья, не похожій на эпическій братскій союзъ—„новгородскіе братья-наймиты"; 3) воспоминаніе о братчинахъ, подъ которыми понимается пиръ; 4) старо-русскія игрища или распри на мосту, отразившіяся на эпизодѣ драки и 5) ушкуйничество Василья. Многимъ изъ этихъ чертъ можетъ быть дано иное объясненіе, какъ будетъ видно дальше, однако

---

1) См. прим. на стр. 229.

2) Стр. 249 и слл. его изслѣдованія.

новгородскій колоритъ въ пѣсняхъ—несомнѣненъ, хотя и основывается не на сохраненіи воспоминаній объ ушкуйничествѣ, изъ чего, главнымъ образомъ, исходятъ историки, а на рядѣ мелкихъ подробностей, обличающихъ знакомство съ Новгородомъ и его жизнью. Новгородскій налетъ въ разсматриваемыхъ пѣсняхъ имѣетъ то значеніе, что позволяетъ считать ихъ принадлежащими по своей композиціи какому-либо новгородскому поэту.

Однако главное содержаніе пѣсни: личность Василія Буслаева и разгромъ новгородскій, тѣсно связанный съ нею, остаются въ туманѣ и нуждаются въ поясненіи. Костомаровъ, какъ видно изъ приведенной выше цитаты, слишкомъ расплывчато и неубѣдительно указывалъ на причину разгрома. Неужели вся пѣсня создалась потому только, что на героя „планида набѣжала такая?“ Подобное объясненіе должно противорѣчить элементарному представленію объ эпической пѣснѣ.

Не выдержана у Костомарова и характеристика Василья. Буйный ушкуйникъ появляется у него во второй пѣснѣ человѣкомъ „съ религіознымъ чувствомъ, составлявшимъ также черту новгородской души“. Онъ хоть и погибъ, но славно, честно до конца сохранилъ свою свободу, свою „мочь—силу“. Такая характеристика не вытекаетъ даже изъ любого, взятаго отдѣльно, варіанта второй пѣсни.

Не ясенъ былъ Василій и для О. Миллера[1]). Касаясь похожденій Василья, этотъ изслѣдователь указалъ на странность поступковъ героя, совершающаго, въ противоположность остальнымъ богатырямъ, дѣла не „земскія“. Причинъ разгрома онъ не касался вовсе.

И. Ждановъ не долго останавливался на характеристикѣ Василья ушкуйникомъ новгородскимъ. Образъ героя постепенно выросталъ у него въ какого-то изверга, образца жестокости и безчеловѣчія, близкаго къ герою средне-вѣковыхъ западныхъ сказаній—Роберту Дьяволу. Самый разгромъ для автора изъ простого игрища, молодецкой потѣхи, превратился въ кровавую свалку только благодаря бѣшеному задору Василья [2]).

[1]) О. Миллеръ. Илья Муромецъ и богатырство кіевское. Стр. 785 и сл.
[2]) О. с. стр. 259.

Съ фактомъ разгрома Новгорода вообще принято только считаться, не не объяснять. Единственное господствующее объясненіе боя на Волховомъ мосту исходитъ, какъ думаютъ изслѣдователи, изъ сохраненія воспоминанія о рѣшающихъ споры Софійской и Торговой стороны бояхъ, имѣвшихъ мѣсто, большею частью, на мосту черезъ Волховъ.

Въ виду нерѣшенности еще вопроса о личности Василья Буслаева и разгромѣ Новгорода, кончившагося покореніемъ, я предложу свои объясненія.

Ушкуйничеству посвящена Костомаровымъ цѣлая глава; множество выписокъ изъ памятниковъ объ ушкуйничествѣ приведено И. Ждановымъ въ его работѣ. Однако характеристика ушкуйниковъ и тамъ и тутъ ни съ какой стороны не подходитъ къ Василію. Ушкуйники грабили по Волгѣ, совершали вообще всѣ свои подвиги внѣ города, Василій, между тѣмъ, „ушкуйничаетъ“ только у себя въ Новгородѣ. Ни одинъ пересказъ пѣсни не говоритъ, что бы онъ куда-либо ѣздилъ на ушкуѣ грабить. Во время паломничества Василій былъ особенно далекъ отъ всякаго грабежа. Колонизаторская предпріимчивость ушкуйниковъ также ничѣмъ не отразилась въ пѣсняхъ.

„Новгородскіе удальцы, нетерпѣвшіе стѣсненія своего произвола, искали раздолья, простора, подвиговъ за предѣлами Новгородской земли“, пишетъ Костомаровъ [1]). Нигдѣ въ исторіи ушкуйничества нѣтъ примѣра, чтобы насиліе было произведено надъ самимъ Новгородомъ. Между тѣмъ избіеніе новгородцевъ составляетъ центральную часть поэтической композиціи, безъ него—нѣтъ и самой пѣсни. Представлять Василья ушкуйникомъ, значитъ, отдѣлять его отъ совершеннаго имъ „подвига“ и ничѣмъ не объяснять послѣдній.

„Подвигъ“ обычно объясняется какъ междоусобная борьба, лежащая въ принципѣ новгородскаго устройства. Никитскій пишетъ [2]), что какъ скоро на вѣчѣ возникало разногласіе, и каждая партія, сознавая за собой извѣстную силу, считала возможнымъ отстаивать свое мнѣніе до конца, такъ чувствовалось, что

[1]) Сѣверно-русскія народоправства. Томъ 2, глава VIII.

[2]) Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, стр. 38—39.

вопросъ можетъ разрѣшиться только вооруженною борьбой. И въ дѣйствительности столкновенія нерѣдко случались, но „не доходили по большей части до своихъ крайнихъ послѣдствій“ благодаря вмѣшательству церкви. Когда раздоръ между сторонами разгорался до того, что становились безсильными внушенія разума, начинались мелкія столкновенія, когда партіи съ оружіемъ въ рукахъ становились другъ противъ друга, готовыя перейти въ жесточайшую свалку,—на мосту, раздѣляющемъ партіи, являлось духовенство. Выходилъ владыка, съ соборомъ, въ облаченіи и съ крестами, начиналъ благословлять обѣ стороны и уговаривать ихъ разойтись. Если владыка былъ только что нареченъ, то его сопровождалъ старый епископъ, вызванный для этой цѣли изъ монастыря. Какъ бы сильно ни было раздраженіе, „голосъ пастыря, внушавшій своимъ духовнымъ дѣтямъ, что усобица станетъ только причиною запустѣнія города и источникомъ похвалы поганыхъ, въ такихъ случаяхъ никогда не оставался безъ дѣйствія“: партіи если не примирялись, то все же расходились по домамъ безъ свалки.

Къ этому историческому подлежащему относили пѣсню. Однако несомнѣнное сходство выражается только въ совпаденіи внѣшнихъ чертъ быта. Упоминаніе Волхова моста, вмѣшательство духовенства въ распрю—таковы положенія, на которыхъ основывались изслѣдователи, говоря о близости новгородскихъ исторіи и старины. Однако, по Никитскому, столкновенія эти были дѣломъ обычнымъ, до кровопролитія не доходили, очень часто и свалки не бывало. Кромѣ того—духовенству принадлежала рѣшающая роль въ примиреніи, о глумленіи надъ нимъ никто не думалъ, и, наконецъ, свалка не кончалась выраженіемъ полной покорности со стороны побѣжденныхъ, тѣмъ болѣе—всѣхъ „мужиковъ новгородскихъ“ одному лицу. Остается въ сторонѣ вопросъ, зачѣмъ нужно было облекать въ пѣсенную форму одно изъ обычныхъ, многочисленныхъ столкновеній. Приходится констатировать, что столкновеніе въ старинѣ въ основѣ—иное и описано иначе, чѣмъ въ историческихъ свидѣтельствахъ.

Вѣроятно, столкновеніе, ставшее предметомъ Пѣсни о разгромѣ Новгорода, было далеко не ординарнымъ, и личность,

вызвавшая его, во многихъ отношеніяхъ выходила изъ ряда обычныхъ.

Новгородское происхожденіе Василья Буслаева подкрѣпляется изслѣдователями ссылкой на замѣтку Никоновской лѣтописи, гдѣ подъ 1171 г. показана смерть новгородскаго посадника „Васка Буславича". Соловьевъ на основаніи именно этого упоминанія считалъ Василья историческимъ лицомъ, представителемъ новгородской вольницы, а пѣсню о немъ — изображающей нѣкоторыми чертами старину чисто-новгородскую, а нѣкоторыми—общерусскую.

Однако подъ приведенной датой въ Новгородѣ не значилось такого посадника. Въ Новгородской 1 лѣтописи подъ 1171 годомъ написано: „Томь же лѣтѣ отя князь Рюрикъ посадницьство у Ярослава Новегородѣ и выгна и изъ города; иде Суждалю къ Ондрееви и даша посадьницьство Иванку Захариинициюю". Зимой того же года Рюрикъ Ростиславичъ ушелъ изъ Новгорода. Новгородцы отправили къ Андрею Боголюбскому пословъ за княземъ. Въ томъ же 1171 году великій князь Андрей „присла Ярослава посадницитъ съ мужи своими", намѣтивъ княземъ въ Новгородъ своего сына. Слѣдовательно въ 1171 году и посадникомъ и намѣстникомъ былъ единственно Ярославъ. Сынъ Боголюбскаго — Юрій Андреевичъ прибылъ въ Новгородъ въ 1172 году. Въ этомъ же году посадничество, по просьбѣ народа, ходатайствовавшаго передъ Андреемъ черезъ архіепископа, было передано Иванку Захарьиничу.

До Ярослава посадникомъ былъ Якунъ, управлявшій Новгородомъ одинъ, безъ князя, слишкомъ семь мѣсяцевъ. Якунъ прославился знаменитой защитою Новгорода противъ рати Андрея Боголюбскаго и захватомъ огромнаго суздальскаго полона. Но результаты побѣды были невелики: новгородцы черезъ годъ должны были примириться съ Боголюбскимъ. Якунъ былъ лишенъ посадничества [2]). Послѣ Якуна посадники слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Ярославъ—Иванко Захарьиничъ—опять Ярославъ—Завидъ Неревиничъ [3]).

[1]) Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку. Изд. Археогр. Комм. Спб. 1888.

[2]) Бѣляевъ. Разсказы изъ русской исторіи. Кн. 2.

[3]) См. Новгородскую 1 лѣтопись. Стр. 70. Въ этомъ перечисленіи нѣтъ ука-

Поэтому вставка имени Васки Буславича не находитъ соотвѣтствія съ дѣйствительностью. Никоновская лѣтопись—сводъ поздній, вставка могла быть сдѣлана еще позже. Кромѣ того извѣстно, что Никоновская лѣтопись часто пользуется для своихъ вставокъ пѣсеннымъ матеріаломъ. Объясненій вставки имени Васки можетъ быть дано нѣсколько, но они всѣ будутъ только гипотетичны. Можно, однако, съ увѣренностью думать, что если Васка Буславичъ тожественъ Василью Буслаевичу пѣсни, а неодноименъ, то въ лѣтопись попало пѣсенное свидѣтельство. Въ этомъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что кончина посадника Васки помѣщена какъ разъ подъ такимъ годомъ, когда въ Новгородѣ въ смѣнѣ посадниковъ замѣчалась нѣкоторая острота.

Нельзя, поэтому, съ увѣренностью считать Василья новгородскимъ посадникомъ XII вѣка. Никоновская лѣтопись никакъ не объясняетъ своей вставки. Другія лѣтописи о Васкѣ не упоминаютъ вовсе. Между тѣмъ Пѣсня особенно подробно останавливается на характеристикѣ героя, сообщая свѣдѣнія о его жизни, начиная съ колыбели вплоть до учиненнаго имъ новгородскаго разоренья. Матеріалъ для выясненія личности пѣсеннаго героя настолько достаточенъ, что поможетъ найти ему другое, болѣе соотвѣтствующее историческое лицо.

Обращу вниманіе на поэтическую характеристику Василья.

Пѣсня начинается разсказомъ о рожденіи сына у престарѣлаго отца. Послѣдній совершилъ какой-то поступокъ съ первой женою, тщетно дожидаясь рожденія желаннаго дѣтища. Отецъ Василья—знатенъ, богатъ и миролюбивъ: онъ всю жизнь не перечился съ Новгородомъ Великимъ, т.-е. поддерживалъ миръ съ нимъ: это еще не значитъ, что онъ въ немъ жилъ.

Разсказъ носитъ характеръ полузабытаго отрывка. И. Ждановъ первый обратилъ вниманіе на связь начала пѣсни съ разсказомъ кн. А. Курбскаго о разводѣ великаго князя Василія Ивановича съ Соломоніей и о вторичномъ его бракѣ съ Еленой Глинской.

занія на Жирослава вторично; но см. подъ 1175 г.: „Въ то же лѣто преставися посадникъ Новегородѣ Иванко Захариниць, и даша Жирославу опять; и конця̀ющуся лѣту тому, выгнаша Жирослава ис посадницьства и даша Завиду Неревиницю“.

Указаніе на параллель „матерой бабищи“ съ чаровниками, которыхъ призывалъ Василій, на „чудесное“ дарованіе дѣтища бездѣтному старику Василью—Буслаю было сдѣлано тѣмъ же изслѣдователемъ, который говоритъ: „Какъ плодъ чародѣйства рождается въ Москвѣ жестокій Иванъ Васильевичъ, въ Новгородѣ буйный Василій Буслаевичъ“ [1]).

Изслѣдователь въ этомъ мѣстѣ былъ ближе къ рѣшенію вопроса о личности Василья Буслаева, чѣмъ онъ думалъ. Увлекшись, однако, западными, совершенно непригодными параллелями, онъ оборвалъ сопоставленіе на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Кн. А. Курбскій изображаетъ вторичный бракъ великаго князя, какъ дѣло преступное. „Князь великій Василій Московскій ко многимъ злымъ и сопротивъ закона Божія дѣломъ своимъ и сіе приложилъ:... живши со женою своею первою Соломонидою двадесять и шесть лѣтъ, остригъ ее во мнишество, не хотящу и не мысляцу ей о томъ, и заточилъ въ далечайшъ монастырь, отъ Москвы болѣе двусотъ миль, въ землѣ Каргопольской лежащь, и затворити казалъ ребро свое въ темницу, зѣло нужную и унынія исполненную, сирѣчь жену, ему Богомъ данную, святую и неповинную. И понялъ себѣ Елену, дщерь Глинскаго, аще и возбраняющимъ ему сего беззаконія многимъ святымъ и преподобнымъ, не токмо мнихомъ но и сигклитомъ его“.

Тонъ отрывка—укоризненный; симпатіи историка на сторонѣ заточенной Соломоніи. Отрицательное отношеніе къ поступку великаго князя сохранилось и въ Пѣснѣ, въ укоризненномъ возгласѣ бабищи матерой по адресу Буслая. „Эхъ ты..., говорила она ему, не могъ дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ“: погодилъ бы немного, и отъ первой жены родилось бы дѣтище, и „ему износу не было бы“.

Стало быть, Буслай и отъ первой жены могъ имѣть или имѣлъ ребенка. Соломонія, дѣйствительно, по ходившему преданію, разрѣшилась отъ бремени въ монастырѣ сыномъ. Разсказы объ этомъ интимномъ событіи дошли даже до Герберштейна: „Впродолженіе

---

[1]). О. с., стр. 283. Кн. А. Курбскій, какъ и выше, цитируется изъ его сочиненія: „Исторія князя великаго московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима“, Н. Устрялова: „Сказанія князя Курбскаго“, 3 изданіе.

двадцати одного года онъ (Василій) не имѣлъ отъ нея (Соломоніи) дѣтей. Огорчаясь безплодіемъ супруги, онъ заключилъ ее въ одинъ монастырь, въ суздальскомъ княжествѣ, въ тотъ самый годъ, въ который мы пріѣхали въ Москву (1526).... По заключеніи Соломоніи въ монастырь, князь вступилъ въ бракъ съ Еленою. Вдругъ распространяется слухъ, что Соломонія беременна и скоро разрѣшится... Нѣкоторыя въ нашу бытность въ Московіи утверждали намъ за истину, что Соломонія родила сына, именемъ Георгія, однако никому не хотѣла показывать ребенка... Нѣкоторые же не хотѣли признать за истину, что она родила. Итакъ слухъ объ этомъ двоякаго рода“ [1]).

Въ Москвѣ, вѣроятно, глухо говорили объ этомъ происшествіи. Но въ Каргополѣ, на сѣверѣ, это преданіе, несомнѣнно, было передаваемо отчетливѣе, ярче. Каргопольскій сказатель, которому принадлежитъ пѣсенная легенда объ этомъ, могъ подновлять въ памяти преданіе изъ мѣстнаго устнаго архива.

Возвращусь къ Курбскому. Великій князь вступилъ во второй бракъ, будучи достаточно старымъ, и „со оною... женою, юною суще, самъ старъ будущи, искалъ чаровниковъ презлыхъ отвсюду, да помогутъ ему ко плодотворенію“. И вотъ отъ этого волхованья произошелъ плодъ ужасный: „Тогда зачался нынѣшній Іоаннъ нашъ, и родилася въ законопреступленію и во сладострастію лютость“.

Буслай въ Пѣснѣ долго „удумливалъ“, какъ породить чадо. Совѣтъ ему даетъ персонажъ неясный, но вѣщій, „матерая бабища“. Она указываетъ ему на жену, называя ее по имени, научаетъ, какъ съ ней обращаться, иными словами—помогаетъ ему ко плодотворенію. „Думу“ Василія отмѣчаетъ и кн. А. Курбскій: „О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы, (еже есть Филя: сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студенаго моря). И оттуду провожаху ихъ къ нему, лехтущихъ оныхъ и презлыхъ совѣтниковъ сатанинскихъ. И за помощію ихъ отъ прескверныхъ сѣменъ, по произ-

[1]) Переводъ Анонимова. 1866 г. Подробно разсказываетъ о рожденіи у Соломоніи сына еще Одерборнъ: „Vitae Ioannis Basilidis commentariorum libri tres“.

воленію презлому, а не по естеству отъ Бога вложенному, уродилися ему два сына: единъ таковый прелютый и кровопійца и погубитель отечества, иже не токмо въ русской землѣ такого чуда и дива не слыхано, но воистину нигдѣ же никогда же мню;... а другій былъ безъ ума и безъ памяти и безсловесенъ, тако жъ, аки дивы якой, родился".

Кн. А. Курбскій, желая риторически подчеркнуть эффектъ рожденія Ивана, ссылается на Іоанна Златоустаго: „ему же начало... смутились внутренняя, сердца вострепетали, зракъ помрачился, разумъ притупился, слухъ скутался",... безсознательно пародируя зачинъ пѣсенъ о рожденіи Вольги.

Василій Буслаевъ не помнитъ отца; о немъ вездѣ разсказываетъ ему мать. Иванъ, по свидѣтельству Курбскаго, „остался отъ отца своего зѣло младъ, аки дву лѣтъ".

Подростая, годамъ къ 15—17, Василій Буслаевъ начинаетъ проявлять склонность къ жестокимъ забавамъ и предосудительнымъ удовольствіямъ. Пѣсня передаетъ впечатлѣніе отъ злобныхъ шутокъ приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: повадился, вѣдь, Васька Буслаевичъ, съ пьяницами, съ безумницами, съ веселыми удалыми добрыми молодцы, до-пьяна сталъ напиватися, ходя въ городѣ, уродовать: кого возьметъ за руку, изъ плеча тому руку выдернетъ, кого задѣнетъ за ногу, то изъ гузна ногу выломитъ, кого хватитъ поперекъ хребта, тотъ кричитъ реветъ, окорачъ ползетъ, кого хватитъ за головушку, головой вертитъ, будто пугвицей.

Очень похожее разсказываетъ кн. А. Курбскій: Приходя въ возрастъ, Иванъ „началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечуще ихъ... Егда же уже приходяще къ пятому на десять лѣту и вяще, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на коняхъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистину дѣла разбойничьи самыя творяще и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно. Ласкателямъ же все таковое на свою бѣду

восхваляющимъ: О храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ!"

Дурные совѣтники („пьяницы и безумницы" пѣсни) поощряли эти буйства юнаго царя: они утверждали его, по словамъ кн. А. Курбскаго „и во злострастіяхъ и въ самовольствіи, безъ отца воспитаннаго и преизлище прелютаго и крови уже напившагося всякія".

Вотъ тѣ „не земскія" дѣла, которыя удивляли О. Миллера. Земщинѣ обычно противополагается опричнина. Можно сопоставить, поэтому, эпизодъ набора дружины съ учрежденіемъ Грознымъ опричнины.

Пѣсня передаетъ, что какъ бы въ отместку на жалобы сродниковъ изувѣченныхъ Василій сталъ набирать себѣ дружину. Принято, обыкновенно, считать, что изображеніе ея стоитъ особнякомъ отъ обще-эпическаго представленія о богатырской дружинѣ. „Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго—валися къ Васькѣ на широкій дворъ, тотъ пей и ѣшь готовое и носи платье разноцвѣтное". Отовсюду стекаются къ нему желающіе дарового и безпечальнаго житья. Становясь Василью „паче брата роднаго", дружинники его, однако, ничѣмъ не напоминаютъ крестовыхъ братьевъ богатырей, соединенныхъ вмѣстѣ дружеской зарукой, выручающихъ и помогающихъ другъ другу въ бояхъ съ насильниками-врагами. Въ сознаніи пѣсни они—отбросы низовъ: „тати воры-разбойники ко мнѣ на дворъ, плутъ-мошенникъ къ моему двору, не работы робить деревенскія, пить зелена вина безденежно". Они—внѣ деревенской работы, и, какъ было видно, многіе варіанты противополагаютъ избитымъ червленымъ вязомъ Василья „мужикамъ" отобранную, съ крѣпкими лбами и глотками дружину. Эта шайка служитъ только своему господину, который изображается отнюдь имъ не ровней, держитъ ихъ на жалованьи, угощеньемъ предупреждаетъ ихъ недовольство.

Прозвища дружинниковъ: новгорожанинъ, новоторжанинъ, бѣлозерянинъ—представляютъ сохранность очевидно основного указанія на то, что молодцы сошлись отовсюду. Имена дружинниковъ варьируются по пересказамъ, но нельзя не отмѣтить постояннаго среди нихъ присутствія маленькаго Потани, знакомаго уже по Пѣснѣ о царской женитьбѣ. Въ новѣйшихъ собраніяхъ Потаня

привлекъ даже и своего alter ego, другого борца, часто называемаго Васенькой. Я отмѣтилъ тѣ привнесенія, которыя дѣлаютъ новѣйшіе варіанты въ изображеніи встрѣчи двухъ Васильевъ. Привнесенія—понятны, потому что борецъ—„Васенька“ въ сущности слабое отраженіе Василья Буслаева, зашедшее въ эпизодъ борьбы Пѣсни о царской женитьбѣ.

Постоянное нахожденіе имени Потани въ Пѣснѣ о разгромѣ Новгорода не можетъ быть явленіемъ случайнымъ. Выше было указано, изъ какого историческаго персонажа вышелъ „малютка Потаня“. Его нахожденіе среди дружины, съ которой Василій Буслаевъ ходитъ по пирамъ, буйствуетъ, которая, если ему кличъ кликнуть, тотчасъ прилетитъ на выручку, все сметая на пути, указываетъ, что въ дружинѣ этой не трудно видѣть отображеніе опричнины.

Оффиціозныя московскія лѣтописи, обыкновенно, даютъ сжатый разсказъ объ учрежденіи опричнины. Близко стоявшіе по времени писатели, дьякъ Иванъ Тимофѣевъ и кн. И. М. Катыревъ-Ростовскій признавали опричнину проявленіемъ ярости Грознаго: разгнѣвавшись на подданныхъ, онъ раздѣлилъ государство на двѣ части: одну отдалъ царю Симеону, другую взялъ себѣ и заповѣдалъ своей части—оную часть людей насиловати и смерти предавати. [1]).

Уже въ этомъ краткомъ свидѣтельствѣ чувствуется, что на царя Ивана смотрѣли, какъ на врага земщины, т. е. совершающаго „дѣла не земскія“, какъ выражался О. Миллеръ. Гораздо свободнѣе и ярче описываютъ опричнину и соединенные съ ней ужасы царствованія Ивана иностранные писатели. Можетъ быть у нихъ прикрашена фактическая сторона дѣла, можетъ быть они основывались болѣе на впечатлѣніи, своемъ или имъ переданномъ, можетъ быть, наконецъ, они подбирали факты для доказательствъ своей (партійной) точки зрѣнія, но основывались они на тѣхъ разсказахъ и сплетняхъ, которыя ходили въ народѣ, были запрещены цензурой. Поэзія есть также отвлеченіе дѣйствительности, также имѣетъ цѣлью стать на опредѣленную точку зрѣнія. Съ этой стороны—полупоэтическія сказанія иностранцевъ

[1]) Повѣсть кн. И. М. Катырева-Ростовскаго. Памятники... относящіеся къ Смутному времени, СПБ. 1909. Стр. 561.

дают̀ драгоцѣнный матеріалъ для объясненія пѣсенныхъ композицій [1]).

Кн. А. Курбскій и Hoff—оба не касаются внутреннихъ причинъ, побудившихъ Грознаго создать опричнину. Ее они и описываютъ съ внѣшней стороны. Внѣшній обликъ ея зарегистрированъ и Пѣсней. Поэтому сопоставленіе историческихъ и поэтическихъ свидѣтельствъ въ данномъ случаѣ приводитъ къ убѣдительнымъ выводамъ.

Всему злу и насилью, говоритъ кн. А. Курбскій, „служители быша ласкатели его со онымъ прелютымъ варваровъ полкомъ, нарицаемымъ кромѣшниковъ... Вмѣсто нарочитыхъ, доброю совѣстію украшенныхъ мужей, собралъ себѣ со всея тамошнія русскія земли человѣкъ скверныхъ и всякими злостьми исполненныхъ, и къ тому еще обязалъ ихъ клятвами страшными и принудилъ окаянныхъ—не знатись не токмо со други и со братіями, а ни съ самыми родители, но точію во всемъ ему угождати и скверное его и кровоядное повелѣніе исполняти, и на

---

[1]) Для характеристики опричнины буду пользоваться: упомянутой выше Исторіей кн. А. Курбскаго и не разъ цитированнымъ мною Hoff'омъ. Исторія послѣдняго называется: Erschrekliche, greuliche und unerhorte tyranney Iwan Wasilowitz itzo regierenden Grosfursten in Muscow. Печатное изданіе 1582 года. Эта исторія представляетъ въ сущности дословную перепечатку посланія Таубе и Крузе, двухъ политическихъ авантюристовъ, бывшихъ на службѣ у Грознаго, щедро имъ одаряемыхъ, но послѣ неудачной попытки овладѣть Дерптомъ съ помощью отряда, навербованнаго по порученію царя, бѣжавшихъ въ Польшу. Въ 1572 году они подъ именемъ—Посланія къ герцогу Кетлеру, составили исторію царствованія Ивана Васильевича, которая въ 1582 году была переписана и переиздана нѣкимъ Hoff'омъ, лицомъ неизвѣстнымъ, который имѣлъ подъ руками или первоначальный текстъ Посланія, или немного переработанный. Его текстъ нѣсколько сокращаетъ Посланіе, выпускаетъ нѣкоторыя фразы общаго характера, всѣ указанія на авторовъ—Таубе и Крузе, гдѣ они говорятъ о себѣ въ первомъ лицѣ. (См. статью А. И. Браудо: Посланіе Таубе и Крузе къ герцогу Кетлеру. Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, X). Поэтому я пользуюсь Hoff'омъ и не ссылаюсь на Таубе и Крузе. Въ предисловіи Hoff'а разсказано, между прочимъ, слѣдующее объ авторѣ исторіи. На обратномъ пути черезъ Самогитію авторъ остановился у одного человѣка, бывшаго шесть лѣтъ узникомъ въ Россіи, а потомъ жившаго семь лѣтъ въ Москвѣ. Въ теченіе этихъ 13 лѣтъ ему пришлось быть свидѣтелемъ безчеловѣчной ярости Ивана по отношенію къ роднымъ, друзьямъ, къ князьямъ, боярамъ и простому народу, и самъ разскащикъ вѣчно былъ на сторожѣ. Этотъ то очевидецъ и пересказалъ все то, что ему приходилось наблюдать, а я, говоритъ авторъ, все, что тогда наспѣхъ запомнилъ, поспѣшилъ занести на бумагу.

таковыхъ и паче тѣхъ прелютыхъ по крестному цѣлованью принуждаше окаянныхъ и безумныхъ".

Отбросимъ отрицательные эпитеты, на которые такъ щедръ кн. А. Курбскій. Опричники, по свидѣтельству историка, представляли своеобразную дружину, которая цѣловала крестъ на вѣрность исключительно царю, была, выражаясь эпическимъ языкомъ, ему крестовыми братьями. Дружина понабралась со всей русской земли и, въ противоположность испытаннымъ въ вѣрности аристократамъ, состояла изъ людей низкихъ, способныхъ на всякія дѣла. Царь взялъ съ нихъ клятву—знать только его, забыть даже отца съ матерью. Припомнимъ, что къ Василію Буслаеву „увалами-перевалами" валились на дворъ всякихъ чиновъ люди, чтобы пить и ѣсть изъ готоваго, но немногіе попали въ дружину—слишкомъ сурово было испытаніе, производимое Васильемъ. Зато набранная дружина дѣйствительно—слѣпая исполнительница всѣхъ начинаній Василья, который самъ стоитъ за нее горой. Съ ней вмѣстѣ онъ и совершаетъ подвиги въ „городѣ", подчеркивая этимъ свою обособленность отъ „мужиковъ" и властей новгородскихъ. Впечатлѣніе отъ разсказа кн. А. Курбскаго и отъ Пѣсни весьма сходно.

Дополняетъ и поясняетъ предыдущее разсказъ Hoff'a. Этотъ свидѣтель понимаетъ опричнину такъ же, какъ нѣчто такое, что не имѣло связи съ народомъ. Къ царю, разсказываетъ Hoff, изъ Суздаля, Вязьмы, Можайска и изъ другихъ городовъ были приведены разныхъ чиновъ люди, числомъ до шести тысячъ. Таковъ былъ указъ царскій. Царь произвелъ имъ экзаменъ, главнымъ образомъ допытываясь, какого они роду племени. Личнаго заявленія было не достаточно: для большаго убѣжденія изъ того мѣста, откуда пріѣхалъ дружинникъ, было вызвано по четыре старика, которые подъ присягой должны были сообщать все, что знаютъ о происхожденіи того или другого пришельца: женатъ онъ или холостъ, съ кѣмъ изъ большихъ господъ, князей-бояръ знается. Царь отбиралъ холостыхъ и въ комъ видѣлъ отсутствіе связи и дружбы со знатными родами, того бралъ себѣ. Такимъ образомъ образовалъ онъ дружину, которую считалъ своею и назвалъ опричниной (aprissna). Хотя бы дружинникъ былъ подлаго

рода, царь немедленно давалъ ему окладъ—150 четей земли и назначалъ приличное вознагражденіе. За это опричникъ обязывался исполнять исключительно волю царя и быть ему всецѣло преданнымъ, въ чемъ и клялся слѣдующими словами: „Я (имярекъ) клянусь быть вѣрнымъ царю и его царству, молодымъ царевичамъ и царицѣ, исполнять во всемъ его волю, не умалчивать ни о какомъ злѣ, готовящемся царю и его царству и семейству, о которомъ я слышу, слышалъ или въ будущемъ услышу, не ѣсть и не пить съ земщиной и не вступать съ ней ни въ какое общеніе. На этомъ на всемъ клянусь и цѣлую крестъ“,—какъ это у нихъ въ обычаѣ, добавляетъ Hoff.

Въ разсказѣ Hoff'a приведено содержаніе той „клятвы“, о которой упоминалъ кн. А. Курбскій. Оба писателя, слѣдовательно, сходятся въ указаніи, что дружина Ивана была собрана изъ разныхъ городовъ. Hoff даже говоритъ объ указахъ, которые могутъ соотвѣтствовать „ярлыкамъ скорописчатымъ“, разсылаемымъ повсюду Васильемъ, желавшимъ набрать дружину. Опричники характеризуются и здѣсь прежде всего людьми безродными, которымъ даже вмѣнялось въ обязанность враждовать со знатью. Они—вѣрные псы господина: не даромъ къ ихъ сѣдламъ были привязаны собачьи головы. Центръ тяжести въ клятвѣ—тотъ же, что и у кн. А. Курбскаго: служить и угождать одному царю, своему крестовому брату. Голь — въ началѣ, они богатѣли отъ щедрыхъ подачекъ, которыя, несомнѣнно, и привлекали ихъ на царскую службу.

Изслѣдователи не объясняли, но согласно указывали на особенность пѣсенной характеристики дружины Василья. Сопоставленіе ея съ опричниной, думается, не вызоветъ особенныхъ возраженій. Нахожденіе Малюты-Потани среди дружинниковъ, рабская покорность Василью, чествованіе на пирахъ, стремленіе къ подачкамъ не противорѣчатъ свидѣтельствамъ иностранныхъ писателей, которые оттѣняютъ ту черту, что царь Иванъ особенно ревниво слѣдилъ за тѣмъ, не заражены ли его дружинники аристократическими предразсудками. Ему нужна была ихъ скорѣйшая ассимиляція съ нимъ. Пѣсня отмѣчаетъ то же: выбранные спеціально какъ пьяницы и крѣпкія головы, дружинники Ва-

силья Буслаева начинаютъ скоро походить на своего господина, усваиваютъ его насмѣшливо-саркастическое отношеніе ко всему завѣтному, святому. (Выше я привелъ старинную цитату, какъ дружина съ Васильемъ продѣлываетъ цѣлую комедію, ломаетъ чужія ворота, чтобы впустить Василія на пиръ, а тотъ юмористически чванится, спрашиваетъ, скоро ли его звать будутъ). Если Пѣсня говоритъ, что съ наборомъ дружины усилилась тонкая жестокость потѣхъ Василья—стали зазывать гостей на пиръ, а потомъ гнали ихъ взашей да всутычь, а если кто зайдетъ къ нимъ—убьютъ и подъ ворота бросятъ, то лѣтописныя извѣстія о потѣхахъ Ивана съ опричниками, вродѣ того, какъ убивали народъ, а головы метали подъ ворота во дворъ князя Мстиславскаго, сходны съ Пѣсней чуть не текстуально.

Если считать Василья съ его дружиной „разбойниками“, то отнюдь не въ смыслѣ ушкуйничества, а именно въ тонѣ кн. А. Курбскаго, который дѣла опричнины величаетъ исключительно разбоемъ. Опричнина—убѣжденный врагъ человѣчества. Разсказывая о митрополитѣ Филиппѣ, кн. А. Курбскій отмѣчаетъ, что святитель соглашался благословить царя только въ томъ случаѣ, если онъ отпуститъ „полкъ сатанинскій, собранный на пагубу христіанскую, сирѣчь кромѣшниковъ, або опришницовъ нарицаемыхъ.

Возвращаюсь снова къ Пѣснѣ.

Собравъ дружину, Василій Буслаевъ, „прослышалъ“, что въ Новгородѣ устроенъ народомъ „пиръ“. Онъ собирается туда „незваным“. Въ Новгородѣ принимаютъ его съ честью, но на пиру онъ начинаетъ буйствовать, снимается съ дружиной и вновь возвращается, ищетъ предлога къ ссорѣ. Когда явилась возможность проявить враждебныя дѣйствія, то Василій ставитъ ультиматумъ, сколько надо дани въ случаѣ покорности. Начинается бой—первый: Василій запертъ въ погребъ, и бьется одна дружина. Освобожденный изъ заключенія дѣвкой чернавкой, Василій бѣжитъ къ мѣсту побоища на мостъ и вступается за дружину. Начинается второй бой. Разгромъ Новгорода—полный.

Если пѣсенная характеристика Василья Буслаева и его дружины нашла себѣ близкое соотвѣтствіе съ историческими сви-

дѣтельствами эпохи царствованія Ивана Грознаго, въ частности—съ самимъ царемъ и его опричниной, то возможно предположеніе, не отражаетъ ли главное содержаніе пѣсни—разгромъ новгородцевъ какого-нибудь событія его царствованія?

Разбираемая пѣсня всего ближе совпадаетъ по своимъ подробностямъ съ историческимъ походомъ Ивана Грознаго на Новгородъ въ 1570 году, походомъ, окончившимся сильнымъ разгромомъ города и выраженіемъ покорности гражданъ.

Описаніе этого важнаго событія находится въ источникахъ русскихъ и иностранныхъ. Русскіе источники представляются лѣтописями, которыя, въ свою очередь, или передаютъ это событіе глухо, будучи оффиціальнымъ органомъ московскаго правительства, или даютъ подробное и картинное изложеніе, не избѣжавшее, впрочемъ, зоркой московской цензуры.

Псковская первая лѣтопись подъ 7078 годомъ даетъ короткую, но прочувствованную замѣтку: „Межъ Рожества и Крещенья пріиде царь и великій князь Иванъ Васильевичъ съ великою опалою въ Великій Новгородъ и многія нарочитыя люди погуби, и множество много людей на правежи побіено бысть, иноческаго и священическаго чина и инокинь и всѣхъ православныхъ христіанъ; и бысть туга и скорбь въ людехъ велія, и святыя обители и церкви божія и села запустѣша“.

Какъ дополненіе къ этой записи, на основаніи другихъ списковъ, въ изданіи Псковской 1 лѣтописи прибавлено: „7078—пріиде царь и великій князь Иванъ Васильевичъ съ опалою, опритчиною въ Великій Новгородъ и многія люди погубилъ различными смертьми и муками“.

Подробное описаніе разгрома Иваномъ Грознымъ Новгорода находится въ Новгородской третьей лѣтописи [1]). Приведу изложеніе повѣсти по спискамъ Академическому, XVII вѣка (Академіи Наукъ № 21) и Архивскому XVIII вѣка (Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 5).

Повѣсть помѣщена подъ 1570 годомъ. Въ указанныхъ спискахъ заглавіе повѣсти не одинаково. Обыкновенно она извѣстна,

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ III.

какъ повѣсть „О приходѣ царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Русіи самодержца, како казнилъ Великій Новгородъ, еже оприщина и розгромъ именуется“. Повѣсть начинается въ тонѣ Курбскаго, съ указанія причины неожиданной жестокости Ивана. „Наущеніемъ и злоумышленіемъ богоотступниковъ, злыхъ и буявыхъ человѣкъ, хищниковъ, отъ дѣйства непріязненнаго сопостата діавола“ въ уши царя была нашептана клевета на архіепископа Пимена, на владычныхъ бояръ и изящныхъ и именитыхъ жителей градскихъ. Богъ ожесточилъ сердце царю „великимъ гнѣвомъ и неукротимою яростію и великимъ озлобленіемъ“.

Второго января 1570 года въ Новгородъ неожиданно прибылъ передовой полкъ царской дружины; вокругъ города были устроены сторожи и заставы, чтобы никто не могъ скрыться. Часть дружины поѣхала по монастырямъ, опечатала казну, а черное духовенство согнала въ Новгородъ. Болѣе пяти сотъ старцевъ было поставлено на правежѣ до пріѣзда государя. Также поступали и съ бѣлымъ духовенствомъ: къ каждому десятку былъ назначенъ особый приставъ, который тиранилъ священнослужителей, правя по двадцати рублей съ человѣка. Церкви, подцерковныя и именитыхъ людей палаты были запечатаны, а сами именитые люди, съ женами и дѣтьми, въ оковахъ должны были дожидаться пріѣзда Ивана.

Шестого января пріѣхалъ царь съ сыномъ, множествомъ воинскихъ людей и остановился на Торговой сторонѣ, въ мѣстности, называемой Городище, за двѣ версты отъ новгородскаго посада. Царь первымъ дѣломъ издалъ такой указъ: „игуменовъ и поповъ черныхъ и діаконовъ и старцовъ соборныхъ, которые прежде государева пріѣзда въ первомъ полку иманы изъ монастырей и поставлены на правежи, избивати ихъ палицами на смерть“. Когда тѣ были перебиты, царь „повелѣ когождо ихъ во свой монастырь развозити и погребати“.

Въ воскресенье восьмого числа царь поѣхалъ къ обѣднѣ въ Св. Софію; по обычаю навстрѣчу ему вышелъ на Волховскій мостъ архіепископъ и хотѣлъ было благословить царя. Однако тотъ не подошелъ ко кресту и обратился къ владыкѣ съ такими словами:

„Ты, убо, злочестиве, въ руцѣ своей держиши не крестъ животворящій, но вмѣсто креста оружіе, и симъ убо оружіемъ хощешь уязвити царское сердце наше, своимъ неистовнымъ зломысліемъ, съ своими злотворцы и единомышленники града сего жители, и хощете царскія нашея державы вотчину нашу, сей великій богоспасаемый Новградъ предати сопостатомъ нашимъ, иноплеменникомъ, королю литовскому Жигимонту Августу; и отселѣ впредь нѣси убо наречешися пастырь и учитель и сопрестолникъ великія соборныя апостольскія церкви Премудрости божіи Софіи, но волкъ и хищникъ и губитель и измѣнникъ, и царскому нашему багру и вѣнцу досадитель".

И когда царь окончилъ „яростныя словеса", то повелѣлъ служить литургію въ соборѣ, а потомъ со всѣми своими „полчаны" отправился въ столовую палату къ архіепископу—„хлѣба ясти". Среди пира, вдругъ, царь Иванъ „возопи гласомъ веліимъ съ яростью къ своимъ князямъ и боярамъ, по обычаю, ясакомъ царскимъ", какъ бы подавая знакъ этимъ. Тотчасъ владычній дворъ со всѣмъ, что есть на немъ, былъ преданъ расхищенію, самого Пимена было приказано отдать приставамъ, крѣпко стеречь, и на прокормъ выдавать изъ казны ежедневно „по двѣ денги". Льву Салтыкову и духовнику протопопу Евстафію царь повелѣлъ принять казну и драгоцѣнности св. Софіи, всѣ чудотворныя иконы и колокола; тоже сдѣлано было и въ прочихъ церквахъ и монастыряхъ новгородскихъ.

Покончивъ съ духовенствомъ, царь удалился на Городище и приказалъ привести къ нему изъ Новгорода владычнихъ бояръ, дѣтей боярскихъ, гостей, всякихъ градскихъ и приказныхъ людей, съ женами и дѣтьми, и повелѣлъ: „горцѣ и лютѣ и безчеловѣчнѣ различными муками мучити, и по многихъ неисповѣдимыхъ горкихъ различныхъ мукахъ повелѣ государь тѣлеса ихъ нѣкоею составною мудростью огненною поджигати, иже именуется поджаръ [1]). И своимъ государевымъ дѣтемъ боярскимъ повелѣваетъ государь тѣхъ мученыхъ и поджареныхъ людей за руки, и за ноги, и за главы опако вязати, различно, тонкими ужыщи,

[1]) Что такое этотъ „поджаръ"—разъяснитъ, какъ будетъ указано ниже, кн. Курбскій.

и привязывати ихъ повелѣ по человѣку къ санемъ, и повелѣ ихъ быстро за санми влещи на великій Волховскій мостъ и метати съ мосту въ рѣку Волховъ". А женъ и дѣтей связывали вмѣстѣ и съ большой высоты метали въ ту же рѣку. „А иные въ тѣ поры государевы люди, дѣти боярские и воинскіе люди въ малыхъ судѣхъ ѣздяху по рѣкѣ Волхову со оружіемъ, съ ротатыни и съ копьи и съ багры и съ топоры; и которые люди, мужи и жены и всякъ возрастъ изъ глубины рѣчной вверхъ на воду спловетъ, и они, прихватывая багры, тѣхъ людей копьи и рогатынями прободаху, и топоры сѣкуще во глубину рѣчную безъ милости сурово погружаху, предающе ихъ лютой и горцѣй смерти",

Такое избіеніе новгородцевъ длилось „до пяти седмицъ и больши", ежедневно погибало по 1000—1500; тотъ день бывалъ благословенъ, когда убивалось по 500—600 человѣкъ только. Самъ царь въ это время грабилъ, жегъ пожитки и избивалъ людей въ окрестностяхъ. Когда же царь вернулся, то началъ ѣздить по Новгороду, грабить имущество и безпощадно избивать людей градскихъ и женъ ихъ.

Наконецъ, тринадцатаго февраля, на второй недѣлѣ поста, царь повелѣлъ со всякой улицы поставить предъ собою по лучшему человѣку изъ оставшихся въ живыхъ. „Они же сташа предъ царемъ съ трепетомъ, дряхлы и унылы, отчаявшеся живота своего, яко мертвы, видяще неукротимую ярость цареву". И царь обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью: „Мужіе, жителіе сего Великаго Новаграда, вси иже нынѣ оставшіи во градѣ! Молите всемилостиваго и всещедраго и человѣколюбиваго Господа Бога и Пречистую его Богоматерь Владычицу Богородицу, и всѣхъ святыхъ его, о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, и о чадѣхъ моихъ, благовѣрныхъ царевичахъ Иванѣ и Ѳеодорѣ, и о всемъ нашемъ христолюбивомъ воинствѣ, чтобы намъ Господь Богъ подаровалъ свыше побѣду и одолѣніе на вся видимыя и невидимыя враги наша и супостаты, а судить Богъ общему измѣннику моему и вашему, владыкѣ новгородскому Пимену и его злымъ совѣтникомъ и единомышленникомъ, и вся та кровь взыщется на нихъ измѣнникахъ. И вы о семъ нынѣ не

скорбите, живите во градѣ семъ благодарнѣ, и язъ вамъ во свое мѣсто оставлю нравителя во градѣ боярина своего и воеводу князя Петра Даниловича Пронскаго". Произнеся эту рѣчь царь немедленно выѣхалъ изъ Новгорода. Лѣтописецъ, по обыкновенію, прибавляетъ: „Се же бысть все неизреченными судбами и наказаніемъ Вседержителя Господа Бога нашего въ Великомъ семъ богоспасаемомъ Новѣградѣ и всѣмъ живущимъ въ немъ за грѣхи наши и прочему человѣческому роду на увѣреніе".

Лѣтописный разсказъ, сохраняя во внѣшнемъ изложеніи трафаретъ, обычный для воинскихъ повѣстей, изображаетъ однако полную движенія и яркихъ красокъ картину разгрома Новгорода. Детали повѣствованія во многомъ оригинальны и не повторяются въ другихъ повѣстяхъ подобнаго рода. Таковы: отношенія Ивана Грознаго къ черному и бѣлому духовенству, въ частности—къ Пимену, средоточіе боя на Волховомъ мосту, двукратное избіеніе гражданъ: опричниками безъ царя и вновь съ возвратившимся съ грабежа Иваномъ, наконецъ—топографическія подробности. Какъ фактическій матеріалъ, даваемый повѣстью, такъ и детали представляютъ рядъ чрезвычайно близкихъ совпаденій съ Пѣсней о разгромѣ Новгорода.

Сопоставлю схему Повѣсти съ Пѣсней.

1) О царѣ Иванѣ Повѣсть сообщаетъ, что онъ вдругъ опалился на Новгородъ по наущенію хищниковъ, злыхъ и буявыхъ человѣкъ. Царь отправляетъ въ походъ сначала дружину, потомъ ѣдетъ самъ. Эта дружина—опричники бьютъ, ставятъ на правежъ и грабятъ новгородцевъ. Въ Пѣснѣ—Василій съ соотвѣтствующей дружиной отправляется неожиданно въ Новгородъ, чтобы произвести избіеніе.

2) Гнѣвъ царя, главнымъ образомъ, направленъ на духовенство—игуменовъ, монаховъ, „старцевъ соборныхъ". Ихъ предаютъ лютой смерти въ первую очередь. Съ Пименомъ, который впослѣдствіи также умеръ отъ царскаго гнѣва, Иванъ обращается при встрѣчѣ сурово. Архіепископъ съ крестомъ вышелъ на Волховъ мостъ, а царь, вмѣсто того чтобы принять благословеніе, рѣзко оборвалъ движеніе владыки непочтительной къ его сану

рѣчью: достается и кресту и архіепископу. Враждебное и жестокое отношеніе Василья къ „соборному“ старцу „пилигримищу“ оттѣняетъ именно эту кощунственную черту характера царя, какъ предводителя сатанинскаго полка. Ниже я подробнѣе коснусь этого эпизода, тѣмъ болѣе, что онъ выдѣляется въ пересказахъ какъ предметъ особаго вниманія и разработки.

3) Сигналъ къ началію разгрома дается Иваномъ на пиру, куда онъ былъ позванъ съ выраженіемъ почтенія и смиренно. Царь съ своими „полчанами“ вмалѣ посидѣлъ на пиру, затѣмъ, вдругъ, по своему обычаю, зычнымъ голосомъ воззвалъ къ своей дружинѣ. На пиру происходитъ и завязка Пѣсни. Василій съ своей шайкой ищутъ ссоры, при первой возможности начинается побоище. Регламентація дани показываетъ, что здѣсь понималась не простая ссора, а организованный военный набѣгъ.

4) Избіеніе новгородцевъ, ихъ горькая и лютая мука производится, такъ сказать, въ два пріема: сначала хозяйничаетъ опричнина, такъ какъ Ивана нѣтъ въ городѣ, затѣмъ грабежи и убійства продолжаются во главѣ съ царемъ, вернувшимся съ разгрома окрестностей. Два момента эти сохранены и въ Пѣснѣ: дружина Василья бьется одна, такъ какъ удалецъ засаженъ въ погребъ матерью. Тутъ Пѣсня рисуетъ даже свои desiderata: дружинѣ больно достается отъ новгородцевъ. Затѣмъ освобождается изъ погреба Василій: наступаетъ второй моментъ, который и рѣшаетъ дѣло окончательнымъ покореніемъ Новгорода. По возвращеніи царя Ивана покореніе города также быстро приходитъ къ концу.

5) Избіеніе новгородцевъ опричниной преимущественно происходитъ на Волховомъ мосту. Царская дружина, какъ видно изъ описанія, творитъ жестокія потѣхи надъ несчастными. Въ привязываніи тонкими веревками за руки, за ноги, за головы къ санямъ, въ бросаніи съ моста въ Волховъ, добиваніи тонущихъ гражданъ чувствуется тонъ разбираемой Пѣсни, которая не безъ горькаго юмора указываетъ, какъ вертятъ головы, будто пуговицы, какъ иной—кричитъ-реветъ, окорачь ползетъ, какъ Василій вывертываетъ руки и ноги у сверстниковъ. Сопоставлю это свидѣтельство объ избіеніи еще со слѣдующимъ мѣстомъ ва-

ріанта Кирши: Василій на пиру, еще до начала общей драки, въ раздраженіи взываетъ къ дружинѣ (какъ Иванъ Грозный), та скачетъ: „скоро оне улицу очистели, прибили уже много до смерти, вдвое втрое перековеркали, руки и ноги переломали, кричатъ ревутъ мужики посацкия".

Забывшіе основное содержаніе, склонные усвоять преимущественно внѣшнюю, спортивную точку зрѣнія, многіе варіанты безучастны теперь къ этому избіенію. Весь интересъ сосредоточиваютъ они на томъ, кто кого и какъ спихнетъ въ рѣку Волховъ. Тѣмъ не менѣе упорная локализація боя на Волховомъ мосту, фактъ сбрасыванья въ воду показываютъ, что здѣсь гораздо болѣе отразилось свидѣтельство лѣтописной Повѣсти о разгромѣ 1570 г., чѣмъ частыя, некровавыя встрѣчи непріязненно настроенныхъ Торговой и Софійской сторонъ города. Жестокое избіеніе народа на Волховомъ мосту пришлыми изъ Москвы опричниками, съ царемъ во главѣ, конечно, событіе не изгладимое, особенно по послѣдствіямъ. Обычная же вздорная размолвка новгородцевъ между собою ни съ какой стороны не могла стать предметомъ воспѣванія.

6) Избіеніе новгородцевъ сопровождается всюду широчайшимъ грабежомъ имущества духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Особенно много грабилъ Иванъ по своемъ возвращеніи изъ пригороднаго грабежа. Про Ивана, дѣйствительно, можно сказать то же, что про Василья говоритъ вторая пѣсня: „съ молоду—бито много, граблено".

7) Обращеніе царя къ новгородцамъ о прекращеніи избіенія и о своемъ уходѣ совершилось такъ же неожиданно, какъ и приходъ его въ Новгородъ. Лѣтописная Повѣсть склонна разсматривать этотъ фактъ съ провиденціально—поучительной точки зрѣнія: приходъ царя совершился грѣхъ ради нашихъ, ушелъ онъ—Господь смилостивился. Заключеніе это не оригинально, оно—ходячая формула. Исходъ пѣсни по двумъ, отмѣченнымъ мною, варіантамъ приписываетъ укрощеніе ярости Василья заступничеству Богородицы, помогающей матери удержать сына. Здѣсь тонъ—такой же, но болѣе опредѣленъ. Если остальные варіанты и заставляютъ мать Василья дѣйствовать по своей ини-

ціативѣ, тѣмъ не менѣе стихійно-сдерживающее начало въ ней ими сохранено.

8) Царь зоветъ къ себѣ покоренныхъ, трепещущихъ, дряхлыхъ и унылыхъ мужиковъ новгородскихъ, принимаетъ выраженіе покорности и объявляетъ свою волю—посадить надъ ними старѣйшаго. Исходъ основной пѣсни отмѣчаетъ какъ разъ то же самое: „мужики покорилися“, били челомъ Василью, заплатили дань, какъ условіе полнѣйшей сдачи города. Такая окончательная форма раздѣлки Василья съ новгородцами неизмѣримо ближе къ историческому повѣствованію о разгромѣ новгородскомъ, чѣмъ къ изображенію исхода недоразумѣній между сторонами, никогда такъ не кончавшихся, или—къ ушкуйничеству Василья, неожиданно разграбившаго и взявшаго родной городъ.

Итакъ, основные моменты, опредѣляющіе детали повѣствованія о разгромѣ 1570 года, находятъ себѣ соотвѣтствіе съ планомъ Пѣсни. Послѣдняя, кромѣ того, какъ было указано, даетъ характеристику царя какъ насильника, еще до похода, описывая его воспитаніе и наборъ дружины—опричнины.

Кн. А. Курбскій кратко касается новгородскаго разгрома. Царь, говоритъ онъ, „убилъ архіепископа Великаго Новаграда Пимена. Той-то былъ Пименъ чистаго и зѣло жестокаго жительства, но въ дивныхъ былъ обычаяхъ: бо, глаголютъ, его похлѣбовати мучителю, и гонитель былъ вкупѣ на Филиппа митрополита, а мало послѣди, и самъ смертную чашу испилъ отъ него: бо пріѣхавъ самъ въ Новгородъ Великій, въ рѣцѣ его утопити повелѣлъ. И тогда жъ таковое гоненіе воздвигъ въ ономъ мѣстѣ великомъ, иже, глаголютъ, единаго дня посѣщи, и потопити, и пожещи и другими различными муками помучити больше пятинадесяти тысящь мужей единыхъ, кромѣ женъ и дѣтей, повелѣлъ... И слышахомъ, иже великія, проклятыя, кровавыя богатства тогда пріобрѣлъ: бо въ томъ великомъ сторожительномъ мѣстѣ, въ Новѣградѣ, родъ живетъ куплелюбенъ; бо маютъ отъ самаго мѣста портъ къ морю, сего ради и богати зѣло бываютъ; яко мню великихъ ради богатствъ губилъ ихъ“.

Историкъ отдѣляетъ гнѣвъ на духовенство отъ разгрома, который объясняетъ страстью Ивана Грознаго къ грабежу. Окон-

чательное разореніе богатаго города, недавняя самостоятельность котораго и морская торговля были еще на памяти у хорошо знавшей его Европы, не могли пройти безъ вниманія. Многіе жадно вслушивались въ разсказы, соотвѣтствовавшіе тогдашнему настроенію. Подобными пользовался въ своемъ изложеніи Hoff.

Разореніе Новгорода имъ отмѣчается, прежде всего, какъ завершеніе продолжительнаго похода, во время котораго было разграблено множество городовъ и убито большое число жителей. Въ 1569 году, 20 января, разсказываетъ этотъ писатель, великій князь собралъ въ Александровской слободѣ всю свою опричнину и всѣхъ способныхъ носить оружіе. Очевидно Господь, въ наказаніе за грѣхи людскіе, вложилъ ему мысль, что Новгородъ, черное духовенство и земщина рѣшили передаться на польскую сторону. Поэтому великій князь со своимъ старшимъ сыномъ и 15 тысячами войска тридцатаго числа того же мѣсяца выступилъ словно въ походъ противъ врага и направился къ городку Клину.

Далѣе описывается посѣщеніе ряда городовъ, лежащихъ на пути, преданныхъ разграбленію и опустошенію. Особенно страдали монастыри и церкви.

Когда же великій князь добрался до славнаго Великаго Новгорода, онъ сначала расположился въ монастырѣ на Городищѣ, въ четверть мили отъ города, а людямъ своимъ велѣлъ занять всѣ улицы въ городѣ. На слѣдующій день онъ арестовалъ всѣхъ знатнѣйшихъ горожанъ, а архіепископа посадилъ на бѣлую кобылу, далъ ему въ одну руку русскую лютню, а въ другую—дурацкую булаву и приказалъ явиться къ себѣ въ такомъ видѣ. Затѣмъ были схвачены всѣ игумены, попы, купцы и ремесленники, числомъ нѣсколько тысячъ, а у людей мало-мальски извѣстныхъ были опечатаны дома и приставлены стрѣльцы. Безпрерывными пытками онъ выбивалъ у нихъ признанія, гдѣ спрятаны деньги и церковная казна, и цѣлыя груды богатства свозились къ нему. Церкви и монастыри великій князь очистилъ до того, что ни одной иконы, хотя бы въ полгульдена цѣною, тамъ не оставалось, не говоря уже о колоколахъ и облаченіи.

И хотя много добычи ему досталось въ городѣ, тѣмъ не менѣе онъ столь долго держалъ на правежѣ игуменовъ, поповъ и купцовъ, что выправилъ съ нихъ все, до послѣдней нитки. Иной выплачивалъ по нѣсколько тысячъ. Весь сырой товаръ—ленъ, воскъ, соль, кожи и т. п. онъ приказывалъ свозить въ кучи и сжигать или—бросать въ воду. Шелковыя ткани и мелкій товаръ предоставлялось грабить опричнинѣ и палачамъ.

Изъ самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній извѣстно, что великій князь погубилъ въ Новгородѣ до 12 тысячъ знати, а ремесленниковъ и простого народа болѣе 15 тысячъ. Большая рѣка Волховъ, что вдвое шире, чѣмъ Прегель въ Пруссіи, на которой стоитъ Кенигсбергъ, до того была переполнена трупами, что у моста образовалась запруда, и вода въ этомъ мѣстѣ окрасилась кровью.

Одинъ изъ его опричниковъ, тронутый жалостью, заплатилъ бѣдной вдовѣ за хлѣбъ, отнюдь не желая брать его даромъ. Когда объ этомъ донесли великому князю, онъ приказалъ отсѣчь опричнику вмѣстѣ съ вдовой головы, а тѣла съ хлѣбомъ оставались на показъ всѣмъ на площади въ теченіе трехъ дней! Въ общемъ—трудно учесть, сколько горя и ужаса намъ приходилось терпѣть и видѣть! Весь хлѣбъ въ полѣ и хлѣбные запасы были сожжены, такъ что бѣдствіе не закончилось: послѣдовалъ такой голодъ, подобнаго которому, вѣроятно, не было со времени разрушенія Іерусалима. Трудно вѣрить, но это, какъ Богъ святъ—правда, люди ѣли другъ друга, вырывали покойниковъ изъ могилъ и пожирали цѣликомъ. Благодаря этому послѣдовалъ страшный моръ отъ чумы.

Послѣ того, какъ кровожадный тиранъ простоялъ шесть недѣль подъ Новгородомъ, опустошая все на 150 миль въ окружности, онъ ушелъ къ Пскову. И тамъ истребилъ много тысячъ народа и многихъ едѣлалъ нищими. Нѣкій бѣднякъ, по имени Никола, котораго многіе считали болѣе, чѣмъ за человѣка, почти за пророка, по внушенію божію или какъ хотите объясняйте, просилъ сказать великому князю, чтобы тотъ къ нему пришелъ. Великій князь согласился, и, когда подходилъ къ его дому, вышеупомянутый Никола крикнулъ ему въ окно: „Ивашка! Ивашка! доколѣ будешь ты проливать кровь невинныхъ! Образумься, уходи

отсюда, не то постигнетъ тебя великое несчастье". Угроза подѣйствовала, и могущественный тираннъ, собравшійся какъ будто пожрать всю вселенную, убѣжалъ немедленно, словно его преслѣдовали враги. Такъ-то бѣднякъ и слабый нищій испугалъ единымъ словомъ великаго князя, пришедшаго съ многими тысячами воиновъ. Онъ столь поспѣшно бѣжалъ, что побросалъ всю награбленную добычу, ее доставили ему уже спустя довольно времени.

Вышеприведенный отрывокъ подтверждаетъ свидѣтельство лѣтописи о гнѣвѣ царя прежде всего на новгородское духовенство. Объ отношеніи пѣсеннаго Василья къ духовному лицу—старчищу я скажу подробно въ слѣдующей главѣ. Широкій грабежъ всего новгородскаго имущества царемъ находитъ себѣ подтвержденіе въ разбираемой Пѣснѣ. Большое количество побитыхъ соотвѣтствуетъ не разъ употребляющемуся варіантами выраженію: „безъ числа пластина принарублена". (Ср. у Кирши: „пошла та дѣвушка чернавушка, бежавши та девка запышалася, нелзя протьти девки по улице, что полтей по улице валяютца техъ мужиковъ новгородскихъ"). Что—Волховъ окрасился кровью, и этому есть параллель въ старинѣ Р. I, 55: „князья новгородскіе" послѣ того какъ Василій „набилъ тыхъ мужиковъ, что пройти нельзя", падаютъ „въ рѣзвы ноги" побѣдителю, зовутъ его „во гостебьице" и просятъ:

258. Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ!
Прикажи обрать тѣла убитыя,
Предать ихъ матери сырой землѣ:
Въ той ли во рѣченькѣ Волховѣ
На цѣлую на версту на мѣрную
Вода съ кровью смѣсилася.

Далѣе Hoff передаетъ двѣ легенды—о сострадательномъ опричникѣ и вдовѣ и объ юродивомъ Николѣ. Первая легенда показываетъ, что ходили разсказы поэтическаго характера о разныхъ перипетіяхъ разгрома; вторая—носитъ характеръ увѣщательный, призывающій царя къ покаянію. Царь суевѣрный, но не вѣрующій, хотя и испугался, но не исправился: всетаки забралъ себѣ добычу. Упорство Ивана въ грѣховныхъ поступкахъ собирало, въ

поэтическомъ сознаніи, тучи надъ его головою: нераскаянный грѣшникъ долженъ былъ быть наказанъ.

Характеристика царя Ивана, естественно, не нашла себѣ мѣста въ лѣтописяхъ, какъ источникѣ оффиціозномъ. Гораздо болѣе въ этомъ отношеніи даютъ, какъ теперь видно, писатели иностранцы, тонъ которыхъ по отношенію къ Грозному суровый и мало сдержанный. Западнымъ историкамъ царь представлялся прежде всего тиранномъ, не соотвѣтствующимъ съ точки зрѣнія гуманизма понятію истиннаго государя. Поэтому они въ своихъ повѣствованіяхъ останавливались, главнымъ образомъ, на времени отъ 1566 по 1572 годъ—періодѣ, наиболѣе важномъ для обоснованія ихъ идеологіи. Дѣйствительно, этотъ періодъ можетъ считаться чрезвычайно мрачнымъ и жестокимъ. Сожительство, на соблазнъ, съ пятигоркой Марьей Темгрюковной, „на злыя дѣла падущей“, учрежденіе опричнины, неистовая жизнь въ Александровской слободѣ, особенное усиленіе казней, разгромъ Новгорода,—все это падаетъ на указанный промежутокъ времени. Эта эпоха, выпуклая и яркая, набросана иностранными писателями сочными мазками: они не скупятся на краски, собирая ихъ повсюду. Матеріаломъ для этого служили разсказы, можетъ быть, легендарные или гиперболическіе, но отражавшіе настроеніе извѣстныхъ круговъ общества и отношеніе ихъ къ поступкамъ царя. Отношеніе было страстнымъ; матеріалъ передавался въ извѣстномъ увеличеніи, и повѣствованія выходили памфлетами.

А. М. Гнѣвушевъ [1]), изслѣдуя писцовую книгу по Новгороду Великому 7090 года, изданную Археографической Коммиссіей по рукописи, принадлежащей Академіи Наукъ, В. В. Майковымъ, разсмотрѣлъ убыль населенія съ 60 по 90-е годы XVI вѣка и пришелъ къ выводу, что „годъ разгрома Грознымъ Новгорода вовсе не является выдѣляющимся по убыли населенія среди другихъ годовъ“. 1570 годъ не былъ годомъ такого крупнаго разоренія, какъ его рисуютъ иностранцы. Курбскій—политическіе противники царя, которые „не жалѣли красокъ для изображенія

[1]) Экономическое положеніе Великаго Новгорода во второй половинѣ XVI вѣка (Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности, вып. VI. Новгородъ 1912. Стр. 16 и сл.).

звѣрствъ этого тирана". Цифры погибшихъ преувеличены у нихъ, напр. у Горсея, показывающаго число погибшихъ въ 700 тысячъ человѣкъ. Болѣе спокойное отношеніе къ событію замѣчается въ лѣтописяхъ, гдѣ указана и та группа лицъ, „которая была обвинена Грознымъ въ измѣнѣ и подлежали суду и наказанію". Это—владычніе послужильцы и монастырскіе люди прежде всего. Показаніе того варіанта Новгородской 3 лѣтописи, въ которомъ говорится, что гнѣвъ Грознаго обрушился главнымъ образомъ на владычнихъ дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей подтверждается, по мнѣнію автора, данными Писцовой книги, показывающей большой процентъ убыли послѣднихъ. Авторъ заключаетъ, что если разгромъ Новгорода и былъ серьезенъ: гнѣвъ и казни обрушились на приверженцевъ и послужильцевъ новгородскаго владыки, „но были втянуты сюда и другіе новгородскіе жители", однако причиной окончательнаго упадка Новгорода онъ быть не могъ.

Пѣсня о разгромѣ Новгорода, передавая историческое событіе въ обработкѣ, соотвѣтствующей подобному роду литературныхъ произведеній, передающихъ событія тенденціозно и гиперболично, сама можетъ быть разсматриваема какъ поэтическая композиція въ тонѣ памфлета. Сложенная въ Новгородѣ, можетъ быть, даже не долго спустя послѣ разгрома, основная пѣсня не была объективной: и теперь варіанты ея не скупятся на юмористическія подробности: царю Ивану дается рѣзкая характеристика, какъ съ дѣтства воспитавшемуся въ насиліи буяну, доведшему свою жестокость до чувствительнаго разгрома богатаго города.

Такимъ образомъ Пѣсня противополагаетъ мужиковъ новгородскихъ—Василью Буслаеву съ его дружиной. Назрѣвшій между ними конфликтъ привелъ первыхъ къ рабскому подчиненію второму. „Мужики новгородскіе", какъ терминъ опредѣленный точно, вполнѣ соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности. „Дружина" Василья, по вышеприведенному разсужденію, можетъ быть возведена къ исторической опричнинѣ, въ высокой степени помогавшей новгородскому разоренью. Остается имя самого героя, замѣнившее царя Ивана Васильевича.

Пѣсня—памфлетъ, рисовавшая царя съ отрицательной сто-

роны, конечно, должна была воспользоваться какимъ-либо псевдонимомъ. На присутствіе послѣднихъ въ эпической поэзіи не разъ были дѣлаемы указанія. О. Миллеру личность князя Владимира постоянно казалась сложной: на ряду съ чертами положительными онъ видѣлъ въ немъ рядъ „непривлекательныхъ“ проявленій, „государственный деспотизмъ въ духѣ Ивана Грознаго“. „Весь строй“ нѣкоторыхъ старинъ, по мнѣнію этого изслѣдователя, „оказывается принадлежащимъ позднѣйшему времени, которое, повидимому, уже испытало и грознаго царя Ивана Васильевича!“ „Самоуправство“, встрѣчающееся въ пѣсняхъ о Грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ, „стало совершаться и въ былинахъ“. О. Миллеру первому уже чувствовался во Владимирѣ псевдонимъ царя Грознаго въ старинахъ о Суханѣ и Данилѣ Ловчанинѣ. Онъ только не доработалъ своихъ положеній потому, что видѣлъ въ этихъ пѣсняхъ не оригинальныя композиціи, а переработку древнѣйшихъ сказаній. Этого хода въ глубь вѣковъ требовала теорія миѳологической школы [1]).

Я указалъ въ предыдущей главѣ на имя отца героя, какъ на отвлеченіе отъ отчества „Буслаевичъ“; послѣднее, какъ тоже было указано, объясняется, какъ прозвище. Остается имя „Василій“, появленіе котораго въ качествѣ замѣны Ивана Васильевича объясняется, можетъ быть, тѣмъ же процессомъ, по которому у иностранцевъ изъ „Basilides“ вышло „Basilius“ для названія

---

[1]) О. Миллеръ. Илья Муромецъ и богатырство кіевское. Стр. 323, 329, 410, 619. О Владимирѣ старины о Суханѣ, какъ о псевдонимѣ Грознаго, говорилъ я въ моей статьѣ объ этой пѣснѣ. О Владимирѣ старины о Данилѣ Ловчанинѣ говоритъ Б. М. Соколовъ въ статьѣ: „Исторический элементъ въ былинахъ о Данилѣ Ловчанинѣ“. „Причину отсутствія имени Грознаго“ онъ усматриваетъ въ „очень непривлекательной“ роли Владимира, не дающей здѣсь никакихъ „моральныхъ оправданій князю“. „Такую пѣсню едва ли рѣшались пѣть съ сохраненіемъ имени самого царя“, говоритъ авторъ. Тотъ же О. Миллеръ отмѣчалъ, что при Владимирѣ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, находятся „скурлаты немилостивые“, „вѣрные, неизмѣнные слуги“, готовые всегда исполнить его волю, хотя бы она и была жестокой. Названіе „скурлаты“ изслѣдователь вполнѣ естественно производилъ отъ имени Малюты Скуратова или „Скурлатова“ въ пѣсняхъ. (О. с. стр. 669). Несомнѣнно, въ эпонимическомъ Владимирѣ слитъ не одинъ историческій персонажъ; вскрытіе этихъ псевдонимовъ принадлежитъ будущему анализу пѣсеннаго матеріала. Разсуждая далѣе, нужно полагать, что и другія старинныя имена могутъ быть намѣренной затушевкой лицъ историческихъ.

Ивана IV. Ср. документъ Ватиканскаго архива: „Stephani Bathorei regis Poloniae litterae ad Annam Jageloniam reginam uxorem suam de pace intia cum *Basilio* Moscorum duce". 1582 года [1]). Интересно, что русскіе компиляторы повторяли то же имя по отношенію къ царю Ивану IV. Въ Описаніи славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки (отд. II. М. 1862) подъ № 259 Горскимъ и Невоструевымъ описанъ Хрисмологіонъ 1693 года. На ст. 63—71 находятся „Стіхи предреченія ямвійстіи" и толкованіе на нихъ. Въ толкованіи „разсуждая между прочимъ о титлѣ царя, усвояемомъ Новуходоносору, а не монарха или самодержца, или августа кесаря, сочинитель, л. 69, касается русской исторіи, впрочемъ сбивается въ именахъ и лицахъ". Однако это „сбиванье" очень оригинально. Сказавъ, что три послѣднія наименованія во времена Навуходоносора не были употребительны, сочинитель говоритъ: „Убо нѣсть лѣтъ слышати, Олая великаго, иже въ своихъ краткихъ повѣстяхъ, въ книзѣ 40-й не пріемл(е)тъ титла великаго князя *Василіа*, иже самодержецъ и царь всея Россіи именовался. Понеже *царь Василій*, отъ Максимиліана кесаря римскаго *именованіе сіе получи по взятіи града Казани*, иже прежде бяше царство казанское. *Потом же* треблаженныя памяти царь Ѳеодоръ *Іоанновичъ* всея Россіи, сіе подтверди соборною грамотою Іоасафа патріарха и архіепископа константінопольскаго, идѣже повѣствуетъ: яко отъ рода Анны деспины, сирѣчь владычицы цареградскія, сестры Мануіла царя греческаго, и великаго князя Владиміра родословяшеся". Отчество „Васильевичъ" могло также дать матеріалъ для образованія псевдонима въ Пѣснѣ.

Въ разбираемой пѣснѣ находятся еще два неясныхъ персонажа—мать Василья и „дѣвка-чернавка". Изъ предыдущаго анализа варіантовъ показана была ирреальность, такъ сказать, перваго женскаго лица: матери усвоена, единственно, сдерживающая роль, она заступница за новгородцевъ. Трудно предположить, въ какой обстановкѣ выходила она въ основной пѣснѣ, но, несомнѣнно, въ иной: образы матерой вдовы, неучествованной, заступающейся за сына, богатырши,—все это черты позднія, привне-

[1]) См. мою статью: „Послѣднія работы польскихъ ученыхъ въ римскихъ архивахъ и библіотекахъ". Труды Археогр. Комиссіи. Томъ II, М. 1900.

сенныя изъ другихъ старинъ; гдѣ онѣ, какъ органичныя, гораздо болѣе на мѣстѣ. Заступилъ ли образъ „матери“—матерь Божію, спасшую Новгородъ отъ окончательной гибели,—принадлежитъ области гипотезъ.

Къ той же области относится и объясненіе второго женскаго лица. Органичной для послѣдняго, какъ было указано, является его помощь: сначала дружинѣ Васильевой, гдѣ „дѣвка-чернавка“ даже сражается съ новгородцами, потомъ—Василью, котораго она пробуждаетъ, освобождаетъ отъ заключенія. Иные (правда—позднѣйшіе) варіанты имѣютъ склонность поставить ее въ болѣе близкія отношенія къ Василью. Пѣсня не даетъ ей имени, но въ постоянномъ эпитетѣ „Чернавка“, думается мнѣ, могло сохраниться представленіе о черкасской княжнѣ, пятигоркѣ Марьѣ Темрюковнѣ, которая по общему убѣжденію способствовала развитію злыхъ наклонностей своего мужа.

Признанье за Васильемъ Буслаевымъ поэтическаго воспроизведенія личности московскаго царя Ивана Васильевича Грознаго поможетъ нѣсколько объяснить оригинальную старину, unicum, записанную Гильфердингомъ отъ 88-лѣтняго сказателя Петербургской губерніи (№ 321) и перепечатанную въ сборникѣ Тихонравова и Миллера на стр. 289—292. На нее ссылается И. Ждановъ, разбирая окончаніе сказки Чулкова, но не объясняетъ [1]).

Дѣйствіе пѣсни совершается на пиру у Грознаго царя. Изложеніе начинается обычной формулой пира и хвастанья. Грозный наметываетъ службу, опредѣляемую, правда, неясно:

14. Какъ возговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
Еще кто изъ васъ идетъ на мою силу на войскую?

Богатыри „хоронятся“ (по формулѣ). Выступаетъ „Василій Богуслаевичъ“, который проситъ себѣ въ товарищи „Поташеньку сутула-горбата“ и „Ваську бѣлозерянина“. И вотъ Василій Буслаевъ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ

47. Сдѣлали они заговоръ великіи,
Ужъ какъ записи они записывали,
Ужъ какъ заклики закликивали:

[1]) О. с. стр. 229.

Ежели побьетъ да силу войскую,
Чтобы владѣть да всимъ Новымъ градомъ;
Ежели побьетъ да сила войская,
Такъ нѣтъ ни сыску ни отыску.

Далѣе сокращенно передается обычное содержаніе: Василій разсказалъ объ этихъ записяхъ матери, та напоила его пьянымъ и заперла. Тѣмъ временемъ народъ валитъ на дворъ къ Василью. Противъ него выходятъ Поташенька и Васька, бьютъ его, а народу не убавляется. Третьей бьется „дивка служаночка“, которая и будитъ Василья. Послѣдній выскакиваетъ съ телѣжной осью и начинаетъ избивать народъ, „не оставляя народу на семена“. Тщетно уговариваетъ его родной дядюшка, который живетъ „намастыри во Юрьевѣ“: Василій исполняетъ „записи“:

135. Да ужъ какъ сталъ Василій Богуслаевичъ
Владѣть да всимъ Новымъ градомъ.

Старина, безспорно, является полузабытымъ испорченнымъ отрывкомъ. Къ основной Пѣснѣ она подходитъ кое-гдѣ слабыми воспоминаніями. Однако эта позднѣйшая порча могла явиться какъ результатъ или случайнаго домышленія о настоящемъ значеніи Василья, или процесса эпическаго повторенія или попытки передѣлать пѣсню на основаніи того, что редактору было извѣстно, что Василій—двойникъ Грознаго. Во всякомъ случаѣ введеніе Василья Буслаева въ царскія хоромы Ивана Васильевича, представленіе его „владѣтелемъ“ Новгорода, какъ и въ Чулковской сказкѣ, показываютъ, что нѣкоторымъ изъ передатчиковъ Пѣсни былъ понятенъ распущенный въ ней смыслъ памфлета.

III.

Если первоначальная пѣсня, вращаясь въ средѣ чуждой и далекой отъ того круга, среди котораго она сложилась, утратила многое въ смыслѣ постройки внутренней, то и съ внѣшней стороны она также измѣнилась. Особенно смѣшались средства изображенія, краски. Подновляемая при реставраціяхъ, пѣсня, хотя и сохраняла архаичную расцвѣтку, однако расположеніе тоновъ варьировалось, въ одномъ мѣстѣ сгущалось, въ другомъ—поражало блѣдностью.

Въ исторіи эпитета, которая есть исторія поэтическаго стиля въ сокращенномъ изложеніи, по словамъ акад. А. Н. Веселовскаго [1]), отмѣчается во 1) моментъ забвенія реальнаго смысла эпитета и безразличное употребленіе одного вмѣсто другого—явленіе „окаменѣнія“, во 2) развитіе эпитета, внутреннее и внѣшнее, выражающееся въ переносѣ значенія въ накопленіи эпитетовъ—появляются „эпитеты-дублеты“. Именно забвеніемъ можетъ объясниться, положимъ, эпитетъ „собака“, прилагаемый старинами къ невѣрному царю. Собакой величаютъ послѣдняго и его подданные. Забвенію же обязано появленіе эпитетовъ-дублетовъ (вродѣ „силенъ буенъ вѣтръ“), а также сложныхъ, сокращенныхъ изъ опредѣленій. Накопленіе эпитетовъ и ихъ развитіе опредѣленіями акад. Веселовскій объяснялъ наступленіемъ позднѣйшей стадіи эпическаго творчества. Накопленіе и смѣшеніе опредѣлительныхъ описаній привело къ тому, что на палитрѣ современнаго сказателя ужъ нѣтъ стройнаго подбора тоновъ для раскраски типич-

---

[1]) „Изъ исторіи эпитета“. Жур. Мин. Нар. Просв. 1895, XII.

ной фигуры. Смѣшаны типы, смѣшиваются и краски. Только анализъ варіантовъ, по мѣрѣ возможности, позволяетъ возстановить и то и другое.

Попытаюсь, на основаніи анализа описательной стороны, опредѣлить встрѣчающійся въ различныхъ сюжетахъ старинъ типъ калики-паломника, пилигримища.

Даже по первому впечатлѣнію эпическій образъ стариннаго паломника раздѣляется на два, отличныхъ по существу другъ отъ друга, типа. Въ сознаніи сказателей индивидуальныя черты того и другого типа настолько перепутались, что представленіе калики слилось въ одинъ, не совсѣмъ ясный, образъ, и только традиція даетъ возможность нѣсколько разграничивать ихъ, отводя въ сюжетахъ старинъ роль то одному, то другому типу.

Одинъ изъ типовъ—калики странника, богомольца-нищаго, питающагося подаяніемъ на всемъ длинномъ пути по городамъ и селамъ, бредущаго „чрезъ далекое перечальице“ къ Іерусалиму, сохранилъ въ старинахъ достаточно красокъ для своего изображенія. „Каличья ватага“ носитъ полу-свѣтскій, полу-монашескій характеръ, старины изображаютъ каликъ выходящими въ путь „изъ пустыни Ефимьевы, изъ монастыря изъ Боголюбова“ (Кир. I, 3). Воспоминаніе о своей матери-пустыни калика, вѣроятно, уносилъ въ далекія земли и тамошнія пустыни не забывалъ сравнивать съ родными. „Не наши же тамъ (въ Св. землѣ) и пустыни, говоритъ Трифонъ Коробейниковъ: въ ихъ пустыняхъ нету ни лѣсу, ни травы, ни людей, ни воды,—точію песокъ единъ да камень“. Цѣль странствованія постоянно одна въ старинахъ: въ Св. землю, къ городу Іерусалиму. Такова формула: калики идутъ

Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Іердань рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утеретися...
Въ кипарисномъ деревѣ сушитися...
Чуднымъ крестомъ помолитися...
Ко святымъ мощамъ приложитися.

Собираясь въ путь, калики русскіе перехожіе (переброжіе, прохожіе, волокитные, люди проходящіе старые, нищая братія)

образовываютъ „ватагу“—артель, члены которой кладутъ промежь себя такую заповѣдь:

Итти селами и деревнями,
Городами тѣми съ пригородками

—т. е. тамъ, гдѣ милостыня обезпечена, и во время пути вести себя сообразно важности предпринятаго подвига: если кто на пути обворуетъ или въ блудъ ударится, того

Бить клюками каличьими,
Тянуть языкъ со теменемъ,
И копать очи ясныя косицами,
И копать во сыру землю до бѣлыхъ грудей [1]).

Въ походѣ калика облекался въ особый „покрутъ“—„платьице нищее“, который представлялъ изъ себя монашескій подрясникъ со скуфьею—„платьице старческое“, или же являлся незатѣйливой легкой одеждой, приспособленной для далекаго пути. Старины обыкновенно указываютъ кратко:

Обували они лапти бѣлолиповы,
Надѣвали они платьица нецвѣтныи.

Поверхъ этого простого платья накидывались „переметныя сумы“, постоянная и необходимая вмѣстѣ съ „клюшкой таволжаною, горбатою“ принадлежность калики. Въ эти сумы собиралась „милостыня спасеная“. На голову надѣвалась или „скуфейка“ или мягкій дорожный колпакъ, „шляпонька пуховая“.

Таковъ внѣшній обликъ калики, выдѣляемый изъ общихъ мѣстъ, разсѣянныхъ по старинамъ. Въ иныхъ пересказахъ на него легли иныя черты и краски. Но тамъ, гдѣ именно говорится о каликахъ-странникахъ (напр. въ старинѣ о 40 каликахъ со каликою) вышеприведенное описаніе постоянно.

Средствомъ пропитанія, какъ сказано, была милостыня, которую калики просили „для ради Христа, царя небеснаго“. Странники-калики всюду были желанными гостями. Добрыня и Алеша, чтобы не быть узнанными и проникнуть туда, куда имъ въ настоящемъ видѣ попасть было невозможно, переодѣваются каликами,

---

[1]) См. варіанты пѣсенъ о сорока каликахъ со каликою. Вышеприведенныя заповѣди—loci communes, т. е. формулы.

и передъ ними гостепріимно раскрываются двери палатъ царя Вахрамѣя. (Старины о сватовствѣ Владимира; см., напр., Р. П, 15). Соловей Будимировичъ и его свита, переряженные каликами, вошли на княженецкій дворъ и были немедленно позваны княземъ на свадьбу, гдѣ ихъ угостили винами заморскими и медами сладкими. (Старины о Соловьѣ Будимировичѣ, также—съ сюжетомъ о сватовствѣ). Просить милостыню было первымъ дѣломъ каликъ, когда они приходили къ богатымъ людямъ. Этой просьбой они начинаютъ свою роль въ пѣсняхъ. Повстрѣчавшись съ Владимиромъ по дорогѣ въ Кіевъ, въ то время, когда князь охотился, калики просятъ у него „милостыни спасеной“. По однимъ варіантамъ князь ихъ тотчасъ же одѣляетъ, по другимъ—„у него не случилось съ собою денегъ“, и онъ отсылаетъ ихъ въ городъ къ княгинѣ, увѣренный, что она

Напоитъ-накормитъ васъ, добрыхъ молодцевъ,
Надѣлитъ вамъ въ дорогу злата-серебра.

(Въ пѣсняхъ о 40 каликахъ. И тамъ и тутъ фактъ полученія милостыни—органиченъ). Калики идутъ въ Кіевъ „поѣсть-попить, хлѣба покушати“. Княгиня замѣчаетъ ихъ еще издали, и

Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ
Звать каликъ во свѣтлу гридню.

Позовщики обращаются къ каликамъ привѣтливо:

Милости просимъ хлѣба-соли ѣсть,
Хлѣба-соли ѣстъ, да пива съ медомъ пить.

Привѣтлива съ ними и княгиня. Встрѣчая ихъ, она говоритъ:

Поставлю столы дубовые,
Постелю скатерти браныя,
И дамъ вамъ ѣствушекъ сахарныихъ,
И дамъ питьицевъ медвяныихъ:
Ѣшьте до сыта и пейтѣ до люби.

Сверхъ того она ихъ одаряетъ

Чистымъ серебромъ и краснымъ золотомъ,
А самого то атамана скатнымъ жемчугомъ [1]).

[1]) Любезность княгини въ цитируемой пѣснѣ можетъ объясняться особымъ ея отношеніемъ къ „атаману“. Однако ласка и милостыня ограничны при описанін пріема каликъ; предложу вниманію слѣдующую формулу:

Испрашиваніе милостыни, какъ черта, постоянно сопутствующая каликъ-паломниковъ, варьируется пересказами. Иногда калики изображаются посылающими „легкаго молодчика“ гонца, доложить, что „не прикажутъ ли итти намъ пообѣдати“; въ отвѣтъ на эту своеобразную просьбу князь посылаетъ къ нимъ своихъ слугъ, велитъ бить челомъ, звать обѣдать. Обѣдъ сопровождается, по обычаю, раздачей подарковъ.

Въ тѣхъ старинахъ, гдѣ богатыри для совершенія намѣченнаго подвига, скрываютъ себя, переодѣваясь каликами, тамъ съ ними поступаютъ по изложенному трафарету. Король политовскій угощаетъ „каликъ“ до сыта, поитъ до пьяна и дарить имъ „честныя дарева“. (Старины о сватовствѣ Владимира и Добрыни). Полученные подарки всюду отмѣчены распредѣляемыми поровну между членами каличьей ватаги.

Такъ какъ основой хожденій каликъ служило религіозное міросозерцаніе, то въ старинахъ постоянно упоминается строгая регламентація обѣтовъ. Гдѣ молиться, купаться, прикладываться, что посѣщать, какіе и за чье здоровье служить „обѣдни съ молебнами“—непремѣнныя упоминанія въ формулахъ этихъ покаянныхъ путешествій въ Св. землю.

Старинныя формулы этихъ покаяній и хожденій примѣняются, какъ будетъ указано, и къ Василью Буслаеву, когда онъ станетъ собираться въ путь—помолиться за то, что имъ было бито много, граблено. Василій просится у матери итти съ дружиной въ Іерусалимъ градъ, какъ паломникъ-калика. Мать соглашается дать благословеніе только въ томъ случаѣ, если онъ выполнитъ трафаретъ каличьяго обѣта:

42. То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго:
А и не носи Василья сыра земля! (Кир. V. стр. 25).

Взимали тутъ каликъ да къ себѣ оны,
А во ту палату во царскую,
Кормили то, поили они каликъ до сыти,
А до сыти кормили ихъ да допьяна,
А надали имъ злата тутъ, серебра,
Насыпали имъ да по подсумку.

Въ дальнѣйшемъ Василій изображается совершающимъ обыкновенные каличьи обѣты:

186. Служитъ обѣдни во здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему.

На другой день—служитъ обѣдни съ молебнами за свою дружину, „про удалыхъ добрыхъ молодцевъ“. (Кир. V, стр. 29).

Таково изображенье старинами типа паломника-калики, ходящаго по Св. мѣстамъ и собирающаго милостыню. Несмотря на смѣшеніе красокъ оно безъ труда выдѣляется изъ пересказовъ и находитъ себѣ полное соотвѣтствіе въ свидѣтельствахъ исторіи и быта.

Паломничество на Руси было распространено съ давнихъ поръ [1]). Сначала ватаги каликъ со всѣхъ концовъ тянулись на поклоненіе святынямъ и чудесамъ Византіи и Св. земли. Съ паденіемъ Константинополя характеръ хожденій измѣнился, но мало уменьшился количественно. Часть такихъ паломниковъ оставляла воспоминанія, описанія своихъ хожденій, но главная масса, неграмотная, пребывала въ тѣни. Эти простолюдины-странники, двигавшіеся пѣшкомъ, выявлялись именно какъ богомольцы-нищіе, питавшіеся подаяніями благочестивыхъ людей. Часто зазывали ихъ во дворы боярскіе, чтобы послушать разсказовъ о неизвѣстныхъ, чудесныхъ странахъ. И у такихъ каликъ всегда бывалъ въ запасѣ матеріалъ апокрифическихъ сказаній, своеобразно претворенный.

Милостыня, оказываемая каликамъ—нищей братіи считалась наиболѣе вѣрнымъ путемъ ко спасенію: помочь идущему въ Св. землю помолиться за грѣхи ближнихъ равнозначило собственной покаянной поѣздкѣ [2]). Милостыня была щедрой, поэтому жизнь

---

[1]) „Въ XII и послѣдующихъ вѣкахъ особенно распространена была на Руси страсть къ посѣщенію святыхъ мѣстъ. Само духовенство считало нужнымъ останавливать въ инокахъ и мірскихъ людяхъ стремленіе къ Іерусалиму“, говоритъ Н. С. Тихонравовъ. (Калѣки перехожіе. Соч. Томъ I, стр. 331).

[2]) Когда св. Евфросинія изъявила желаніе отправиться въ Іерусалимъ, то

калики стала представляться до того привольной, что нищенство начало пониматься какъ прибыльное занятіе. Дворяне и дѣти боярскіе, потерявъ случайно имущество (напр.—послѣ пожара), предпочитали просить милостыню, чѣмъ заниматься дѣломъ.

Съ неменьшимъ радушіемъ и гостепріимствомъ встрѣчали возвращавшагося изъ далекаго странствованія калику. Странники и богомольцы являлись постоянными гостями въ богатомъ боярскомъ домѣ, царскомъ дворцѣ. Въ послѣднемъ жилъ постоянно цѣлый штатъ такъ называемыхъ „царскихъ богомольцевъ“, „верховыхъ нищихъ“ и юродивыхъ. Ихъ поили-кормили, щедро надѣляли деньгами, слушали разсказы о разныхъ диковинныхъ земляхъ. Калики-слѣпцы пѣли духовные стихи. Это постоянное гостебище каликъ во дворцѣ начинается со временъ царя Ивана Грознаго, съ XVI вѣка.

Отъ XVII вѣка дошелъ цѣлый рядъ указаній на содержаніе всего этого штата. Укажу на нѣкоторыя записи, идущія въ параллель со щедрыми дарами, отмѣченными старинами. „Въ праздникъ Рождества Христова, 25 декабря, государь кормилъ нищихъ 80 человѣкъ въ золотой царицыной палатѣ и роздалъ изъ своихъ рукъ по рублю каждому“. Такое же количество нищихъ и въ той же палатѣ было кормлено въ мясопустную родительскую субботу, 5 февраля 1670 года, дано было также по рублю. „Въ понедѣльникъ 12 октября въ хоромахъ царицы кормлено 72 человѣка нищихъ и роздано—одному рубль, прочимъ по полтинѣ“ [1]). Выдавались такіе дни, когда угощенье шло цѣлыя сутки: „Въ царицыныхъ хоромахъ 21 апрѣля за обѣдомъ кормлено 52 человѣка нищихъ, роздано имъ по полтинѣ, потомъ ввечеру кормлено 80 человѣкъ, дано по стольку же“. Привольное житье, при которомъ сумка переметная была всегда полна хлѣбомъ и деньгами, привлекало въ каличью среду людей различныхъ міровоззрѣній. Къ стремленію къ покаянному хожденію

родители восплакались, всячески пытались удержать ее и отпустили только послѣ обѣщанія помолиться за нихъ у Гроба Господня.

[1]) Въ этой ватагѣ былъ, какъ въ старинѣ о 40 каликахъ со каликою, вѣроятно, кто-то главный, разъ онъ одинъ получилъ рубль. Указанія на кормленіе и раздачу взяты у Забѣлина: Домашній бытъ русскихъ царей, М. 1895, стр. 374, и—Домашній бытъ русскихъ царицъ,—стр. 336 и сл.

примыкаетъ стремленіе къ безпечальному шатанію. Не всѣ ватаги начинаютъ доходить до Іерусалима. Стоглавъ уже сѣтуетъ на примѣсь къ каликамъ скомороховъ, подъ которыми подразумѣвались молодцы „на всѣ руки“, указываетъ на безцѣльное шатанье по деревнямъ и селамъ, на то, что всюду, куда ни придутъ они,—„ѣдятъ и пьютъ сильно“. Въ среду каликъ пришелъ элементъ, несомнѣнно, воровской. Просьбы милостыни дѣлаются настойчивѣй, сопровождаются кражами. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить рядъ законоположеній Московскаго правительства, которыми ограничивались, даже запрещались хожденія.

Эту примѣсь къ каликамъ-странникамъ лицъ, завѣдомо опустившихся, злодѣевъ, способныхъ на всякія беззаконныя дѣла, отмѣтили старины. Только къ нимъ, къ этимъ смѣшаннымъ ватагамъ могъ обратиться Алеша Поповичъ, въ одномъ изъ варіантовъ старины о 40 каликахъ, съ такими словами:

179. Вы то, калики, бродите по міру по крещеному,
Кого обкрадете, своимъ зовете! (Кир. III. стр. 94).

Отмѣченный элементъ воровства, разбоя, заставилъ пересказы нѣкоторыхъ старинъ прорисовывать образъ калики чертами чисто разбойническими. Въ старинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и голяхъ кабацкихъ (Р. III, 10) калика изображается зашедшимъ въ кружало и расплачивающимся за вино „крестомъ“. Такой странной расплатѣ дивуются даже голи, завсегдатаи кабаковъ и, „сложившись по денежкѣ“, подносятъ ему вина, чтобъ спасти крестъ отъ поруганья.

Усиленіе тона пошло дальше. Разбойничій характеръ каличьихъ ватагъ повліялъ на то, что старины „каличьему кругу“ придали характеръ и организацію „казачьяго круга“; организаціи разбойничьей по преимуществу. У каликъ оказался свой „атаманъ“, съ которымъ они „думаютъ думушку“. На сходкахъ своихъ они собираются „въ единый кругъ“, милостыню дѣлятъ, какъ „дуванъ“, поровну. Представленіе каликъ—казачьимъ кругомъ слило ихъ вообще съ „вольницей“ и повліяло на контаминацію каличьихъ и казацкихъ пѣсенъ [1]).

[1]) Илья Муромецъ является и каликой, удивляющимъ кабацкихъ голей, и атаманомъ рѣчной вольницы на кораблѣ, съ „мутнымъ окомъ“.

Итакъ—типъ калики-странника выдѣляется изъ смѣси старинныхъ красокъ, имѣетъ много сходнаго съ исторической дѣйствительностью и представляется списаннымъ съ натуры.

Пѣсенныя черты этого типа — опредѣленны. Гораздо затушеваннѣе другой типъ калики, вполнѣ отличный отъ перваго.

Прежде всего у этого второго типа своеобразна „крута каличья“. Когда въ старинахъ (нерѣдко) богатыри, чтобы не быть узнанными, принимаютъ видъ желаннаго всюду калики, то они берутъ у него одежду. Отчасти послѣдняя — обычный покрутъ странника: въ старинахъ о Михаилѣ Потыкѣ богатыри

631. Крутилиси было они каликамы,
Обували они лапти было липовы,
Надѣвали они платьица нецвѣтныи... (Г. 6)

239. Сокрутились они въ платье вѣдь нищенское,
Надѣвали себи трои они подсумки... (Г. 39)

Но гораздо чаще калика, съ которымъ они мѣняются одеждой, по своему покруту является человѣкомъ, обладающимъ непомѣрной физической силой. Съ особенной подробностью описываютъ старины покрутъ Старчища-пилигримища, одного изъ главныхъ персонажей Пѣсни о разгромѣ Новгорода:

181. Старчище пилигримище сокручается,
Сокручается онъ, снаряжается
Къ своему ко крестнику любимому:
Одѣваетъ Старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ. (Р. I, 56).

Варіанты даютъ интересныя указанія, какъ постепенно гиперболизировался этотъ богатырскій покрутъ въ сознаніи сказателей. Старина Р. I, 56 даетъ пока сходный съ предыдущимъ образъ:

181. Старчище Пилигримище сокручается....
184. Одѣваетъ Старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ.

Въ дальнѣйшихъ переработкахъ колпакъ выростаетъ въ колоколъ:

96. Его дядька, крестный батюшко,
Тутъ сорвалъ онъ колоколъ девяносто пудъ,
Надѣлъ онъ себѣ на головушку. (Р. II, 32).

Образъ колокола понравился, и вѣсъ его сталъ увеличиваться: въ 300, 500, 1000 и болѣе пудовъ:

92. Онъ клалъ на свою голову колоколъ монастырскіи,
Который колоколъ былъ вѣсу ровно три тысячи.
Онъ идетъ-де колокольнымъ языкомъ подпирается,
Тутъ калиновъ мостъ да подгибается. (Г. 259).

Въ старинахъ Р. III, 39 и Г. 141 колоколу дано еще болѣе яркое опредѣленіе: у Старчища, оказывается, „надѣтъ на голову Софеинъ большой колоколъ“.

Увлекаясь подобнымъ описаніемъ, нѣкоторые пересказы забываютъ основной обликъ этого Старчища и рисуетъ его въ видѣ насильника-богатыря:

85. Поскочилъ его дядька—крестный батюшко
Енъ на ту башну дай колокольнюю,
Енъ сорвалъ колоколъ до девяносто пудъ,
Надѣлъ онъ себѣ на головушку,
Идетъ то онъ на Обуховъ мостъ,
Колокольнымъ языкомъ то онъ подпирается,
Обуховъ мостъ да нагибается. (Г. 103; см. Р. II, 32).

Старины преимущественно сосредоточиваются на изображеніи этихъ клюки-посоха и шапки. Вездѣ старательно отмѣчена ихъ неимовѣрная тяжесть. Колоколъ именно замѣнилъ тяжеловѣсный колпакъ калики, измѣряемый постоянно десятками пудовъ; языкъ колокольный, которымъ подпирается калика, въ свою очередь, является замѣной шелепуги подорожной, которая „вѣсомъ тридцати пудовъ“, да „въ пятьдесятъ пудовъ налита свинцу чебурацкаго“.

Таковъ видъ этого калики,—„мужичища клячища“, настолько сильнаго физически, что когда „онъ идетъ подпирается, подъ нимъ мать сыра земля подгибается“, какъ подъ Святогоромъ. Эту мощь прекрасно оцѣниваютъ богатыри, если доведется имъ встрѣтиться съ подобнымъ каликой, богатырскій покрутъ послѣдняго служитъ для нихъ заманчивымъ вооруженіемъ.

Этотъ типъ сильнаго, могучаго калики, разбитый въ многочисленныхъ сюжетахъ и варіантахъ, ярче и концентрированнѣе сохраненъ пересказами старинъ: 1) о Васильѣ Буслаевѣ, въ лицѣ Старчища-пилигримища, въ Пѣснѣ о разгромѣ Новгорода и 2) въ старинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ, въ лицѣ каличища Иванища [1]).

Варіанты, согласно передавая богатырскій покрутъ этихъ каликъ, вездѣ отмѣчаютъ оригинальную особенность ихъ характера. Богатырь-калика, часто превосходящій своей силой рядовыхъ богатырей, нигдѣ не изображается старинами прибѣгающимъ къ этой силѣ; больше того—онъ подчасъ проявляетъ такое смиреніе, что, съ точки зрѣнія обыкновеннаго богатыря, навлекаетъ на себя обвиненіе въ трусости. Когда Илья Муромецъ встрѣтилъ идущаго изъ Кіева калику, послѣдній сообщилъ ему, что Идолище обнасильничалъ городъ. Калика ушелъ отъ зла; вступить въ бой съ нахвальщикомъ онъ не рѣшился, ему въ голову не пришло этого. Илья поэтому бросаетъ Иванищу горькій упрекъ:

Есть въ тебѣ, Иванище, силы два меня,
А нѣтъ въ тебѣ смѣлости полъ-меня. (обыкновенно)

Въ старинѣ Р. III, 7, этотъ отвѣтъ Ильи Муромца изложенъ полнѣе:

27. Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
Молодца въ тебѣ въ два меня,
И силы то у тебя въ три меня,
А смѣлости нѣтъ и въ полъ-меня.

Миролюбіе и смиреніе такого калики проведено дальше. Онъ отказывается отъ всякой драки, не противится никакому насилію. Тотъ же Илья Муромецъ предложилъ каликѣ помѣняться съ собой платьемъ, расчитывая получить клюху въ девяносто пудъ. Каличище на первыхъ порахъ не согласился. Тогда Илья предложилъ ему вступить съ нимъ въ бой. Отъ такого предложенія каличище отказался уже „въ сердцахъ“:

47. Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше головы,

---

[1]). См. для послѣдняго старины: Р. I. 15, 17: III, 9; Г. 48, 144, 196, 245.

Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище, заворыдалъ. (Р. I. 15).

Въ поступкахъ каликъ этой категоріи замѣчается стремленіе дѣйствовать на зло и насиліе убѣжденіемъ, чисто нравственной стороною. Въ этомъ смыслѣ придется опредѣлять всѣ перипетіи эпизода встрѣчи Василія Буслаева со своимъ крестнымъ отцомъ, который, стоя передъ разбушевавшимся удальцомъ въ богатырскомъ покрутѣ, обращается къ нему не съ оружіемъ въ рукахъ, а со словами увѣщанія и легкаго укора. Самый фактъ выхода старчища противъ такого разбойника, какимъ обрисованъ въ пѣснѣ Василій Буслаевъ, исключаетъ возможность обвиненія перваго въ трусости: старчище смѣло идетъ на погибель, считая, однако, возможнымъ подѣйствовать на героя увѣщаніемъ.

Полагаю, что представленіе старинами типа калики-богатыря, обладающаго на ряду съ непомѣрной силой, миролюбіемъ, кротостью и извѣстной твердостью духа, явилось подъ вліяніемъ широко распространеннаго на Руси юродства.

Расцвѣтъ послѣдняго нужно относить къ XVI вѣку. Въ то время, какъ общій мѣсяцесловъ православной церкви насчитывалъ въ теченіе первыхъ пяти вѣковъ христіанской эры лишь четырехъ юродивыхъ, въ Россіи за 300 лѣтъ, съ XIV по XVI вѣкъ, появилось до 10 канонизованныхъ юродивыхъ, не считая другихъ, не зарегистрованныхъ, однако народомъ почитаемыхъ въ равной степени за святыхъ. Что прежде всего поражало въ юродивыхъ, такъ это—ихъ выносливость, предполагающая громадную силу, и полное презрѣніе къ физическимъ лишеніямъ. Они могли, напр., простаивать босыми ногами зимой на паперти, причемъ ноги примерзали къ желѣзнымъ плитамъ пола (Исаакій Печерскій), ходить въ лютые морозы въ одной рубашкѣ, нося на тѣлѣ тяжелыя, чугунныя вериги (Василій Блаженный), надѣвать на голову вмѣсто шапки тяжеловѣсный металлическій колпакъ (Іоаннъ юродивый, по прозванію Большой Колпакъ), подпираться тяжелой желѣзной клюкою, спать на гноищѣ (Прокопій Устюжскій). Это стремленіе отказаться отъ всѣхъ удобствъ и выгодъ обычной жизни поражало и народныя массы и общество (и самого царя Ивана Грознаго), и въ юродивыхъ видѣли присут-

ствіе нездѣшней силы. Еще болѣе увеличивалось представленіе о сверхъестественной силѣ ввиду наличности въ юродивыхъ смѣлости, способности говорить правду въ глаза людямъ сильнымъ и властнымъ, обличать пороки и несправедливость. Юродивый Никола Салосъ не убоялся подать Ивану Грозному кусокъ окровавленнаго мяса постомъ, символизируя этимъ ненасытную кровожадность царя; Василій Блаженный рѣзко обличалъ темныя стороны и неправды духовенства; Іоаннъ Московскій въ лицо укорялъ Бориса Годунова въ убійствѣ царевича Дмитрія. Эти сила и смѣлость окружали юродивыхъ ореоломъ святости.

Тотъ же XVI вѣкъ былъ и наиболѣе интенсивнымъ по прославленію юродивыхъ. Ко второй половинѣ его на Руси уже было воздвигнуто много храмовъ, гдѣ покоились мощи прославленныхъ блаженныхъ. Каждый городъ считалъ долгомъ почитать какого-либо своего юродиваго: Новгородъ чтилъ Николу Качанова, Ѳедора Новгородскаго, Михаила Клопскаго, Іакова Боровицкаго; Устюгъ Великій—Прокопія и Іоанна Устюжскихъ; Москва—Максима, Василія и Іоанна; Псковъ—Николу Салоса. Всѣмъ этимъ святымъ въ свое время были составлены житія, вокругъ нихъ группировались легенды, разсказы о чудесахъ при жизни и по смерти. Эти разсказы должны были вліять и на поэзію.

Самый терминъ „уродъ“ извѣстенъ еще изъ Кіево-Печерскаго Патерика: Исаакій „поча по міру ходити, уродомъ ся творя“. Это слово служило для перевода греческихъ: σαλός и μωρός. Слова „юродъ, юродивый“ вполнѣ извѣстны и поэзіи. Въ старинахъ о Хотѣнѣ вдова Часовая такъ аттестуетъ сына матери: „Хотѣнъ ходитъ по городу, уродуетъ, ищетъ гдѣ упалаго зерничка, чѣмъ бы голова пропитать“. Ославить Хотѣна юродивымъ—тонко отточенная колкость въ этой ссорѣ на пиру двухъ боярынь, потому что отъ юродивыхъ настоящихъ въ XVI вѣкѣ строго отличались подражающіе имъ шарлатаны, „лжеюродивые“, которыхъ презирали и наказывали. Иванъ IV говорилъ на Стоглавомъ соборѣ: „Лживые пророки, мужики, и женки, и дѣвки, и старыя бабы бѣгаютъ изъ села въ село, нагіе и босые, съ распущенными волосами, трясутся и бьются и кричатъ: св. Анастасія и св. Пятница велятъ имъ“. Извѣстно для конца XVII вѣка, что такихъ

мнимыхъ юродивыхъ изымали изъ общества и поселяли въ отдаленныхъ монастыряхъ, гдѣ они должны были заниматься работой.

Итакъ—второй типъ стариннаго калики отражаетъ на себѣ черты сѣверо-великорусскаго юродства, развившагося особенно въ XVI вѣкѣ. Среди каликъ-странниковъ находились калики-юроды; юродивый и странникъ до сихъ поръ мало отдѣлимы, поэтому оба вышеупомянутыхъ типа могли смѣшиваться въ воспоминаніяхъ передатчиковъ-сказателей, которые переносили краски съ одного изображенія на другое. Отсюда понятно, почему въ современныхъ пересказахъ встрѣчаются описанія, въ которыхъ переплетены типическія черты калики-странника и калики-юродиваго. Съ другой стороны—вериги, посохъ, тяжелая шапка закрѣпляли за юродивыми не столько представленіе о нравственной силѣ ихъ подвига, сколько вызывали въ окружающихъ удивленіе передъ выносливостью и силой. Отсюда къ легкому покруту калики-странника присоединились указанія на тяжесть одѣянія, которую впору носить только богатырямъ. Самый голосъ просящихъ милостыню каликъ сталъ зычнымъ, какъ у богатырей-насильниковъ. Калики, разыскивающіе Михайла Потыка, пробуютъ крикнуть: съ того крику

672. Теремки у нихъ да пошатилиси,
Околенки у нихъ да повалилиси. (Р. I. 6).

Правда, здѣсь каликами переодѣлись богатыри, но зычный, богатырскій голосъ весьма часто прилагается къ каликамъ собственно, именно при описаніи просьбы милостыни. Отъ ихъ настоятельныхъ воззваній также колеблются верхи теремовъ, разсыпаются околенки. Таково наиболѣе полное выраженіе формулы въ старинѣ о 40 каликахъ:

Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Владимиръ князь стольно-кіевскій!
Дай ка намъ, каликамъ, милостыню,
Не рублемъ беремъ мы и не полтиною,
Беремъ то мы цѣлыми тысячами.
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,

Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали.

Этотъ окрикъ, напоминающій соотвѣтствующій Соловья Разбойника, прилагается къ каликамъ-странникамъ, изображеннымъ иногда слѣпцами.

Процессъ смѣшенія красокъ не ограничился только этимъ переносомъ на каликъ-странниковъ буквально понятой силы юродства. Онъ выразился еще въ своеобразномъ измѣненіи изображенія каличьяго покрута, измѣненіи, явившемся, несомнѣнно, дальнѣйшимъ развитіемъ облика калики-юродиваго.

Если калики-странники, богомольцы, были людьми желанными, какъ пріобщившіеся въ извѣстной степени благодати святыхъ мѣстъ, то калики-юродивые представлялись людьми вполнѣ святыми. Частью они, какъ сказано, были канонизованы, частью прославлялись мѣстно.

Поэтому изображаемые старинами калики юродивые или связывались такъ или иначе съ монастырями (Старчище-Пилигримище, крестный отецъ Василья, выходитъ изъ „монастыря“ или „пустыни“; Данила Игнатьевичъ изображается богатыремъ-инокомъ), или въ среду ихъ зашли популярные святые православной церкви. Особенно часто упоминается въ видѣ калики—Св. Николай (въ старинахъ о Садкѣ, Михаилѣ Потыкѣ), Касьянъ (старина 40 каликъ со каликою), затѣмъ апостолы и Христосъ (въ старинахъ, гдѣ говорится объ исцѣленіи Ильи Муромца). Дѣятельность этихъ каликъ-святыхъ понимается такъ же, какъ и въ житіяхъ: подвиги, которые они совершаютъ, являются, въ сущности, рядомъ чудесъ.

Какъ святые, такъ и юродивые, почитаемые за святыхъ, привлекли въ старины новыя краски для изображенія своихъ внѣшности и покрута. Краски эти находятся по прежнему въ смѣшеніи съ другими, но выдѣляемы, такъ какъ восходятъ къ матеріалу, который даетъ иконографія.

Послѣдняя отразилась прежде всего на изображеніи облика такого калики. Неизвѣстный старецъ, пришедшій „съ другой стороны, другой розстани“ на помощь богатырямъ, отыскива-

ющимъ своего крестоваго брата Михаила Потыка; съ виду описывается постоянно такъ:

Старая калика, сѣдатая,
Сѣдатая, сама плѣшатая.

Этотъ обликъ напоминаетъ обычное иконописное изображеніе Св. Николая (которымъ, кстати, и оказывается этотъ помогающій богатырямъ калика). Уже А. И. Кирпичниковымъ [1]) было отмѣчено вліяніе иконографіи на пѣсенныя описанія. Внѣшній обликъ Егорія Храбраго, родившагося „по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, по локоть руки въ красномъ золотѣ, голова у Егорія вся жемчужная, по всему Егорью частыя звѣзды“ напоминалъ изслѣдователю не чудесную, миѳологически-сказочную фигуру, а простое перенесеніе иконы св. Георгія въ пѣсню. Подобной цвѣтистости, прибавлю, не чужды были и житія. Такъ, напримѣръ, въ житіи Сергія говорится: „Во утробѣ младенецъ, яко сокровище многоцѣнное, и яко драгій камень, и яко чудный бисеръ, и яко сосудъ избранъ“.

Иконографія изображаетъ юродивыхъ двояко. Частью они рисуются или нагими, (борода—единственная одежда), или въ худомъ вретищѣ, еле покрывающемъ тѣло. Этотъ обликъ я вижу въ слѣдующемъ описаніи калики-странника:

Идетъ калика перехожая,
Болахонишко одѣто—веретеномъ тряхнуть,
Татавурищемъ онъ подпоясался,
Лапотцы на ножкахъ ево липовы,
Бородушка у старово сѣдехонька,
Головушка у старово на убѣлъ бѣла.

Частью подлинники отступаютъ отъ этой простоты рисунка. Иконописный подлинникъ изображаетъ юродиваго Іоанна Большой колпакъ (умеръ въ 1589) слѣдующимъ образомъ: „подобіемъ старообразенъ, брада не велика, едва мало знать; главою плѣшивъ, лицомъ морщиноватъ; власы русы, назадъ свалилися; свита празеленая, пуговицы до подолу; въ лѣвой рукѣ клюка и колпакъ великъ; ноги босы“. Вериги его—„колпакъ тяжелый, кольца и пер-

[1]) Въ книгѣ „Св. Георгій и Егорій храбрый“. Спб. 1879. Стр. 158.

стни мѣдные". Еще пестрѣе и сложнѣе иконописное изображеніе юродиваго Николы Качанова. На немъ: „пунцовая шуба съ золотымъ гасомъ и круглымъ лежачимъ воротникомъ: подъ ней хитонъ голубой; на ногахъ обувь; подобіемъ сѣдъ власы, главою плѣшивъ". Лаврентій Калужскій изображается нагимъ, но въ шубѣ: „нагъ весь, шуба на плечахъ, сѣкира на длинномъ древкѣ". Въ „Чудесахъ Св. Николая" упоминается, какъ одежда, „свиты срачинскія" [1]).

Золото, серебро, дорогія каменья—эти яркія краски иконописныхъ подлинниковъ (и самихъ иконъ) попали въ старинныя изображенія, гдѣ, такимъ образомъ, наряду 1) съ простымъ покрутомъ калики-странника и 2) богатырской сбруей калики-юродиваго съ колоколомъ-колпакомъ и клюкою—встрѣчаются описаніи необычайной цвѣтистости каличьей одежды. Приведу наиболѣе полное описаніе:

Пошли они,—котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго
И повышиты краснымъ золотомъ
И повысажены скатнымъ жемчугомъ.
У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки турецъ-сафьянъ,
А не простого сафьяну—заморскаго;
На головушкахъ шляпы земли греческой,
А клюшка у калѣкъ—тѣхъ рыбья кость...

Иначе:

Лапотки на нихъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Въ носу вплетено по камешку по яфанту...
Гуня ты на нихъ да сорочинскіи.

Занесшія съ иконъ эти описанія, являющіяся дальнѣйшей разработкой облика юродиваго-святого, мало прикрѣплены къ опредѣленнымъ персонажамъ и, такъ сказать, кочуютъ по пѣснямъ.

---

[1]) См. выдержки изъ иконописныхъ подлинниковъ, приведенныя у о. І. Ковалевскаго: Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые. М. 1902.

Отсюда получается то, напр., что шапка земли греческой, лапотки семи шелковъ со вставленнымъ камнемъ яхонтомъ зовутся „платьицемъ нищимъ“, „старческимъ“ (Р. II, 52; Г. 23); калика-странникъ, съ заморскаго бархата котомкой, съ турецкими сафьяными сапожками вооруженъ клюкой въ десятки пудовъ вѣсомъ. Такой калика, собираясь отдохнуть, разуваетъ „лапотки шелковые“ и втыкаетъ свою клюшку волжанку въ землю такъ, что „уходила та клюшка до коковочки“.

Во всякомъ случаѣ въ подобномъ смѣшеніи красокъ возможно разобраться. Поэтому пѣсенный обликъ калики можно считать восходящимъ къ указаннымъ выше основнымъ типамъ: 1) Калики-странника, царскаго богомольца, члена нищей братіи—каличьей ватаги. Тѣ перипетіи, которыя пережилъ этотъ институтъ каличества: смѣна прежняго строго-религіознаго міросозерцанія на безпечальную жизнь, вторженіе людей сомнительной репутаціи въ среду каликъ, правительственныя гоненія на подобныя ватаги—все это нашло себѣ выраженіе въ старинахъ не только въ сохраненіи внѣшнихъ бытовыхъ подробностей, но и въ обработкѣ нѣкоторыхъ сюжетовъ.

2) Второй типъ—калики юродиваго отразилъ въ себѣ широко распространенное юродство, поражавшее современниковъ наличностью у такихъ блаженныхъ физической и нравственной силы. И этотъ типъ изображенъ старинами согласно исторической дѣйствительности. Признаніе церковью нѣкоторыхъ юродивыхъ за святыхъ, почитаніе таковыми же неканонизованныхъ со стороны широкихъ круговъ общества не только заставили пѣсни притянуть къ изображенію этого типа краски изъ иконописныхъ подлинниковъ, но и выставлять этотъ типъ всякій разъ, когда требовалось вывести лицо, во всѣхъ отношеніяхъ уважаемое, у котораго духовное начало поставлено выше матеріальнаго. Непомѣрная сила его—сила убѣжденія и смѣлости, способность смотрѣть прямо въ глаза опасности.

Этотъ типъ въ образѣ Старчища-пилигримища намѣренно изображенъ Пѣсней о разгромѣ Новгорода.

Встрѣча Василія Буслаева со Старчищемъ-пилигримищемъ принадлежитъ къ такимъ мѣстамъ основной пѣсни, которыя были

предметомъ особаго вниманія передатчиковъ и подвергались наибольшей переработкѣ въ теченіе дальнѣйшей жизни пѣсни.

Встрѣча эта обыкновенно происходитъ до общаго боя новгородцевъ съ Васильемъ: спѣша на выручку дружинѣ, которую порядкомъ побили мужики новгородскіе, Василій долженъ былъ „бѣжать по улицамъ“. Такая встрѣча вполнѣ естественна.

Въ старинѣ Р. I. 55 находится уже разработка этого эпизода. Василій встрѣчается со старцемъ во время драки, причемъ сначала попадается ему „крестовый братъ“, который говоритъ:

266. Ай же ты, мой крестовый брателко,
Молодой курень не попархивай,
На своего крестоваго брата не наскакивай!
Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты:
Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ,
И нынь то я надъ тобой буду большій братъ.
Говоритъ Василій таковы слова:
Ай же ты, мой крестовый брателко!
Тебя ли чортъ несетъ на встрѣчу мнѣ!
А у насъ то вѣдь дѣло дѣется:
Головамы, братецъ, играемся.

Видя же, что братъ „ладитъ“ шалыгой хватить его въ буйну голову, Василій съ одного удара его убиваетъ. Далѣе на мосту—вторая встрѣча: идетъ „крестный батюшка, Старчище—пилигримище“:

292. Говоритъ Старчище—пилигримище:
Ай же ты, мое чаделко крестовое,
Молодой курень не попархивай,
На своего крестоваго батюшка не наскакивай!
И возговоритъ Василій Буслаевичъ:
Ай же ты, мой крестовый батюшка!
Тебя ли чортъ несетъ во той поры
На своего на любимаго крестничка!
А у насъ то вѣдь дѣло дѣется,
Головамы, батюшка, играемся.

Его онъ убиваетъ со второго удара. Яркій примѣръ эпическаго повторенія: понравившійся эпизодъ пересказанъ дважды въ

однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Раздвоившаяся личность старчища, тѣмъ не менѣе, не понята, и ему приписаны враждебныя намѣренія: онъ (крестовый брателко) собирается первый ударить Василья. Подробность неорганичная, такъ какъ другіе пересказы ограничиваются лишь вразумительной рѣчью старца. Ср. въ варіантѣ Кирши: „побѣжалъ Василеи по Нову городу, по темъ по широким улицамъ: стоитъ тут старецъ пилигримишша, на могучихъ плечахъ держитъ колокол. а вѣсомъ тот колоколъ во триста пудъ. Кричитъ тот старецъ пилигримишша: А стои ты, Васка, не попорхиваи, молоды глуздырь не полетываи, із Волхова воды не выпити, во Нове граде людеи не выбити, есть молодцевъ сопротивъ тебѣ, стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ“. Эту образную, иносказательную укоризну сохранило большинство варіантовъ.

Встрѣча со старцемъ во время боя имѣетъ мѣсто еще въ старинѣ Р. II, 33, но здѣсь Василій не убиваетъ, а щадитъ крестнаго отца: „убить, не найти спасенія“ говоритъ онъ устами сказателя.

Нѣкоторые варіанты, каковы напримѣръ: Г. 44 съ полузабытымъ содержаніемъ пѣсни, отличающійся къ тому же позднѣйшими наслоеніями, Р. I, 56—выставляющій Василья единственно какъ пьянаго и задорнаго новгородца, Р. II, 33, записанный отъ калики и отмѣчающій вышеуказанное состраданіе по отношенію къ старцу, затѣмъ почти совсѣмъ забывшій нить разсказа Р. I, 57 (=Г. 54) и, наконецъ, локализовавшій дѣйствіе старины въ Кіевѣ—Г. 259, т. е. варіанты явно уклонившіеся отъ основного содержанія, вводятъ въ разбираемый эпизодъ такую подробность. Видя, что не одолѣть имъ Василья съ дружиной, мужики новгородскіе, прежде чѣмъ обратиться къ матери, отправляются „въ монастырь“ за старчищемъ въ надеждѣ, не воздѣйствуетъ ли онъ на насильника. Старецъ гибнетъ, и тогда уже новгородцы отправляютъ дары матери и просятъ унять сына.

Подробность эта лишняя; она явилась, какъ результатъ осложненія эпизода. Интересно въ ней только то, что типъ старца и сказателями понимался прежде всего какъ носителя увѣщательнаго слова, смѣлаго духомъ, а не силою.

Процессъ осложненія замѣчается еще въ старинѣ P, I. 56: „князья новгородскіе“ обращаются къ матери, чтобы она укротила сына. Та отказывается, но, говоритъ:

162. Есть у моего чада милаго
Во томъ во монастырѣ во Сергѣевомъ
Крестовый его батюшка, Старчище пилигримище.
Имѣетъ силу нарочитую,
Попросите, князья новгородскіе,
Не можетъ ли унять мое чадо милое.

Старецъ монастыря Сергѣева сокручается, выходитъ навстрѣчу Василью, но погибаетъ. Тогда „князья новгородскіе“ снова обращаются къ матери съ просьбой: та, въ свою очередь окрутившись богатыршей (подъ вліяніемъ предыдущаго описанія покрута старца), останавливаетъ Василья.

И. Ждановъ [1]) говоритъ, что обиліе варіантовъ въ эпизодѣ столкновенія Василья со старцемъ даетъ поводъ предполагать, что въ рядѣ измѣненій долженъ былъ затеряться первоначальный смыслъ разсказа. Не было ли, продолжаетъ изслѣдователь, какого либо особаго эпизода о столкновеніи со старцемъ, лишь впослѣдствіи вставленнаго въ общую картину боя. Иными словами—не слиты ли здѣсь два кровавыя дѣла Василья: убійство наставника и убійство какого-то пилигрима?

Смыслъ разсказа, дѣйствительно, затерялся, но онъ возстановляемъ изъ сличенія варіантовъ. Существованіе двухъ отдѣльныхъ пѣсенъ о двухъ кровавыхъ дѣлахъ Василья—сомнительно. Процессъ эпическаго повторенія, вызвавшій на ряду съ образомъ крестоваго батюшки основной пѣсни еще образъ крестоваго брата, съ которымъ Василій ведетъ бесѣду и обходится совершенно такъ же, какъ и съ первымъ, убѣждаютъ въ позднѣйшей дифференціаціи. Выдѣлять же весь эпизодъ встрѣчи съ Старчищемъ въ отдѣльную пѣсню не имѣетъ смысла: онъ безраздѣльно слитъ съ общимъ повѣствованіемъ, разрабатывающимъ, между прочимъ, характеристику героя. Глумленіе надъ старцемъ и убіеніе его не противорѣчатъ общему рисунку характера Василья, а еще болѣе

[1]) О. с. стр. 222—223.

его оттѣняютъ. Къ чертамъ ярости, запальчивости и жестокости прибавлена новая—кощунственное глумленіе надъ жертвами, безъ разбора, будь то лицо духовное, учительное. Если разгромъ Новгорода является слѣдствіемъ расцвѣтшаго еще въ дѣтствѣ буйства, то убійство лица уважаемаго въ особомъ смыслѣ дорисовываетъ не вѣрившаго „ни въ сонъ ни въ чохъ“ Василья.

Глумится Василій надъ старцемъ, котораго всѣ пересказы ставятъ въ связь съ монастырскимъ обиходомъ и изображаютъ въ томъ особомъ покрутѣ, который свойствененъ очень немногимъ стариннымъ персонажамъ и восходитъ къ облику юродиваго. Въ основной пѣснѣ этотъ старецъ представлялъ нѣчто болѣе опредѣленное, чѣмъ въ позднѣйшихъ пересказахъ. Послѣдніе однако не забыли, что весь этотъ эпизодъ встрѣчи въ сущности—большой грѣхъ Василья. Вотъ почему на весь эпизодъ было обращено особое вниманіе, онъ подновлялся, осложнялся, становился даже центромъ пересказа.

Отмѣчу, какъ примѣръ подобнаго перенесенія центра, двѣ старины (Кир. V, 1 и 2), записанныя въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Онѣ сходны между собою; обѣ въ сжатомъ видѣ передаютъ обычное содержаніе пѣсни, главнымъ же образомъ разрабатываютъ эпизодъ встрѣчи.

Повѣствованіе начинается съ того, какъ Василій набираетъ себѣ дружину. Дальнѣйшій разсказъ совпадаютъ съ обычнымъ планомъ, но, какъ я говорю, сокращенъ, кромѣ того движеніе его замедляется широкимъ употребленіемъ эпическихъ пріемовъ [1]). Въ эпизодѣ встрѣчи со старцемъ разсказъ начинаетъ развиваться самостоятельно. Василій, сидя въ погребѣ, самъ „учулъ говорю похульную“, т.-е. до него дошелъ компрометирующій слухъ, что его дружина побита. Онъ вышибъ двери узилища и съ осью телѣжной бросился на выручку. Навстрѣчу ему сначала попадается крестовый брателко:

---

[1]) Примѣръ ретардаціи въ старинѣ № 2: во дворъ къ Василью приходитъ первый дружинникъ, пьетъ чару единымъ духомъ, выдерживаетъ ударъ вязомъ по головѣ. За это Василій называетъ его: „Будь ты мнѣ милый другъ, милый другъ да и названый братъ“. То же самое, въ тѣхъ же выраженіяхъ повторяется при испытаніи другого молодца. (Ст. 65—100).

125. На головѣ держитъ мѣдный колоколъ,
Не величекъ колоколъ—девяносто пудъ.
Засвѣтилъ Васька въ мѣдный колоколъ,
Разбилъ колоколъ въ мелко жеребье.

Далѣе встрѣчаетъ онъ крестнаго отца, старчища Игнатьища. Эпическое повтореніе здѣсь снова на лицо потому, что пересказъ разрабатываетъ понравившійся мотивъ. Игнатьище начинаетъ увѣщевать и укорять Василья. Тотъ разражается потокомъ ругательствъ:

142. Не корись ты, старая шлея бросовая,
Не корись ты, корзина дертюжная,
Дертюжная корзина, вѣковалая!
Колько я тебя крестнымъ не называлъ,
На вѣку ты мнѣ яичка не давывалъ.
Вотъ тебѣ красное яичко—Христосъ воскресъ!

Съ этими словами ударилъ въ колоколъ осью, разбилъ его на мелкіе куски. Поношеніе старца разработано здѣсь какъ правильно понятый мотивъ кощунства Василія. Обычно другіе варіанты передаютъ этотъ отвѣтъ коротко и не совсѣмъ ясно. Василій неожиданно заявляетъ старцу: „не далъ я ти яичка о Христовомъ дни, дамъ тебѣ яичко о Петровомъ дни“, пародируя существующую подобную пословицу. Христовъ и Петровъ дни здѣсь, конечно, не хронологическое указаніе: Василій свой ударъ примѣняетъ къ крѣпкому цѣлованію о Христѣ, т.-е. еще болѣе выставляется кощунственно настроеннымъ.

Добивъ старца, Василій не унимается: „граетъ надъ тѣломъ“:

154. Лежи ты здѣсь, сучище облѣзлое,
Вотъ тебѣ яичко—Христосъ воскресъ!

Этимъ заканчивается старина № 1. Для нея не интересно, выиграетъ ли закладъ Василій, покоритъ ли новгородцевъ; она опускаетъ также разсказъ объ участіи дѣвки чернавки, сосредоточивая вниманіе лишь на разобранномъ эпизодѣ.

Обрывается на немъ и старина № 2; только она надругательства надъ старцемъ передаетъ сокращеннѣй. Василій своего крестнаго батюшку

181. Застегнулъ осью желѣзною,

На единый разъ грязью сдѣлалъ.

Какъ бы ни былъ разработанъ по варіантамъ эпизодъ встрѣчи, онъ сохраняетъ отъ основной пѣсни представленіе старца лицомъ духовнымъ, почитаемымъ какъ юродивый въ высокомъ смыслѣ этого слова, а Василья—человѣкомъ кощунственнымъ, надругающимся надъ старчищемъ и, послѣ истязаній, убивающимъ его. Для усиленія факта безбожнаго убійства старины называютъ этого старца еще—крестнымъ отцомъ Василья, а убить крестнаго отца все равно, что родного. Эта подробность—лишняя и явилась послѣ того, какъ было забыто символическое значеніе старца.

Причина появленія и разработки этого эпизода въ Пѣснѣ о разгромѣ Новгорода понятна, такъ какъ самый походъ Ивана Грознаго на Новгородъ былъ вызванъ, какъ свидѣтельствуетъ рядъ писателей, опалой на духовенство, въ частности на архіепископа Пимена. Отличительнымъ качествомъ царя и его дружины-опричнины было, выражаясь словами пѣсни, то, что они не вѣрили „ни въ сонъ ни въ чохъ“, т. е. подъ видимымъ богопочтеніемъ были и суевѣрны и въ то же время невѣрующи. Отношеніе Василья къ старчищу символически передаетъ 1) отношеніе Ивана къ духовенству вообще и 2) къ новгородскому—въ частности. Если это отношеніе выражено встрѣчей Василья съ юродивымъ, то и вышеприведеннымъ разсказомъ Hoff'a о псковскомъ юродивомъ Николѣ положенъ яркій штрихъ, заключающій новгородско-псковскій разгромъ.

Иванъ Грозный, дѣйствительно, жестоко поступалъ съ духовными лицами. Разсказывая о погубленіи Колычевыхъ, близкихъ родичей митрополита Филиппа, кн. А. Курбскій передаетъ, какъ царь „со всѣми кромѣшниками своими, яко воистину бѣсный съ неистовящимися, со всѣмъ онымъ полкомъ діавольскимъ, всѣ велегласно возопивше, яко на брани супостатовъ... всѣми уздами конскою скоростію расторганныхъ тѣлесъ христіанскихъ зрѣти поскочиша“. Расторганныя тѣлеса явились результатомъ хитроумной пытки, придуманной царемъ Иваномъ: казнимыхъ привязывали къ бревну въ срубѣ, подсыпали пороху и взрывали. Этотъ способъ казни и былъ тѣмъ, что въ лѣтописяхъ называлось „поджаромъ“. Къ такому бревну былъ привязанъ и Колы-

чевъ, но взрывомъ былъ лишь выброшенъ, даже не раненъ. Его нашелъ одинъ изъ опричниковъ и обезглавилъ, а царь Иванъ приказалъ защитую въ мѣхъ голову отослать къ митрополиту со словами: „Се сроднаго твоего глава! Не помогли ему твои чары".

Еще болѣе язвительной насмѣшки по отношенію къ духовнымъ лицамъ передано кн. А. Курбскимъ въ разсказѣ объ убіеніи Никиты Казаринова, который, чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ преслѣдованій, постригся въ одномъ изъ монастырей на Окѣ. „Егда ж посланные от мучителя кромѣшники начаша пытатися о немъ, онъ же, послѣдующе Христу своему, уготовался, сирѣчь принявши святыя тайны, изыде во срѣтеніе симъ и рече со дерзновеніемъ: Азъ есмь, его ж ищете.—Они ж яша и приведоша его связанна предъ него (царя) въ кровопійственный градъ, глаголемый Слободу. Звѣрь же словесный, егда узрѣлъ его во ангельскомъ чину, абіе возопилъ, *яко сущій ругатель тайнамъ христіанскимъ:* Онъ, рече, ангелъ, подобаетъ ему на небо взлетѣти!"—и взорвалъ его на поджарѣ. Это своеобразно юмористическое обращеніе съ инокомъ очень напоминаетъ, какъ Василій „похристосовался" со старцемъ.

Кн. А. Курбскій приводитъ цѣлый синодикъ убитаго царемъ духовенства, причемъ пытки сопровождались всегда издѣвательствомъ. Достаточно было вызвать хоть малѣйшее подозрѣніе, чтобы то или иное духовное лицо, будь то самъ митрополитъ [1]), были убиваемы по навѣту опричнины. Такъ погибъ епископъ казанскій Германъ, который попробовалъ было въ краткой рѣчи увѣщевать царя, но получилъ такой отвѣтъ: „Еще и на митрополію не возведенъ еси, а уже мя неволею обвязуешь!"

Приведеннаго, думаю, достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что пѣсенная характеристика Василья, какъ лица, склоннаго къ кощунству и жестокаго къ лицамъ духовнымъ, совпадаетъ съ исторической характеристикой Ивана Грознаго. Пѣсня о разгромѣ Новгорода, кромѣ того, передаетъ конкретный случай: убійство старца, почитаемаго въ самомъ Новгородѣ. Этотъ ста-

[1]) Hoff приводитъ цѣлый разсказъ объ убіеніи Филиппа митрополита.

рецъ могъ символизировать вообще новгородскую церковь, съ которой такъ жестоко расправился Грозный, или отразить собою самого владыку Пимена, съ которымъ, по свидѣтельству Hoff'a, царь поступилъ ужасно.

О расправѣ съ архіепископомъ Новгорода разсказываетъ подробно Гваньини, поясняя Hoff'a, рисующаго владыку на бѣлой кобылѣ съ лютней и дурацкой булавой въ рукахъ. Свидѣтельства Гваньини носятъ характеръ поэтическій [1]).

Во главѣ „О жестокой жестокости великаго князя московсково, которую в Новѣ городе великом и во Пскове и в Ругодиве выполнилъ“ историкъ сначала даетъ общую картину разгрома. Описаніе близко къ пѣсенному: царь, обращаясь къ дружинѣ, „зубы скрегчюци, приказал: напущайте на тѣхъ измѣнъниковъ, сѣките, разсѣкайте, побивайте, никакова жыва не оставляйте“! [2]).

Пимену посвящена особая глава: „О архіепископе ноугородцкомъ, что ся над ним стало“. „И какъ уже такъ жестоко московское княжа великиі Новъ город своевал, и архіепископъ того же мѣста, которого русскою рѣчю—владыку—сказывают, на обѣд его позвал, и он, ничѣмъ не одговариваяся, во время обѣда в домъ архіепископовь стрелцы ратнымъ дѣломъ пришол и в тот стол ис церкви святыя Софѣи золота и серебра великое богатество до которые были всѣ мѣщане скарбы свои, какъ же то есть, на мѣсто надежненое снесли, погребати и до тла вкоренити велѣл. И как уже стол отшол, и он у архіепископа, от которово былъ на обѣд позван, все платье архіепископье пограбил и рекъ к нему: Не пригодитьца тебѣ архіепископом быти, одно трубником или куклами играти,—тѣмъ тебѣ пригоже быти,

[1]) Rerum Moscoviticarum auctores varii. Francofurti. MDC. Гваньини начинается съ 154 стр., вышеприведенный разсказъ—на стр. 191. Старо-русскій переводъ по цитированной выше рукописи Имп. Пуб. Б-ки.

[2]) Ср. подлинный текстъ:... Ad satellites circumstantes fremebundus dixit: Irruite in hos perfidos, secate, dissecate, trucidate, neminemque vivum relinquite. Illi confestim dicto ocius in eam multitudinem civium victorum turmatim stantem, impetu facto, omnes ad unum membratim dissecarunt, et in aquas proiecerunt“. Самолюбіе поэта заставило мужиковъ новгородскихъ не стоять пассивной толпою, но драться не безъ успѣха сначала. Когда пріѣхалъ царь: „Ipse quoque cum filio natu maiore plurimos lancea transfigebat“.

и с мѣдвѣдьми по тонцамъ ходити, а лутче тебѣ жену поняти, которую яз тебѣ выбралъ.—А тѣмъ инымъ игуменомъ и тѣмъ болшимъ, которые тутъ с нимъ были и ѣли, говорилъ: А васъ всѣхъ на ту свадбу вашего архиепископа хочю позвати, токо на ту свадбу созволяюся всѣмъ вмѣсте, что намъ надобе—дайте того надобе".

Начался правежъ денегъ съ духовенства „на свадьбу". „И какъ то все у нихъ поималъ и страшливами муками то у нихъ выстрашилъ и велѣлъ привести кобылу бѣлую сужеребую и указал на неѣ пальцемъ архиепископу: Вото жена твоя! сяд же на неѣ и поед к Москвѣ и, тамъ приѣхавъ, в трубники и в гуселники и в медвѣдники, которые плясуны мѣдвѣди водятъ, в ватагу в тотъ же списокъ запишешь.—И тотъ бѣдный на кобылу сужеребую и в платье худомъ сѣлъ, и тутъ ему, с росказанья великого князя, ноги под черево подвязали. И послѣ того князь великиі подалъ тому архиепископу, на кобыле сидячему, лиры, свирѣли, трубы, домру, говоря ему: Вото твоего ремесла приправы! пригоже тебѣ в домру играти, нѣжели на мѣсте архиепископьлеве быти. И ты нынѣ на тѣхъ приправныхъ играх учися и к товарыщамъ своимъ к домерником к Москвѣ поед.—И он через вес посад, на кобыле сидя подвязанъ, в дубы надымаючи, хотя не умѣлъ какъ нибудь играт и чему, бѣдной, родясь не учивался, тѣ статьи пѣлъ не умѣючи. И такимъ обычаемъ тотъ первой человѣкъ, ноугородцкой архиепископъ, з достоинства своего ограбленъ и от всего своего добра отбылъ и несказанною соромотою обесчещенъ" [1]).

Какимъ скоморохомъ и превосходнымъ знатокомъ скоморошьяго дѣла изображенъ здѣсь Грозный! И нигдѣ по общему впе-

[1]) Приведу выдержки изъ подлинника: Царь говоритъ архіепископу: „Minime tibi convenit archiepiscopum esse, sed potius tibicinem et utricularium, ursorumque ad horeas peritorum ductorem. Ideo melius tibi est uxorem ducere, quam ego tibi delegi". И предлагаетъ ему бѣлую кобылу: „En uxorem habes suam, ascende super illam et in Moscoviam proficiscere illicque te in numerum sive contubernium tibicinarum et citharedarum, qui ursos saltatrices ducunt inscribere da". И даетъ ему „instrumenta artificii: lyram, fistulam, tibiam et citharam". Владыка „per totam civitatem, in equa pedibus subtus alligatis sedens, utricularios inflare stridentibusque et discrepantibus fistulis, (nunquam licet in hoc genere musicis exercitatus) miserum perstrepere carmen compulsus est".

чатлѣнію онъ такъ не близокъ къ пѣсенному „Васенькѣ Буслаеву“, какъ здѣсь. Грозный, какъ и Василій, могъ сказать каждому: „Головами, батюшка, играемся“. Отношеніе Василья къ старчищу—такое же глумленіе, какъ Ивана—къ Пимену.

Итакъ эпизодъ встрѣчи со старчищемъ, дополняя характеристику Василья, является поэтическимъ отвлеченіемъ историческаго подлежащаго: раздѣлки Ивана Грознаго съ владыкой, духовенствомъ и церквами новгородскими. Кощунство Ивана—Василія выразилось здѣсь въ высшей степени. Нѣкоторые варіанты давали намеки на возмездіе, могущее послѣдовать за такія дѣла. Неизбытный грѣхъ—убійство старчища долженъ быть наказанъ, если герой не раскается. Однако послѣдній и не думалъ исправляться, и его нераскаянной кончинѣ посвящена вторая пѣсня.

Пѣсня о нераскаянной кончинѣ.

I.

Первая пѣсня, заключавшая въ своей основѣ воинскій сюжетъ: бой героя съ врагами и покореніе города—сравнительно хорошо укладывалась въ памяти передатчиковъ. Правда, пѣсенныя детали новгородскаго разгрома были обезцвѣчены, но у сказателей въ памяти было много внѣшнихъ боевыхъ картинъ, которыми подчасъ они легко подновляли повѣствованіе. Другое дѣло представляетъ сюжетъ второй пѣсни. Для передачи онъ является дѣломъ гораздо болѣе труднымъ, благодаря наличности внутренней мотивировки. Памяти сказателей не на что опереться въ этой пѣснѣ.

Заключая въ себѣ, какъ и пѣсня о Сорока каликахъ со каликою, формулу хожденія въ Палестину, разбираемая пѣсня не является, однако, стихотворнымъ переложеніемъ хожденія героя по святымъ мѣстамъ. Подобно пѣснѣ о Сорока каликахъ она противополагаетъ покаянную формулу—совершенному на пути въ Св. землю грѣху [1]). Разработкѣ этой антитезы посвящены обѣ пѣсни. Поэтому основа разбираемой пѣсни глубже Пѣсни о разгромѣ Новгорода по заключенію въ ней нравственнаго мотива—гибели героя, собравшагося покаяться въ совершенныхъ преступленіяхъ, но неоставившаго своего невѣрія и склонности къ кощунству. Исходъ пѣсни—естественное наказаніе: смерть грѣшника. Отсюда вторую пѣсню я предлагаю назвать—*Пѣсней о нераскаянной кончинѣ.*

---

[1]) Б. М. Соколовъ, анализировавшій старину о 40 каликахъ съ каликою (Рус. Фил. Вѣстникъ. Варшава 1913, оттискъ) говоритъ, что „заповѣди и наказаніе находятся во всѣхъ варіантахъ“ (стр. 21), заповѣди же вытекаютъ изъ предпринимаемаго каликами паломничества изъ-за религіознаго побужденія.

Способность къ мотивировкѣ — индивидуальна, и не всякій обладаетъ ей въ одинаковой степени. Сказателямъ было весьма затруднительно сохранять неприкосновенной основную пѣсню: кое-что невольно объяснилось иначе, большею же частью передавалось въ сокращеніи. Вотъ почему вторая пѣсня въ качествѣ самостоятельной композиціи извѣстна въ очень незначительномъ количествѣ пересказовъ (четыре старины), и вотъ почему она такъ охотно, въ скомканномъ видѣ, примыкаетъ къ первой пѣснѣ (въ семи случаяхъ). Записи Пѣсни о нераскаянной кончинѣ и въ отдѣльномъ и въ сводномъ видѣ, сдѣланныя въ крестьянской средѣ, являются скорѣе отрывками, а не цѣльными пѣснями. Въ нѣкоторыхъ контаминированныхъ старинахъ вторая пѣсня сводится лишь къ краткой регистраціи кончины героя.

Единственный полный, но съ лишними вставками, варіантъ второй пѣсни находится въ старой записи сборника Кирши Данилова. Повѣствуя о кончинѣ героя, онъ носитъ въ сборникѣ заголовокъ, отдающій ироніей: „Василей Буслаевъ молитца ездилъ“.

Какъ единственно полный варіантъ его приходится класть въ основу при сличеніи съ другими, тѣмъ болѣе, что его схемѣ соотвѣтствуютъ сохраненныя памятью части общаго плана въ остальныхъ пересказахъ.

Варіантъ сборника Кирши Данилова представляетъ основную пѣсню, какъ сказано, осложненной вставками. Наслоенія эти или, вѣрнѣе, цѣлый эпизодъ, вплетшійся въ обычное содержаніе Пѣсни, принадлежатъ исключительно записи Кирши и не имѣютъ себѣ подобныхъ въ остальныхъ варіантахъ. На этомъ эпизодѣ лежитъ яркій отпечатокъ казацкой среды и быта. Редактору варіанта Кирши ярый Василій рисовался идеаломъ буйнаго казацкаго атамана. Очень интересна эта поздняя по времени попытка подновить основное значеніе позабытаго эпическаго героя.

Такъ какъ вся вставка Кирши лишь механически связана съ общимъ ходомъ пѣсни, то она можетъ быть выдѣлена безъ труда.

Редакторская работа замѣчается уже въ самомъ началѣ старины. Василій просится у матери въ Святую землю. Ниже онъ объясняетъ причину. „Мое та вѣть гулянье неохотное, с молода бита много, граблена, под старость надо душа спасти“. Собирается

онъ искать „прямого пути“ къ Іерусалиму. Мать не вѣритъ его покаянному настроенію и предупреждаетъ: „Коли ты поидешъ на добрыя дела, тебѣ дамъ благословеніе великое; то коли ты, дитя, на разбой поидешъ, и не дамъ благословение великова“. Казалось бы, этими словами мать хотѣла укрѣпить мирное пилигримство сына, но неожиданно она сама начинаетъ снаряжать его, какъ на войну: даетъ „много свинцу пороху, и даетъ Василью запасы хлѣбныя, и даетъ оружье долгомѣрное“. Это казацкое снаряженье свинцомъ-порохомъ и запасами хлѣбными нарушаетъ всю послѣдовательность мышленія матери.

Собственно вставка начинается съ разсказа, какъ Василій собрался въ Палестину „воднымъ“ путемъ. Ѣдетъ онъ по Ильменю озеру и встрѣчаетъ „корабельщиковъ“, у которыхъ спрашиваетъ пути въ Іерусалимъ градъ. Корабельщики указываютъ на единственную „прямую“ дорогу,—по Каспійскому морю, но предупреждаютъ, что на „Куминскомъ островѣ“ стоитъ „застава крѣпкая“—атаманы казачьи; грабятъ они „бусы-галеры, разбиваютъ червлены корабли“. Василій, конечно, избираетъ прямую дорогу, на то онъ и эпическій удалецъ. Удалецъ, правда, со спеціальнымъ для Василья оттѣнкомъ: „а не вѣрую я Васюнка ни в сонъ, ни в чохъ, аи верую в свои червленой вязъ“. Редакторъ вспомнилъ изъ Пѣсни о разгромѣ Новгорода, что Василью на что же болѣе, какъ не на червленый вязъ полагаться.

Такова первая часть вставки. Упоминанія о заставѣ, воровскихъ казачьихъ атаманахъ, точное опредѣленіе мѣстности, выборъ дороги прямоѣзжей—черты обще-эпическія, знакомыя особенно по пѣснямъ, прошедшимъ черезъ обработку казацкой среды. Слово „галеры“ указываетъ на штрихъ, хронологически поздній. Къ Пѣснѣ вся эта часть отношенія не имѣетъ, кромѣ одной подробности въ характеристикѣ Василья, какъ не вѣрящаго ни въ сонъ ни въ чохъ удальца,—подробности, встрѣчающейся и въ другихъ пересказахъ, въ разныхъ мѣстахъ.

Эта первая часть отдѣлена отъ своего дальнѣйшаго продолженія эпизодомъ, относящимся уже къ основной пѣснѣ. На пути Василій съ дружиной встрѣчаютъ „гору Сорочинскую“, на которой лежитъ пустая голова, человѣчья кость. Ее Василій пнулъ

ногой, но голова провѣщилась, предостерегла его отъ подобнаго кощунства. „Плюнулъ“ онъ и прочь пошелъ, поднялся на самую гору. Тамъ увидалъ камень съ подписью, запрещающей прыгать черезъ него вдоль. Василій и дружина стали забавляться, скакать поперекъ камня.

Это мѣсто находитъ себѣ соотвѣтствіе въ другихъ пересказахъ. У Кирши оно перебито слѣдующей далѣе второй частью вставки настолько, что редактору въ концѣ старины пришлось вновь вернуться къ этому эпизоду посѣщенія горы Сорочинской и во второй разъ дословно пересказать его. Подобной ретардаціи нѣтъ болѣе въ сборникѣ Кирши, обыкновенно передающемъ старины въ очень стройномъ и послѣдовательномъ изложеніи. Повтореніе одного и того же мѣста дважды объясняется именно неорганической вставкой, измѣнившей планъ старины.

Излагаю вторую часть вставного повѣствованья. Содержаніе его переноситъ дѣйствіе въ воровскую казацкую ставку.

Корабли Василья бѣгутъ „по Каспицкому“, какъ разъ туда, гдѣ стоятъ „казаки-разбойники“. На пристани встрѣчаютъ ихъ сто человѣкъ караульщиковъ, но Василій такимъ молодцемъ сходитъ на берегъ, что всѣ „на караулѣ испугалися“, побѣжали доложить атаманамъ. И тѣ дались диву: „Стоимъ мы на острову тридцат лѣтъ, не видали страху великова, это де идетъ Василій Буславьевичь, знать де полетка соколиная, видеть де поступка молодецкая“. Василій ихъ разспрашиваетъ о прямой дорогѣ къ Іерусалиму. Атаманы приглашаютъ его „за единой столъ хлѣба кушати“. Василій не отказывается, выпиваетъ чару въ полтора ведра, чѣмъ снова вызываетъ почтительное удивленіе. На прощанье атаманы даютъ провожатаго и приносятъ богатые дары.

Такова вторая часть, ничего не дающая для выясненія образа Василья. Здѣсь онъ рисуется обычнымъ эпическимъ персонажемъ, однимъ видомъ своимъ устрашающимъ разбойниковъ.

Вторая часть отдѣляется отъ третьей, послѣдней части вставки, проясненіемъ основного содержанія Пѣсни. Паломники „по Ердани“ пріѣзжаютъ въ Іерусалимъ, гдѣ служатъ „обедни съ молебнами“ за то, „что с молоду бито много, граблено“. Василій одаряетъ золотой казной поповъ, дьяконовъ и „которыя

старцы при церкви живутъ". Затѣмъ, пришельцы держатъ обратный путь.

Третья часть вновь приводитъ на ту же казачью пристань. Атаманы разспрашиваютъ, хорошо ли съѣздилъ Василій. Неорганичный характеръ разбираемой вставки весьма ясенъ въ отвѣтѣ Василья атаманамъ, содержаніе котораго, опять неожиданно для сборника Кирши, передано не стихомъ, а прозой. Для сборника Кирши, прекрасно сохранившаго стихъ, эта особенность должна быть отмѣчена: „Много Василій не баитъ с ними, подалъ писмо въ руку имъ, что много трудовъ за ихъ положилъ—служилъ обедни с молебнами за ихъ молодцовъ". На этотъ разъ визитъ—кратокъ: Василій съ дружиной ѣдутъ дальше и находятъ вновь Сорочинскую гору.

Эпизодъ на горѣ Сорочинской съ головою и камнемъ, какъ я говорилъ, повторенъ цѣликомъ.

Совершенно необычный стиль всей вставки, ея оторванность отъ общаго содержанія пѣсни, значительная примѣсь казацкаго элемента, нарушеніе общаго плана пѣсни—все это указываетъ на ея наносный характеръ. Поэтому старина Кирши будетъ отражать основную пѣсню прежде всего по изъятіи эпизода о посѣщеніи Васильемъ казацкихъ атамановъ.

Въ остальномъ, повторяю, планъ старины Кирши соотвѣтствуетъ разрозненнымъ членамъ записанныхъ позже пересказовъ.

Вторая пѣсня, если она существуетъ въ отдѣльномъ видѣ, имѣетъ зачинъ; если она присоединена къ первой—то переходъ.

Зачины имѣютъ мало общаго между собою. Зачинъ старины Кирши, тоже, вѣроятно, не безъ вліянія редактора, отражаетъ на себѣ отголоски старинныхъ мотивовъ, плаванія богатырей на корабляхъ по морю и просьбы благословенія у матери передъ совершеніемъ какого-либо предпріятія. Такіе мотивы можно встрѣтить въ старинахъ о Садкѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Добрынѣ, Ильѣ Муромцѣ. „Подъ славнымъ великимъ Новымъ городомъ, по славну озеру по Илменю, плаваетъ-поплаваетъ серъ селезень, какъ бы яроій гоголь понываетъ. А плаваетъ-поплаваетъ червленъ карабль, какъ бы молода Василья Буславьевича, аи молода Василья со

ево дружиною харабраю, тридцать удалыхъ молодцовъ: Костя Никитинъ корму держитъ, малинкой Потаня на носу сидитъ, а Василѣетъ по кораблю похаживаетъ, таковы слова поговариваетъ: „Светъ моя дружина хоробрая, тридцать удалыхъ добрыхъ молодцовъ! Ставте корабль поперекъ Ильменя, приставайте молодцы ко Нову городу!“ Аи тычками к берегу притыкалися, сходни бросали на крутой бережокъ. Походилъ тутъ Василей ко своему онъ двору дворянскому, и за нимъ идутъ дружинушка хоробрая, только караулы оставили. Приходитъ Василей Буслаевичъ ко своему двору дворянскому, ко своей сударыне матушке, матерой вдове Амелфе Тимофѣевне, какъ вьюнъ около ея убиваетца, проситъ благословение великое: „А свѣтъ ты, моя сударыня матушка, матера вдова Амелфа Тимофѣевна, дай мнѣ бласловеніе великое, итти мнѣ, Василью, въ Ерусалим градъ со своею дружиною хоробраю, мнѣ ка Господу помолитися, свитой святынѣ приложитися, во Ердане реке искупатися“.

Въ этомъ зачинѣ соединены оба указанныхъ эпическихъ мотива. Покаянная формула (итти мнѣ во Іерусалимъ градъ...) приближаетъ его къ зачинамъ позднѣйшихъ записей. Послѣдніе ближе другъ къ другу. Въ старинѣ Р. III, 40 Василій сообщаетъ дружинѣ свою „заповѣдь“:

1. Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Была у меня дана заповѣдь великая—
Съѣздить намъ во Іерусалимъ градъ:
Святой святынѣ помолитися,
И ко Господнему гробу приложитися,
Во Іорданѣ рѣкѣ окупатися.

Подробнѣе эта формула покаянія развита въ зачинѣ старины Р. I, 60:

1. Какъ у молодца Васильюшки Буславьева
Богатырско его сердце пожадѣлося,
Пожадѣлося сердце и разгорѣлося—
Съѣздить со дружиною хороброю
На тую на матушку Ердань рѣку,
Ко тому ко граду Ерусолиму:

Господу Богу помолитися,
Ко Господнему гробу приложитися,
И во Ердань рѣкѣ окупатися,
А на Θаворъ горѣ осушитися
Со своей дружиной со хороброей.

Въ сводныхъ старинахъ переходъ, замѣняющій зачинъ, почти всегда механиченъ и мотивированъ плохо. Въ двухъ старинахъ еще есть намекъ на то, что Василій проситъ прощеньица-благословеньица": Мать останавливаетъ расходившагося сына, зайдя сзади. Тотъ говоритъ ей:

138. Ай же ты да моя матушка!
Кабы ты ко мнѣ да спереди зашла,
Я теперь бы тебѣ живой да не спустилъ,
И расходилось мое сердце богатырское.
Я теперь тебе, матушка, послушаю.
Ай же вы, дружье-братье хороброе,
Садитесь ко на насады черленые,
Поѣдемте по славному Веряжскому! (Г. 44).

Въ другомъ пересказѣ мать „принесла Василья со чиста поля":

189. Говоритъ онъ матушкѣ родимоей:
Ай же ты, моя матушка родимая!
Утрось я не завтракалъ, вечоръ я не ужиналъ,
Дай хоть сегодня пообѣдати:
Спусти меня молодца въ Еросолимъ градъ,
Во святую святыню помолитися,
Ко Христову гробу приложитися,
Во Ердань рѣку окупатися. (Г. 141).

Но въ этомъ переходѣ сказатель не далъ себѣ отчета въ содержаніи и смѣшалъ мотивы буйства Василья (просьба „пообѣдати") съ мотивомъ покаянія; Василій, въ сущности, просится у матери отпустить его потому, что

197. Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе—
Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ.

Остальныя сводныя старины не имѣютъ даже мотива просьбы

прощеньица у матери. Переходы въ нихъ и неожиданны и переносятъ дѣйствіе сразу in medias res:

230. А молодой Васильюшко Буславьевичъ
Онъ ходилъ гулялъ по чисту полю
А со тыма съ дружинамы хоробрыма,
Съ толстымъ Ѳомой еще съ благоуродливымъ,
А съ маленькимъ съ упавенькимъ Потанюшкой.
Какъ приходитъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,
Лежитъ то тутъ ужъ какъ вѣдь на чистомъ поли
Пустая голова человическая.... (Г. 54 [1]).

Далѣе слѣдуетъ содержаніе второй пѣсни, въ которой, кстати сказать, совершенно отсутствуетъ упоминаніе о путешествіи въ Святую землю. Подобнымъ образомъ не говорится о немъ въ старинѣ Г. 259: На радостяхъ по случаю разгрома новгородскаго былъ устроенъ пиръ,

117. Послѣ этого пиру великаго
Вышли на гору высокую,
Не могли никакъ у себя силы извѣдати.
Увидали на горѣ лежитъ сѣрые горючіе камешокъ...

Далѣе передается эпизодъ съ камнемъ. Нѣтъ, наконецъ, упоминанія о путешествіи въ Палестину въ старинѣ Г. 284, сохраняющей изъ второй пѣсни всего семь стиховъ. Переходъ—соотвѣтственно кратокъ:

97. Пошелъ да вѣдь Василій во дороженьку,
Какъ стоитъ же камень превеличающей....

Наконецъ, переходъ послѣдней сводной старины, Р. II, 33, хотя и сохраняетъ мотивъ поѣздки Василья на кораблѣ въ Святую землю, но весь разсказъ къ первой пѣснѣ присоединенъ механически, и въ первой строчкѣ перехода даже нѣтъ стиха. Въ сознаніи самого передатчика старина раздѣлялась, очевидно, на двѣ отдѣльныя пѣсни:

208. Тогда приходитъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ
въ свои домы
И говоритъ онъ таковы слова:

---

[1]) Ср. Старину новой и недавней записи № 94.

Ай же вы, мои братьица!
Складемся мы на лодочку
И поѣдемъ ко граду Іерусалиму,
Ко святой гробницѣ Христовой приложитися.
Святой святынѣ помолитися.
И склались молодцы-тѣ на лодочку
И поѣхали ко граду Іерусалиму,
Ко святой гробницѣ Христовой приложитися.
Тогда никакая погода молодцовъ не сдерживаетъ,
Противъ вѣтра идутъ, какъ соколъ летитъ...

Таковы всѣ зачины и переходы. Одинаковымъ мотивомъ въ нихъ слѣдуетъ считать мотивъ покаянія, желаніе Василья „ѣхать во Святую землю“ вмѣстѣ съ дружиной, продѣлать тамъ все, что обыкновенно дѣлали благочестивые паломники для того, чтобы очиститься отъ грѣховъ. Изрѣдка встрѣчающійся мотивъ просьбы „благословеньица“ у матери не органиченъ уже по одному тому, что не принадлежитъ исключительно разбираемой Пѣснѣ; кромѣ того онъ не выдержанъ въ варіантахъ, и роль матери еще болѣе не ясна, чѣмъ въ первой пѣснѣ. Старины, утратившія вовсе упоминаніе о поѣздкѣ въ Святую землю, помимо того, что свидѣтельствуютъ объ общемъ забвеніи сюжета, косвеннымъ образомъ подтверждаютъ, что паломничество и не лежало въ основѣ пѣсни, базировавшейся на иномъ мотивѣ, мотивѣ нераскаянной смерти.

Перейду теперь къ анализу второй пѣсни, придерживаясь въ планѣ расположенія, даваемаго варіантомъ Кирши.

1) Василій съ дружиной собирается совершить покаянное путешествіе въ Святую землю. Формулой покаянія начинается обычно большая часть варіантовъ. Зачинъ Кирши, какъ своеобразный и единичный, не можетъ считаться принадлежностью основной пѣсни. Тѣмъ не менѣе и въ немъ, какъ было указано, распущенъ мотивъ покаянія.

2) Василій ѣдетъ не одинъ, а съ своею обычною, знакомою по первой пѣснѣ, дружиной. Въ трехъ старинахъ нѣкоторые дружинники-спутники поименованы. Имена ихъ соотвѣтствуютъ именамъ членовъ дружины Василья въ первой пѣснѣ: Костя Никитинъ (Кирша), или Бѣлозерянинъ (Г. 259), Потаня Маленькій

(Кирша, Г. 54) Ѳома Благоуродливый (Г. 54), или Толстородливый (Г. 259), и, наконецъ—Ванюша Новгорожанинъ (Г. 259). Сохраненіе именъ вполнѣ понятно, такъ какъ въ сознаніи сказателей дружина у Василья, естественно, оставалась одна и та же.

3) Собираясь въ путешествіе Василій проситъ „прощеньица-благословеньица“ у матери, какъ и вообще всѣ эпическіе герои. Эта, какъ я уже сказалъ, неорганичная для основной пѣсни вставка находится всего въ двухъ пересказахъ: у Кирши и въ старинѣ Г. 141. Обычно старины представляютъ Василья собирающимся въ путь по собственной иниціативѣ. Эту черту и нужно отнести къ основной пѣснѣ.

4) Длинный путь, совершаемый паломниками, готовитъ имъ рядъ приключеній. Первое—это встрѣча съ горой, на которой лежитъ голова человѣчья. Здѣсь Василій совершаетъ первый смертный грѣхъ. Въ сущности одного этого прегрѣшенія достаточно, чтобы понести тяжелое наказаніе, какъ нераскаянному грѣшнику. Эпизодъ встрѣчи съ горой находится въ значительномъ большинствѣ пересказовъ и можетъ быть отнесенъ къ первоначальной пѣснѣ. Въ основу его положенъ мотивъ кощунства Василья. Внутренній смыслъ этого эпизода былъ труденъ для запоминанія и передачи. Память сказателей цѣплялась лишь за внѣшніе эффекты. Вотъ почему старины допускаютъ въ этомъ мѣстѣ много варіантовъ.

Въ старинѣ Кирши Василій наѣзжаетъ на гору Сорочинскую, на которой покоится пустая голова человѣчья. Ее онъ пнулъ ногой, но голова провѣщилась: „Ты к чему меня голову побрасоваешь, я, молодецъ, не хуже тебя былъ, умею я, молодецъ, волятися. Где лежитъ пуста голова, пуста голова молодецкая и лежать будетъ голове Васильевой!“ Ея слова являются предостереженіемъ: вѣдь Василій собрался покаяться, старался быть смиреннымъ. Но Василій плюнулъ и прочь пошелъ: „Али, голова, в тебѣ врагъ говоритъ или нечистой духъ!

Въ старинѣ Г. 44 упоминается о той же горѣ Сорочинской. И на ней лежитъ „кость суха глава, которую „попиниваетъ“ ногою Василій. Къ ней онъ обращается со слѣдующими словами издѣвки:

153. Ты провѣщись-ко да кость суха глава,
Кость суха глава да человѣчецкіемъ голосомъ,
Али ты кость да е мошенницка,
Али ты кость да подорожницка,
Али ты кость да е татарская,
Али ты кость да е крестьянская?
И провѣщилась да кость суха глава
И человѣчецкіемъ голосомъ:
Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
Ты меня кости не попинывай
И сухой главы не поталыхивай.
Я вѣдь кость-то не мошенницка,
Я вѣдь кость не подорожницка,
Я вѣдь кость-то не татарская,
Я вѣдь кость была крестьянская.
Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
Ужъ какъ тутъ же будешь ты кататися,
Тутъ же будешь ты валятися.

Этотъ отрывокъ распространенъ позднѣйшимъ осмысленіемъ: несомнѣнно Василій не могъ знать раньше, что́ станетъ говорить „голосомъ человѣческимъ“ мертвая голова. Общій тонъ глумленія Василья и нравоучительнаго предостереженія головы въ этомъ варіантѣ сохраненъ.

Послѣдній разъ „голова человѣческая“, какъ участвующій персонажъ, сохранилась въ старинѣ Г. 54; но лежитъ она уже не на горѣ, а „на чистомъ поли“. Сказатель, опустивъ подробности, старался сосредоточить вниманіе на поученіи, которое голова читаетъ Василью:

245. Да ахъ же ты, Василій сынъ Буславьевичъ!
Почемъ же меня заразилъ теперь?
Лежала голова я вѣдь тридцать лѣтъ,
Да никто то меня, вѣдь, не пинывалъ,
Да никто же какъ меня тутъ не ранивалъ.
Какъ ты то вѣдь ужъ нынь пинулъ, заразилъ меня.
Какъ будешь ты гулять во чистомъ поли,
А не забудь-ко ты этого помистьица,

Пойдешь сюды да ты назадъ обратно бы.
Посмотри ты на меня, на безчастну головушку.

Сказатель плохо зналъ эпизодъ, передалъ его плохимъ стихомъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи совсѣмъ забылъ о встрѣчѣ съ головой. Такъ и осталось неразрѣшеннымъ, какъ отозвался этотъ пинокъ головы на Васильѣ. Позабывъ, какое вліяніе имѣлъ разбираемый эпизодъ на содержаніе пѣсни, сказатель, тѣмъ не менѣе, донесъ о немъ намекъ. Поэтому наличность его въ данномъ пересказѣ указываетъ на присутствіе и въ основной пѣснѣ.

Остальные варіанты забыли наименованіе горы „Сорочинской“ и человѣческій черепъ, который они замѣнили „костью сухояловой“. Наличность послѣдней служитъ объединительнымъ признакомъ для той группы старинъ, которыя продолжаютъ сохранять воспоминаніе о склонности Василья къ глумленію и кощунству и о высказанномъ ему предостереженіи—угрозѣ.

Переходомъ къ этой группѣ служитъ старина собранія Тихонравова и Миллера № 62, гдѣ голова еще не замѣнена костью, но гора уже названа „Фараонъ горою“. Скомканная по изложенію, она сохранила, однако, въ нравоученіи черту, напоминающую редакцію Кирши:

114. Не въ тебя я богатырь, да лежу на Фараонъ горы,
А тебѣ со мной рядомъ лежать.

Въ указанной группѣ названія горы варьируются, оставаясь, впрочемъ, въ кругѣ книжныхъ библейскихъ представленій. Въ старинѣ Р. III, 40 Василій находитъ сухояловую кость на „Сіонъ-горѣ“:

18. И провѣщилась косточка сухоялова
Ему голосомъ человѣческимъ:
Не пинай-ко, Василій сынъ Буславьевичъ!
Ты будешь лежать со мной
На матушкѣ Сіонъ-горы вѣкъ по вѣку.
Плюнулъ Василій и прочь пошелъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
Сама спала, себѣ сонъ видѣла.

Здѣсь сохранено обычное содержаніе эпизода. То же самое передается и стариной Г. 141.

Иную разработку даетъ старина Р. 1, 60. Гора называется „Ѳаворъ-горою“, а на всемъ эпизодѣ лежитъ отпечатокъ отголосковъ книжныхъ хожденій въ Святую землю. Василій ѣдетъ на Ѳаворъ гору, къ „каменю ко Латырю“ и къ соборной церкви,

31. Которая стоитъ со двѣнадцатью престолами
У того у камени у Латыря,
На которомъ камени преобразился самъ Исусъ Христосъ.

Василью на дорогѣ попадается „кость богатырская“, которую онъ „попинываетъ“ и „похлестываетъ“. Кость говоритъ ему:

42. Ай же ты, Васильюшко Буславьевичъ!
Ты почто меня ножкою попинываешь,
Почто меня плеткой похлестываешь?
Хотя ѣдешь ты во церковь въ соборнюю,
Ко тому ко Латырю ко каменю,
Ко тому ко образу Преображенскому,
То не доѣхать ти до церкви соборнія
И до того до каменя до Латыря
И до того образа Преображенскаго.

На это Василій плюнулъ съ обычнымъ приговоромъ: „Сама ты себѣ спала, сама сонъ видѣла“.

Вся эта единственная въ своемъ родѣ старина выдержана, если можно такъ выразиться, въ кругѣ церковныхъ представленій, неумѣло вплетенныхъ въ обычное содержаніе пѣсни. Въ дальнѣйшемъ изложеніи оказывается, что Василій можетъ доѣхать „до образа“ только въ томъ случаѣ, если перескочитъ камень. Ясно, что подобная мотивировка не оригинальна и притянута сюда по личному вкусу сказателя-редактора этого варіанта.

Ограничнымъ для Пѣсни остается, поэтому, эпизодъ встрѣчи съ горою и человѣческимъ черепомъ, предвѣщающимъ Василью преждевременную кончину, какъ результатъ его кощунства. „Провѣщиться“, конечно, гораздо складнѣе черепу, чѣмъ простой сухояловой кости.

5) Послѣ приключенія на горѣ Сорочинской варіанты въ большинствѣ случаевъ говорятъ о прибытіи паломниковъ въ Святую землю. Нѣкоторыя старины (пять варіантовъ) разсказываютъ о самомъ пребываніи ихъ тамъ.

По пересказу Кирши Василій съ дружиною, наконецъ, пріѣхали по „Ердань-рѣкѣ“ въ Іерусалимъ. Отслужили тамъ обѣдни съ панихидами (главнымъ образомъ—по убитымъ, за то, что было бито много, граблено), настала пора уѣзжать. Дружина Василья, тѣмъ временемъ, рѣшила искупаться въ Іорданѣ. Вдругъ подходитъ къ берегу „баба залѣсная“ и обращается къ нимъ съ такими словами: „Почто вы купаетесь во Ердань рекѣ, а некому купатися, опричь Василья Буславьевича. Во Ердане реке крестился самъ Господь Исусъ Христосъ; потерять ево вамъ будетъ болшова атамана Василья Буслаевича“. Дружинѣ все ни по чемъ: она говоритъ, что „нашъ Василей тому не веруетъ ни в сон ни в чохъ“.

Все это мѣсто искажено. Въ Іорданѣ, дѣйствительно, нельзя купаться, но почему и какъ, въ этомъ отрывкѣ не сказано ясно. Говорится только, что въ Іорданѣ крестился Іисусъ Христосъ. Несоблюденіе опредѣленныхъ условій влечетъ смерть для прегрѣшившаго. Если умереть суждено Василью, то и купаться долженъ онъ, а не дружина. Почему купанье послѣдней должно повлечь смерть атаману?

Другія старины поясняютъ этотъ эпизодъ. Въ старинѣ Р. I, 60 разсказывается, что дружина купалась въ рубашкахъ, а Василій—нагимъ тѣломъ. Прегрѣшеніе на лицо: такъ нельзя купаться потому, что

22. Нагимъ тѣломъ купался самъ Исусъ Христосъ.

Остальные пересказы даютъ разработку этого эпизода. Въ него, какъ и у Кирши, вводится опять мотивъ предостереженія. Василья уговариваетъ „дѣвушка-чернавушка“:

231. Нагимъ тѣломъ въ Ердань рѣки не куплются,
Нагимъ тѣломъ купался самъ Іисусъ Христосъ!
А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ. (Г. 141).

„Дѣвушка-чернавушка“ здѣсь — реминисценція помогающаго Василью персонажа изъ Пѣсни о разгромѣ. То же самое, но въ болѣе забытой формѣ, передается стариной Р. III, 40.

Дальнѣйшая разработка эпизода находится въ старинѣ Р. II, 33. Мѣсто дѣвушки занимаетъ въ ней „женщина престарѣлая“. Сказителю было недостаточно того, что Василій, несмотря на пре-

достереженіе, все-таки совершилъ великій грѣхъ—искупался нагимъ тѣломъ тамъ, гдѣ нагимъ стоялъ лишь Спаситель. Онъ продолжилъ впечатлѣніе введеніемъ въ мотивъ кощунства еще мотива цинизма. На предостереженіе „престарѣлой женщины“ Василій отвѣчаетъ:

229. Ай же ты, женщина престарѣлая!
Кабы ты была на сей сторонѣ,
Я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ,
Двухъ мальчиковъ, двухъ богатырей.

Нужно думать, что эпизодъ купанья въ Іорданѣ не имѣлъ мѣста въ основной пѣснѣ. Въ этомъ убѣждаетъ то, во первыхъ, что онъ встрѣчается далеко не во всѣхъ варіантахъ [1]). Тамъ, гдѣ онъ на лицо, то—неустойчивъ, представляя либо полузабытое повѣствованіе, какъ въ варіантѣ Кирши, либо разработку лишней расцвѣткой, какъ въ вышеприведенной цитатѣ. Затѣмъ онъ не является исключительной принадлежностью разбираемой пѣсни. Подобное купанье можно найти въ пѣснѣ, разрабатывающей эпизодъ встрѣчи Добрыни со змѣемъ. Во всѣхъ олонецкихъ пересказахъ этой пѣсни [2]) она, большею частью, представляетъ самостоятельную старину, носящую названіе: „Добрыня и Змѣй“. Пересказы и тутъ забыли основное значеніе причины, по которой мать запрещаетъ Добрынѣ купаться въ Пучай рѣкѣ. Добрыня, купающійся то отъ жары, то изъ простого желанья, нарушаетъ какую-то заповѣдь. Пучай рѣка представлена великою, свирѣпою, съ огненными струями, съ непроходной средней струею: кто въ ней ни купался, живъ не выхаживалъ. Желая разъяснить значеніе опасности, нѣкоторые пересказы (Г. №№ 64, 241) объясняютъ ее наличностью въ рѣкѣ змѣя, который можетъ схватить. Змѣй, дѣйствительно, является наказаніемъ Добрынѣ за грѣхъ, но послѣдній—иного рода. Лучшіе пересказы объясняютъ этотъ грѣхъ: у Рябинина (№ 79) Добрыню предостерегаютъ дѣвицы:

94. Ты удаленькій дородней доброй молодецъ!

---

[1]) Эпизода купанья нѣтъ въ старинахъ: №№ 44, 54, 259 и 284. Ср. также №№ 62 и 63 сборника Тихонравова и Миллера.

[2]) См. у Гильфердинга №№ 5, 59, 64, 73, 93, 123, 148, 157, 241 и 289.

Ты во нашою во славной во Пучай-рѣки
Наги добры молодцы не куплются,
Они куплются въ тонкихъ бѣлыхъ полотняныхъ рубашечкахъ.

Итакъ въ Пучай рѣкѣ—Почайнѣ, мѣстѣ крещенія Руси, какъ и въ Іорданѣ купаться нагимъ тѣломъ—нельзя. И тамъ и тутъ одинъ образъ—крестильни Христа, къ которой надо относиться съ уваженіемъ. Другіе варіанты пѣсенъ о Добрынѣ хоть и забыли этотъ образъ, тѣмъ не менѣе часто повторяютъ это запрещеніе. Характеренъ отвѣтъ Добрыни, напоминающій отвѣтъ Василья Буслаева: у Рябинина послѣдній говоритъ дѣвушкамъ-портомойницамъ:

101. Ничего то вы вѣдь, дѣвушки, не знаете,
Только знайте-тко вы, дѣвушки, самы собя.

Въ другой старинѣ (№ 93) этотъ отвѣтъ буквально совпадаетъ со словами Василья:

44. Дѣвицы вы, красавицы,
Портомойницы, бѣломойницы,
А вы сами спали, себѣ сонъ видѣли.

Купанье въ Пучай-рѣкѣ — непремѣнное условіе встрѣчи со змѣемъ. Органичность его, поэтому, скорѣе здѣсь, чѣмъ въ Пѣснѣ о нераскаянной кончинѣ.

Этотъ второй смертный грѣхъ введенъ въ пѣсню лишь для умноженія нравственныхъ преступленій Василья.

6) Третій, послѣдній эпизодъ буйнаго паломничества Василья составляетъ главную часть основной пѣсни. Онъ находится во всѣхъ пересказахъ и повѣствуетъ о третьемъ великомъ грѣхѣ, на этотъ разъ уже соединенномъ съ возмездіемъ. Всѣ предостереженія сбылись, Василій ни чему не внялъ и долженъ погибнуть. Этимъ эпизодомъ кончается Пѣсня.

По пересказу Кирши Василій держитъ обратный путь, опять посѣщаетъ гору Сорочинскую, опять плюетъ въ сторону человѣческой головы. На горѣ оказывается лежитъ огромный камень: „в вышину три сажени печатныя, а черезъ ево толко топором подать, в долину три аршина с четвертью“. На камнѣ—подпись: „Хто де у каменя станетъ тѣшитца, а и тѣшитца, забавлятися, вдоль скакать по каменю, сломить будетъ буйну голову“. Василій

„тому не веруетъ“, скачетъ вдоль камня. „Не доскочилъ только четверти“, говоритъ пѣсня, и убился на смерть.

Какъ у Кирши, такъ и въ другихъ пересказахъ разбираемый эпизодъ, по обыкновенію, затушеванъ. Сравненіе варіантовъ поможетъ разобраться въ этомъ мѣстѣ.

Всего проще изложеніе передается въ старинѣ Р. II, 33:

237. Пріѣзжаютъ они ко Ѳаворъ горѣ,
И увидѣлъ Василій бѣлъ-горючій камешекъ,
И скочилъ онъ черезъ камешекъ,
И о камень головушкою ударился,
И тутъ то Василій Буславьевичъ помирать зачалъ.

Этотъ пересказъ забылъ детали повѣствованія, онъ не отдалъ себѣ отчета, что это за камень, который служитъ причиной смерти героя, и почему герой собирается перескочить его, но не можетъ. Старина передаетъ только фактъ смерти отъ камня.

Однако камень былъ не простой, и скокъ черезъ него былъ, очевидно, дѣломъ святотатственнымъ. Василій—всегда тамъ, гдѣ можно совершить кощунство. Глумленіе надъ камнемъ преисполнило чашу грѣховъ его, и онъ долженъ погибнуть. Старина Кирши описываетъ чудесный камень. Ей соотвѣтствуетъ описаніе въ старинѣ Г. 259, разрабатывающей только этотъ эпизодъ. Въ ней, по сравненію съ Киршей, отсутствуетъ только надпись на камнѣ. Послѣ того, какъ Василій выигралъ закладъ, взошелъ онъ съ дружиною на гору высокую:

120. Увидали на горѣ лежитъ сѣрые горючіе камешокъ,
Въ долину камень да сорока саженъ,
Въ ширину камень да дватцати саженъ,
Въ толщину камень да десяти саженъ.

Но такое опредѣленіе камня лишь со стороны его размѣровъ было неясно для самихъ сказателей. Для поясненія введена была сказочная подробность—надпись на камнѣ. Характерно содержаніе этой надписи,—оно какъ бы отвлечено отъ содержанія будущаго поступка Василія, т. е. безпричиннаго скаканья черезъ камень. Кирша передаетъ, что будто скакать поперекъ можно, а вдоль—опасно. Въ старинѣ Г. 259, наоборотъ—можно скакать и вдоль и поперекъ, хотя и нѣтъ надписи. Въ старинѣ Р. I, 59, въ

рябининовскомъ отрывкѣ, оказывается, что необходимо скакать, чтобы остаться живымъ. Рябининъ только и помнилъ, что эту подпись:

4. Кто на эту гору захаживалъ,
Тотъ оттуль живъ не выхаживалъ.
Кто скочитъ черезъ этотъ бѣлъ горючъ камень,
Тотъ буде живъ,
А не скочитъ, не бывать живу.

Приказъ скакать сохраняетъ надпись и въ старинѣ Г. 54: кто перескочитъ три раза, тому Господь проститъ, а не перескочитъ три раза—проклятъ на вѣку будетъ. Иную перспективу рисуетъ старина Г. 284:

100. Еще кто этотъ камень вѣдь перескочитъ,
Такъ вѣдь богато будетъ жить.

Старина Р. I, 60, въ виду особаго освѣщенія, которое она даетъ паломничеству Василья, условія скока назначаетъ также своеобразно. У нея надпись на камнѣ объявляетъ:

61. Кто перескочитъ трижды черезъ бѣлъ камень,
Тотъ достигнетъ церкви соборнія
И тому образу Преображенскому.
А кто не перескочитъ черезъ бѣлъ камень,
Тотъ не достигнетъ церкви соборнія
И тому образу Преображенскому.

Приведенныя надписи, кромѣ Кирши, требуютъ отъ героя безусловнаго скаканья черезъ камень. Другія двѣ старины, вмѣстѣ съ Киршей, ограничиваютъ это условіе. По старинѣ Г. 44 „предлагается“ скочить вдоль камня [1]). Нельзя, вѣроятно, судя по исходу, скакать вдоль камня и въ старинѣ Г. 259.

Итакъ, надписи всѣ различны и согласованы съ міровоззрѣніемъ передатчиковъ. Въ самомъ приказѣ—скакать—заключается логическая несообразность: Василій въ пѣснѣ никогда не дѣ-

[1]) Хотя эта старина плохо помнитъ надпись:

177. И на камешкѣ подпись то подписана:
И кто заѣде на гору на Сорочинскую
И скочитъ то вдоль да бѣла камешка!

Еще менѣе помнитъ условія старина сборника Тахонравова и Миллера № 63:

85. Кто этотъ камень скочитъ да перескочитъ?

лаетъ, что ему приказываютъ, а всегда является ослушникомъ наставленій.

Неустойчивое содержаніе надписи, и самый фактъ—нахожденія камня съ подписью не должны были имѣть мѣста въ основной пѣснѣ. Эти подробности развились изъ неудачной попытки опредѣлить мистическое значеніе камня. Дѣйствительно, нѣкоторыя старины, оставляя всякое упоминаніе о сказочной надписи, даютъ совершенно иное опредѣленіе камня.

Камень оказывается результатомъ превращенія человѣческой головы или замѣняющей ее сухояловой кости. Самый фактъ превращенія рельефно передается стариной Г. 54:

261. Гдѣ та голова тутъ лежала то,
Какъ смотритъ то еще, вѣдь стала тутъ гора каменная.

Василій, вспомнивъ о сухояловой кости, какъ Олегъ, обращается къ дружинѣ:

30. Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Зайдемъ на матушку Сіонъ гору,
Посмотримъ косточки сухояловы.
Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень. (Р. III, 40).

Вмѣсто кости появляется огромныхъ размѣровъ „синь-камень“ въ старинѣ Г. 141.

Какъ видно, мистическій камень описывается различно. Въ основной пѣсни его значеніе было, несомнѣнно, опредѣленнѣй, но не было удержано памятью, стремившеюся за описаніемъ внѣшнимъ. Надпись и превращеніе не могли имѣть мѣста въ первоначальномъ изводѣ, отъ котораго дошелъ только намекъ на то, что камень былъ не простой.

Варьируется и артикуляція фатальнаго прыжка Василья. У Кирши Василій скачетъ вдоль камня, что запрещено. Въ старинахъ Г. 44 и Г. 141 онъ предлагаетъ дружинѣ скакать поперекъ, самъ же, испытывая подпись, скачетъ вдоль.

Другіе пересказы осложняютъ этотъ эпизодъ. Въ старинѣ Р. III, 40 Василій, заставляя дружину скакать передомъ, самъ скачетъ задомъ. Этимъ прыжкомъ онъ раскололъ себѣ голову. Хочетъ Василій скочить задомъ въ третій прыжокъ въ старинѣ Р.

I, 60. Нога задѣваетъ за камень, и герой падаетъ навзничь замертво. Въ старинѣ Г. 54 дружина перепрыгиваетъ черезъ камень, пользуясь шестомъ для этой цѣли, Василій—„назадъ пятами“, отчего падаетъ навзничь и расшибается. Наконецъ, при такомъ же скокѣ Василій задѣваетъ лѣвой ногою за камень и умираетъ въ старинѣ Г. 259. Рябининъ (Р. I, 59) припомнилъ, что Василій „задѣлъ каблукомъ“ за камень. Своеобразно передаетъ скаканье старина Г. 284:

102. Василій разъ скочилъ, такъ енъ не доскочилъ,
А другой скочилъ, такъ тутъ и смерть пришла.

Разнорѣчіе варіантовъ явилось и тутъ слѣдствіемъ попытки объяснить неясное. Не трудно видѣть, что здѣсь всюду—не передача содержанія пѣсни, а разсказъ краткими словами—отчего пришла смерть Василью. Передатчикамъ казалось, что смерть пришла отъ того, что герой скакалъ не такъ, какъ было приказано, хитроумно и вмѣстѣ съ тѣмъ неловко. Смерть объяснена физически: задѣлъ, упалъ, расшибся.

Старины Р. II, 33 и Тихонравова и Миллера № 63, упоминая кратко: скакнулъ и умеръ—ближе къ основной пѣснѣ, которая трактовала о скаканьи черезъ мистическій камень, какъ о третьемъ, неизбытномъ грѣхѣ Василья. Въ основной пѣснѣ лежалъ мотивъ осквернения священнаго камня кощунственнымъ скокомъ. „Скакалъ“—одинъ Василій, конечно: участіе дружины въ этомъ скаканьи, точно такъ же, какъ и ея купанье въ Іорданѣ, подробность — лишняя, введенная неумѣлыми передатчиками. Смерть Василью пришла не отъ удара головой или другой частью тѣла о камень, она явилась результатомъ возмездія за всѣ кощунственныя выходки, героемъ которыхъ является Василій во второй (да и въ первой) пѣснѣ. Предостереженія, увѣщанія не подѣйствовали, и Василій умеръ такъ же, какъ и жилъ, не вѣря ни въ сонъ ни въ чохъ.

Трудная для передачи сказателямъ-крестьянамъ мотивировка этой назидательной пѣсни представляетъ, повторяю, матеріалъ въ варіантахъ достаточно затемненнымъ. Основное содержаніе Пѣсни о нераскаянной кончинѣ выявляется до извѣстной степени лишь изъ предложеннаго сравненія варіантовъ. Перечисляя неизбыт-

ные грѣхи Василья, его непослушаніе, повлекшее за собою кару, основная пѣсня нигдѣ не трактовала героя, какъ паломника.

Эпизодомъ о скаканьи черезъ камень, въ сущности, оканчивается Пѣсня о нераскаянной кончинѣ. Исходъ ея—обыченъ для эпическихъ композицій: Тутъ Василью „и славы поютъ“ (Р. I, 60), или: „Остался лежать тамъ до вѣку“ (Р. III, 40), или:

191. Спасетъ то Богъ теби на тишины,
И вамъ то добрымъ людямъ на послушанье (Г. 44).

Тамъ, гдѣ варіанты не забыли о матери и дружинѣ Василья, онѣ разсказываютъ о судьбѣ ихъ. По Киршѣ—осиротѣвшая дружина пришла къ матери и „писмо в руки подали“. Мать распустила дружину—„у меня ныне вамъ делать нечево“, одаривъ ее безъ счета золотой казной. Молодцы поблагодарили, „дѣвушка-чернавушка“ поднесла имъ на дорогу зелена вина. „Ай выпили оне, сами поклонилися, и пошли добры молодцы кому куда захотелося“.

Этотъ сентиментальный исходъ находитъ себѣ нѣкоторую параллель по настроенію въ исходѣ старины Р. II, 33, разработанномъ по мотивамъ лирическихъ пѣсенъ. Когда Василій „помирать зачалъ“, сталъ наказывать „своей братіи“:

243. Скажите-ко, братія, родной матушкѣ,
Что сосватался Василій на Θаворъ-горѣ
И женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.

Дружина передаетъ его слова матери. Та—роздаетъ свое имѣніе-богатство „по церквамъ и монастырямъ“. Окраска эта понятна, потому что сказатель былъ калика.

Изъ предложеннаго анализа варіантовъ вытекаетъ, что схема основной пѣсни состояла изъ слѣдующихъ пяти частей:

1. Герой (Василій Буслаевъ) собирается покаяться—свершить путешествіе въ Св. землю. (Его характеристика выдержана въ тонѣ первой пѣсни, какъ персонажа буйнаго, маловѣрующаго, склоннаго къ надругательству и кощунству).

2. Путешествіе совершается съ дружиной, знакомой по первой пѣснѣ.

3. Желанье покаяться вытекаетъ у него изъ собственной инициативы.

4. На пути встрѣчаются испытанья, которыя герой, роковымъ образомъ, обходитъ пренебрежительно. Этихъ испытаній два: а) встрѣча на горѣ съ человѣческимъ черепомъ и кощунственное съ нимъ обращеніе, б) оскорбленіе неуважительнымъ скокомъ особаго, имѣющаго мистическое значеніе, камня.

5. Смерть героя, какъ результатъ невыполненнаго покаянія.

Эта схема подсказываетъ и тенденцію основной пѣсни. Для поэта-автора герой умеръ такъ же достойно, какъ и жилъ, и его стремленіе къ покаянію было, въ сущности, предлогомъ для новыхъ выходокъ. Однако судьба, спускавшая ему многое, не простила ему глумленія надъ тѣмъ, что выше людского обихода: непокаявшійся грѣшникъ гибнетъ въ наказаніе.

Варіанты сборниковъ болѣе раннихъ даютъ возможность намѣтить постройку основной пѣсни. Гораздо дальше отъ нея отстоятъ старины новѣйшихъ собраній.

Большая (464 стиха) сводная старина А. Крюковой [1]) начинаетъ вторую пѣсню съ 353 стиха переходомъ, не имѣющимъ никакого смысла:

353. Услыхалъ скоро Василей Богуславьевичъ,
Онъ вѣдь скоро оврашалсэ къ родной матушки

и сталъ просить у нея „родительска благословленьиця“ — ѣхать замаливать грѣхи. Въ 26 стихахъ изложена его просьба, причемъ Василій припоминаетъ всѣ свои злодѣйства. Формула покаянія развита подробностями описанія Святой земли: упоминается и „озеро, откуль выпала матушка Ерданъ-рѣка“, и Преображенская церковь, и Латырь-камень. Склонность Крюковой къ заимствованію изъ другихъ эпическихъ сюжетовъ не замедлила сказаться въ самомъ началѣ пѣсни: градъ Ерусалимъ, къ которому подплываетъ Василій, оказывается окруженнымъ „силой бусурманской“; ее, впрочемъ, Василій не избиваетъ, памятуя наставленіе матери—никого не бить по дорогѣ. Послѣ молебновъ и широкой раздачи денегъ пришельцы отправились купаться въ Ерданирѣкѣ. Хотя и заповѣдала ему мать не купаться нагимъ тѣломъ, этой заповѣди Василій не послушался, искупался нагимъ. Послѣ

[1]) Собраніе г. Маркова № 52.

купанья—„поѣхали они ко каменю ко Латырю“; тамъ вдругъ оказалась голова богатырская, которую Василій пинаетъ. Та обращается къ нему съ неожиданнымъ пророчествомъ, что не перескочить ему камня „Латыня“: убьется онъ „въ третій наконъ“ и не увидитъ церкви Преображенской. Такъ и случилось: въ третій скокъ Василій разбился о камень:

463. Ишше тутъ Васильюшку славы поютъ,
Шьчо славы ему поютъ да старины скажутъ.

Изложенный варіантъ ясно показываетъ, какъ трудно удерживалась въ памяти Пѣсня о нераскаянной кончинѣ. Словоохотливая и любящая производить эффекты сказательница Крюкова на этотъ разъ оказалась далеко не на высотѣ своей задачи. Множество лишнихъ словъ безъ всякаго значенія, повтореній ихъ, ретардацій не спасло ея передачу отъ отсутствія всякой связи между частями: пѣвица совершенно не поняла значенія ни основныхъ, ни ею самой привнесенныхъ подробностей разсказа.

Переходя къ собранію г. Григорьева, отмѣчу прежде всего пинежскую старину, (томъ I, № 39) сводную, какъ примѣръ трудности для сказателя передачи разбираемой Пѣсни. Пристегнувъ механически къ распространенной первой пѣснѣ вторую, онъ удѣлилъ ей всего 20 стиховъ, остановился на описаніи перепрыгиванья черезъ камень на конѣ, запутался и вызвалъ слѣдующее замѣчаніе собирателя: „Въ концѣ старины эпизодъ съ перепрыгиваніемъ черезъ камень сказатель путалъ. Видно, введши коня, онъ не могъ складно пропѣть конецъ“.

Мезенскія старины [1]) раздѣляются на двѣ группы: сводныя (№№ 3 и 18) и передающія одну вторую пѣсню (№№ 74 и 86). Старина № 18 весь сюжетъ разбираемой пѣсни сводитъ къ скоку Василья „на огнянну гору“, гдѣ герой сгораетъ. Подробнѣе сохраняетъ пѣсню старина № 3, начинающаяся съ просьбы „прощеньица-благословеньица“—итти въ Святую землю. Мать уговариваетъ не ходить „за сине море“, гдѣ потерять будетъ Василью буйну голову. Василій не слушается, оснащаетъ корабль и ѣдетъ. На обратномъ пути подходятъ они подъ „горы сарацынскія“, куда

[1]) Собранія г. Григорьева, т. III.

идутъ помолиться какому то „чудному кресту“. На горѣ—голова богатырская, которая въ отвѣтъ на пинокъ Василья предупреждаетъ его и пространно разсказываетъ, какъ его самого убила „сарацына долгополая“, надѣлавъ „перекопы глубокіе“. Это мѣсто взято сказателемъ изъ пѣсенъ о Ермакѣ, а развито по сказочному трафарету.

Помолившись „кресту“, путешественники вновь подходятъ къ горѣ Сорочинской. Постройка—примитивна: сказатель дважды заставляетъ героя молиться: въ Палестинѣ и на горѣ Сорочинской. На горѣ уже лежитъ „сѣръ горючъ камень“, громадной величины: его не обойдешь, не объѣдешь. Василій велитъ прыгать дружинѣ; та исполняетъ приказаніе, несмотря на опасенья Василья, что Потаня не перескочитъ—„у Потанюшки ножецьки коротеньки“. Наконецъ скачетъ самъ Василій, но вдругъ падаетъ на камень, гдѣ „сгораетъ“. И здѣсь камень имѣетъ какое то сходство съ огненной горою, вышедшее, очевидно, изъ эпитета „горючій“.

Если разобранныя старины ничего не могутъ прибавить для уясненія основной Пѣсни, то и спеціально разрабатывающія сюжетъ о нераскаянной кончинѣ весьма бѣдны содержаніемъ. Привнесенія и распространенія сдѣланы въ нихъ на счетъ другихъ эпическихъ мотивовъ, много повтореній, разработаны оснастка корабля и плаваніе на немъ—типичная особенность поморскихъ композицій. Старина № 74 пространно разсказываетъ о сборахъ въ путь, причемъ Василій, какъ и Садко, беретъ съ собой „звоньчяты гусли“; долго разсказываетъ „голова“, какъ ее перехитрила „сорочина“, взяла въ плѣнъ и обезглавила. На обратномъ пути захотѣлъ Василій „съ головушкой поладицьсэ“, но оказался на ея мѣстѣ роковой камень съ надписью: тому на свѣтѣ не бывать живу, кто не перескочитъ камня. Начинается обычный скокъ дружины, кончающійся гибелью Василья. То же, но значительно короче, разсказываетъ старина № 86.

Не трудно видѣть, на что передвинулось вниманіе сказателей. Покаянная формула хотя и приводится, но значеніе ея забыто; забыта и идея возмездія за грѣхи: вниманіе привлечено вновь удобозапоминаемымъ воинскимъ сюжетомъ: сраже-

ніемъ головы съ сарациной, эпизодомъ, заполнившимъ все содержаніе пѣсни.

Изъ устьцылемской группы печорскихъ старинъ вторая пѣсня представлена однимъ № 28 [1]), такъ какъ сказатель сводной старины № 11 признался,что второй пѣсни онъ не знаетъ. Разбираемая старина начинается съ троекратнаго обращенія Василья къ матери съ просьбой отпустить его въ путь, въ Ерусалимъ. Мать указываетъ на заставы, находящіяся по дорогѣ: станичники-мужики новотокмяна, „субой быстеръ, да валъ густой“ и „кресты евангельски“. На основаніи матеріала пѣсни о Соловьѣ Будимировичѣ описывается снаряженіе корабля, затѣмъ—наборъ дружины. Храбрость и умѣнье плавать помогли легко миновать двѣ заставы. У „крестовъ евангельскихъ“ происходитъ встрѣча съ головой человѣческой, которая оказывается „невѣрной“, лежитъ „по лѣву руку“ крестовъ и предрекаетъ Василью лежать „по праву руку“. Въ Ерусалимѣ Василья, какъ и Добрыню, „забрала жара“, и онъ искупался въ Ерданъ-рѣкѣ, несмотря на то, что въ ней „не купаются, обливаютсе“. На обратномъ пути происходитъ встрѣча съ камнемъ; скачутъ „назадъ глазами“. Василій падаетъ „середи камешка“ и умираетъ.

Въ описаніи приключеній Василья—нѣтъ стройности: пѣвецъ безъ всякаго объясненія перебѣгалъ отъ одного мотива къ другому. Скудное содержаніе пѣсни онъ расцвѣтилъ сказочными заимствованіями о заставахъ и знакомымъ ему эпическимъ матеріаломъ, не идущимъ къ дѣлу.

Близка къ вышеприведенной старина № 89. пустозерской группы: Василій Буслаевъ въ Іерусалимъ ѣздилъ. Та же просьба—отпустить его, то же перечисленіе заставъ, то же снаряженіе корабля. Характерны слова матери сыну, напоминающія приведенное ниже обращеніе къ царю Максима Грека:

25. Кому думно спасатця, дакъ можно здѣсь спастись.

Все путешествіе Василья разработано въ тонѣ морскихъ впечатлѣній сѣвера. На пути Василій совершаетъ два грѣха: пинаетъ ногой „суху голову“ и купается въ Ерданъ рѣкѣ, за что

[1]) Собраніе г. Ончукова.

выслушиваетъ предостереженія. На обратномъ пути встрѣчается имъ громадный сѣръ-горючъ камень, черезъ который Василій, по обычаю неожиданно, предлагаетъ скакать. Василій разбивается объ него грудью.

Не представляя новаго въ основномъ изложеніи, разбираемая старина даетъ оригинальное окончаніе. Умирающій Василій проситъ дружину сдѣлать ему гробъ и туда положить „суху главу“. Такъ ихъ вмѣстѣ и похоронили, сдѣлавъ на крестѣ „подпись книжную“:

234. Лежатъ два удала добра молодца
Два сильни могуци руськи богатыря,
Да одинъ-отъ Василей сынъ Игнатьевичъ,
Другой-отъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Ихъ убила сорочина долгополая
Да та же ли Чудь да двоеглазая.

Дополненіе это показываетъ стремленіе пѣвца объяснить роковое значеніе для Василья человѣческой головы, хотя архангельскія старины забыли символику всего этого приключенья. Ихъ объясненія—реальны, и въ заповѣдь матери они вкладываютъ указаніе на „заставы“, ожидающія Василья на пути. По сказочному трафарету—третья самая опасная, и герой часто оказывается не въ состояніи выйти побѣдителемъ.

Наконецъ, сводная старина № 74, представляющая вторую пѣсню съ 76 по 139 стихъ, очень кратко и неясно передаетъ разсказъ объ обычномъ прыжкѣ черезъ камень. Сказатель, видимо, совсѣмъ не понималъ смысла пѣсни, растягивалъ ее ненужнымъ многословіемъ, а саму надпись на камнѣ передалъ безсвязной фразой:

135. Хто впередъ то ле скоцитъ, назадъ скоцитъ.

Позднѣйшія записи совершенно удалились отъ основной пѣсни. Связь между частями плана нарушена: покаянная формула, неизбытные грѣхи Василья рецитируются отдѣльно другъ отъ друга, объясняются какъ эффектъ чисто внѣшній, смерть Василья—неожиданна, равно какъ и предлагаемый имъ дружинѣ скокъ черезъ камень. Разрозненныя части зданія собраны механически, и эпизоды пѣсни слѣдуютъ другъ за другомъ безъ

всякаго перехода. Въ этомъ отношеніи типична запись, помѣщенная въ Сборникѣ „Былинъ новой и недавней записи“ подъ № 94: въ ней безъ всякой связи разсказываются: встрѣча „на прогулкѣ“ съ человѣческой головой и съ каменной горою, подпись на которой, подъ угрозой проклятія, велитъ перескочить гору. Все вниманіе сказатель сосредоточилъ на томъ, какъ скакали черезъ гору Василій и дружина.

Такое сильное уклоненіе разобранныхъ записей отъ болѣе раннихъ, уклоненіе, выразившееся въ забвеніи и непониманіи сюжета, еще разъ подчеркиваетъ, что Пѣсня о нераскаянной кончинѣ была трудна для передачи позднѣйшимъ сказателямъ, и что основная пѣсня сохраняла идею отчетливѣе, чѣмъ она выявляется даже изъ анализа всѣхъ варіантовъ.

II.

Господствующее въ наукѣ объясненіе Пѣсни о нераскаянной кончинѣ является повтореніемъ разсужденій акад. Ѳ. И. Буслаева, находящихся въ его статьѣ: „Русскій богатырскій эпосъ“ [1]). Изслѣдователь предполагалъ за героемъ представителя новгородской вольницы и отмѣчалъ, что въ эпосѣ онъ прославляется, преимущественно, какъ богатырь. Это прославленіе выразилось въ стремленіи пѣсни „примирить насъ“ съ юношескими увлеченіями Василья Буслаева. Съ этой цѣлью пѣсня отправляетъ его въ искупительное хожденіе ко Гробу Господню. Однако, по словамъ Ѳ. И. Буслаева, „и здѣсь Василій не смирилъ своего неугоннаго нрава“. „Примиреніе“ не удалось, потому что оно и не лежало въ идеѣ пѣсни; самому изслѣдователю не было возможности настаивать на своемъ предположеніи, и онъ не поддерживаетъ его въ дальнѣйшемъ разсужденіи. Не касаясь разбора варіантовъ, авторъ заключилъ свою краткую замѣтку о Васильѣ Буслаевѣ ссылкой на Сказаніе о новгородскомъ раѣ, съ которымъ, по его мнѣнію, сходствуетъ „сказаніе о гибели Василья Буслаева на Алатырь-камнѣ въ виду соборной церкви и образа Преображенія“. Однако и эта параллель не убѣдительна: особенность представителей миѳологической школы относиться безъ критики ко всѣмъ варіантамъ, сказалась здѣсь ярко: все сравненіе построено лишь на одномъ изъ пересказовъ, сильно передѣлавшемъ мотивы основной пѣсни.

---

[1]) Народная поэзія. Историческіе очерки. Сборн. II отд. И. Ак. Наукъ XLII. Спб. 1887. Стр. 194—199.

Дальнѣйшіе историко-литературные обзоры, въ сущности, лишь повторяютъ изложенныя наблюденія. Къ вышеприведенному присоединилось развѣ еще представленіе объ „ушкуйничествѣ“ Василья. Оно опирается, главнымъ образомъ, на ту часть Пѣсни о нераскаянной кончинѣ, гдѣ описывается, какъ герой, возвратившись изъ какой-то поѣздки, снова готовитъ корабли для морского путешествія. При этомъ опять припоминались условія исторической жизни Великаго Новгорода, его колонизаторская дѣятельность, выработавшая „типъ удалого, смѣлаго и рѣшительнаго повольника“. Путь Василья „по Волгѣ“ въ Каспійское море окончательно убѣждалъ въ его тожествѣ съ „ушкуйниками-разбойниками“. И. Ждановъ [1]), которому принадлежитъ наиболѣе полный анализъ разбираемой Пѣсни, дѣлаетъ предположеніе, опирающееся, какъ и буслаевское, только на одинъ варіантъ, на старину Кирши Данилова, что поѣздка героя въ святыя мѣста, повидимому, является не первымъ опытомъ его плаванія. Изслѣдователь основывался на той вставкѣ въ пересказъ Кирши, которая была выдѣлена въ моемъ анализѣ какъ наносная и носящая типично казацкую окраску. Василій Буслаевъ, разсуждаетъ И. Ждановъ, не могъ, конечно, чрезъ Каспійское море попасть въ Святую землю, но, вѣроятно, Каспій являлся здѣсь воспоминаніемъ „о какомъ-либо первоначальномъ гуляньи“ Василья по Волгѣ, гуляньи, во время котораго онъ могъ доходить и до моря. Пѣсня должна была, продолжаетъ тотъ же изслѣдователь, первоначально разсказывать о „двухъ поѣздкахъ“ Василья: до его благочестиваго путешествія въ Іерусалимъ онъ „гулялъ“ по Волгѣ. Гулялъ, слѣдовательно, и ушкуйничалъ. Однако другихъ доказательствъ этому предыдущему гулянью кромѣ вышеупомянутой вставки нѣтъ въ остальныхъ пересказахъ. Да и въ самой вставкѣ трудно разглядѣть какой бы то ни было намекъ на раннее ушкуйничанье Василья. Поэтому гипотеза И. Жданова оказывается мало вѣроятной.

Одинаковость имени Василья Буслаева въ первой и второй пѣсняхъ заставляетъ думать, что въ Пѣснѣ о нераскаянной кон-

[1]) О. с. стр. 229 и слл.

чинѣ фигурируетъ то же самое лицо, которое участвовало въ разгромѣ и покореніи Новгорода. Василій окруженъ той же самой, по именамъ и по проявленію, дружиной, его характеристика выдержана совершенно въ томъ же тонѣ. Какъ прежде онъ убилъ ни въ чемъ неповиннаго духовнаго старца, да еще надругался надъ нимъ, такъ и здѣсь онъ прежде всего выставленъ лицомъ, относящимся кощунственно ко всему священному. И въ сознаніи передатчиковъ обѣ Пѣсни представлялись иллюстраціей біографіи одного героя; они пытались, правда, не всегда умѣло, соединять и ту и другую вмѣстѣ. Допуская, что обѣ пѣсни трактуютъ одно и то же лицо, нужно думать, что Василій Буслаевъ второй Пѣсни восходитъ къ той же исторической личности, которая была и въ первой. Поэтому, если Пѣсня о разгромѣ Новгорода являлась памфлетомъ на разореніе этого города Иваномъ Грознымъ, то Пѣсня о нераскаянной кончинѣ будетъ представлять поэтическую композицію, посвященную разработкѣ сюжета о царской кончинѣ.

Описаніе смерти московскаго царя Ивана IV, о жизни и поступкахъ котораго ходило такъ много и вѣроятныхъ и легендарныхъ разсказовъ, должно было, въ силу особенностей его біографіи, быть вставлено въ оригинальную обстановку. Дѣйствительно, и русскія лѣтописи и свидѣтельства иностранцевъ, изъ которыхъ иные были (какъ напримѣръ—Горсей) очевидцами этого событія, излагаютъ его въ тонахъ своеобразныхъ. Позднѣйшіе историки, особенно Карамзинъ, на основаніи имѣвшагося матеріала, рисовали тоже своеобразную картину этой царской кончины. „Тиранъ умеръ какъ жилъ,—губя людей“, говорилъ онъ о Грозномъ въ своей Исторіи [1]), резюмируя впечатлѣніе отъ прочитаннаго. Смерть Грознаго, по свидѣтельствамъ лѣтописей и разсказовъ иностранцевъ, была обставлена разнаго рода чудесными предзнаменованіями, и послѣдняя болѣзнь его развивалась подъ инспираціей какихъ-то астрологовъ-волхвовъ, привезенныхъ откуда-то изъ лапландскаго сѣвера. Крѣпкій здоровьемъ и еще далеко не ста-

[1]) Въ концѣ IX тома Исторіи Государства Россійскаго. Въ примѣчаніяхъ Карамзинъ указываетъ на иностранцевъ, писавшихъ о царской смерти.

рый царь умиралъ отъ внутренняго недуга, явившагося слѣдствіемъ его во всѣхъ отношеніяхъ невоздержной жизни. Сэръ Джеромъ Горсей [1]) разсказываетъ, что царь сталъ страшно пухнуть, „потому что онъ злоупотреблялъ собою въ теченіе 50 лѣтъ, хвастаясь тѣмъ, что осквернилъ тысячу дѣвицъ и погубилъ тысячи своихъ собственныхъ дѣтей“. Тяжкая и длительная болѣзнь эта должна была, естественно, разрѣшиться печальнымъ исходомъ, однако кончина царя понималась не какъ результатъ болѣзни, а какъ слѣдствіе какихъ-то предзнаменованій и предсказаній. По свидѣтельству Карамзина, смерть была давно „предсказана“ ему „и совѣстію и невинными мучениками“ — Висковатовымъ и Фуниковымъ-Карповымъ, казненными въ эпоху мрачныхъ гоненій 1570 года. „Большая блестящая звѣзда и другія удивительныя явленія были видимы каждую ночь въ теченіе семи недѣль надъ Москвою въ 1584 году, въ годъ, когда умерли: король Португаліи Себастіанъ, два короля Фецца и Марокко, въ Берберіи, и Іоаннъ Грозный“ [2]). Послѣдній самъ принялъ за знаменіе своей смерти увидѣнную имъ въ дворцовое окно комету. Вызванные колдуны даже точно опредѣлили, въ какой день скончается царь, указавъ на 18 марта. Сношеніямъ съ ними были посвящены всѣ послѣдніе дни жизни Ивана. Умирающій царь изображается не смиряющимся и кающимся, а какимъ-то другомъ людей, не вѣрующихъ въ обычную вѣру. За три дня до его кончины Горсей вмѣстѣ съ Борисомъ Годуновымъ и другими боярами были свидѣтелями того, какъ царь любовался своей казною и опредѣлялъ окружающимъ мистическое значеніе драгоцѣнныхъ камней: алмаза, рубина, изумруда, сапфира и оникса. По временамъ силы оставляли Ивана, но царь „еще не думалъ умирать: его нѣсколько разъ околдовывали и расколдовывали“. Только въ роковой день „діаволъ сталъ безсиленъ“ и не поддержалъ царя [3]). Не вѣрящій „ни въ сонъ ни въ чохъ“ царь былъ, какъ и Василій, сластолюбиво-циниченъ. Опираясь на свидѣтельство Одерборна, Карамзинъ

---

[1]) Записки о Московіи XVI вѣка. Пер. Н. И. Костомарова. Спб. 1909.

[2]) Горсей. О. с. Примѣчаніе переводчика на 55 стр., ссылающагося на 1585 годъ.

[3]) Ibid. 56—57.

передаетъ, какъ жена царевича Ѳеодора, пришедшая было къ болящему съ утѣшеніемъ, должна была убѣжать отъ его любострастія. Всю жизнь царь „игрался“ (головами, говоритъ пѣсня), и сама смерть застала Грознаго за игрой въ шахматы съ Бѣльскимъ. Царь скончался въ назначенный колдунами день, внезапно, безъ покаянія. „Его погребли великолѣпно въ церкви Архангела Михаила, гдѣ стерегли тѣло его день и ночь; гробъ его оставался страшнымъ зрѣлищемъ для памяти тѣхъ, которые проходили мимо или слышали его имя: они клали крестное знаменіе и читали молитву, страшась мысли его появленія на землѣ“, говоритъ Горсей.

Другой иностранный писатель [1]) сообщаетъ о томъ же еще ближе къ народнымъ преданіямъ, живущимъ и понынѣ. „Нѣкоторые думаютъ, что его (царя) похоронили съ большою пышностью въ церкви св. Михаила, возлѣ его предковъ. Въ самомъ же дѣлѣ было не такъ: въ тотъ самый день, когда онъ скончался, тѣло его пропало, и никто съ тѣхъ поръ не видалъ и не находилъ его“... „потому что за тяжкіе грѣхи и нехристіанскія дѣла слѣдуютъ суровыя и жестокія казни и удары“. Странные разсказы эти носятъ характеръ поэтическихъ измышленій. Они создались какъ бы для достойнаго заключенія жизни такого замѣчательнаго человѣка, какъ Грозный. Въ ихъ основаніи лежатъ, несомнѣнно, тѣ слухи и пересуды, которые должны были ходить среди современниковъ царской смерти. Поддержанные въ значительной степени совпаденіями, важными въ смыслѣ астрологическомъ, разсказы эти не носили характера объективнаго повѣствованія. На нихъ на всѣхъ лежитъ отпечатокъ страха передъ нераскаянной кончиной: совершившій такъ много злодѣяній царь въ тяжкой своей болѣзни, къ смущенію окружающихъ, не оставлялъ своихъ привычекъ — жестокости, любострастія; собирался жениться, выписывалъ колдуновъ, показывалъ себя знатокомъ наукъ астрологическихъ, наконецъ умеръ безъ напутствія, безъ митрополита, за шахматною игрою. Такая смерть православнаго царя должна была производить глубокое

[1]) Петръ Петрей изъ Эрлезунда. Чт. въ О. И. и Д. Р. 1866, I, стр. 161.

впечатлѣніе на общество. Въ поэтическомъ отвлеченіи оно и было передаваемо въ вышеприведенныхъ разсказахъ. Выходило такъ, что смерть была царю какъ бы наказаніемъ за рядъ поступковъ, во вредѣ и грѣховности которыхъ его неоднократно предупреждали.

Покойный акад. В. Ѳ. Миллеръ обратилъ мое вниманіе на разсказъ, приводимый Одерборномъ [1]) о чудесахъ, предшествовавшихъ войнѣ Ивана Грознаго со Стефаномъ Баторіемъ. Разсказъ этотъ подтверждаетъ оригинальную связь, или вѣрнѣе—конфликтъ личной воли Ивана съ какимъ то чудеснымъ камнемъ, и характеристика царя намѣчена въ немъ близко къ пѣсенному изображенію Василья Буслаева. Незадолго до войны, разсказываетъ Одерборнъ, въ подмосковной слободѣ Наливкахъ (haud procul ab oppido Nalio) произошелъ такой случай. Трое мужиковъ и трое бабъ отправились въ ближній лѣсъ за дровами, чтобы везти ихъ въ городъ. Возвращаясь подъ вечеръ домой, они услышали невѣдомый голосъ: Бѣгите! (Moschi, fugite). И когда они, перепуганные, бросились бѣжать, громадный мраморный камень, (qualis apud Germanos aliasque nationes mortuorum sepulcris imponi solet), съ громовымъ ударомъ упалъ съ неба на покрытую снѣгомъ землю, совершенно цѣлый, и на немъ была подпись неизвѣстными буквами (in eo ignotissimis characteribus, literaque fugiente scriptus vel potius epitaphium descriptum fuit, significans haud dubie, Moschorum sepeliendum esse imperium.) Трое мужиковъ было убито, женщины же, оправившись отъ потрясенія, обо всемъ происшедшемъ разсказали въ городѣ. Весь городъ сбѣжался: тѣла убитыхъ лежали на снѣгу, обагренномъ кровью, тутъ же былъ и таинственный камень. Народъ былъ пораженъ (atque ita triplici ostento moniti, certissimisque monstrorum ictibus pulsati, magnam patriae ruinam, et parum prosperos rerum suarum successus eodem tempore perspicari pectoris oculo providerunt.) Самъ Васильевичъ (Basilides) наконецъ, смущенно остававшійся дома, уступилъ просьбамъ—посѣтить мѣ-

[1]) Paul. Oderborn. Ioannis Basilidis Magni Moscoviae ducis vita. Перепечатка Вюртембергскаго изданія 1585 г., помѣщенная въ книгѣ Rerum Moscoviticarum auctores varii unum in corpus nunc primum congesti. Francofurti. MDC. Стр. 293—294.

сто гдѣ упалъ камень, хотя и былъ человѣкъ—praemonitus divinos spernere suaque consilia caelestibus praeferre solitus. Онъ отправился въ сопровожденіи митрополита и своихъ двухъ сыновей. Пораженный чудомъ, онъ проситъ митрополита, ut, quid literae exolescentes et incognitae velint, explicet. Тотъ отказался незнаньемъ. На слѣдующій день обратились за помощью къ двумъ магамъ, quos in Caconhusio et Overpolo jure belli coeperat, царь обѣщалъ имъ свободу и дары, если они разгадаютъ загадку на камнѣ. Тѣ также не смогли прочесть, но въ надеждѣ на обѣщанную награду, сказали: Regionis vastitatem vides, proinde sile et memento placere numen: pertinet enim haec signa ad populos et imperium tuum. Иванъ хоть и былъ смущенъ такимъ печальнымъ отвѣтомъ, однако приказалъ разбить камень на куски, а самъ немедленно уѣхалъ, miser profecto, qui imminentem calamitatem coelesti judicio destinatam, humanis consiliis impediri posse existimavit.

Своевольный и упрямый по характеру царь не внималъ предостереженіямъ даже тогда, когда ему предрекали и возмездіе за его ослушаніе. Подобный разсказъ передаетъ кн. Курбскій. Когда Казань покорилась, нововзятый городъ требовалось устроить, и царю совѣтовали, чтобы онъ пробылъ въ городѣ всю зиму, до весны, наладилъ бы дѣла и „до конца выгубилъ бы воинство басурманское“ и, такимъ образомъ, усмирилъ бы „землю на вѣки“. Но царь не послушалъ „мудрѣйшихъ“, а поспѣшилъ черезъ Нижній-Новгородъ въ Москву, гдѣ у него родился сынъ Дмитрій. Въ Москвѣ царь тяжко заболѣлъ, „огненнымъ недугомъ“, такъ что думали, онъ и не встанетъ. За выздоровленіе онъ далъ обѣтъ ѣхать въ Кирилловъ монастырь. Поправившись, царь немедленно тронулся въ путь, но предварительно заѣхалъ въ Сергіевъ монастырь, „что лежитъ на великой дорогѣ, которая идетъ къ Студеному морю“. Далекое путешествіе это было рискованнымъ: царь ѣхалъ съ царицею, новорожденнымъ сыномъ, да и самъ „еще былъ не зѣло здравъ“. Въ Сергіевомъ монастырѣ встрѣтился онъ съ Максимомъ Грекомъ, который обратился къ нему съ такой приблизительно рѣчью: Ты обѣщался по обѣту ѣхать къ св. Кириллу, но такой обѣтъ не согласенъ съ разумомъ. Вспомни, какъ ты завоевалъ прегордое и сильное басурманское царство, сколько

пало воинства, сколько народа осиротѣло послѣ побитыхъ, сколько пребываетъ въ скорби. Лучше же этихъ сиротъ пожаловать и устроить, нежели выполнять не по разуму данные обѣты. Богъ—вездѣсущъ, все видитъ недреманнымъ своимъ окомъ. И угодники его, въ томъ числѣ и св. Кириллъ, предстоящіе у престола Господа, имѣютъ „очи духовныя острозрительнѣйши“, и молятся Христу за всѣхъ, „паче же за кающихся грѣховъ и волею обращающихся отъ беззаконій своихъ къ Богу“. Молитва доходна не потому, что приносится на извѣстномъ мѣстѣ, а потому, что она вытекаетъ изъ доброй воли.—Однако царь, „яко гордый человѣкъ“, упрямился: „Ѣхати, да ѣхати, рече, ко святому Кириллу“. Тогда Максимъ, видя, что царь устремился „ко ѣханію безгодному“, сталъ прорицать ему, предостерегая: Если не послушаешь меня, совѣтующаго тебѣ по божески, забудешь о крови тѣхъ мучениковъ, что избиты отъ поганыхъ, презришь слезы сиротъ и вдовицъ и упрямо будешь продолжать путь свой,—знай, что сынъ твой умретъ и оттуда не возвратится. Если же послушаешь, будете здоровы, ты и сынъ твой.—Царь же, будучи „прелютостію наквашенъ“ благодаря наущеніямъ епископа Вассіана Топоркова, не послушался совѣта старца и отправился въ путь. Путешественники двинулись Яхромою до Волги, съ Волги въ Шексну, Шексною до озера великаго Бѣлаго. И вотъ, когда царь плылъ Шексною, сынъ его умеръ „по пророчеству святаго“. „Се первая радость за молитвами онаго предреченнаго епископа!“ иронически добавляетъ Курбскій, вспоминая о Топорковѣ. „Се полученіе мзды за обѣщанія не по разуму, паче же не богоугодныя!“ Царь вернулся изъ Кириллова въ большой печали, „тщима рукама“.

Не являясь отраженіемъ историческихъ подлежащихъ, Пѣсня о нераскаянной кончинѣ примыкаетъ къ этимъ разсказамъ заложеннымъ въ ней тономъ назидательнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, не сводится ли вся идея ея къ полученію мзды прелюто наквашеннаго за обѣщанія не по разуму, паче же не богоугодныя? Сохраняя псевдонимъ и проникнутое юморомъ отношеніе къ своему герою, Пѣсня представляетъ оригинальную поэтическую композицію, составленную по мотивамъ книжныхъ нравоученій.

Пѣсня начинается формулой хожденія въ Св. землю, пред-

принимаемаго паломниками изъ-за религіозныхъ побужденій. Формула эта не является исключительнымъ достояніемъ разбираемой композиціи. Она, какъ было указано, составляетъ еще зачинъ старины о 40 каликахъ со каликою. И тамъ и здѣсь зачинъ этотъ не открываетъ собою описанія какого либо паломничества: онъ введенъ въ качествѣ антитезы дальнѣйшему содержанію. Въ Пѣснѣ о нераскаянной кончинѣ желаніе каяться, выраженное исполненіемъ ряда благочестивыхъ поступковъ, противополагается совершенью ряда тяжкихъ прегрѣшеній; въ пѣснѣ о 40 каликахъ со каликою—желаніе выполнить заповѣди также противоположено грѣху, хотя совершившій его и оказывается невиноватымъ.

Формула хожденія, выразившаяся въ стремленіи Василья Буслаева ѣхать на Ердань-рѣку къ святому граду Іерусалиму, чтобы поклониться гробу Господню, выкупаться въ Іорданъ-рѣкѣ, приложиться къ кипарисъ-дереву, утереться нетлѣнной ризой, дѣйствительно, не есть выраженіе паломничества, а риторическій пріемъ. Не говоря уже о томъ, что основная Пѣсня о нераскаянной кончинѣ въ дальнѣйшемъ ничѣмъ не касается описанія Палестины и не говоритъ о пребываніи тамъ, въ риторичности зачина убѣждаетъ еще сравненіе его съ началомъ „Житія и хожденія въ Іерусалимъ и Египетъ казанца Василія Яковлева Гагары, въ 1634—1637 гг.“ [1]).

Хожденіе это извѣстно въ двухъ редакціяхъ, существенно отличающихся другъ отъ друга, особенно въ началѣ. Вторая разсказываетъ, какъ авторъ, „смиренный и многогрѣшный въ человѣцехъ“, слыша о палестинскихъ мѣстахъ, гдѣ Іисусъ Христосъ воплотился отъ Пречистыя Дѣвы Маріи, ревностно пожелалъ „еже ми тамо быти и помолитися святымъ мѣстомъ и въ Ерусалимѣ животворящему кресту Господню и гробу Владычню поклонитися и по протчимъ святымъ мѣстомъ походити“. Съ этой цѣлью Гагара и отправляется въ путь по излагаемому изводу. Этому выдержанному въ обычномъ стилѣ паломническихъ повѣстей началу прямо противоположно вступленіе первой редак-

[1]) Издано подъ редакціей С. О. Долгова въ „Православ. Палестинскомъ Сборникѣ“, Вып. 33. Спб. 1891 г.

ціи Хожденія. Въ ней смиренный и многогрѣшный паломникъ рисуется извергомъ, образцомъ грѣховности и скверны. „И жихъ отъ юности своея житіе свое блудно и скверно проводилъ, аки свинія въ калѣ грѣховнѣ пребыхъ, блудъ творяще безпрестанно: не имѣхъ бо ни среды, ни пятка, ни торжественнаго божія праздника, многажды впадаше въ блудъ и бываше съ мужескимъ поломъ и з женскимъ, съ русскимъ же и бусурманскимъ, и скоты многими прегрѣшихъ блудомъ. И того моего сквернаго и блуднаго житія было сорокъ лѣтъ, до древности лѣтъ живота моего“.

Редакторъ памятника, С. О. Долговъ, воздерживаясь отъ категорическаго рѣшенія о времени происхожденія столь несходныхъ между собою редакцій, отмѣчаетъ первую какъ изобилующую народными словами и оборотами. Столь уничижительная характеристика Гагары могла быть пріемомъ контраста, чтобы еще болѣе оттѣнить благотворное воздѣйствіе на него путешествія въ Св. землю, самая мысль о которомъ въ старину равнозначила очистительной молитвѣ. Риторическій пріемъ этотъ подчеркивается въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ замѣтно прямое вліяніе пѣсни.

Послѣ ряда напастей: гибели имущества, смерти жены, я, говоритъ Гагара, „обѣщахся въ печали своей во Іерусалимъ ити помолитися и у Господня гроба приложитися и во Іерданѣ искупатися, и многимъ патріархамъ греческимъ о грѣсѣхъ своихъ блудныхъ и скверныхъ покаятися и потомъ отъ нихъ приняти благословеніе“. Далѣе описываются сборы Гагары въ путь, т.-е. начинается, собственно, Хожденіе, вышеприведенное вступленіе къ которому являлось, такимъ образомъ, лирическимъ зачиномъ, сведеннымъ къ прямому заимствованію изъ пѣсни. Центръ тяжести въ этомъ зачинѣ лежитъ въ глубоко сознанной на старости лѣтъ грѣховности автора и желаніи покаяться.

Пѣсня о нераскаянной кончинѣ пользуется тѣмъ же пріемомъ: Василій изображается кающимся, какъ бы сознающимъ свою мерзостную жизнь „подъ старость“: „съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти“. (Кирша). Стремящимся къ покаянію представленъ Василій въ старинѣ сборника Тихонравова и Миллера № 62:

101. Приходитъ Василій къ родной матушкѣ,
Садился онъ на лавоцьку брусовую,
Повѣсилъ свою буйную головушку:
Ахъ, ты мать, ты моя матушка,
Спусти меня Богу молитися,
Во грѣхахъ пойду прощатися,
Во Ердани-то пойду купатися.

Стремленіе къ покаянію чаще всего обнаруживалось на склонѣ лѣтъ. Въ этомъ отношеніи варіантъ Кирши стоитъ, вѣроятно, близко къ основной пѣснѣ.

Пѣсня о нераскаянной кончинѣ, вводя въ зачинъ формулу хожденія въ Св. землю, оттѣняетъ этимъ свое обличительное направленіе, выраженное въ несоотвѣтствіи намѣреній героя съ дальнѣйшими поступками. Итти въ Св. землю выражало высшую степень раскаянія, это подтверждаетъ первая редакція Хожденія Гагары. Однако „подвиги“ Василья далеко не вяжутся съ принятымъ рѣшеніемъ, и не вѣрящій „Васинька“ остается по прежнему буйнымъ удальцомъ и циникомъ.

Исчисленіе этихъ прегрѣшеній-подвиговъ составляетъ основу пѣсни. Разнообразіе варіантовъ именно въ этой части композиціи, попытки по мѣрѣ возможности запомнить и осмыслить трудные для памяти мотивы, забвеніе нѣкоторыми варіантами самой покаянной формулы показываютъ, что все вниманіе позднѣйшихъ сказателей было сосредоточено на изложеніи этихъ приключеній, а не на изображеніи паломничества, сводящагося въ сущности, лишь къ одному общему мѣсту зачина. Прибавка къ двумъ грѣхамъ третьяго — купанья нагимъ тѣломъ во Іорданѣ еще болѣе подтверждаетъ, что именно эта часть была центральной и, какъ наиболѣе интересная, подвергалась процессу осложненія.

Содержаніе главной части Пѣсни о нераскаянной кончинѣ состоитъ такимъ образомъ изъ разсказовъ назидательнаго характера, сопровождающихся заключеніемъ, выражающимъ логическое слѣдствіе повѣствованія. По своему назидательно догматическому характеру и по мотивамъ Пѣсня находится въ ближайшемъ отношеніи къ Синодику, книгѣ, возникшей на рубежѣ XVI—XVII столѣтій.

Проф. Е. В. Пѣтуховъ, разбирая лирико-описательно-назидательный элементъ синодиковъ [1]), указываетъ, между прочимъ, на статью, носящую заглавіе: „Видѣнія преподобнаго отца нашего Ѳеоктиста инока обители Студитскія“, встрѣчающуюся въ нѣкоторыхъ экземплярахъ синодиковъ. Статья эта открывается короткимъ введеніемъ, предлагающимъ читателю припомнить „видѣнія“—„егда оунываетъ оумъ в дѣлѣ непрестаннемъ и в молитвѣ“.

Видѣній разсказано три: первое даетъ изображеніе гніющаго трупа, долженствующее напомнить „непостоянство и суровство оусты человѣческими“; второе—изсохшихъ костей праведныхъ и грѣшниковъ: всѣ кости послѣ тлѣнія одинаковы, такъ что нельзя разобрать, кто нищъ, кто богатъ, кто святъ, „кто ли яко же азъ грѣшный“; третье—муки ада, вызывающія чувство ужаса: „горе грѣшникомъ моуки ожидающим и паки оскверняющим тѣло“. Эти три описательныхъ разсказа сведены къ заключительному поученію—призыву къ презрѣнію земной жизни и къ помысламъ о жизни будущей. Предполагается исправить себя, позаботиться о душѣ, чтобы сподобиться божьей благодати. Главная мысль синодиковъ—почитаніе умершихъ выражена здѣсь напоминаніемъ о сходствѣ „сухояловыхъ костей“: онѣ всѣ одинаковы, хотя бы принадлежали и святымъ, поэтому всѣ останки должны быть предметомъ почтительнаго отношенія.

Эта лирико-описательная статья по структурѣ чрезвычайно напоминаетъ разбираемую Пѣсню. И послѣдняя составлена изъ разсказовъ-видѣній; только примѣненная къ опредѣленному лицу, она должна была имѣть болѣе реальный выводъ — указаніе на судьбу дѣйствующаго въ ней героя.

Первое приключеніе Василья состоитъ во встрѣчѣ его съ человѣческимъ черепомъ, лежащимъ на горѣ (Сорочинской—Сіонъ—Ѳаворъ — Фараонъ горѣ). Василій относится къ нему непочтительно (пнулъ ногой, „заразилъ“, хлестнулъ). Въ отвѣтъ на такое обхожденіе черепъ провѣщился, укорилъ его за грубое отношеніе, напоминая, что онъ былъ такимъ же, какъ Василій, и послѣдній

[1]) Въ своемъ изслѣдованіи: „Очерки литературной исторіи синодика“. Изд. О-ва любит. др. письм. Спб. 1895.

будетъ такимъ же, какъ онъ. Уклоненіе отъ основного извода выразилось въ нѣкоторыхъ варіантахъ въ замѣнѣ черепа—сухояловой костью и въ рѣчи Василья, отвлеченной отъ назидательнаго наставленія мертвой головы. И. Ждановъ въ своемъ изслѣдованіи [1]) указываетъ, что черепъ, вѣщающій предостерегательныя рѣчи, воспроизводится въ рядѣ изображеній, входившихъ въ составъ лицевого синодика. Дѣйствительно, оба мотива разсказа: 1) встрѣча съ мертвой головою и 2) нравоученіе встрѣчаются въ числѣ синодичныхъ статей. Въ указанномъ изслѣдованіи проф. Е. В. Пѣтухова приводится разсказъ о Макаріи Египетскомъ, встрѣтившемъ однажды на дорогѣ черепъ эллинскаго жреца. Онъ коснулся послѣдняго жезломъ и спросилъ, гдѣ находится его душа. Черепъ далъ нѣкоторыя объясненія о загробномъ мірѣ. Выслушавъ ихъ, Макарій съ честію похоронилъ его. Интересно, что въ нѣкоторыхъ редакціяхъ этого эпизода черепъ, какъ и въ варіантахъ Пѣсни, замѣненъ сухой костью: „Нѣкогда преподобный Макари ходя по пустыни и обрѣте лбину кость суху и помолися за ню и избави ю отъ муки“ [2]).

Что касается второго мотива, то на лубочныхъ картинахъ, заимствованныхъ изъ синодичныхъ миніатюръ, изображалась Адамова голова, перевитая змѣею, а внизу текстъ. Переводъ и надписи такихъ картинъ, извѣстныхъ Ровинскому, сходны съ Синодикомъ 1700 года, гравированнымъ Л. Бунинымъ. Надписи въ нихъ слѣдующія: „Помяни, человѣче, послѣдняя твоя, да во вѣки не согрѣшиши: се бо образъ твой измѣняется, а грѣховный змій въ немъ вселяется. Летитъ время часами во дни и въ нощи, яко крылами.—Зри, человѣче, и познавай, чія сія глава, по смерти твоей будетъ твоя такова. Глаголѣ сія зрящему на мя, азъ убо бѣхъ, якоже ты, ты же будеши, яко же азъ, сія глава сама о себѣ сказуетъ и подобіе свое намъ показуетъ. — Зри человѣче, сію главу, сердцемъ умилися и, помышляя псаломскую рѣчь, въ

---

[1]) Стр. 346.

[2]) Рук. Имп. Пуб. Б-ки Q. 1. 701. См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1891, III: „О спорѣ души съ тѣломъ въ средневѣковой литературѣ“, изслѣдованіе Ѳ. Д. Батюшкова.

себѣ прослезіся, человѣкъ, яко трава, а вѣкъ исчезаетъ, якоже цвѣть на семъ скоро отцвѣтаеть, ибо духу изшедшу изъ него не бываетъ, къ тому мѣста своего въ мирѣ не познаетъ.—Сей предѣль всѣмъ непреходны отъ смерти, животь отъ живота вѣчность, днесь мнѣ, а заутра тебѣ. Сирахъ. Глава й". Другія картинки замѣняютъ слово „глава" словомъ „кость": „Кости зракъ, смерти знакъ, зри се всякъ, будеши такъ. Виждь, человѣче, свое тѣлесное суетствіе и внимай: яко будеши по малѣ времени самъ костемъ сообразенъ и всякаго временнаго имѣнія и красоты міра сего суетнаго лишаемъ" [1]). Эти синодичныя нравоученія мѣстами, какъ видно, сходны почти текстуально съ Пѣсней. Нарисованная на картинѣ голова должна была усиливать нравоучительныя подписи: по впечатлѣнію выходило, что она сама говоритъ предостереженія. Такъ и былъ понятъ этотъ образъ поэтической композиціей, заставившей провѣщиться встрѣченный черепъ. Герой вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, какъ Макарій Египетскій. Самостоятельное привнесеніе Пѣсни состоитъ въ томъ, что Василій вмѣсто того, чтобы умилиться и послушаться, плюетъ съ досады на это нравоученіе или пренебрежительно обрѣзаетъ: „Сама спала, себѣ сонъ видѣла".

Почему Пѣсня остановилась для выраженія основной мысли о нераскаянной кончинѣ именно на эпизодѣ встрѣчи героя съ черепомъ, можетъ быть, нѣкоторымъ образомъ, объяснено статьей обличительнаго характера, также часто прибавляемой къ нѣкоторымъ синодичнымъ разсказамъ. Проф. Е. В. Пѣтуховъ считаетъ эту прибавку произведеніемъ русскаго авторства и говоритъ, что ей нельзя отказать въ извѣстной выразительности и силѣ. Начинаясь вопросомъ: „Кая бо есть полза, аще и всего міра богатство соберетъ, а душоу свою погубитъ? чимъ можетъ іскупити?—она напоминаетъ о преходимости и краткости жизни: какъ бы кто не украшался, ни славился, все равно сдѣлается прахомъ: „Сего ради, цари и князи, не величайтеся і видите оумершаго: вам то же будетъ... Се бывый всѣмъ грозенъ, нынѣ же видится злѣ осужденъ; і его же бояхуся всѣ, сіи же трепещет вес, відяи

[1]) Ровинскій. Русскія народныя картинки. Томъ III. Стр. 216, 131, 190.

власти ангельскія, страшный вес испаде". Въ памфлетѣ на Грознаго, котораго всѣ боялись, было очень умѣстно вспомнить это синодичное наставленіе [1]).

Второй эпизодъ—встрѣча съ камнемъ связывается съ предыдущимъ той группой варіантовъ, гдѣ мистическій камень оказывается результатомъ превращенія черепа или замѣняющей его кости. И. Ждановъ указываетъ на возможность такого перехода отъ Адамовой головы къ камню въ апокрифическомъ сказаніи о ловчемъ царя Соломона, который разсказываетъ о своемъ приключеніи: „Видѣхъ пещеру и вънидохъ въ неи, конь мой вънеуду стояше, азь же сь хрьтомъ і ястрѣбомь вънидохъ и видехь кость, а не камень пещера ть. Царь наутріе иде и очисты кость отъ кореніа и отъ прьсты и позна, яко то есть Адамова глава". Такъ какъ черепъ Пѣсни восходитъ къ Адамовой главѣ синодичныхъ изображеній, то упоминаемый далѣе камень, говоря словами И. Жданова, могъ „сблизиться въ воспоминаніи съ этимъ черепомъ Адама похожимъ на камень" [2]). Дальнѣйшая гиперполизація выразилась въ представленіи камня горою, (огненною, говорятъ новѣйшія записи).

Другая группа варіантовъ описываетъ этотъ камень съ точки зрѣнія его необыкновенной величины: длина, ширина и высота его мѣряются десятками саженъ. Описательныя формулы въ этомъ случаѣ буквально совпадаютъ съ формулами описанія Голубиной книги:

1. Отъ каменя отъ Алатыря,
   Отъ его головы оть Адамовой,
   Посреди поля Сарачинскаго
   Выпадала книга Голубиная.
32. Эта книга да немалая,
   Долиной книга сороку сажень,

---

[1]) Самъ Грозный очень интересовался идеей поминовенія усопшихъ, посылалъ съ этой цѣлью на востокъ огромныя суммы, (что равнозначило паломничеству въ Св. землю), вступалъ съ лютеранскимъ пасторомъ въ разговоры о погребеніи, обрядахъ отпѣванія и о поминаніи. См. у Е. В. Пѣтухова примѣчаніе на стр. 308 и Н. Каптерева: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI—XVII ст. М. 1885.

[2]) О. с. стр. 350.

Шириной книга двадцати сажень.

(Вышиной книга тридцати сажень). (Безсоновъ II, 86).

Саженями мѣряется объемъ книги въ большинствѣ варіантовъ. Описаніе камня въ варіантѣ Кирши—гдѣ онъ въ вышину три сажени, въ длину три аршина съ четвертью, а „черезъ ево только топоромъ подать"—очень напоминаетъ и по формѣ книгу. Сходство формулъ описанія — не случайно. „Превеличающей" камень, размѣромъ съ Голубиную книгу, привнесъ въ варіанты много красочныхъ воспоминаній изъ стиха о Голубиной книгѣ. Послѣдняя, выпавшая „посреди поля Сорочинскаго" дала возможность помѣстить и камень на „горѣ Сорочинской". Замѣна послѣдней Сіонъ-горою восходитъ къ упоминающейся въ Стихѣ церкви—„церквамъ матери", представленіе о которой коренится на преданіяхъ о церкви Сіонской. В. Мочульскій приводитъ описаніе Сіонской церкви у діакона Игнатія (1391 г.), въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Въ той же церкви камень лежитъ, на которомъ Пречистая Богородица поклоны клала; тамъ же въ этой церкви два камня, на которыхъ Христосъ сиживалъ часто". Паломникъ Зосима, называя Сіонскую церковь „мати всѣмъ церквамъ", также упоминаетъ о двухъ камняхъ, принесенныхъ ангелами, которые пожелала видѣть Пречистая, и на которыхъ бесѣдовалъ Христосъ съ Моисеемъ на горѣ „Синайстѣ", и которые называются „Купиной неопалимой" [1]).

Замѣна Сіонъ-горы горою Ѳаворъ (въ искаженіи „Фараонъ"; ср. „гору Фарафонскую" нѣкоторыхъ варіантовъ стиха о Голубиной книгѣ) явилась результатомъ воздѣйствій того же Стиха. На вопросъ: которая гора всѣмъ горамъ мати, обыкновенно дается такой отвѣтъ:

Ѳаворъ гора всѣмъ горамъ мати.
Преобразился на ней самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ, Царь небесный свѣтъ,
Съ Петромъ, со Іоанномъ, со Іаковомъ
Съ двунадесятью Апостолами,
Показалъ славу ученикамъ своимъ:
Потому Ѳаворъ гора горамъ мати.

[1]) Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава 1887.

Нѣкоторые варіанты Стиха путаютъ имена Θаворъ и Сіонъ-горы. Пѣсенное сближеніе этихъ горъ вышло изъ символической ихъ близости. Съ воспоминаніемъ о Мельхиседекѣ, говоритъ В. Мочульскій, соединяется воспоминаніе о трапезѣ-жертвенникѣ на Θаворѣ, а съ горою Сіонъ—преданія о первомъ христіанскомъ алтарѣ-трапезѣ. Преданія же о чудесныхъ камняхъ: 1) о первой христіанской трапезѣ-алтарѣ, 2) о чудесномъ камнѣ, положенномъ Спасителемъ въ основаніе Сіонской церкви и 3) о камнѣ, снесенномъ съ Синая и положенномъ на мѣстѣ алтаря въ той же церкви—лежатъ въ основаніи представленій о камнѣ Алатырѣ и Латырѣ [1]). О послѣднемъ также упоминаетъ Стихъ о Голубиной книгѣ:

Бѣлый Латырь камень всѣмъ каменямъ мати.
На бѣломъ Латырѣ на камени
Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Исусъ Христосъ царь небесный
Съ двунадесяти со учителямъ;
Утвердилъ Онъ вѣру на камени,
Распустилъ Онъ книги по всей земли. (Формула).

Θаворъ-гора, Латырь и Преображенская церковь упоминаются въ варіантѣ Р. I, 60, цитированномъ выше. Ихъ нахожденіе въ этой старинѣ ставитъ ее въ тѣснѣйшую зависимость отъ Стиха о Голубиной книгѣ. Въ другихъ варіантахъ эта связь слабѣе, но также несомнѣнна. Очень ясно она выражена въ новѣйшемъ пересказѣ Крюковой, которая прямо указываетъ на источникъ заимствованій: Василій просится у матери ѣхать:

375. Мнѣ сходить то нать вѣдь, сьѣзьдить на сьвяту гору,
Пріобразилсэ, на гору-ту, гдѣ Исусъ Христосъ,
Гдѣ Исусъ-отъ Христосъ да гдѣ небесной царь:
Тамъ вѣдь есь-то, скажутъ, стоитъ церьква соборная,
Тамъ соборная церьква все Пріображеньская,
А двѣнадцеть есь престоловъ тутъ, двѣнадцеть крылосовъ;
Тамъ вѣдь есь-то, скажутъ, камень Латырь есь,

[1]) А. Н. Веселовскій. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. III.

Ишше Лытырь-отъ камень-отъ святой-отъ все:
Установилъ-то намъ Исусъ Христосъ, небесной царь,
Шьчо на томъ-то камню вѣру православную,
Написалъ то онъ на томъ камню всю книгу Голубинную
Со двѣнадцетью онъ все вѣдь со апостолами.

Сказательница, привыкшая отдавать себѣ отчетъ въ пропѣтомъ, припомнила всѣ аттрибуты Сіонской церкви.

Итакъ—мистическій камень былъ не простой. Въ варіантахъ Пѣсни о нераскаянной кончинѣ онъ представленъ съ подробностями легендъ, распущенныхъ въ Стихѣ о Голубиной книгѣ[1]). По словамъ И. Жданова—камень этотъ „могъ представляться предметомъ необыкновеннаго значенія, невольно вызывающимъ работу воображенія". Однако почему варіанты разбираемой Пѣсни такъ охотно брали краски именно изъ Стиха о Голубиной книгѣ? Причинъ этому, думаю, было двѣ. Во первыхъ—синодичное упоминаніе о провѣщемся черепѣ Адамовой главѣ, составляющее первый эпизодъ Пѣсни, находится въ нѣкоторыхъ варіантахъ Стиха о Голубиной книгѣ:

А глава главамъ мать—глава Адамова:
Потому, что когда жиды Христа
Роспинали на лобномъ мѣстѣ,
То крестъ поставили на святой главѣ Адамовой [2]).

Это указаніе Стиха находится въ связи съ разсказомъ паломника игумена Даніила о „литостратонѣ": „Круглъ же есть камень тотъ, яко горка мала; посреди же камня того на верху есть скважня (описывается величина); и ту былъ крестъ водруженъ. Исподъ же подъ тѣмъ камнемъ лежитъ глава Адамова, перваго человѣка". Когда Христосъ былъ распятъ, „тогда и той камень просѣдеся надъ главою Адамовою, и тою разсѣлиною сниде кровь и вода изъ ребръ Господнихъ на главу Адамлю и омыи грѣхи рода человѣча". Упоминаніе объ Адамовой головѣ въ Стихѣ привлекло къ ней библейскія украшенія; замѣна ея камнемъ въ Пѣснѣ должна была оставить за послѣднимъ тѣ же краски и ту же символику.

---

[1]) Припомню, что камень, упавшій съ неба въ Наливкахъ, упалъ такъ же, какъ и Голубиная книга.

[2]) В. Мочульскій. О. с. стр. 183.

Вторая причина связи съ Голубиной книгой заключается въ томъ, что Сіонскій камень Стиха замѣнилъ собою символическій „камень преткновенія“, о которомъ говоритъ И. Ждановъ [1]). Библейскій камень преткновенія, этотъ великій и загадочный камень, изображается метафорическимъ стилемъ писателями на страницахъ ветхаго и новаго завѣта. „Аще будеши уповая не него, говоритъ Исаія, будетъ тебѣ во освященіе, а не якоже о камень претыканія преткнешися, ниже яко о камень паденія“. Апостолы Петръ и Павелъ повторяютъ образы ветхозавѣтнаго пророка: „Сказано въ Писаніи: вотъ я полагаю въ Сіонѣ камень краеугольный, избранный, драгоцѣнный, и вѣрующій въ него не постыдится. Итакъ онъ для васъ, вѣрующихъ, драгоцѣнность, а для невѣрующихъ камень, который сдѣлался главою угла, камень претыканія и камень соблазна. (Первое посланіе Петра). „Се полагаю въ Сіонѣ камень преткновенія и камень соблазна: но всякій вѣрующій въ Него не будетъ постыженъ“ (Посланіе къ Римлянамъ).

Вотъ этотъ „камень преткновенія“ и фигурировалъ въ основной Пѣснѣ. Имъ, какъ символическимъ образомъ, воспользовался не только разбираемый памфлетъ о нераскаянной кончинѣ. Среди повѣстей Смутнаго времени [2]) находится „Исторія о первомъ патріархѣ Іовѣ московскомъ“, представляющая памфлетъ на царя Бориса Годунова. Авторъ даетъ послѣднему такую характеристику: „Быстръ убо и строптивъ сей царь Борисъ и не хотя видѣти обличника себѣ, тѣмъ же непороченъ единъ путь ходити оставивъ и во два пути хождаше, и ово убо десныхъ лестію держася, ово же шуихъ хотѣнія своя исполняя, *тѣмъ же и предкнулся о камень соблазнъ и разбися отъ нихъ*“. Вѣроятно, этотъ образъ былъ въ ходу въ литературѣ памфлетовъ опредѣленнаго времени, если имъ воспользовались въ одинаковой степени Исторія и Пѣсня.

Память передатчиковъ, забывшихъ символическое значеніе камня, дѣлала длинный и запутанный путь въ области библейскихъ воспоминаній, распущенныхъ въ поэтическомъ изложеніи Стиха о Голубиной книгѣ. Герой Пѣсни „преткнулся о камень соблазнъ

[1]) О. с. стр. 362—363.

[2]) Русская Историческая Библіотека. Томъ XIII.

и разбися"—этотъ образъ былъ понятъ буквально: камень былъ увеличенъ въ размѣрахъ, его нельзя было обойти, требовалось преодолѣть „скокомъ". Скаканье варьировалось и, какъ эффектъ внѣшній, не только запоминалось лучше, но и стало трактоваться какъ своего рода испытаніе силы или состязаніе. Въ дальнѣйшихъ разработкахъ этого эпизода вводилась сказочная надпись неустойчиваго содержанія; варіанты явно уклонились отъ основной идеи, полагая, что Василій умеръ отъ физическаго удара о камень во время этого скаканья.

Впрочемъ тотъ же Синодикъ могъ поддерживать и этотъ внѣшній эффектъ удара. Въ числѣ повѣствовательныхъ статей его, находится одна, разсказывающая, какъ нѣкто, страдая отъ болѣзни, велѣлъ по себѣ раздать милостыню бѣднымъ и черезъ это сдѣлался здоровъ. Но вскорѣ онъ раскаялся въ своей щедрости. Тогда пришелъ къ нему одинъ человѣкъ, предложилъ итти за нимъ въ церковь и поклясться передъ образомъ, что розданная имъ милостыня принадлежала не ему, а этому человѣку. На такомъ условіи пришедшій обѣщался возвратить роздавшему сторицею то, о чемъ онъ такъ сожалѣлъ. Тотъ исполнилъ все это, получилъ деньги, но, при выходѣ изъ церкви, внезапно ударился о порогъ и тутъ же умеръ, а отдавшій ему сторицею деньги, раздалъ ихъ нищимъ" [1]).

Такимъ образомъ выясняется, приблизительно, композиція основной Пѣсни. Поэтъ, желая выразить впечатлѣніе, произведенное внезапной смертью Ивана Грознаго, имѣлъ въ виду представить въ поэтическомъ отвлеченіи назидательную укоризну по поводу достойнымъ образомъ завершившейся грѣшной жизни. Формой для своего повѣствованія онъ воспользовался синодичной, начавъ разсказомъ о поучающемъ черепѣ. Смерть царя была изображена иносказательно введеніемъ мотива камня-преткновенія. Если возникновеніе Синодика, какъ народной книги съ литературнымъ содержаніемъ, „слѣдуетъ относить не ранѣе какъ къ самому концу XVI вѣка" [2]), и если вышеприведенный памфлетъ на царя Бориса можетъ быть отнесенъ къ началу XVII вѣка, то и

[1]) Е. В. Пѣтуховъ. О. с. стр. 157.
[2]) Ibid. стр. 88.

Пѣсня о нераскаянной кончинѣ получаетъ довольно точное хронологическое опредѣленіе, какъ отражающая модные и популярные мотивы литературы конца XVI и самаго начала XVII вѣка.

Такъ какъ библейскія воспоминанія, которыми опредѣляли мистическій камень, связаны такъ или иначе съ Палестиной,—тамъ находились всѣ припоминаемыя чудеса, то представить кающагося Василья-Ивана паломникомъ было вполнѣ естественно. Поэтому въ зачинъ Пѣсни была введена формула покаяннаго хожденія, какъ антитеза дальнѣйшему содержанію. Формула эта, какъ уже указано, является риторическимъ пріемомъ, и вся Пѣсня очень далека отъ описанія какой бы то ни было паломнической поѣздки.

Вводный эпизодъ купанья въ Іорданѣ могъ зайти въ Пѣсню благодаря воспоминаніемъ о томъ же Адамѣ. Онъ не портитъ содержанія Пѣсни, иллюстрируя еще разъ неукротимость и упрямство Василья. Эпизодъ этотъ введенъ позже, съ цѣлью представить Василья дѣйствительнымъ паломникомъ, нарушившимъ установленный обычай—купанья въ Іорданѣ въ рубашкахъ: „Божіею благодатію, говоритъ Гагара, сподобихомся искупатися во Ерданѣ рѣцѣ: мужіе и жены всѣ купались въ рубашкахъ“. Кромѣ представленія Іордана Христовой крестильней, съ этой рѣкой связаны преданія, представлявшія ее рѣкой покаянія. Въ апокрифахъ разсказывается, что Адамъ послѣ грѣхопаденія, „иде во Іордань каятися... Погрузися весь во Іордани и пребысть сорокъ дній“. Упоминаніе объ Адамѣ въ Пѣснѣ могло притянуть туда и этотъ разсказъ о купаньи, въ которомъ не только лишній разъ подчеркивалась необузданность и самоувѣренность Василья, не уважавшаго священныхъ воспоминаній, но который, кромѣ того, былъ подъ стать легендамъ нравоучительнаго характера, послужившимъ матеріаломъ для Пѣсни. И. Ждановъ приводитъ содержаніе ряда разсказовъ объ испытаніи гордаго царя купаньемъ. Не останавливаясь подробно на этихъ мотивахъ, можно сказать только, что они одинаково отразились какъ на купаньи Василья, такъ и Добрыни. Въ виду отсутствія тѣсной связи этого эпизода съ Васильемъ Буслаевымъ, я и не счелъ возможнымъ вводить разсказъ о купаньи въ основную Пѣсню. Въ качествѣ же дополненія къ на-

зидательнымъ мотивамъ онъ общаго впечатлѣнія, повторяю, не портитъ.

Составленная на основаніи библейско-синодичныхъ поученій, примѣненная къ опредѣленному лицу, скрытому подъ псевдонимомъ, Пѣсня о нераскаянной кончинѣ была трудно доступна памяти позднѣйшихъ сказателей, остановившихся надъ рецитаціей внѣшнихъ эффектовъ, но совершенно забывшихъ основную идею.

Пѣсня о спасеніи Никитой Романовичемъ царскаго сына.

I.

Въ собраніи Кирѣевскаго (выпускъ VI, стр. 55—113) отдѣлъ пѣсенъ, въ которыхъ разсказывается объ осужденіи на казнь царемъ Иваномъ Грознымъ сына и освобожденіи послѣдняго Никитой Романовичемъ, шуриномъ царскимъ, озаглавленъ „Царь хочетъ убить сына“. Заглавіе это не совсѣмъ удачно: царь не только „хочетъ“, а рѣшилъ и увѣренъ, что казнь состоялась. Въ другихъ сборникахъ варіантамъ этого сюжета присвоены иные заголовки. Обычно, у Гильфердинга и Рыбникова, старины называются: „Грозный царь Иванъ Васильевичъ“,—названіе, не выясняющее содержанія. Въ записяхъ гг. Гуляева [1]), Маркова и Григорьева:—„Царь Иванъ Васильевичъ и сынъ“, „Иванъ Грозный и его сынъ“: Но и при такомъ заголовкѣ не ясно, о чемъ говоритъ пѣсня. Варіанты Истомина и Дютша названы „Никита Романовичъ“; это—ближе къ самому содержанію, такъ какъ Никита Романовичъ является, въ сущности, главнымъ героемъ пѣсни. Въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, понималъ ея содержаніе сборникъ Кирши Данилова, гдѣ пѣсня (№ XLIII) обозначена: „Никите Романовичу дано село Преображенское“. Исходя изъ того соображенія, что варіантами разбираемой пѣсни на первый планъ выдвинуто освобожденіе невинно осужденнаго царевича Никитой Романовичемъ, причемъ симпатія пѣсни сосредоточена именно на этихъ двухъ персонажахъ, я предлагаю разбираемую пѣсню назвать—*Пѣсней о спасеніи Никитой Романовичемъ царскаго сына*“.

---

[1]) См. В. Ѳ. Миллеръ. Историческія пѣсни изъ Сибири. Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, 1904. I.

Варіанты этой Пѣсни многочисленны и, по замѣчанію В. Ѳ. Миллера, были любимѣйшими въ циклѣ пѣсенъ объ Иванѣ Грозномъ: „Видно, что фантазія отдѣльныхъ сказателей въ теченіе вѣковъ, прошедшихъ со времени сложенія пѣсни, съ любовью останавливалась на этомъ сюжетѣ и вводила въ разсказъ о столкновеніи Ивана Грознаго съ сыномъ разнообразныя подробности, изъ которыхъ многія интересны и въ психологическомъ и въ историческомъ значеніи“ [1]).

Въ настоящемъ разборѣ я пользовался слѣдующими варіантами: сборника Кирши Данилова; Кирѣевскаго, упомянутымъ выше отдѣломъ, содержащимъ 11 варіантовъ; Рыбникова [2]) №№ 19, 31, 55, 108 и 136; Гильфердинга №№ 13, 25, 129, 142, 153, 165, 175. 183, 201, 209 и 244; Истомина и Дютша I, стр. 46 и 51; Гуляева, стр. 2 и 7; Маркова №№ 37 и 106; Григорьева I, №№ 12, 16 и 115; Ончукова №№ 49 и 92. Итого 39 варіантовъ. Изъ нихъ Р. 31=Г. 153, какъ записанная у одного пѣвца Чукова. Варіантъ Мар. № 106 передаетъ всю пѣсню въ 21 стихѣ, гдѣ разсказано какъ царское „чядышко одинакое“ Василій Ивановичъ не согласенъ, что его отецъ вывелъ измѣну изъ Кіева и привезетъ „правдушку изъ чиста поля“. Царевича ведутъ на казнь, но подмѣняютъ татариномъ. Впрочемъ весь конецъ этого туманнаго экскурса изложенъ не ясно и составляетъ часть сводной старины, разсказывающей о царской женитьбѣ. Такимъ образомъ остается 37 варіантовъ [3]).

Не всѣ варіанты Пѣсни согласно описываютъ процессъ избавленія царевича отъ казни. На это обстоятельство впервые обратилъ вниманіе О. Миллеръ, который въ „Замѣткѣ“, приложенной къ IV тому собранія Рыбникова, говоритъ: „Извѣстно, что во многихъ пересказахъ (преимущественно у Кирѣевскаго) Никита Романовичъ подмѣняетъ обреченнаго на смерть Ѳедора другимъ

[1]) О. с. стр. 11.

[2]) Всѣ ссылки на Рыбникова здѣсь сдѣланы по второму изданію, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго, въ 3 томахъ. М. 1909—1910.

[3]) Оставляю въ сторонѣ Р. 219, прозаическую запись, далекую отъ обычнаго содержанія, Ончукова, Сѣверныя сказки № 125, по той же причинѣ, и старины, помѣщенныя въ Чтеніяхъ О. И. и Д. Р. 1877, III, 53, 55—„сомнительной подлинности“ по выраженію В. Ѳ. Миллера (О. с. 7).

лицомъ. Онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ совершенно такъ же, какъ спасительница Михаила Потыка. Надобно думать, что подобнаго рода не совсѣмъ-то человѣколюбивая замѣна одного другимъ, распространенная также во множествѣ повѣстей и сказаній обще-европейскихъ, занесена изъ рукописныхъ сборниковъ— преимущественно восточныхъ. Къ намъ она могла зайти уже изъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ“ [1]). Хотя мотивъ подмѣны встрѣчается „во многихъ“ варіантахъ, однако въ не менѣе значительномъ числѣ ихъ освобожденіе царевича происходитъ безъ всякой человѣческой жертвы. Подробность — важная, указывающая на опредѣленное измѣненіе основной Пѣсни, гдѣ былъ какой-нибудь одинъ изъ мотивовъ. По присутствію и отсутствію этого мотива подмѣны всѣ варіанты Пѣсни можно раздѣлить на двѣ редакціи: первая, гдѣ Никита Романовичъ просто вырываетъ царевича изъ рукъ Малюты Скуратова, и—вторая, гдѣ замѣняетъ царевича своимъ любимымъ „клюшникомъ“, котораго и предаютъ казни.

Варіанты 1 редакціи находятся: у Р. 19, 31 (=Г. 153), 55; Г. 13, 25, 129, 142, 165, 175, 183, 201, 209; Истом. стр. 46 и 51; Кир. стр. 54, 60, 80, 83 и 109—19 варіантовъ. Варіанты 2 редакціи: у Кирши; Р. 108, 136; Г. 244; Гул. стр. 2 и 7; Кир. стр. 61, 66, 77, 94 (=98), 102, 109; Мар. 37; Григ. 12, 16, 115; Онч. 49, 92—18 варіантовъ.

Варіанты каждой редакціи далеко не равноцѣннаго характера, и при дальнѣйшемъ анализѣ подсчетъ ихъ и соотношеніе должны будутъ измѣниться. Въ началѣ обращу вниманіе только на то, что 1 редакція представлена въ большинствѣ случаевъ стройными варіантами, записанными преимущественно въ Олонецкой губерніи; вторая же, главнымъ образомъ или отрывочными пересказами юго-восточной украйны или варіаціями новѣйшихъ собраній.

Разберу сначала группу варіантовъ первой редакціи.

Во всѣхъ варіантахъ драматическая завязка происходитъ на пиру у Грознаго. Однако нѣкоторые предпосылаютъ этому началу зачинъ. У Г. 13 варіантъ начинается такъ:

---

[1]) Въ первомъ изданіи, стр. XVI—XVII.

1. А й когда-жде возсіяло солнце красное
А на томъ было на небушкѣ на ясноемъ,
Какъ въ ты пору теперичку
Воцарился нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ.
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
Онъ повывелъ-то измѣнушку изо Пскова,
А й повынесъ онъ царенье изъ Царя града,
А царя то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
А царицы то Елены голову срубилъ,
Царскую перфилу на себя одѣлъ,
Царскій костыль да себи въ руки взялъ.

Короче, но о томъ же говоритъ варіантъ Р. 31 (=Г. 153). Другіе, какъ Г. 25 и 209, оставляютъ только параллелизмъ: солнце возсіяло—царь воцарился. Зачинъ этотъ, дающій, такъ сказать, характеристику царя, основанъ на двухъ обстоятельствахъ изъ исторіи Грознаго: на принятіи царскаго титула, связываемомъ съ покореніемъ Казани, и на борьбѣ царя съ „измѣной“. О происхожденіи царскихъ регалій спеціально разсказываютъ пѣсни о взятіи Казани, причемъ полученіе этихъ регалій двоится: по однимъ варіантамъ онѣ добываются царемъ изъ Царьграда, по другимъ—изъ Казани [1]). Наличность подобнаго мотива въ приведенномъ зачинѣ заставила нѣкоторыхъ сказателей вводить въ него сокращенно пѣсню о покореніи Казани. Такъ Щеголенокъ (Г. 129), послѣ упомянутаго параллелизма въ зачинѣ, до 35 стиха разсказываетъ о взятіи Казани; послѣднимъ начинается варіантъ сказательницы Гаврюковой (Истом., стр. 46). Варіантъ Чулковскаго пѣсенника (Кир. VI, стр. 83) передаетъ то же нѣсколькими стихами.

1. Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался Грозный царь,

[1]) См. В. Ѳ. Миллеръ. Къ сказкамъ объ Иванѣ Грозномъ. (Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. И. А. Наукъ 1909, кн. 2, отд. оттиска стр. 3). И. Ждановъ въ изслѣдованіи „Повѣсти о Вавилонѣ и сказаніе о князехъ Владимирскихъ“ (Русскій былевой эпосъ, Спб. 1895, стр. 150) уяснилъ достаточно историческія основанія этихъ колебаній пѣсни.

Что Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань:
Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею...

Этотъ мотивъ—воцаренья Грознаго, въ сущности, довольно далекъ отъ дальнѣйшаго и сводится къ вступленію, болѣе кратко выраженному въ другихъ варіантахъ, какъ напр.:

1. Въ старые годы, прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и Грозный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ, (Кир. VI, стр. 80)

вступленію, напоминающему Пѣсню о царской женитьбѣ. Зато—второй, выведеніе измѣны, близко связанъ уже съ самой Пѣсней, завязка которой построена какъ разъ на обычной подозрительности Грознаго,—не сидитъ ли гдѣ измѣнникъ. „Выведеніе измѣны"—постоянный предметъ хвастовства царя на пиру въ пѣсняхъ [1]). Тамъ, гдѣ этотъ мотивъ помѣщенъ въ зачинѣ въ разбираемыхъ варіантахъ, онъ будетъ повторенъ въ главной части. У Р. 19 мотивъ этотъ изложенъ въ зачинѣ своеобразно, но также въ близкомъ соотвѣтствіи съ Пѣсней, которая, какъ будетъ указано ниже, „измѣну" царевича соединяла съ опредѣленнымъ событіемъ:

1. Не сине то море колыбается,
Не сырой то боръ разгорается,
Воспылалъ то Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Что надоть казнить Новгородъ да Опсково.

Такимъ образомъ зачины первой редакціи являются простымъ отвлеченіемъ мотивовъ самой Пѣсни. Ихъ ближайшее отношеніе къ послѣдней поддерживается зачиномъ Г. 165, гдѣ желаніе царя—„вывести измѣну" изъ городовъ, найти измѣнника повторено трижды, и зачинъ, такимъ образомъ, непосредственно соединяется съ самой пѣсней.

Совершенно своеобразенъ зачинъ сказателя Никитина (Г. 175), который на 1—52 стихахъ, какъ бы въ особой пѣснѣ, разска-

[1]) Равно какъ и воцареньемъ, „вынесеньемъ порфиры" (ср. Р. 55), отсюда и соединеніе этихъ мотивовъ въ разбираемомъ зачинѣ.

зываетъ, въ чемъ состояла „измѣна“ царскаго сына. Вступленіе это построено также по мотиву, встрѣчающемуся въ главной части, но разработано на основаніи обще-эпическихъ пріемовъ. Съ самаго начала этотъ зачинъ возбуждаетъ сомнѣніе въ его исконности: „Какъ подъ славную да каменну Москву *и бысть* напущеніе великое“... наѣхалъ изъ золотой Орды нахвальщикъ, (похваляющійся, какъ Кострюкъ). Царь призываетъ „трехъ сыновъ любимыхъ“ (хотя дѣйствуютъ все время двое: Ѳедоръ и Василій) и проситъ „поразить“ этого врага съ его силою. Здѣсь снова несообразность: царь отправляетъ дѣтей „во чисто поле“— рубить силу татарскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ наказываетъ не оставлять „на улици ни курици“, а „на воротахъ“ записывать, кѣмъ изъ царевичей плѣнены эти „улицы“. Василій замѣчаетъ „измѣну“ своего брата. Въ чемъ состоитъ эта измѣна не выявлено ни въ зачинѣ, ни въ самомъ варіантѣ. На основаніи другихъ можно догадаться, что „Василій“, дѣйствительно, не оставлялъ на улицѣ ни курицы, а Ѳедоръ приказывалъ народу спасаться. Хотя странно, почему Ѳедоръ измѣнилъ царю „съ татарами“, судя по разбираемому зачину. Единственный и плохо выполненный зачинъ этотъ указываетъ на стремленіе сказателя привязать вниманіе слушателей къ самому содержанію пѣсни. Другіе зачины—такого же приставного характера, и можно думать, что основная пѣсня начиналась прямо съ традиціоннаго пира.

1) Пиръ съ хвастаньемъ, какъ обычный locus communis, находится во всѣхъ [1]) варіантахъ разбираемой редакціи. Особенностью его для Пѣсни является хвастовство царя выведеніемъ измѣны изъ опредѣленныхъ городовъ Руси, въ томъ числѣ Новгорода. По старинѣ Г. 13 Грозный царь, похваставъ, что онъ вывелъ измѣну изъ Казани—Рязани—Пскова, повынесъ царенье изъ Царьграда, говоритъ:

29. Я повывелъ нунь измѣну съ Новгородчины,
Я повыведу измѣну съ каменной Москвы.

О томъ же говоритъ старина Чулковскаго пѣсенника (Кир. стр. 83):

10. И тутъ ли царь похваляться сталъ,
Что вывелъ измѣну изо Пскова,

[1]) Кромѣ Кир. стр. 83, гдѣ, вѣроятно, случайно забыта формула.

Изо Пскова и изъ Новагорода:

„Ахъ, какъ бы вывесть измѣну изъ каменной Москвы!“

Въ варіантахъ Г. 183 и 201 упоминаются Кіевъ и Черниговъ, какъ города, изъ которыхъ Грозный вывелъ измѣну, однако за ними слѣдуютъ: Псковъ (въ первомъ) и Новгородъ (во второмъ). Наиболѣе полно формула царскаго хвастанья изложена у Г. 209:

12. Говоритъ Грозныя царь Иванъ Васильевичъ:
А вывелъ я измѣну изъ Опского,
Да вывелъ я измѣну изъ Казаньскаго,
А вывелъ я измѣну съ Астраканьскаго,
Да вывелъ измѣну съ Новагорода,
Да выведу измѣну съ каменной Москвы,
Всю неправду со святой Руси.

Въ указанныхъ варіантахъ послѣдовательность хвастовства царя изложена такимъ образомъ: я, говоритъ царь, вывелъ измѣну (кромѣ разныхъ городовъ) изъ Новгорода и Пскова, выведу теперь и изъ Москвы. Въ другихъ группахъ видна, несомнѣнно, порча. Такъ старины Р. 19 и 55 заставляютъ царя хвастаться вынесеніемъ порфиры изъ Царяграда, выведеніемъ измѣны изъ Москвы и—стремленіемъ вывести ее изъ Новгорода. Такая послѣдовательность логически не сообразна, потому что въ дальнѣйшемъ изложеніи одинъ изъ царевичей указываетъ на Новгородскій разгромъ уже какъ на прошедшее событіе. Въ варіантѣ Р. 31 (=Г. 153) хвастанье цареньемъ непосредственно переходитъ въ выраженіе желанія вывести измѣну „съ каменной Москвы“. О Новгородѣ—забыто, и въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ замѣненъ какимъ-то „Царскимъ градомъ“, при взятіи котораго и измѣнилъ отцу Ѳедоръ царевичъ. Сказатели, видимо, не сознавали ни хронологической перспективы, ни того значенья, какое имѣла ссылка на взятіе Новгорода для дальнѣйшаго разсказа. Поэтому сказательница Сурикова (Г. 142) передавала перечень городовъ вполнѣ безотносительно:

8. Спроговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
Повывелъ я измѣну со Новагорода,
Повывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
Повывелъ я измѣну и со Кіева,

а въ дальнѣйшемъ говоритъ о Новгородскомъ разгромѣ. Простое перечисленіе городовъ (Кіева, Чернигова, Новагорода, Москвы), изъ которыхъ вывелъ измѣну Грозный, даютъ варіанты Истом. (стр. 51), Кир. стр. 54 (гдѣ говорится о „всей“ землѣ) и Кир. стр. 60, гдѣ забыто совершенно значеніе Великаго Новгорода [1]): Царь говоритъ:

13. Сдержалъ же я землю Святорусскую,
Скрѣпилъ же я мать каменну Москву,
Я вынулъ измѣну изъ Новагорода,
Изъ Нова города Низовскаго!

Нѣкоторые варіанты идутъ дальше въ уклоненіи и заставляютъ царя хвастаться предстоящимъ выведеніемъ измѣны: „Повыведу“ измѣну съ каменной Москвы, („повынесу“ перфилу со Исай города—Истом. стр. 46); подобный оборотъ далъ возможность сказателю Щеголенку (Г. 129) распространить новой вставкой весь эпизодъ хвастанья: передъ тѣмъ, какъ Грозный на пиру говоритъ, что онъ вывелъ измѣну изъ Москвы—Новагорода—Опского—Вáстаракани, помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ царь „задумалъ“ вывести изъ этихъ городовъ измѣну и послалъ Ѳедора Ивановича расправляться съ Москвою.

Подвижность варіантовъ въ этой части Пѣсни указываетъ на то, что сказатели не вполнѣ уясняли себѣ значенія этого хвастанья царя. Упоминаніе о Новгородѣ, находящееся въ значительномъ большинствѣ разобранныхъ пересказовъ, наличность въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (Г. 13, 183, 201, 209) болѣе стройной послѣдовательности (въ соотвѣтствіи съ исторической хронологіей: разгромъ Новгорода, потомъ—убійство сына), заставляетъ предполагать для основной Пѣсни—наличность пира, на которомъ Грозный царь хвастаетъ выведеніемъ измѣны изъ Новгорода и увѣренностью въ томъ, что онъ выведетъ ее и изъ Москвы.

2) На хвастовство царя отвѣчаетъ одинъ изъ его сыновей. Смыслъ отвѣта таковъ: не удалось царю вывести измѣну: она съ нимъ за однимъ столомъ сидитъ — кушаетъ въ лицѣ другого, младшаго сына. Обычная послѣдовательность именъ такова: отвѣ-

[1]) Варіантъ симбирскій.

чаетъ старшій царевичъ Иванъ Ивановичъ, дѣлая навѣтъ на меньшаго, Ѳедора Ивановича. Измѣненія представляютъ слѣдующіе варіанты. Старина Г. 142 забыла имена и называетъ доносчика „меньшимъ сыномъ“, оставляя за осужденнымъ имя Ѳедора; варіантъ Кир. стр. 60 также не даетъ доносчику имени, называя: „его царевичъ“ и сосредоточивая вниманіе на Ѳедорѣ, „младомъ царевичѣ“ (Кир. стр. 80). Впрочемъ, варіанты, упоминающіе имена Ивана и Ѳедора, не всегда считаютъ перваго „старшимъ“ сыномъ (ср. Р. 31, 55). Дальнѣйшія уклоненія замѣчаются или въ переносѣ роли доносчика на Малюту Скуратова (Г. 165, Кир. стр. 83), на „воровъ Гагариныхъ“ (Г. 129) или въ прямой путаницѣ именъ: „Василій царевичъ“ доноситъ на Ѳедора у Г. 175, гдѣ, кстати, и царица зовется „Омельфа Тимофеевна“ [1]). Такимъ образомъ для основной Пѣсни останутся: царевичъ Иванъ Ивановичъ, какъ доносчикъ, и Ѳедоръ Ивановичъ—невинно осужденный. Судя по тому, что нѣкоторые варіанты называютъ Ивана „большимъ“ братомъ, нужно думать, что основная Пѣсня уясняла себѣ возрастъ того и другого.

3) Слова царевича Ивана Ивановича возбуждаютъ, конечно, приливъ подозрительности и ярый гнѣвъ отца, который требуетъ назвать измѣнника и доложить, въ чемъ состоитъ эта измѣна. У Г. 13 царевичъ Иванъ сначала уклончиво называетъ брата:

46. На себя сказать, такъ живу не бывать,
Ай на братца сказать—братца жаль,
А и жаль братца не такъ какъ себя...

и говоритъ, что „который уличкой“ ѣхалъ царь или онъ, царевичъ, всѣ были биты, казнены, повѣшаны, на колы да по тюрьмамъ разсажены, а гдѣ проѣзжалъ Ѳедоръ Ивановичъ, тамъ указы были разсылаемы, чтобы молодые всѣ разбѣгалися, старые растулялися. Это указаніе, сдѣланное въ общихъ чертахъ въ разбираемомъ варіантѣ, равно у Г. 25, 183, и у Истом. стр. 51,

[1]) Все это — заимствованія изъ старинъ о Васильѣ Буслаевѣ. Недаромъ „Василій“ громитъ. Новгородъ. Въ старинѣ Г. 201 Ѳедоръ наговариваетъ на сына Ивана, что де онъ „уважатъ-то боярамъ московскіимъ, онъ то творитъ великіи милости“. Царь осуждаетъ на казнь Ивана. Это совпаденіе съ исторической дѣйствительностью, несомнѣнно, кажущееся, такъ какъ здѣсь страдающій, но освобожденный Иванъ удержался по аналогіи со сказками.

разъяснено другими. Оказывается, Ѳедоръ измѣнилъ царю именно во время Новгородскаго разгрома:

25. Тутъ Иванушко Ивановичъ позадумался:
Мнѣ на братца сказать, братца жаль,
На себя сказать, мнѣ живу не бывать,
А столько не жаль братца, сколько себя.
Свѣтъ государь, мой батюшка!
А который улицей ты ѣхалъ батюшка,
Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
И которой улицей я ѣхалъ,
Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
А который улицей ѣхалъ Ѳедоръ Ивановичъ,
Онъ писалъ ярлыки милостивые
И кидалъ по улицамъ новогородскіимъ, (Р. 55)

чтобы „мужики новогородскіе“ прятались по погребамъ отъ государя батюшки. О томъ же говорятъ старины Р. 19, Г. 142. Варіантъ Р. 31 (=Г. 153) замѣнилъ Новгородъ „Царскимъ градомъ“, а Г. 209—„улицы“ помѣщаетъ во всемъ „царствѣ Россійскомъ“. Однако въ послѣднихъ двухъ варіантахъ разсказъ объ измѣнѣ весь перепутанъ и добавленъ лишними подробностями. Забыли о Новгородскомъ разгромѣ и варіанты сборника Кирѣевскаго: стр. 60 (старина вообще краткая и неоконченная), гдѣ царевичъ (безъ имени) говоритъ отцу, что ему не „вынуть“ измѣны изъ палатъ, и стр. 54, гдѣ Новгородъ замѣненъ другимъ названіемъ: „когда стояли подъ городомъ и по Донскія“, тогда измѣнилъ Ѳедоръ Ивановичъ. Тамъ, гдѣ навѣтчикомъ является Малюта (Г. 165, Кир. стр. 83), говорится просто, что Ѳедоръ Ивановичъ измѣнилъ въ Москвѣ, но о подробностяхъ измѣны не говорится. Судя по тому, что большинство варіантовъ говорятъ о „городѣ“, Новгородѣ въ частности, гдѣ проявилъ себя милостивымъ Ѳедоръ Ивановичъ, нужно думать, что въ основной Пѣснѣ было указано на обстоятельства измѣны, имѣвшія мѣсто во время Новгородскаго разгрома. Опала царя на сына не могла быть безъ уважительной причины, по одному голословному навѣту, тѣмъ болѣе, что упоминаніе о выведеніи измѣны изъ Новгорода (и Пскова), какъ было указано, отвлечено изъ содержанія Пѣсни и въ зачины.

4) Рѣшеніе царя опредѣленно и скоро: онъ приказываетъ палачамъ вести царевича на мѣсто казни. Послѣднее обыкновенно называется „Житное болотце“ (искажаемое иногда сказателями: „на болото на житницу“ Г. 165; „за Москву рѣку, къ болоту стоячему, лужѣ кровавой“—Кир. стр. 80; „болото жидкое“—ib. стр. 83, Истом. стр. 46; „Лобное мѣсто“—Кир. стр. 54). Въ варіантахъ Р. 19 и Г. 175 и 183 это обычное мѣсто казни замѣнено Куликовымъ полемъ (или болотомъ: въ послѣднемъ случаѣ оно, вѣроятно, понималось, какъ „куликово болото“). Для основной Пѣсни должно остановиться на указаніи, наиболѣе распространенномъ въ варіантахъ.

5) Палачи не рѣшаются приступить къ исполненію приказа, „туляются“ (по формулѣ: большій за средняго, средній за меньшаго). Вести царевича на казнь вызывается только Малюта Скуратовъ. Онъ—одинъ изъ героевъ пѣсни, лицо, находящееся во всѣхъ варіантахъ. Имя его обыкновенно варьируется незначительно. Отмѣчу еще разъ прозвища, сближающія этотъ персонажъ по имени съ маленькимъ Потаней: „маленькій Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ“ (Г. 13), „Малюченька Потанюшка Курлатовъ сынъ“ (Г. 129), „Потанюшка Скурлатовъ сынъ“ (Истом. стр. 46). Въ нѣкоторыхъ старинахъ ему дается характеристика какъ присяжнаго, ни передъ чѣмъ не останавливающагося палача: онъ де много казнилъ королей (Г. 13), иначе: самъ Малюта признается:

50. У меня ли руки подымутся
На ваши ли роды на царскіе,
Не дрожитъ моя рука со вострой саблей! (Кир. стр. 54).

Вообще Малюта говоритъ о себѣ, какъ о палачѣ по призванію: „Моя то работушка ко мнѣ пришла“. (Р. 55). Однимъ словомъ—этотъ персонажъ очерченъ опредѣленно.

6) Вѣсть о предстоящей казни доносится до царицы-матери, которая бросается съ просьбой о помощи къ своему родному брату. Обыкновенно она зовется „Настасья Романовна“, но варіанты не всегда удерживаютъ это имя, при неизмѣняющемся отчествѣ (Анна—Марья—Марѳа—Авдотья—Офимья). У Г. 175 она названа даже „Омельфой Тимофеевной“, но вся эта старина, въ сущности, достаточно позабыта и искажена привнесеніями.

Настасья Романовна обращается къ своему брату Никитѣ (Микитушкѣ) Романовичу со слезной мольбою: онъ сидитъ въ теремѣ, не вѣдаетъ, а ея сына любимаго Ѳедора Ивановича—„не стало“, повели рубить ему буйну голову. Эта обычная жалоба расцвѣчивается пересказами. Царица бѣжитъ къ брату простоволосая, „не въ покрутѣ“ (Р. 31), въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса, въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ (Р. 19). Иначе:

72. Она чоботы одѣла на босу ногу
И шубоньку бросала на одно плечо, (Г. 183)

—однимъ словомъ повторяется locus communis тревожной спѣшки. Нѣкоторые варіанты вводятъ сюда дальнѣйшія заимствованія изъ обще-эпическаго запаса: царица, вбѣгая въ братнинъ теремъ, не спрашиваетъ ни придверниковъ, ни приворотниковъ, чѣмъ вызываетъ удивленный вопросъ Никиты Романовича:

114. Что же ты, сестрица да родимая,
Что бѣжишь, надъ нами надсмѣхаешься,
Нашихъ взашей прочь отталкивашь? (Г. 13).

Иначе, болѣе кратко,—Никита Романовичъ удивляется такой „незваной“ гостьѣ (Г. 25, 183, 209). Эти добавленія, несомнѣнно, неорганичны, созданы для контраста съ дальнѣйшимъ, чтобы оттѣнить роль Никиты Романовича, тѣмъ болѣе, что въ другихъ старинахъ въ разбираемомъ мѣстѣ этого распространенія нѣтъ. Варіанты Кир. стр. 55 и 60 дополняютъ жалобу царицы заимствованіемъ мотивовъ изъ причитаній. Царица въ такихъ выраженіяхъ скорбитъ о сынѣ:

32. Упала звѣзда поднебесная,
Угасла свѣча воску яраго,
Не стало мово царевича,
Царевича Ѳедора Ивановича. (Кир. стр. 60) [1]).

7) Выслушавъ жалобу сестры-царицы Никита Романовичъ скорѣйшимъ образомъ спѣшитъ на выручку племянника. Здѣсь центральное мѣсто Пѣсни, и варіанты, сохраняя основную схему, расходятся въ подробностяхъ, которыми охотно сказатели укра-

[1]) На этомъ обрывается этотъ варіантъ, достаточно позабывшій содержаніе.

шали любимый эпизодъ. Постепенная разрисовка этой части Пѣсни привела къ тому, что какъ разъ здѣсь появилась подробность, заставившая дѣлить всѣ наличные варіанты на двѣ редакціи.

Обыкновенно—Никита садится на коня, ѣдетъ стремглавъ на мѣсто казни, кричитъ Малютѣ—Потанѣ, что де онъ самъ этимъ кусомъ подавится, освобождаетъ Ѳедора и везетъ его къ себѣ домой. Эта схема одинакова во всѣхъ варіантахъ, и нужно думать была въ основной Пѣснѣ. Добавленія состоятъ, во-первыхъ въ представленіи Никиты скачущимъ богатыремъ по обще-эпическому шаблону: „ѣхалъ улицмы, перемахивалъ переулкамы“ (Р. 19) или, еще ближе къ формулѣ богатырской поѣздки:

118. Столько видѣли добра молодца вѣдь сядучись,
И какъ не видѣли Никитушки поѣдучи,
Въ чистомъ полѣ да курева стоитъ,
Куда падаютъ копыта лошадиныи,
И тутъ становятся колодцы ключевой воды. (Г. 175)

По другимъ варіантамъ Никита ѣдетъ и разгоняетъ народъ (Г. 129), крича, что онъ пожалуетъ того, кто „не показнитъ“ сына царскаго (Р. 19). Всѣ эти подробности лишнія, не имѣющія никакого отношенія къ дальнѣйшему содержанію.

Во вторыхъ въ разработкѣ конфликта съ Малютой, которому Никита въ большинствѣ варіантовъ отрубаетъ голову. Малюта по старинѣ Г. 13 не сразу слушается приказа отпустить Ѳедора, за что Никита смахнулъ ему голову саблей вострой [1]). По варіантамъ Г. 201 и 209 Малютка самъ закололся, бросившись на острый конецъ воткнутой въ землю сабли [2]). Эта неожиданная (но желанная) кончина Малюты заставила сказателя Рябинина (Р. 19) изобразить сомнѣвающимся спасеннаго царевича, хорошо ли сдѣлалъ его дядюшка, убивъ Малюту:

127. Ай же ты, мой крестовый батюшка,
Молодой Микитушка Романовичъ!

---

[1]) Старина Г. 175 довольно нескладно дѣлаетъ указаніе, что Никита отрубленную голову Малюты принесъ къ палатамъ (царскимъ?).

[2]) „Тутъ Скурлатковы славы поютъ“ заключаетъ этотъ вставной эпизодъ старина Г. 209.

Самъ то погинешь и меня сгубишь:

Нашъ батюшка—Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Наконецъ, старина Г. 25 является какъ бы переходомъ ко второй редакціи, вводя слѣдующую подробность: Никита Романовичъ скачетъ на конѣ, кричитъ палачамъ, приказывая итти въ кабакъ и выбрать молодца „лицо въ лицо“ съ царевичемъ, ему и отрубить голову. Не трудно, впрочемъ, убѣдиться изъ всего окончанія указаннаго варіанта, что сказатель значительно забылъ содержаніе [1]). Никита Романовичъ везетъ спасеннаго царевича къ себѣ „въ свой домъ гряновитой“, говоритъ Г. 209.

8) Освобожденіе царевича кончаетъ какъ бы первую часть Пѣсни [2]). Во второй—дѣйствіе переносится въ царскій дворецъ. На утро царь вспоминаетъ происшедшее, кается и идетъ въ церковь со свитой въ черномъ, „опальномъ“ платьѣ. Эта картина раскаянія и печали варіантами точно также разработана. Обычно, царь идетъ „къ заутрени“, гдѣ намѣренъ служить панихиду. Однако, для контраста день покаянія оказывается не простымъ: это—„воскресеніе“ (Г. 13), „субота христовская“ (Г. 129, Р. 55), даже „Христовъ день“ (Г. 142). Эпически удлиняется и время этой покаянной панихиды: царь вспомнилъ о царевичѣ—„черезъ годъ“ (Г. 209). Всѣ эти подробности не относятся къ основному содержанію. Часто въ варіантахъ упоминаются—„указы“ носить черное платье по умершемъ царевичѣ. Этотъ общій трауръ введенъ для контраста съ дальнѣйшимъ содержаніемъ, но принадлежитъ къ основному изводу, какъ покажетъ нижеслѣдующее.

9) Печальному царю и свитѣ въ траурныхъ платьяхъ противополагается сіяющій радостью и блестяще разодѣтый Никита Романовичъ, своимъ появленіемъ въ церкви, естественно, вносящій страшный диссонансъ. „Лучшее“, „драгоцѣнное“, „паратное“, „цвѣтное“, „красное“ платье Никиты упомянуто почти всѣми варіантами. По пріѣздѣ въ церковь Никита Романовичъ, по эпическому шаб-

[1]) Гильфердингъ говоритъ, что этотъ сказатель (Койбинъ) на распѣвъ могъ припомнить только именно эту старину; остальныя пѣть уже позабылъ.

[2]) Старина Кир. стр. 80 какъ разъ забыла эту вторую часть. Никита Романовичъ вырываетъ царевича изъ рукъ Малюты, везетъ на царскій дворъ. Обрадованный царь спрашиваетъ, чѣмъ пожаловать спасителя, тотъ проситъ повелѣть ему казнить Малюту Скурлатова.

лону,—„здравствуетъ“ царя. Въ этотъ шаблонъ вплетено во-первыхъ дальнѣйшее развитіе содержанія, во-вторыхъ, какъ особо нравившійся эпизодъ, это здравствованіе повторяется варіантами по 2 и по 3 раза. Въ старинахъ Р. 19, 31, 55, Истом. стр. 46, Кир. стр. 54—Никита привѣтствуетъ царя, царицу *и обоихъ* сыновей, хотя въ церкви на лицо одинъ, Иванъ Ивановичъ. Такое обращеніе, вмѣстѣ съ не подходящимъ покрутомъ Никиты вызываетъ, естественно, недоумѣніе и раздраженіе царя. Послѣдній „опаляется“ приблизительно въ такихъ выраженіяхъ:

173. Ай же ты, Микитушка Романовичъ!
Что ты въ глазахъ насмѣхаешься,
Надо мною ты подлыгаешься?
Али надо мной невзгодушки не вѣдаешь,
Что не стало у меня сына любимаго,
Того ли Ѳедора Ивановича?
Уведенъ онъ на поле на Куликово
У того Иванушки Скурлатова,
Положенъ на плашку на дубову,
Срублена ему буйна головушка
За него измѣнушку великую. (Р. 19)

Въ основной Пѣснѣ, несомнѣнно, былъ выдержанъ этотъ контрастъ радостнаго Никиты и печальнаго царя и привѣтствованіе послѣдняго именно съ двумя сыновьями, вызывающее раздраженіе, а затѣмъ жалобу Грознаго. Нѣкоторыми варіантами этотъ центральный и наиболѣе захватывающій моментъ Пѣсни разрабатывался еще детальнѣй. По старинѣ Г. 13 царь сердится на третье поздравленіе Никиты, обѣщаетъ срубить ему голову и плачется:

242. По ворахъ да по разбойничкахъ
Е заступчички да заборонщички,
По моемъ рожоноемъ по дитятки
Не было нунь да заступушки,
Ни заступушки, ни заборонушки!

Эта причеть царя, повторяемая короче и нѣкоторыми другими варіантами, въ старинѣ Кир. ст. 83 замѣнена болѣе близкими къ причитаньямъ стихами, съ которыми уже приходилось считаться

выше, въ жалобѣ царицы брату („Упала звѣзда поднебесная“, „угасла свѣча воску яраго“). — Нѣкоторыя старины раздраженье царя соединяютъ съ характеристикой его, какъ жестокаго человѣка. Въ старинѣ Г. 25—царь опаляется, видя Никиту въ цвѣтномъ платьѣ и говоритъ:

89. Али ты надо мною насмѣхаешься,
Аль не знаешь моей невзгодушки великоей?
Я въ медвѣдно зашью и кобелямъ скормлю.

Никита Романовичъ наивно спрашиваетъ, какая же у царя невзгода. Тотъ говоритъ, что нѣтъ въ живыхъ Ѳедора. Какъ бы, впрочемъ, ни уклонялись въ своей разработкѣ варіанты, впечатлѣніе основной Пѣсни выдержано всюду.

10) Гнѣвъ и печаль цареву умиротворяетъ Никита Романовичъ; онъ какъ бы заранѣе предвкушаетъ тотъ эффектъ, который отчасти уже произведенъ его появленіемъ въ церкви. Царевича при Никитѣ нѣтъ: эта подробность принадлежитъ основной Пѣснѣ; попытки расцвѣтить ее, какъ будетъ видно ниже, мало удачны. Обычно Никита Романовичъ объясненія свои начинаетъ съ вопроса: бываетъ ли виноватому прощеніе? (Г. 13, 129, 175, 183, Истом. стр. 46 и 51). Вопросъ этотъ вполнѣ естественъ, такъ какъ за царевичемъ лежитъ вина. Раскаявшійся царь на все готовъ, но сожалѣетъ, что прощать поздно (Истом. стр. 46 и 51). Эту подробность съ бо̀льшимъ основаніемъ можно возводить къ первоначальному изводу, чѣмъ встрѣчающійся иногда запросъ Никиты: „что тому буде, кто жива найдетъ“ (Г. 165), какъ будто герой Пѣсни напрашивается на вознагражденіе. Старины Р. 19 и 55 разрабатываютъ послѣдній мотивъ. Въ первомъ варіантѣ ему посвящены стихи 161—194: Микитушка Романовичъ въ церкви поздравляетъ царя со всей семьею и въ отвѣтъ на жалобу Ивана Грознаго спрашиваетъ:

185. Есть бы кто тебѣ сына жива привелъ,
Того чѣмъ бы ты пожаловалъ?

Тогда царь высчитываетъ награды:

188. Есть бы кто ко мнѣ сына жива привелъ,
Дарилъ бы я города съ пригородкамы,
Села дарилъ бы со приселкамы,

Бояръ дарилъ бы со крестьянамы
И дарилъ бы я безсчетну золоту казну,
Силу-армію дарилъ бы великую
И дарилъ бы я одежицы драгоцѣнныя.

Дальнѣйшую разработку этого поздняго раскаянія царя даетъ старина Г. 142. Иванъ Грозный жалуется, что Малюта Скуратовъ „свелъ“ царевича на мѣсто казни и отсѣкъ ему голову, т. е. сына уже не вернешь; тогда Никита Романовичъ предлагаетъ ему, въ сущности, чудо:

113. Ай же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ!
Мнѣ можно съ мертва жива сдѣлати,

чѣмъ увеличиваетъ скорбь царя:

116. Ввѣкъ того на семъ свѣтѣ не водится,
А живой съ мертваго не родится.
Кто мнѣ-ка-ва съ мертва жива сдѣлалъ,
Я бы половину отдалъ своего государства!

Здѣсь тотъ же утрированный пріемъ контраста. Дѣйствіе Пѣсни подходитъ къ развязкѣ, напряженіе интереса наростаетъ все больше и больше, поэтому вполнѣ естественны тѣ переработки и удлиненія, которыя вносились сказателями для того, чтобы не сразу перейти къ окончанію. Пріемъ вполнѣ литературный, наблюдаемый даже въ повѣствовательной литературѣ поздняго времени. Основная мысль Пѣсни въ общемъ не затерта этими разработками и сводится къ тому, что Никита Романовичъ, послѣ того какъ убѣдился, что не только гнѣвъ царя прошелъ, но и наступило глубокое раскаяніе, эффектно долженъ показать отцу спасеннаго отъ казни сына.

11) Не трудно предположить, что варіанты также будутъ мало сходны въ этой заключительной сценѣ. Весь разговоръ царя и Никиты въ церкви происходитъ въ отсутствіи Ѳедора. Какимъ же способомъ предстанетъ передъ царемъ спасенный царевичъ? Нѣкоторые варіанты предварительно развязки вводятъ разсказъ Никиты о спасеніи. Убѣдившись, что царь готовъ простить грѣшнаго, да „того грѣшнаго нунь негдѣ взять“, Никита Романовичъ говоритъ царю, что отрублена голова не у Ѳедора, а у Малюты „за него поступки неумильніи“ (Г. 13). Похожее передаютъ старины

Р. 31 (=Г. 153) и Г. 183. Разсказъ о подвигѣ главнаго героя Пѣсни, думается, долженъ былъ быть въ основномъ изводѣ. Наконецъ, долженъ появиться и Ѳедоръ. Несомнѣнно является лишней и не художественна подробность тѣхъ варіантовъ, гдѣ Никита Романовичъ выпускаетъ царевича „изъ подъ правыя съ-подъ пазушки“ (Р. 19. Г. 209), вынимаетъ „изъ-подъ шубы“ (Г. 201) или просто — „подаетъ тутъ въ руки“ (Г. 175). Иначе, но неудачно, опредѣлено мѣстонахожденіе Ѳедора въ старинѣ Г. 25:

99. Ѳедоръ царевичъ въ зеленомъ саду гуляетъ
И бьетъ челомъ на всѣ четыре стороны,
А Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину.

Во всякомъ случаѣ Ѳедоръ находится гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. У Истом. стр. 46 указывается, что царевичъ дожидается рѣшенія въ палатахъ Никиты Романовича, откуда послѣдній и приводитъ его къ царю. То же, съ нѣкоторыми добавленіями передаетъ Кир. стр. 55: Микита Романовичъ говоритъ царю:

133. Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Твой сынъ у меня сидитъ
Во моихъ палатахъ бѣлыхъ-каменныхъ,
Жалобу творитъ на своего брата любезнаго,
На молода Ивана Ивановича,—
Что привелъ меня къ смерти напрасной!

Старина Р. 55 изображаетъ цѣлую сцену въ палатахъ Никиты. Царь смотритъ „тухлы́мъ окомъ“ на поздравленія Никиты „съ царевичами“ и неожиданно приказываетъ слугамъ разузнать, дѣйствительно ли Ѳедоръ въ высокомъ теремѣ Никиты. Послѣдній спѣшитъ туда же и упрашиваетъ Ѳедора итти къ заутрени. Тотъ испуганъ и отказывается сначала:

158. Ай же ты, дядюшка Микита Романовичъ!
Страшно мнѣ другожды родитися:
Къ своему ко батюшку явитися.

Еще больше разрабатываетъ эпизодъ сказатель Щеголенокъ: Микита, вернувшись въ свою „палату богатырскую“, говоритъ Ѳедору, что онъ досталъ у Грознаго „прощеньице-благословеньице“, велитъ ему на другой день встать рано (умыться,

одѣться—по формулѣ) и итти къ заутрени. Тамъ они кланяются всѣмъ (снова формула), и Никита поздравляетъ царя:

220. Да ты здравствуй-ко Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Со моей сестрой да со своей семьей,
Да со тымъ ли со яснымъ со соколомъ
Да со Ѳедоромъ со Ивановичемъ! (Г. 129).

Приводъ царевича изъ палатъ Никиты естественно заключаетъ разбираемую сцену и, какъ находящійся въ большинствѣ варіантовъ вмѣстѣ съ разсказомъ Никиты Романовича о томъ, какъ онъ вырвалъ казнимаго изъ рукъ Малюты, долженъ быть отнесенъ къ основной Пѣснѣ.

12. Заключеніе, какъ наименѣе эффектная часть Пѣсни, варьируется весьма немного. Царь чрезвычайно радъ случившемуся и готовъ наградить Никиту, чѣмъ тотъ захочетъ. Тотъ отказывается отъ всего и выпрашиваетъ себѣ характерную привилегію, которая, какъ находящаяся, можно сказать, всюду, принадлежитъ основному изводу. Никита проситъ:

284. Дай-ко мнѣ Микитину да отчину:
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Хоть каку ни е побѣдушку да сдѣлай ли,
Да въ Микитину да отчину уйди,
Того добраго же молодца да Богъ простилъ (Г. 13).

Также говорятъ и остальные варіанты, замѣняя иногда слово „вотчину“ словомъ „улицу“. Интересно заключеніе варіанта Истом. стр. 46, подчеркивающее обобщающее значеніе просьбы Никиты Романовича: „кто обкрался, да обворовался, да въ Микитину улицу зашелъ, тому Богъ проститъ“—въ досюльны времена така пословица жила“. Эти „улицы“ у Кир. стр. 54 поименованы:

147. Пожалуй мене трими улицами,
Первою улицею Арбатскою,
Второю улицею Никитскою,
Третью улицу Месницкую:
Кто взойдетъ въ нихъ,
Не было ни взыску, ни вынемки.

Это уже—лишнее домышленіе, равно какъ и исходы варіантовъ Кир. 80 и 83, гдѣ Никита, вмѣсто вотчины, проситъ пове-

лѣнія, казнить ему Малюту Скуратова, на что царь, во второмъ варіантѣ отвѣчаетъ: „дѣлай что хочешь“ [1]). Не понялъ, наконецъ, просьбы Никиты варіантъ Г. 175:

184. Дай-кось мнѣ ты свою отчину,
И кто что сдѣлалъ и сбѣжитъ, такъ того Богъ унесъ.

Варіантъ Р. 31 (=Г. 153) такъ заключаетъ разбираемую Пѣсню:

210. Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Также Г. 129:

246. Да стару казаку Микиты Романовичу
Да старинушки и славу поемъ.

Въ сознаніи передатчиковъ старина пѣлась, слѣдовательно, про Никиту Романовича, что позволяетъ съ достаточнымъ основаніемъ упрочить данный мною заголовокъ разбираемой Пѣснѣ.

Такимъ образомъ первая редакція Пѣсни, на основаніи предыдущаго анализа варіантовъ, можетъ быть возведена къ слѣдующей схемѣ:

1. На пиру царь Иванъ Васильевичъ Грозный хвалится выведеніемъ измѣны изъ Новгорода и выражаетъ увѣренность, что выведетъ ее и изъ Москвы.

2. Бо́льшій царевичъ, Иванъ Ивановичъ, дѣлаетъ навѣтъ въ общихъ намекахъ на преждевременное хвастовство отца.

3. На требованіе царя—опредѣленно изобличить измѣну, царевичъ указываетъ на меньшого брата, Ѳедора Ивановича, и разсказываетъ о его милостивомъ поведеніи съ народомъ во время Новгородскаго разгрома.

4. Разгнѣванный царь приказываетъ немедленно вести Ѳедора на казнь, на Житное болото.

5. Ведетъ на казнь царевича Малюта Скуратовъ, палачъ (по собственному признанію), человѣкъ, у котораго поднимается рука на царскій родъ, такъ какъ никто другой не отважился.

---

[1]) Съ варіантомъ Кир. VI, стр. 83 въ ближайшемъ соотвѣтствіи находится пѣсня на стр. 87 (изъ Пѣсенника Дмитріева) и на стр. 90 (народная передѣлка предыдущей). Всѣ они—XVIII вѣка.

6. Мать царевича, Настасья Романовна, въ страхѣ и тоскѣ, спѣшитъ за помощью къ родному брату, Никитѣ Романовичу.

7. Никита Романовичъ скачетъ на мѣсто казни, вырываетъ царевича изъ рукъ палача—Малюты и увозитъ къ себѣ. Самъ Малюта преданъ Никитой смерти.

8. (Вторая часть Пѣсни). Царь спохватился, но поздно, и въ глубокой печали собираетъ всѣхъ въ траурной одеждѣ на заупокойную службу.

9. Въ церковь пріѣзжаетъ сіяющій, разодѣтый Никита Романовичъ, привѣтствующій царя со всею семьею, котораго Грозный далеко не ласково спрашиваетъ о причинѣ такого праздничнаго настроенія, какъ будто шуринъ не вѣдаетъ царской невзгоды.

10. Никита Романовичъ, спрашивая, бываетъ ли виновному прощеніе, изъ отвѣтовъ царя убѣждается въ глубокомъ раскаяніи послѣдняго.

11. Разсказавъ, какъ онъ спасъ царевича, Никита Романовичъ ѣдетъ за нимъ въ свои палаты и ведетъ въ церковь къ отцу.

12. Царь на радостяхъ обѣщаетъ дать Никитѣ Романовичу, чего тотъ хочетъ. Онъ проситъ пожаловать его такой вотчиной, куда всякій, въ чемъ либо провинившійся, могъ уйти и остаться безнаказаннымъ.

Какъ бы ни отличались другъ отъ друга варіанты, всѣ они, однако, заключаютъ въ себѣ вышеприведенную схему. Стройная по замыслу, она выгодно отличается, какъ будетъ видно ниже, отъ схемы второй редакціи, что даетъ возможность даже a priori рѣшить, что въ ближайшемъ отношеніи къ основной Пѣснѣ находится именно редакція разбираемая. Украшенія и измѣненія только выявили детали, но не измѣнили основной постройки. Нижеслѣдующая группа варіантовъ покажетъ дальнѣйшую и основательную редакціонную обработку, сдѣланную, несомнѣнно, въ болѣе позднее время.

Перейду ко второй редакціи.

Изъ 18 варіантовъ этой редакціи—6 (собраній гг. Маркова, Григорьева и Ончукова) принадлежатъ къ новѣйшимъ записямъ, и въ силу не разъ указываемыхъ особенностей этихъ варіантовъ въ смыслѣ предѣлокъ содержанія, будутъ характеризованы особо.

Изъ оставшихся 12 отмѣчу старины Кир. стр. 102 и 109, сводныя, передающія содержаніе по обыкновенію сжато и скомканно [1]), и старину Кир. стр. 94 (=Кир. стр. 98), записанную адмир. Кузмищевымъ въ Архангельской губ. Шенкурскаго у., сильно подправленную [2]), гдѣ вмѣсто Ѳедора фигурируетъ „царевичъ Дмитрій“. Въ числѣ остальныхъ 9 варіантовъ находится варіантъ сборника Кирши, хотя и наиболѣе старый по записи, но по имѣющимъ быть отмѣченными ниже особенностямъ изложенія и содержанія, представляющій нѣсколько испорченную запись позднѣйшей редакціи Пѣсни.

Большинство варіантовъ второй редакціи, какъ и первой, начинаются зачиномъ, содержаніе котораго будетъ повторено ниже, въ похвальбѣ царя. Въ зачинѣ Кирши, гдѣ упоминается про покореніе Казанскаго царства, выведеніе измѣны изъ Новгорода и эпическаго Кіева, завоеваніе Астрахани, Рязани, вмѣсто Казани, о которой уже была рѣчь, чувствуется порча текста. Не останавливаясь на этомъ вступленіи, сводящемся къ тому же параллелизму: солнце возсіяло—царь воцарился, отмѣчу только оригинальную прибаутку у Кир. стр. 66:

1. Прикажи, господи, намъ старину сказать,
   Старину сказать да стародавную,
   Стародавную старинушку, бывалую,
   Про того царя Ивана да Васильевича.

Всѣ эти зачины — приставного характера, и разбираемая редакція, какъ и предыдущая, начинается съ традиціоннаго пира.

1). Пиръ вводится обычной формулой пированья и хвастанья гостей, которое перебиваетъ своей похвальбою Иванъ Грозный. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ (особенно, напр. Р. 136) формула эта приведена наиболѣе полно. У Кирши въ нее введены редакторскія дополненія: пиръ сдѣланъ „про князей про бояръ про *вельможы* гости богатыя *про тех купцовъ про сибирскиехъ*“. Въ по-

[1]) Первый соединенъ (съ 127 ст.) съ Пѣсней объ отбитомъ наѣздѣ, второй—съ Пѣсней о царской женитьбѣ (1—64 стиха).

[2]) Напр.: „познавъ дѣло, рвется-мечется“, „онъ услыщалъ радость, веселіе у дяди у Никиты Романова“, „и нашелъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ въ этомъ радость великую“... Такого же характера и другой варіантъ, записанный тамъ же Харитоновымъ (Кир. стр. 98).

хвальбѣ царя упоминается: взятіе Казани (въ старинѣ Кир. стр. 61 на 20—38 стихахъ даже пересказана цѣликомъ пѣсня о взятіи Казани), Астрахани (вездѣ одно упоминаніе безъ подробностей) и выведеніи измѣны изъ разныхъ городовъ. Во всѣхъ варіантахъ, кромѣ Кир. стр. 61, занятаго пѣсней о Казани, упомянуто о разгромѣ Новгорода, въ варіантѣ Р. 136 сюжетъ этотъ разработанъ довольно обстоятельно: царевичъ Иванъ говоритъ отцу:

62. Когда мы были во Новѣ-городѣ,
Которыми мы съ тобою улицами ѣхали,
Сѣкли—рубили до единаго;
Которыми улицами ѣхалъ мой старый дядюшка,
Старый дядюшка Никита Романовичъ,
Тоже сѣкъ да рубилъ до единаго;
На воротахъ мы записи повыписали,
По угламъ номера выставливали,
Что эти улицы плѣненныя—казненныя.
А которыми улицами ѣхалъ твой сынъ,
А мой братецъ Ѳедоръ Ивановичъ,
Такъ сѣкъ изъ пяти изъ десяти головы гусиныя,
На воротахъ записи подписывалъ,
На углахъ номера повыставлялъ.
Тутъ была измѣна великая!

Иначе передаетъ этотъ эпизодъ Р. 108:

26. Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Которыми улицами ты ѣхалъ, батюшка,
Тѣми улицами кура не пила;
И которыми ѣхалъ Малюта Скурлатовичъ,
И тѣми улицами кура не пила;
А которыми ѣздилъ Ѳедоръ Ивановичъ,
Задергивалъ рѣшетки желѣзныя
И подпись подписывалъ,
Что улицы казнены и разорены,
А остались тѣ улицы не казнены, не разорены.

Однимъ словомъ, отмѣченная связь Пѣсни съ разореніемъ Новгорода поддерживается варіантами 2 редакціи. Разрабатываю-

щая картину пира, она и въ перечисленіи городовъ, откуда выведена измѣна, допускаетъ различныя добавленія: наряду съ Новгородомъ въ разныхъ варіантахъ упоминаются: Псковъ, Кіевъ, Москва, Черниговъ, Шаховъ и Ляховъ.

2-3). Только въ олонецкихъ варіантахъ, Р. 108 и 136 и Г. 244 сохранена роль царевича Ивана, дѣлающаго навѣтъ на Ѳедора, измѣнившаго во время разоренія Новгорода (въ варіантѣ Г. 244 очень слабо сдѣланъ намекъ на Москву въ роли Новгорода). Остальные допускаютъ здѣсь редакціонныя измѣненія. Исключая Кир. стр. 102, гдѣ упомянутъ только „его сынъ“, укоряющій царя, что онъ, выведя измѣну отовсюду, не могъ вывести ее изъ Москвы, и тѣмъ вызывающій на себя опалу и приговоръ,—варіанта, скомкавшаго содержаніе, остальные варіанты роль Ивана поручаютъ Ѳедору, который является, такимъ образомъ и навѣтчикомъ и потерпѣвшимъ: царь опаляется на послѣдняго за то, что царевичъ указываетъ ему на измѣнниковъ, но не называетъ ихъ точно по имени. Впрочемъ, вездѣ все это мѣсто излагается туманно. По Киршѣ—меньшій сынъ Ѳедоръ отвѣчаетъ царю, на его хвастовство, что онъ не вывелъ измѣны, что въ каменной Москвѣ находятся „три Годуновы измѣнники“. Царь проситъ сказать объ нихъ, сынъ отвѣчаетъ: „ты самъ про нихъ знаешъ и ведаешъ про трехъ болшихъ бояриновъ про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ, ты пьешъ с ними ешъ съ однова блюда, единую чарой с ними требуешъ“. Царю не взлюбилось, что Ѳедоръ не назвалъ ихъ по имени, и приказалъ вести царевича на казнь. Мотивъ не достаточенъ: какого же имени больше надо, царевичъ вѣдь ихъ называетъ. „Трое Годуновыхъ“ показываютъ во первыхъ, что варіантъ Кирши является записью довольно поздней редакціи Пѣсни, во вторыхъ, что она вышла изъ опредѣленной партійной среды, во всякомъ случаѣ не-годуновской.

Въ сибирскихъ варіантахъ, записанныхъ Гуляевымъ, причина ярости царя на Ѳедора еще менѣе мотивирована. Царь проситъ назвать измѣнника, иначе предастъ самого царевича лютой казни. Въ первомъ варіантѣ „младой“ Ѳедоръ отвѣчаетъ снова очень неясно:

49. Прости ты меня, дѣтину глупова,

Не съ мудрости я слово вымолвилъ..
Пьете, ѣдите съ однова блюда,
И цвѣтно платье носите съ однова плеча.

Тутъ — царю за бѣду стало, и онъ приказалъ казнить царевича. Еще туманнѣй отвѣтъ послѣдняго изложенъ во второмъ варіантѣ:

44. Не могу я тебѣ измѣны сказать
На имя и на изотчество:
Первая измѣна за столомъ сидитъ,
Вторая измѣна на столъ сбиратъ,
Третья измѣна тебѣ пить подаетъ.

На это царь разгнѣвался. Въ варіантѣ Кир. стр. 109 — Ѳедоръ Ивановичъ говоритъ, что царь хоть и вывелъ измѣну изъ всей земли, но не вывелъ изъ своего дома; какую именно—не указано. То же въ старинѣ Кир. стр. 102: одного заявленья объ измѣнѣ достаточно, чтобы царь сталъ закликать палачей. Наконецъ, старина Кир. стр. 66, (Новгородской и Пермской губ.), очень испорченная въ именахъ и содержаніи, хотя и называетъ казнимаго царевича Ѳедоромъ Ивановичемъ, навѣтъ на котораго дѣлаютъ „князья-бояре“, однако причины измѣны его и вообще проступка не называетъ. Неясность мотивировки, скомканность эпизода, отсутствіе царевича Ивана, отсутствіе контрастирующихъ эффектовъ, разноголосица въ варіантахъ показываютъ, что эта часть основной Пѣсни находится во второй редакціи въ значительной степени разложенія, и ближе къ основной Пѣснѣ сохранена только вышеуказанными олонецкими варіантами.

4-5) Отсутствіе яснаго отвѣта со стороны Ѳедора тѣмъ не менѣе заставляетъ царя немедленно обращаться къ палачамъ съ требованіемъ казнить царевича. Вторая редакція какъ бы спѣшитъ охарактеризовать царя скоро гнѣвающимся, лютымъ и жестокимъ. Даже олонецкіе варіанты плохо поддерживаютъ основной изводъ Пѣсни. По старинѣ Г. 244 Грозный царь, у котораго разгорѣлось „богатырско сердце“, ходитъ по гриднѣ и спрашиваетъ:

43. Да есть ли во пиру ли таки мастеръ,
Казнить бы вѣшать роды царскіе,
Царски роды, государскіе?

Выискивается Малюта Шкурлаткинъ-сынъ, просящій „указа“. Указъ съ печатью выданъ, и по утру Малюта ведетъ царевича на „Куликово болото“. То же передаетъ второй варіантъ Гуляева, гдѣ Скуратовъ носитъ имя Васьки, вѣроятно изъ пѣсенъ о Васильѣ Буслаевѣ. У Р. 108 нѣтъ „тулянья“ палачей, выходитъ Малюта Скурлатовъ и ведетъ Ѳедора „за матушку за Москву рѣку“ къ липовой плахѣ, вострой саблѣ. Подробнѣе разработанъ этотъ мотивъ у Р. 136, гдѣ царь трижды обращается къ палачамъ, которые, дѣйствительно, „разбѣжалися“, и выискивается „малая Малюта—Стенька воръ Скурлатовъ сынъ“, оказывающійся какимъ-то торговцемъ заморскими товарами въ гостиномъ ряду. Закрывъ „лавочку“, онъ ведетъ царевича на „болото на Житное“.

Варіантъ Кирши забылъ точное топографическое указаніе: когда палачи растулялися, выступилъ одинъ только злодѣй—Малюта, который и повелъ Ѳедора „за те за вороты москворецкия, за славную матушку за Москву за реку, за те живы мосты калиновы, к тому болоту поганому, ко тои ко луже кровавыя, ко тои ко плахе белодубовой“. У Кир. стр. 66 помѣщенъ даже цѣлый діалогъ между царемъ и Малютой „Скуратинкомъ“, которому царь велитъ вести сына на Куликово поле, къ кровавой ямѣ. Въ варіантѣ Гуляева (№ 1) Грозный царь ставитъ условія казни: вынуть языкъ теменемъ, очи—косицами, ретиво сердце черезъ ребро и—отрубить голову. Эти условія, поддерживаемыя еще варіантомъ Кир. стр. 102, гдѣ отрубленную голову должны принести государю во дворецъ на серебряномъ блюдѣ, необходимы второй редакціи въ виду той тенденціи, которую она проводитъ въ смыслѣ характеристики царя. И здѣсь замѣчается разнообразіе варіантовъ, неустойчивость имени Малюты Скуратова, мѣста казни, лишнія кровавыя подробности, указывающія на дальнѣйшую переработку основной Пѣсни.

6) „Матушка“ Ѳедора, „царица благовѣрная“ очень рѣдко „Настасья Романовна“, которой докладываетъ о происшедшемъ „служанка“, спѣшитъ къ Никитѣ Романовичу „не въ покрутѣ“. Эту связь съ 1 редакціей сохраняютъ снова лишь олонецкіе варіанты, да и то у Р. 136 ведется длинный разговоръ царицы съ братомъ, у котораго „сидитъ тридцать россійскихъ могучихъ бога-

тырей". Царица, но съ именемъ Афросиньи Романовны, упоминается вторымъ гуляевскимъ варіантомъ. Остальные передаютъ эпизодъ иначе. „Перепахнула вѣсточка" неизвѣстно, какимъ образомъ, въ варіантѣ Кирши, гдѣ Никита Романовичъ называется старымъ дядюшкой. То же—у Кир. стр. 94, гдѣ Никита рисуется больнымъ, „объ одной ногѣ", у Гуляева въ 1 варіантѣ. Въ старинѣ Кир. стр. 102 не успѣлъ царь отдать приказъ казнить царевича, какъ стременный стрѣлецъ гонитъ Никитской улицей къ Никитѣ Романовичу, приговаривая:

37. Вы раздайтесь, люди добрые,
За мной дѣло государево!

Иначе объясняетъ дѣло старина Кир. стр. 61. Самъ Ѳедоръ Ивановичъ обращается къ Малютѣ съ укоризной, что не за свой кусъ онъ принимается, и посылаетъ „скорыхъ послуховъ" къ дѣдушкѣ, царскому дядюшкѣ, *молоду* Никитѣ Романовичу. Разноголосица варіантовъ показываетъ и здѣсь оторванность содержанія отъ традиціи.

7) Спасеніе царевича, наиболѣе интересный, кончающій 1-ю часть пѣсни, эпизодъ разработанъ 2 редакціей совершенно особо. Именно здѣсь находится основная разница между редакціями, заставляющая предполагать наличность ихъ даже въ томъ случаѣ, если бы предыдущія части пѣсни и были сходны между собою. Подходъ къ этому эпизоду уже чувствовался раньше въ намѣчаемомъ изображеніи Ивана Грознаго кровожаднымъ и взыскательнымъ властелиномъ, которому необходимы кровавыя доказательства совершившейся казни. Если не царевича, то другого нужно казнить, иначе царь взыщетъ со всѣхъ, съ самого палача прежде всего. Поэтому 2 редакція представляетъ весь эпизодъ въ слѣдующемъ видѣ: Никита Романовичъ скачетъ, приказываетъ народу сторониться, кричитъ Малютѣ—„не за кусъ, собака, хватаешься" и освобождаетъ царевича, отдавъ на казнь Малютѣ „любимаго конюха", очень схожаго съ царевичемъ (Р. 108). Приблизительно то же говоритъ старина Р. 136, но невинная жертва за царевича оказывается „нелюбимымъ постельничкомъ". Еще болѣе, если можно такъ выразиться, смягчаетъ кровавую и жестокую подробность Г. 244. Когда

Никита вырвалъ царевича изъ рукъ Малюты, послѣдній раздумался:

107. Да какъ я, молодецъ, теперь къ царю пойду.
Взялъ кобеля ли мелединскаго,
Отрубилъ кобелю енъ буйну голову
И вынялъ сердцо со печенью,
Подносилъ на подносы на серебряны.
Идетъ къ Грозному царю Ивану Васильевичу.
Говорилъ царь таково слово:
Ай Малюта та Шкурлаткинъ сынъ!
Да что же отъ сердца песей духъ пахне?
Говорилъ Малюта таково слово:
Онъ закону то былъ не нашево,
Порядку былъ не хорошего,
Оттого ли отъ сердца песей духъ пахне.

О царевичѣ здѣсь совершенно забыто. „Пса немалаго“ совѣтуетъ убить Никита еще у Кир. стр. 109. Варіантъ Кирши передаетъ замѣну царевича „любимымъ конюхомъ“, котораго Никита отдаетъ Малютѣ, такъ какъ тотъ жалуется: „нашета дело повеленое, али палачу мне самому быть сказнену, а чемъ окровенить саблю вострую, что чемъ окровенить руки белыя“. „Клюшничекъ“, любимый, „клюшничекъ-ларешничекъ“ фигурируетъ у Кир. стр. 61, 66, во 2-мъ гуляевскомъ варіантѣ. Въ первомъ гуляевскомъ и у Кир. стр. 102—„клюшничекъ“ или „стременной стрелецъ“ самъ соглашается умереть за царевича. Интересенъ возгласъ Грознаго, дорисовывающій его кровожадность. Когда голову стрѣльца принесли ему на блюдѣ, онъ воскликнулъ:

88. Что собакѣ собачья смерть!.“ (Кир. стр. 102).

Значеніе этой вставки разбираемой редакціи сводится, слѣдовательно, къ тому, чтобы представить Грознаго дожидающимся исполненія казни въ видѣ вещественныхъ доказательствъ: головы, сердца съ печенью, окровавленной сабли.

8-9) Переходъ ко второй части, благодаря упомянутой вставкѣ, разрабатывается варіантами по разному и вообще сильно сглаженъ. Выдвинувъ другой эффектный мотивъ замѣны, 2 редакція какъ бы забыла прежній мотивъ контраста радости и печали. У

Р. 108 даже нѣтъ упоминанія о раскаяніи царя. Черезъ годъ только царь правитъ по Ѳедорѣ поминки у Г. 244. Въ варіантахъ Р. 136 и Кир. стр. 61 раскаяніе царя вызывается только видомъ окровавленной сабли или буйной головы, воткнутой на „штыкъ“ и поставленной предъ царскими окошками. Въ гуляевскихъ варіантахъ переходъ ко второй части совсѣмъ не чувствуется. Только олонецкіе варіанты, равно какъ и Кир. стр. 102 упоминаютъ о траурномъ платьѣ и заупокойной службѣ. Въ старинѣ Кир. стр. 109 послѣ царскаго указа сенаторамъ, князьямъ и боярамъ,

103. Всѣ пріѣхали министры, князья и бояре
И въ соборъ, церковь Божію,
И въ одежѣ всѣ въ черную, печальную,
И служили всѣ молебны обчіе, печальные.

Нескладица и позднія привнесенія здѣсь очень рѣзки.

Отсутствіе естественнаго перехода ко второй части заставило нѣкоторые варіанты начать ее снова съ традиціоннаго пира. Своеобразно рисуется послѣдній у Кир. стр. 66:

67 А у Грозна царя Ивана Васильевича
И пиръ пошелъ да не на веселѣ,
Въ барабаны били да не на радости,
Не на радостяхъ, да не по старому,
Изъ пушекъ палятъ да не по прежнему,
А изъ мелкаго оружія, да обсѣкается.

Между тѣмъ у шурина—пиръ веселый и пальба громкая. Царь проситъ узнать о причинѣ; Никита говоритъ, что у него въ гостяхъ небывалый гость Ѳедоръ. Царь радуется, и пиры сливаются въ одно веселье. На этомъ кончается этотъ своеобразный и вѣроятно подправленный варіантъ. Близко къ разобранному стоятъ гулявскія записи. Въ первой—у Микиты пиръ и музыка, о которыхъ прослышалъ Грозный и ѣдетъ къ шурину. Здѣсь новая подробность, которой впослѣдствіи воспользовался гр. А. Толстой: допрашивая Микиту, царь проткнулъ ему копьемъ „праву ногу“ [1]), у тебя де пиръ, а у меня несчастье. Микита ссылается на

[1]) Выше было указано, что въ одномъ варіантѣ (Кир. стр. 94) Никита Романовичъ боленъ объ одной ногѣ. Вотъ—причина.

„небывалаго гостя“, выводитъ Ѳедора и разсказываетъ про вѣрнаго клюшника. То же, но сжато и съ пропусками передаетъ и второй варіантъ. Здѣсь Грозный „бѣлымъ платомъ“ самъ завертываетъ кровавую рану на ногѣ Никиты, а Ваську Скурлатова приказываетъ привязать къ хвосту коніному и размыкать по чистому полю. У Кир. стр. 61—печальному царю „случилось“ ѣхать мимо палатъ Никиты, гдѣ музыка и пиръ. Царь, войдя въ палаты, „пришилъ“ копьемъ ногу шурина, но, узнавъ причину, зоветъ лекарей и дохтуровъ, а съ Малютки приказываетъ съ живого содрать шкуру. Очень кратко о прободеніи ноги шурина и приглашеніи „дохтура“ залечить въ три часа рану говоритъ старина Кир. стр. 109. Начинаетъ пиромъ, но совершенно иначе разсказываетъ весь эпизодъ варіантъ Кирши: Увидавъ кровавую саблю, Грозный, „гдека стоялъ онъ и тута упалъ, что резвы ноги подломилися, что царски очи замутилися, что по три дня ни пьетъ ни естъ“. Тѣмъ временемъ любимаго конюха схоронили „где кладутца цари и царевичи“, а Никита Романовичъ со спасеннымъ царевичемъ уѣхалъ къ себѣ въ село „Романовское“, гдѣ пиръ пошелъ и музыка. Послѣ отпѣванія конюха, царь Иванъ съ печали „по царству пошелъ“, а бояре Годуновы донесли на Никиту: „у тебя кручина несносная, у боярина пиръ идетъ на веселе“. Никита, по царскому приказу, доставленъ во дворецъ, гдѣ царь воткнулъ „царско жезло, по нашему сибирскому, востро копье“ въ правую ногу шурина и сталъ допрашивать: „Али ты, Никита, какой городъ взялъ, али ты, Никита, корысть получилъ“. Никиту ждетъ казнь—котелъ съ варомъ или колъ. Никита отвѣчаетъ, что музыкой утѣшается Ѳедоръ. Царь немедленно спѣшитъ съ Никитой въ его хоромы, гдѣ на „болшомъ месте в переднемъ угле“ видитъ молода царевича.

Итакъ разобранная группа варіантовъ, перенося мѣсто дѣйствія въ палаты Никиты, гдѣ находится спасенный царевичъ, вводитъ картину пира и эпизодъ протыканья жезломъ ноги спасителя Ѳедора.

Олонецкіе варіанты и Кир. стр. 102, оставляя дѣйствіе происходящимъ въ церкви, тѣмъ не менѣе нѣсколько отличаются отъ 1 редакціи. Коротко и близко къ послѣдней передаетъ содержаніе Г. 244, гдѣ Никита въ цвѣтномъ платьѣ поздравляетъ царя съ обоими сы-

новьями, тотъ жалуется; Никита послѣ заутрени къ обѣднѣ приводитъ царевича. У Р. 108 Никита и царевичъ, оба въ „красномъ“ платьѣ приходятъ въ церковь, но царевичъ вѣроятно—подъ полою, его „вывертываетъ“ Никита послѣ обычнаго разговора съ царемъ. Подробно разрабатываетъ этотъ эпизодъ Р. 138. Дѣло происходитъ въ „Успенскомъ“ соборѣ [1]), гдѣ Никита Романовичъ трижды здравствуетъ царя съ любимой семьею, и на третій разъ „выпущаетъ“ изъ подъ правой полы своей шубы царевича. Грозный изображается жестокимъ, обѣщающимъ съ господъ и съ князей и съ самого Никиты содрать шкуру [2]).

10—12) Въ варіантахъ Кирши, Р. 108 и 136, Г. 244, въ гуляевскомъ первомъ—упомянута Микитина вотчина. У Кирши опредѣленно выраженъ характеръ этой привилегіи: Никитѣ, сверхъ подарковъ, дана: „грамата тарханная, кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ, а кто у жива мужа жену уведетъ и уидетъ во село во боярское ко старому Никите Романовичу, и тамъ быть имъ не въ выдоче, а было это село боярское, что стало село Пребраженское, по той по грамоте тарханныя отнынѣ ана словетъ і до вѣку“. Близко къ этому окончанью старина Р. 108: Никита проситъ:

126. А дай мнѣ вотчину Микитину,
Чтобы слыла была вотчина Микитина
Отнынѣ и до вѣку:
Кто коня угонитъ, въ мою вотчину ушелъ бы,
Того и Богъ проститъ.
Кто жену уведетъ чужую, въ мою вотчину ушелъ бы,
Того и Богъ проститъ.

---

[1]) Старина эта записана Рыбниковымъ отъ сказателя Сорокина, о которомъ Гильфердингъ (Томъ I его собранія, стр. 26—27 вводной статьи) отзывается, какъ о склонномъ къ личному сочинительству: „я приписываю склонности къ сочинительству въ Сорокинѣ особый характеръ, которымъ отличаются его былины, ихъ безконечную амплификацію, дѣлающую ихъ такъ скучными“.

[2]) Награда Никиты Романовича вотчиной не понята сказателемъ, который заставляетъ Грознаго ставить вмѣсто себя царемъ Ѳедора. Это неожиданное заключеніе снова напоминаетъ характеристику Сорокина, данную Гильфердингомъ (тамъ же). Когда собиратель замѣтилъ, что онъ поетъ все по разному, Сорокинъ отвѣчалъ: „Ахъ, это все равно, я могу спѣть такъ или иначе, какъ Вамъ будетъ угодно“.

Кто голову убьетъ, да въ мою вотчину уйдетъ,
Того Богъ бы простилъ.

Варіанты новѣйшихъ собраній, помѣщенные въ сборникахъ гг. Маркова, Григорьева и Ончукова, отличаются той же своеобразностью изложенія, которая была отмѣчена выше для другихъ сюжетовъ. Старина № 37 собранія Маркова, принадлежащая къ репертуару Аграфены Крюковой, замѣняетъ отсутствіе подробностей въ содержаніи лишними и ненужными словами: ко второй редакціи она принадлежитъ растянутыми формулами (напр. формула пира и хвастанья), поздними чертами быта (отмѣченная выше пальба изъ пушекъ, сопровождающая пиръ Микитушки Романовича на радостяхъ, что воротилъ „племянницька“), и заимствованіями изъ обще-эпическаго запаса (напр. гораздо болѣе яркое заимствованіе изъ причитаній въ жалобѣ царя объ утратѣ сына, котораго онъ называетъ: „скачоной жемчужинкой“, „сналивной сладкой ягодкой“). Наличность замѣны царевича „младымъ ключьницкомъ“ вполнѣ заставляетъ относить этотъ варіантъ ко 2 редакціи. Подтверждая въ общемъ характеръ разбираемой редакціи, варіантъ Крюковой уклоняется въ опредѣленіи причины опалы Грознаго на сына. Князья сомнѣваются, чтобы Грозный царь повывелъ измѣну изъ Новгорода, Кіева и Москвы; вывести ее суждено любимому чадушку,—

41. Онъ теперь вѣдь все подлѣ тобя сидитъ,
Ишше тотъ ли младъ Ѳедоръ-отъ Ивановичъ.
Не потухнетъ-то свѣшша вѣдь наша воску-ярова;
Ай на комъ загоритъ наша свѣшша-та воскоярова,
Зацаритъ у насъ царемъ вѣдь Ѳедоръ, все царевичь младъ,
Ай царевичь младъ Ѳедоръ-свѣтъ Ивановичь;
У насъ все тогда въ Москвѣ-то будетъ похорошому.

Эта рѣчь и возбуждаетъ гнѣвъ царя. Оригинально это своеобразное объясненіе съ забѣганіемъ въ историческое будущее, съ явной тенденціей прославленія Ѳедора въ пѣснѣ и связью съ нѣкоторыми документальными данными. Эта особенность варіанта косвеннымъ образомъ поддержитъ дальнѣйшія соображенія.

Старины собранія Григорьева №№ 12, 16 и 115 всѣ достаточно забыли содержаніе. Изъ нихъ № 12 представляетъ, въ сущности,

отрывокъ, начинающійся съ разсказа, какъ царица (имени нѣтъ), узнавъ объ участи сына, бѣжитъ къ Микитушкѣ Романовицу просить совѣта и помощи. Старина обрывается на описаніи поѣздки Микитушки къ мѣсту казни. Разрабатывая единственно эпизодъ прихода царицы къ брату, старина тѣмъ не менѣе растянута на 102 стиха ретардаціей: трижды царица разсказываетъ одно и то же про младого Ѳедора Ивановича, и только послѣ третьяго раза „Микитушка дѣло приросцюхивалъ“. Полна ретардаціями и старина № 16, начинающаяся длинной формулой пира и хвастанья и навѣтомъ „Добрынюшки Ивановица“ на своего родного брата Ѳедора, какъ на измѣнника. Стихи 40—98 посвящены троекратному вызову царемъ палача немилосливаго, который бы велъ царевича на Куликово поле къ плахѣ. Малютушка Скурлатовъ песъ выискивается сдѣлать дѣло повелѣнное. Царица бѣжитъ къ Микитѣ Романовицю; какъ и въ предыдущемъ варіантѣ Микитушка „росчухиваетъ“ дѣло только послѣ третьяго обращенія къ нему сестры. Стихи 115—177 посвящены изложенію только этого эпизода. Сказательница не допѣла старины, изложивъ конецъ вкратцѣ обычной рѣчью. Обѣ разобранныя старины, спѣтыя женщинами, съ любовью останавливаются именно на переживаніяхъ царицы. Наконецъ № 115 передаетъ содержаніе очень кратко, переноситъ дѣйствіе въ Царь-градъ, неясно понимаетъ причину гнѣва царя на сына, не помнитъ о наградѣ Никиты Романовича вотчиной, кончая изложеніе пиромъ на радостяхъ. Поздняя расцвѣтка видна въ словахъ жалобы царя:

77. А какъ по вори да по Гогарыни
Ишша много есь какъ жалобныхъ тутъ,
А по моемъ по сыни по Ѳедори
Некого-то нѣту жалобнаго.

Наконецъ Ончуковымъ на Печорѣ записано два варіанта, изъ нихъ одинъ, № 49, отъ крестьянина Дуркина, сказателя, котораго собиратель характеризуетъ какъ передатчика, желающаго, „чтобы его старина была не такая, какъ у всѣхъ“ [1]), поэтому любящаго

[1]) Н. Е. Ончуковъ. Печорскія былины. Спб. 1904. Стр. 184.

присочинить отъ себя. Дѣйствительно, при воцареніи Ивана Васильевича „щука ле рыба въ глубину ушла“, царь на пиру ходитъ „въ полухмеля“, Микита Романовичъ изображается богатыремъ, ѣздящимъ по полю и „ко щасью“ для Ѳедора обратившимъ вниманіе на скопище народа на мѣстѣ казни. Вмѣсто царевича рубятъ псу „буйну голову“. Печаль царя выражена слѣдующими словами:

117. Ужъ вы ой еси мои да всѣ опричники,
А опричники мои да право царскіи!
А садитесь ко всѣ на свои занятія,
А пишите-ко всѣ скоры естафеты

для разсылки по церквамъ о пѣньѣ молебновъ о поминовеніи „наслѣнника“. Плачущему царю противополагается улыбающійся Микита, которому не надъ псомъ же плакать! Такой оборотъ изумляетъ Грознаго, и весь разсказъ разрѣшается веселымъ пиромъ. Сказатель на самомъ дѣлѣ остался оригинальнымъ.

Старина № 92, по замѣчанію того же собирателя, записана отъ пѣвца, отказывавшагося спѣть ее и согласившагося передать словами. Поэтому пересказъ начинается прозаическимъ разсказомъ о казняхъ Грознаго, варіантомъ розговора царя съ юродивымъ Николой Салосомъ, затѣмъ сказатель перешелъ на стихи, но передалъ содержаніе спутанно и кратко, разсказъ кончается служеніемъ Микитой Романовичемъ панихиды по любимомъ конюхѣ, жертвѣ спасенія царевича. И здѣсь обращено вниманіе на этотъ понравившійся эпизодъ.

Поддерживая части схемы 1 редакціи, вторая передаетъ ихъ въ нѣкоторомъ сокращеніи, такъ сказать—стягиваетъ, за то разрабатываетъ нѣкоторыя детали и вводитъ новые эпизоды. Такъ выпущена роль царевича Ивана Ивановича, слабо очерченъ образъ матери-царицы, иначе и разнообразно введена вторая часть пѣсни. Наоборотъ—разработана картина пира въ началѣ, съ введеніемъ даже цѣлой пѣсни о взятіи Казани, подробно разсказано о разгромѣ Новгорода. На первый планъ во 2 редакціи выдвинута отрицательная характеристика Грознаго; отсюда—измѣненіе въ изображеніи гнѣва царя на Ѳедора, неуклонность въ требованіи казнить его, что заставило ввести особый эпизодъ подмѣны ца-

ревича сходнымъ съ нимъ вѣрнымъ слугою Никиты Романовича. Въ переходѣ отъ одной части къ другой снова введена картина пира и дорисовывающій жестокость Грознаго эпизодъ протыканья ноги у освободителя—героя Пѣсни. Въ изложеніе введены поздніе подробности, опредѣляющія варіанты 2 редакціи болѣе новыми композиціями, чѣмъ первой. Судя по тому, что основная тенденція первой редакціи, о которой скажу ниже, не сохранилась во второй и замѣнилась чисто внѣшними по эффекту сценами и аллюзіями на болѣе позднія событія, нужно думать, что вторая редакція есть дальнѣйшее развитіе первой, которая по своей стройности и сравнительному однообразію варіантовъ должна быть ближе къ основной Пѣснѣ.

II.

Общія руководства по исторіи русской народной словесности (въ томъ числѣ Порфирьевъ и Галаховъ) ограничиваются только передачей содержанія Пѣсни о спасеніи Никитой Романовичемъ царскаго сына. Спеціально посвященная пѣснямъ про царя Ивана Грознаго работа П. Вейнберга немного удѣлила мѣста разбираемому произведенію [1]). Изслѣдователь разсказалъ содержаніе по имѣвшимся у него варіантамъ Кирши, Кирѣевскаго и Рыбникова, вскользь коснулся особенностей нѣкоторыхъ (въ томъ числѣ указалъ на перепутанность варіанта Кирши), отмѣтилъ группу такихъ, гдѣ заключался мотивъ подмѣны [2]) и далъ короткія характеристики Никиты Романовича и Малюты. Пѣсней этой какъ-то не занимались, и только въ недавнее время ак. В. Ѳ. Миллеръ долженъ былъ коснуться ея въ своей замѣткѣ къ издаваемымъ имъ сибирскимъ (гуляевскимъ) старинамъ [3]). Покойный академикъ отмѣтилъ чрезвычайное разнообразіе варіантовъ Пѣсни, намѣтилъ возможность группировки, причемъ та группа, гдѣ выведены два царевича, изъ которыхъ Иванъ доноситъ на Ѳедора и тѣмъ подводитъ его подъ гнѣвъ отца, могла быть, по его мнѣнію, „первоначальной редакціей пѣсни“. Наоборотъ, утрата роли Ивана, какъ доносчика, замѣна его Малютой или боярами, отсутствіе достаточной мотивировки въ объясненіяхъ проступка Ѳедора ссылка варіанта Кирши на измѣну „трехъ Годуновыхъ“—явля-

---

[1]) Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Варшава. 1872. Стр. 21—34, 75—78, 121—123.

[2]) При этомъ Вейнбергъ ссылается на О. Миллера. См. стр. 253—254 настоящаго изслѣдованія.

[3]) Историческія пѣсни изъ Сибири. Спб. 1904. Стр. 11 и слл. отдѣльнаго оттиска.

ются, по его мнѣнію, особенностью варіантовъ „посредственныхъ". „Недостаточныя или совсѣмъ неудачныя мотивировки гнѣва Ивана на царевича Ѳедора въ сибирскихъ и нѣкоторыхъ другихъ пересказахъ (кромѣ олонецкихъ) объясняются тѣмъ, что они устранили другого царевича Ивана, котораго знала основная редакція пѣсни". Эти сибирскіе пересказы (записи Гуляева и варіантъ Кирши, съ которымъ первые имѣютъ большое сходство), равно какъ помѣщенные у Кирѣевскаго, записанные не въ Олонецкой губерніи и въ моемъ предыдущемъ анализѣ были отнесены во вторую редакцію. Наблюденія В. Ѳ. Миллера, признающія какъ разъ ихъ отдаленность отъ первоначальнаго извода, снова даютъ доказательство позднѣйшаго появленія 2 редакціи разбираемой Пѣсни. Напомню, что въ „лучшихъ" съ точки зрѣнія В. Ѳ. Миллера пересказахъ, мотивъ подмѣны отсутствуетъ.

Какъ бы ни отличались въ деталяхъ обѣ редакціи Пѣсни, въ основѣ ихъ лежитъ гнѣвъ царя Ивана Грознаго на сына, результатомъ чего является осужденіе царевича на смертную казнь. Эта завязка драматическаго дѣйствія Пѣсни невольно заставляетъ припоминать историческое событіе 19 ноября 1581, когда въ Александровской Слободѣ послѣ четырехдневной агоніи скончался раненый отцомъ въ припадкѣ гнѣва старшій сынъ царскій Иванъ Ивановичъ. Съ этимъ событіемъ обыкновенно сближаютъ разбираемую Пѣсню. Несомнѣнно, оно дало толчокъ поэтической композиціи, разработанной и разрѣшенной совершенно своеобразно.

С. Соловьевъ [1]) кратко говоритъ объ убійствѣ Грознымъ сына, котораго онъ ударилъ жезломъ „разсердившись *за что-то*, ибо относительно причины гнѣва свидѣтельства разнорѣчатъ". При этомъ историкъ ссылается на свидѣтельство Архивской Псковской лѣтописи, приведенное также Карамзинымъ [2]), гдѣ кратко говорится: „*Глаголютъ нѣціи*, яко сына своего царевича Ивана того ради остнемъ покололъ, что ему учалъ говорити о вырученіи града Пскова". Карамзинъ, какъ и Соловьевъ, видитъ причину гнѣва царя въ рѣчи царевича, настаивавшаго на обязанности

[1]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. М. 1867. Томъ VI, стр. 380—381.
[2]) Карамзинъ цитируется по изданію Смирдина 1852. Томъ IX, стр. 352 и слл. и прим. 610—612.

посылки войска для выручения города Пскова. Иванъ назвалъ сына своего мятежникомъ и ударилъ его въ голову жезломъ. Борисъ Годуновъ хотѣлъ было удержать ударъ, но самъ былъ израненъ царемъ. Иностранные писатели или подтверждаютъ краткое извѣстіе лѣтописца, или сообщаютъ иные разсказы. Гейденштейнъ [1]) черезъ плѣнныхъ москвитянъ, посланныхъ Іорданомъ Замойскому, передаетъ двѣ версіи. По одной—гнѣвъ царя былъ вызванъ слишкомъ настойчивымъ со стороны царевича требованіемъ войска, чтобы сразиться съ королевскими войсками. Вторая версія блеститъ какимъ-то поэтическимъ колоритомъ: „Когда отецъ его *хвастался* огромнымъ количествомъ своихъ богатствъ и сокровищами, послѣдній сказалъ, что предпочитаетъ сокровищамъ царскимъ доблесть, мужество, съ которыми хотя бы имѣлъ меньше того богатства, которое имѣетъ царь въ изобиліи, онъ тѣмъ не менѣе могъ бы опустошать мечомъ и огнемъ его владѣнія и отнялъ бы большую часть царства“. Если первая версія примыкаетъ къ лѣтописному сообщенію, то вторая ближе къ Пѣснѣ наличностью въ рѣчи царевича мотива измѣны и противоположеніемъ внутренняго богатства внѣшнему блеску.

Петрей [2]) причину убійства снова связываетъ съ военными дѣлами. Бояре, дворяне и полковники, разсказываетъ онъ, собравшись во Владимирѣ, обратились къ царю съ рѣчью, прося отпустить на войну старшаго сына. Царь разсердился и, облачившись въ порфиру и надѣвъ корону, сталъ отказываться отъ власти. Всѣ были смущены, потомъ выдали зачинщиковъ. Царь, между тѣмъ, обратясь къ сыну, сказалъ: „Какъ смѣешь ты показываться, болванъ, на глаза отцу, задумавъ такую измѣну противъ меня? И ты отважился съ радостью и удовольствіемъ подстрекать народъ къ возмущенію противъ меня? Не могъ ты выбрать другого способа итти на войну, какъ только сдѣлавшись гонителемъ своего отца? За то, что ты не хочешь признавать своего отца великимъ

[1]) Рейнгольда Гейденштейна „Записки о Московской войнѣ“ (1578—1582). Изд. Арх. Ком. Стр. 242.

[2]) Петръ Петрей изъ Эрлезунда. (Чт. въ О. И. и Д. Р. 1866, кн. I. стр. 153—156). Ср. разсказъ Одерборна, приводимый Карамзинымъ въ прим. 610. Петрей очевидно, пользовался послѣднимъ. „Повѣствованіе сомнительное“ по заключенію Карамзина.

княземъ всея Русіи, и я явлюсь для тебя не отцомъ, а великимъ княземъ и покажу на тебѣ примѣръ, чтобъ другіе взяли его урокомъ себѣ и не осмѣливались больше дѣлать заговоры противъ меня, презирать родителей и наругаться надъ ними въ бѣдѣ и въ невзгодѣ?"—Сынъ былъ испуганъ, пробовалъ оправдаться, но царь „подалъ ему знакъ молчанія палкой въ високъ". Заключающіеся здѣсь мотивы измѣны сына, участвующаго въ заговорѣ, непослушанія отцу и родительскаго поученія сыну приближаютъ этотъ разсказъ къ поэтической композиціи. Другіе иностранные писатели передаютъ дѣло суше и ближе къ свидѣтельству псковскаго лѣтописца. Только Поссевинъ [1]) разсказываетъ иную исторію о томъ, какъ царь, зайдя въ комнату беременной жены царевича Ивана, разсердился на нее за то, что она была простоволосой, не въ покрутѣ, и ударилъ въ щеку. Сынъ попробовалъ заступиться за жену, тогда царь бросился на него и ударилъ въ високъ.

Разнорѣчивыя объясненія причины гнѣва на сына показываютъ, что, вѣроятно, никому не было точно извѣстно, что произошло въ царскихъ палатахъ передъ катастрофой. Показанія иностранцевъ сводятся въ общемъ къ характеристикѣ Грознаго, который представленъ хвастливымъ, подозрительнымъ, видящимъ во всѣмъ измѣну, ревниво оберегающимъ свою власть, быстро переходящимъ отъ раздраженія къ ярости. Нѣкоторыми изъ нихъ, какъ было видно, и проступокъ сына опредѣлялся измѣной: желаніе его самого или приглашеніе царевича другими стать во главѣ войска для освобожденія Пскова царемъ были поняты какъ результатъ заговора, неисполненія его воли. Грозный былъ оскорбленъ какъ царь и отецъ. Эта характеристика царя, данная иностранными писателями, чрезвычайно напоминаетъ пѣсенную, равно какъ и поводъ для гнѣва. Причину послѣдняго, однако, Пѣсня излагаетъ своеобразно.

Если въ предыдущихъ пѣсняхъ наличность идеи выявлялась только послѣ извѣстнаго критическаго анализа варіантовъ, то въ

[1]) Разсказъ Поссевина приводится Карамзинымъ, прим. 610 и подробно, по латыни, у С. М. Соловьева, прим. 137 VI тома.

разбираемой она сохранилась чрезвычайно отчетливо. Для нея авторъ Пѣсни сдѣлалъ даже отступленія отъ исторіи, чтобы рельефнѣе выразить свою мысль. Припомню начало пѣсни.

Царь, въ присутствіи своихъ сыновей, Ивана и Ѳедора, хвастается выведеніемъ измѣны изъ Руси и убѣжденъ, что выведетъ ее и изъ Москвы. Въ числѣ городовъ, изъ которыхъ измѣна выведена царемъ, упоминается и Новгородъ. Царевичъ Иванъ возражаетъ: измѣнникъ за однимъ столомъ сидитъ и проявилъ то себя во время Новгородскаго разгрома. Его измѣна состояла въ милостивомъ обхожденіи съ народомъ: въ то время какъ Иванъ Грозный и онъ, его старшій сынъ, опустошали городъ, кололи, рубили, на колъ сажали и заключали по тюрьмамъ жителей, царевичъ Ѳедоръ писалъ приказы,—призывавшіе новгородцевъ укрываться по погребамъ отъ царскаго гнѣва. Царь опаляется на измѣнника сына, приказывая немедленно вести его на казнь.

Съ исторіей, на первый взглядъ, здѣсь мало согласія. (Прибавлю, что въ дальнѣйшемъ осужденный Ѳедоръ былъ спасенъ и остался невредимымъ). Во-первыхъ Пѣсня объясняетъ гнѣвъ отца на сына измѣной во время Новгородскаго разгрома. Между послѣднимъ и убійствомъ Ивана Ивановича на самомъ дѣлѣ прошло около 10 лѣтъ времени. Во-вторыхъ и главное—былъ убитъ царевичъ Иванъ, а Пѣсня сохраняетъ жизнь осужденному на казнь Ѳедору. Вышеприведенный анализъ варіантовъ показалъ, что эти подробности слѣдуетъ относить къ основной Пѣснѣ. Слѣдовательно, искаженія принадлежатъ самому поэтическому замыслу, а не являются результатомъ ошибокъ или незнанія исторіи. Въ послѣднемъ убѣждаетъ чрезвычайная выдержанность и вѣрность характеристикъ упомянутыхъ трехъ историческихъ личностей, равно какъ близкое къ исторіи изображеніе деталей Новгородскаго разгрома. Выше уже говорилось о совпаденіи характеристики Грознаго въ Пѣснѣ съ той оцѣнкой, которую давали иностранцы, разсказывая о сыноубійствѣ. Расходясь въ изложеніи подробностей, они выставляли боязнь Грознымъ измѣны, какъ главную причину. Что касается царевича Ивана, то Пѣсня изображаетъ его мало привлекательнымъ. Онъ дѣлаетъ навѣтъ на роднаго брата, видитъ въ миролюбіи и кротости преступленіе, ри-

суетъ себя такимъ же кровожаднымъ и жестокимъ, какъ и Грозный. Этотъ обликъ—не противорѣчитъ историческимъ свидѣтельствамъ. „Въ старшемъ любимомъ сынѣ своемъ Іоаннѣ царь готовилъ Россіи второго себя,“ говоритъ Карамзинъ [1]). Иностранные писатели даютъ ему такую же оцѣнку: ille Magnus Dux filium habet sibi suisque truculentissimis moribus persimilem [2]). Во время Новгородскаго разгрома онъ вмѣстѣ съ отцомъ сажалъ народъ на копья [3]).

Иное впечатлѣніе производитъ въ Пѣснѣ Ѳедоръ. Пассивная роль его привлекаетъ симпатію заложенными въ его характерѣ нѣжностью и кротостью. Онъ—противникъ жестокостей, безропотно подчиняющійся отцовскому гнѣву, по нѣкоторымъ варіантамъ онъ даже боится, не вызвало бы его спасеніе царскаго недовольства. Вины за нимъ—нѣтъ, поэтому и освобожденіе невинно осужденнаго должно было явиться логическимъ требованіемъ композиціи. Недаромъ варіанты такъ охотно разрабатываютъ эпизодъ появленія Ѳедора передъ царскими очами. Къ этому поэтическому облику вполнѣ подходитъ личность историческаго Ѳедора, будущаго царя, который и въ иностранныхъ и въ русскихъ источникахъ изображается только съ положительной стороны. О томъ, что Ѳедоръ не терпѣлъ зрѣлища мученій, устраиваемыхъ отцемъ, передаетъ Петрей [4]) въ разсказѣ о расправѣ, произведенной надъ 378 плѣнными ливонцами въ Москвѣ, на мосту черезъ Неглинную, въ 1578 году. Царь, говоритъ онъ, съ обоими сыновьями, Иваномъ и Ѳедоромъ, стоялъ и смотрѣлъ весь день, какъ мучили плѣнниковъ; однако жъ младшій сынъ съ нѣсколькими знатными боярами не могъ дальше смотрѣть на такія неправедныя и страшныя дѣла: можетъ быть имъ жалко стало несчастныхъ, плачущихъ и стонающихъ, и они вернулись въ городъ. Точно такимъ же изображаетъ Пѣсня царевича во время Новгородскаго разгрома, гдѣ Ѳедоръ не только не убивалъ, но и гналъ жителей въ по-

---

[1]) Стр. 351, IX тома.

[2]) Гваньини. См. у Карамзина прим. 608, IX тома. Тамъ указаны примѣры жестокости царевича, видѣвшаго во всемъ измѣну.

[3]) См. на стр. 200 прим. 2.

[4]) Чтенія въ О. И. и Д. Р. 1866, I, стр. 129.

греба укрываться. Хотя и реторично, но опредѣленно кроткимъ и милостивымъ рисуетъ Ѳедора „Сказаніе о царствѣ царя Ѳедора Іоанновича“ [1]): „царь былъ кротокъ и милостивъ и богобоязливъ, и теплъ къ Богу вѣрою, и ко всѣмъ милостивъ и уклоняяся отъ мірской суеты, прилежа къ божественному Писанію, и во всенощныхъ упражняясь пѣніяхъ, и милостыню многу даваше нищимъ, и любяй всякаго человѣка и милуя для своей кротости и къ Богу теплой вѣры“. Анализируя Повѣсть патріарха Іова „о честнѣмъ житіи царя Ѳеодора Ивановича“ проф. С. Ѳ. Платоновъ [2]) говоритъ, что вся жизнь Ѳеодора по повѣсти есть рядъ благочестивыхъ подвиговъ и добрыхъ дѣлъ, что въ его лицѣ Іову рисовался идеалъ монарха, инока, аскета по личной жизни. Идеальный образъ Ѳеодора воспроизводится и другими современными авторами эпохи. Смутнаго времени (Авраамiемъ Палицынымъ, кн. Катыревымъ-Ростовскимъ, Иваномъ Тимофеевымъ), гдѣ царь изображается совершенно удалившимся отъ дѣлъ для цѣлей подвижничества. Такимъ образомъ дѣйствующія лица Пѣсни набросаны чертами, не противорѣчащими историческимъ свидѣтельствамъ о нихъ. Подстановка же Ѳедора на мѣсто Ивана, какъ будетъ видно ниже, явилась результатомъ опредѣленнаго замысла автора Пѣсни.

Къ этому замыслу слѣдуетъ отнести и воспоминаніе о Новгородскомъ разгромѣ. Точнаго объясненія гнѣва царя на сына все равно никто изъ современниковъ не далъ. Что Пѣсня связывала измѣну царевича именно съ событіями въ Новгородѣ показываетъ наличность упоминанія имени города во всѣхъ варіантахъ Пѣсни и изложеніемъ картины разгрома близко къ показаніямъ современниковъ. Петрей говоритъ между прочимъ: Когда пощады и милосердія не было видно, когда Малюта съ братіей рубили, позорили, сажали на копья, бѣдные, трепещущіе люди прятались въ церквахъ, монастыряхъ и погребахъ, гдѣ только находили

---

[1]) Памятники др.-рус. письменности, относящіеся къ Смутному времени. СПБ. 1909. Стр. 761—762.

[2]) Др.-рус. сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. СПБ. 1913. Стр. 106—107.

возможность [1]). Такое же скрываніе въ погребахъ царевичъ Иванъ приписывалъ указамъ Ѳедора въ Пѣснѣ. Самъ навѣтчикъ, какъ указано выше, отличился не меньше отца своей жестокостью къ новгородцамъ. Упоминая о Новгородскомъ разгромѣ, Пѣсня какъ бы дополняетъ характеристику царя и его старшаго сына. Объясненіе причины гнѣва Грознаго на царевича именно измѣной его въ Новгородѣ, принадлежа къ области поэтическихъ гаданій, вродѣ разсказа Поссевина, могло поддерживаться наличностью Пѣсни о разгромѣ Новгорода, входившей въ репертуаръ тогдашней поэзіи.

Обращаясь къ дальнѣйшему содержанію Пѣсни, можно видѣть, что въ конфликтѣ царя съ сыномъ принимаетъ участіе цѣлый рядъ лицъ. Въ силу контраста, положеннаго въ основу всей композиціи, они легко раздѣляются на положительные и отрицательные типы. Къ первымъ слѣдуетъ отнести мать царевичей, Анастасію Романовну, и ея брата, Никиту Романовича, ко вторымъ—Малюту Скуратова, угодливаго исполнителя жестокой воли Ивана. Упоминаніе объ Анастасіи является снова ошибкой, анахронизмомъ. Царица умерла за 20 лѣтъ до событія, въ 1561 году, оставивъ сыновей своихъ, Ивана и Ѳедора, малолѣтними. Ея присутствіе въ Пѣснѣ можетъ быть объяснено искусственнымъ пріемомъ группировки, тѣмъ болѣе, что она изображена лишь общими чертами нѣжной и любящей матери, смертельно напуганной извѣстіемъ о предстоящей казни сына. Очерченная, хотя и слабо, но согласно историческому о ней представленію, Анастасія Романовна является связующимъ звеномъ между дѣйствительными современниками событія 1581 года—своимъ сыномъ Ѳедоромъ и братомъ, Никитой Романовичемъ, главнымъ героемъ Пѣсни.

Съ личностью царскаго шурина Никиты Романовича уже приходилось встрѣчаться въ Пѣснѣ о царской женитьбѣ. Упоминая о немъ, я говорилъ, что онъ является въ ней представителемъ прежней родни царской. Наряду съ новымъ шуриномъ Мамстрюкомъ невольно вспоминался „прежній царевъ шуринъ“, братъ кроткой Анастасіи, которая выставлялась нѣкоторыми варіантами

[1]) Чтенія въ О. И. и Д. Р. 1866, I, стр. 138.

Пѣсни о царской женитьбѣ какъ полная противоположность новой царицѣ Черкашанкѣ. Контрастируетъ съ Мамстрюкомъ и Никита Романовичъ: если первый, чванясь, вызываетъ борцовъ съ нимъ потягаться, то второй отыскиваетъ такого, отъ котораго новый шуринъ натерпѣлся срама. Цѣлый рядъ эпическихъ пѣсенъ, какъ было указано, то помѣщаетъ Никиту Романовича на богатырской заставѣ среди Ильи, Добрыни и Алеши, то, называя его воеводой, московскимъ княземъ, считаетъ спасителемъ Москвы отъ нашествія литовцевъ и дѣлаетъ какимъ то сказочнымъ богатыремъ. Видно, что фантазія слагателей охотно останавливалась на разработкѣ этого персонажа, входившаго въ цѣлый рядъ поэтическихъ композицій. Выше [1]) мною было указано, что историки литературы отмѣчали популярность Никиты Романовича въ поэзіи, но находили, что о немъ сохранилось мало историческихъ извѣстій. Послѣ работъ, посвященныхъ исторіи бояръ Романовыхъ и вышедшихъ за послѣднее время, такое заключеніе всецѣло отпадаетъ; крупное историческое значеніе Никиты Романовича вполнѣ соотвѣтствуетъ поэтическому представленію о немъ.

Нигдѣ личность Никиты Романовича, однако, не обрисована такъ обстоятельно, какъ въ разбираемой Пѣснѣ. „Царскій шуринъ“, „любимый дядюшка“ является спасающимъ царевича отъ казни. Царевичъ этотъ—Ѳедоръ царствовалъ послѣ отца, слѣдовательно роль Никиты, какъ освободителя, возвышается до спасителя царскаго корня. Съ Малютой онъ расправляется окончательно и вообще не боится гнѣва Грознаго царя. Онъ нарушилъ царское повелѣніе, пріѣхалъ разодѣтый на печальное богослуженіе, съумѣлъ вынудить у Грознаго и глубокое раскаяніе и прощеніе сыну. Самостоятельный и богатый, онъ не гонится за вознагражденіемъ, зато выпрашиваетъ у царя оригинальную грамоту, обращенную на благо простого народа. Здѣсь уже обликъ Никиты Романовича выходитъ изъ рамокъ повѣствованія Пѣсни. Въ ней его роль, какъ спасителя царевича—окончена, но какъ владѣтеля такой вотчины, которая представляла бы спасительное убѣжище для всякаго, попавшаго въ бѣду волей

[1]) См. стр. 44 настоящаго изслѣдованія.

или неволей, эта роль только еще начинается. „Тарханной“ [1]) грамотой Пѣсни Никита Романовичъ ставится въ тѣсную связь съ народомъ, какъ его полномочный охранитель. Всѣ эти подробности указываютъ на то, что Пѣсня особенно прославляетъ Никиту Романовича, лицо историческое, игравшее очень крупную роль въ русской исторіи опредѣленнаго времени.

Родоначальникъ Романовыхъ, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ сталъ приближеннымъ царя со времени брака послѣдняго на его сестрѣ Анастасіи. Несмотря на ея раннюю кончину, рядъ смѣнявшихся женъ, а слѣдовательно и родни Грознаго, Никита Романовичъ ни разу не подвергался опалѣ. Онъ не былъ зачисленъ въ опричнину, но оставленъ на службѣ земской, какъ человѣкъ, облеченный довѣріемъ царя. „Служба его была посвящена военнымъ, дворцовымъ, административнымъ и государственнымъ дѣламъ, и всюду Никита Романовичъ проявлялъ свои способности и такія личныя свойства, которыя стяжали ему общее уваженіе и любовь“ [2]). Въ слѣдующій годъ по второмъ бракѣ Ивана IV на Марьѣ Темгрюковнѣ онъ былъ сдѣланъ бояриномъ. Особенное участіе принималъ въ Ливонской войнѣ 70-хъ годовъ, гдѣ отличался не только какъ храбрый, но и милостивый воевода. Вообще онъ оставилъ по себѣ память, какъ о гуманномъ и милосердномъ боярина, смягчавшемъ не одну жестокость Грознаго [3]). Популярность его среди населенія основывалась на двухъ причинахъ. Во первыхъ, съ 1572 года ему было поручено важное дѣло обороны южныхъ окраинъ Московскаго государства. Организація этой отвѣтственной сторожевой и станичной службы была начата княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Воротынскимъ, такъ же, какъ

---

[1]) Вейнбергъ (О. с. стр. 122) говоритъ: „Тарханныя или льготныя грамоты въ самомъ дѣлѣ освобождали имѣнія отъ податей, дѣлали эти имѣнія льготными жительствами; народное творчество, создавъ то же льготное жительство, только увеличило число льготъ, сообразно характеру, который оно придавало своему любимому герою“. Это объясненіе „грамоты“не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ въ основѣ, какъ будетъ указано, здѣсь положены экономическія соображенія.

[2]) П. Г. Васенко. Бояре Романовы и воцареніе Михаила Ѳеодоровича. СПБ. 1913. Стр. 43.

[3]) Ю. В. Готье. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Изд. О. И. и Д. Р. М. 1913. Стр. 13.

было указано выше, оставившемъ по себѣ память въ поэзіи. Никитѣ Романовичу принадлежатъ дальнѣйшія заботы и попеченія объ устройствѣ приличнаго существованія для несшихъ тяжелую развѣдочную службу дѣтей боярскихъ, атамановъ и сторожевыхъ казаковъ. Своимъ гуманнымъ обращеніемъ Никита Романовичъ заслужилъ горячую преданность населенія южной украйны. Изслѣдователи согласно констатируютъ причину популярности Никитичей Романовыхъ среди казаковъ именно благодаря дѣятельности ихъ отца, Никиты Романовича. Второй причиной его популярности и значенія было то, что онъ являлся однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ своего времени. Крестьянство особенно охотно стремилось на его земли въ расчетѣ на болѣе значительную экономическую поддержку [1]). Архивныя данныя указываютъ, до какихъ громадныхъ размѣровъ достигалъ вывозъ крестьянъ въ имѣнія Никиты Романовича и отказы ихъ отъ другихъ помѣщиковъ для перехода къ нему же. „Многихъ привлекала на его земли, говоритъ проф. Д. В. Цвѣтаевъ, та безопасность отъ возмездія за прежнія правонарушенія, которую могъ при желаніи предоставить вліятельный бояринъ поселившимся въ его владѣніи людямъ“. Никита Романовичъ пережилъ Грознаго; существуютъ указанія, что царь, умирая, поручилъ ему попеченіе о Ѳедорѣ и о царствѣ, и, дѣйствительно, первое время по воцареніи Ѳедора онъ сохранялъ безспорное первенство [2]). Только по его смерти, 23 апрѣля 1586 года, власть перешла къ Годунову.

Любимецъ сторожевого казачества, вліятельный землевладѣлецъ Никита Романовичъ вошелъ въ поэзію съ чертами яркой историчности. Недаромъ нѣкоторыя старины помѣщаютъ его на богатырской заставѣ—сторожѣ. Разбираемая Пѣсня отмѣчаетъ его тѣсную связь съ Ѳедоромъ, попечителемъ котораго онъ явился по волѣ Ивана IV. Сыновья Никиты Романовича, въ томъ числѣ Ѳедоръ-Филареть, были двоюродными братьями царя Ѳедора, а Филаретъ, въ свою очередь, былъ отцомъ Михаила Ѳедоровича, основателя новой династіи. Не трудно предположить, почему

[1]) Проф. Д. В. Цвѣтаевъ. Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство. М. 1913. Стр. 57—58.

[2]) Васенко. О. с. стр. 54—55.

Пѣсня именно на Никитѣ Романовичѣ остановилась, какъ на спасйтелѣ царскаго корня. Пѣсня покидаетъ Никиту Романовича, сдѣлавъ его владѣльцемъ грамоты, по которой кто-бы ни убилъ, или укралъ, или жену чужую увелъ, или еще какое преступленіе сдѣлалъ, разъ уйдетъ въ его отчину, оттуда быть ему не въ выдачѣ. Этотъ патронатъ Никиты Романовича покоился не на однихъ только идеальныхъ пожеланіяхъ, а вытекалъ изъ реальнаго факта. Содержаніе этой грамоты обыкновенно только цитируется, но не объясняется историками литературы. У г. Васенка, передающаго содержаніе пѣсенъ о Никитѣ Романовичѣ (пѣсни о Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, Кострюкѣ-Мастрюкѣ и разбираемой), нѣтъ объясненія; авторъ говоритъ только, что стараніе Никиты сдѣлать свою вотчину прибѣжищемъ злочастныхъ людей явилось оттого, что „въ народномъ воображеніи“ образъ дядюшки Никиты Романовича стоялъ высоко [1]). Объясненіе—ходячее. В. Малининъ [2]) видитъ въ Микитиной вотчинѣ отраженіе идеи церковнаго убѣжища, противъ которой ничего не возражалъ и самъ Грозный, Наиболѣе вѣроятное объясненіе далъ проф. Д. В. Цвѣтаевъ, который, указывая на крупное землевладѣніе Никиты Романовича, говоритъ, что оно дѣлало его однимъ изъ тѣхъ „сильныхъ“ людей, которые всего легче могли оградить интересы живущаго у нихъ крестьянства. „Самый фактъ такой возможности отмѣтила народная пѣсня, идеалистически объяснивъ его тѣмъ, что Грозный выдалъ своему любимому шурину особую грамоту“ [3]).

Если историческіе персонажи, упоминаемые въ Пѣснѣ, обрисованы вполнѣ правдоподобно, обстановка, въ которой они дѣйствуютъ, можетъ быть отнесена къ опредѣленной эпохѣ, то чѣмъ объяснить ту перестановку, по которой убитый царевичъ Иванъ замѣненъ осужденнымъ на смерть, но спасеннымъ Ѳедоромъ? Путаницы, ошибки позднѣйшихъ варіантовъ здѣсь, какъ сказано, не приходится видѣть. Думается, что объясненіе лежитъ въ той своеобразной идеѣ, которая придана авторомъ своей композиціи.

---

[1]) Васенко. О. с. стр. 48—49.
[2]) Старецъ Елеазарова монастыря Филофей и его посланія. Кіевъ 1901. Стр. 708.
[3]) Д. В. Цвѣтаевъ. О. с. стр. 57.

П. Вейнбергъ [1]) находилъ очень немного „исторической вѣрности“ въ Пѣснѣ о спасеніи Никитой Романовичемъ царскаго сына. Для него „народная поэзія“ еще продолжала казаться „поэтической лѣтописью“. Однако ак. А. Н. Веселовскій въ рецензіи на его работу [2]) разъяснилъ, что цѣнность пѣсни „не измѣряется ея вѣрностью исторической дѣйствительности, а именно ея искаженіемъ въ смыслѣ тѣхъ вѣковыхъ идеаловъ, которые задолго передъ тѣмъ овладѣли сознаніемъ народа“. Это опредѣленіе поможетъ дать объясненіе логикѣ разбираемой Пѣсни. Полагаю, что процессъ композиціи былъ такимъ. Сынъ Грознаго Иванъ, какъ и отецъ, былъ жестокаго нрава: таковъ онъ въ исторіи, таковъ и въ Пѣснѣ. Но онъ погибъ въ сущности мученической смертью, безъ особой вины съ своей стороны. Такая кончина должна была подѣйствовать примирительно и просвѣтить его обликъ [3]). Отсюда въ поэтическомъ представленіи возникъ образъ царевича, погибающаго отъ гнѣва отца. Этотъ образъ просвѣтленнаго царевича не мирился съ представленіемъ объ его уничтоженіи, и Пѣсня спасала царевича отъ казни. Для реализаціи этого образа былъ уже готовый типъ—Ѳедоръ, блаженный въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Мотивъ спасенія поддерживался еще тѣмъ, что Ѳедоръ на самомъ дѣлѣ остался живъ и царствовалъ. Слѣдовательно перестановка двухъ историческихъ личностей можетъ быть разсматриваема какъ результатъ просвѣтленія памяти царевича и замѣны его другой, болѣе подходящей къ такому представленію личностью. Для прославленія популярнаго Никиты Романовича Пѣсня избрала послѣдняго въ спасители невинно терпящаго, кроткаго царевича Ѳедора, близко связаннаго съ Никитой и родствомъ и опекой.

Время возникновенія основной Пѣсни опредѣляется прежде всего годомъ сыноубійства. Ранѣе 1581 года Пѣсня не могла возникнуть. Думается, не могла она возникнуть и ранѣе 1586, года

[1]) О. с. стр. 121—122.

[2]) Вѣстникъ Европы. 1872. Кн. X.

[3]) Аналогичный процессъ творчества можно наблюдать у Карамзина въ его повѣствованіи о сыноубійствѣ. Охарактеризовавъ царевича Ивана такъ же сурово, какъ и отца, историкъ нашелъ тѣмъ не менѣе смягчающія черты, благодаря которымъ убитый привлекаетъ симпатію читателя.

смерти Никиты Романовича, такъ какъ Пѣсня создана какъ воспоминаніе о немъ. Въ Пѣснѣ чувствуется легкій налетъ партійности: выставляя главнаго героя какъ патрона царя, въ качествѣ спасителя, и народа, какъ владѣльца вотчины-убѣжища, разбираемая Пѣсня должна была выйти изъ среды приверженцевъ Романовыхъ. Если это такъ, то она сложилась въ самомъ концѣ XVI вѣка, когда Никитичи Романовы, дружная, сплоченная и богатая семья, еще не подверглись разгрому со стороны Годунова въ концѣ 1600 года.

Близость первой редакціи Пѣсни къ основной всего болѣе опредѣляется стройностью частей схемы, отсутствіемъ лишнихъ подробностей, быстрымъ и логическимъ ходомъ повѣствованія и соразмѣрностью характеристикъ выведенныхъ въ ней лицъ. Въ Пѣснѣ, можно сказать, не найдется двухъ фигуръ, одинаково освѣщенныхъ. Вокругъ центральной, Никиты Романовича, размѣщены второстепенныя съ большей или меньшей яркостью. Изъ нихъ—личность царя Ивана Васильевича останавливаетъ на себѣ вниманіе умѣренной характеристикой. Подозрительный, раздражительный и жестокій, царь лишенъ, однако, чертъ кровожаднаго тиранна. При видѣ разодѣтаго шурина, онъ больше печаленъ, чѣмъ разсерженъ его появленіемъ. Другое дѣло представляетъ вторая редакція, на которой весьма сказался процессъ постепеннаго наращенія подробностей.

Рѣшительно проведена въ ней характеристика Грознаго, какъ человѣка въ высшей степени лютаго, жестокаго. Малѣйшаго подозрѣнія въ измѣнѣ достаточно, чтобы царь—стемнѣлъ, какъ ночь, заревѣлъ, какъ звѣрь. Онъ самъ скликаетъ палачей казнить „роды царскіе“ и придумываетъ, какъ извести своего сына. (Кир. стр. 102). Изобрѣтенная казнь дѣлаетъ честь кровожадной виртуозности Грознаго. Варіанты на разный ладъ изображаютъ требованія царя. Палачи должны вынуть глаза косицами, а языкъ вырѣзать изъ темени; или—вырѣзать сердце съ печенью и подать ему на блюдѣ, на показанье; иначе—повѣсить царевича „на новой рели, петлѣ шелковой“; иначе, наконецъ—принесенную на блюдѣ голову воткнуть на „вострый штыкъ“ и поставить „предъ окошками царскими“, предъ очами его ясными. Требованія принести доказательства

казни царевича—категоричны, и палачи должны подчиниться. У Кирши Малюта говоритъ Никитѣ Романовичу: „а нашета дела повеленое, или палачу мне самому быть сказнену, а чемъ окровенить саблю вострую, что чемъ окровенить руки белыя, а с чемъ притить к царю предъ очи?“ Раскаяніе царя, хотя и бурно, но кратко. Уже послѣ заупокойной обѣдни царь видитъ новую измѣну: никто не заступился за царевича. Послѣ молебновъ, поэтому, ожидается кровавая тризна: всѣмъ князьямъ-боярамъ переборъ будетъ, съ нихъ живыхъ будутъ шкуры драть, рубить головы, сажать на колья и копья, варить въ котлахъ, топить въ Москвѣ рѣкѣ, зашивать въ медвѣдно и травить собаками [1]). Съ самимъ Никитой Романовичемъ царь поступаетъ круто (варіанты Кирши, Кир. стр. 61, 94 и 109): узнавъ, что въ палатахъ Никиты—пиръ, а у царя—печаль глубокая, онъ въ ярости пронзаетъ ногу шурина и допрашиваетъ о причинѣ веселья [2]). Узнавъ о томъ, что Никита спасъ царевича, царь спохватился и позвалъ „дохтуровъ“ лечить ногу [3]). Такая характеристика чрезвычайно напоминаетъ отзывы иностранныхъ писателей о Грозномъ. Не трудно видѣть, что вниманіе 2 редакціи съ Никиты Романовича передвинулась на царя Ивана Васильевича и на самый эпизодъ казни. Утрата внутренняго содержанія и замѣна его разработкой внѣшнихъ эффектовъ, большею частію грубыхъ, является всегда особенностью позднѣйшихъ передѣлокъ. Вотъ почему и введенъ въ разбираемую редакцію мотивъ подмѣны: такому свирѣпому царю нужны вещественныя, кровавыя доказательства казни. Спасеннаго царевича долженъ кто-либо замѣнить. Жертвой является слуга (конюхъ, клюшникъ,

---

[1]) Послѣднее взято изъ старины Г. 25, отнесенной мною къ 1 редакціи. Сказатель, плохо помня ея содержаніе, сбивался и бралъ подробности изъ второй. См. стр. 265.

[2]) Подробность, напоминающая извѣстный эпизодъ съ слугою кн. А. М. Курбскаго, Василіемъ Шибановымъ, котораго князь прислалъ съ обличительнымъ письмомъ къ Ивану. „Царь, ярости наполнився, призва холопа того близъ себе и осномъ своимъ удари въ ногу его, и пробивъ ногу, и ляже на посохъ свой, и повелѣ листъ прочитати“. Латухинская степенная книга. См. у Карамзина прим. 108, IX тома.

[3]) Ср. разсказъ, приводимый Карамзинымъ (томъ IX, стр. 167—168) о шутѣ Гвоздевѣ, котораго царь ударилъ ножомъ „неосторожно“ и немедленно позвалъ доктора.

ларешникъ, постельникъ) или стрѣлецъ, обязательно—„молодой“, который или самъ заявляетъ о готовности сложить голову за роды царскіе, или, чаще, является жертвою Никиты Романовича. Подвигъ послѣдняго такимъ образомъ усугубляется: отданный имъ за царевича Малютѣ слуга, оказывается „любимымъ“. Впрочемъ нѣкоторые пересказы пытаются сгладить это мѣсто: или слуга Никиты названъ „немилымъ“, или человѣческая жертва замѣнена „псомъ“. Въ послѣднемъ случаѣ введенъ своеобразный, отмѣченный выше разговоръ царя съ Малютой. Во всякомъ случаѣ эпизодъ подмѣны понравился и сталъ предметомъ постоянной разработки въ варіантахъ.

Сосредоточивая вниманіе на мотивахъ жестокости царя, казни царевича и подмѣнѣ его другимъ персонажемъ, вторая редакція забыла важныя части схемы основной Пѣсни. Такъ выпущена роль царевича Ивана, не указана причина гнѣва царя на сына и не понята идея Пѣсни. Скомканность той части 2 редакціи, гдѣ Ѳедоръ является самъ на себя навѣтчикомъ, полная неясность въ объясненіяхъ, чѣмъ же онъ разсердилъ отца, показываютъ, что передатчики спѣшили перейти къ внѣшнему эффекту, казни и подмѣнѣ. Напрасно, поэтому, искать въ разбираемой редакціи персонажей съ исторически выдержанными характеристиками. Кромѣ Грознаго, тамъ нѣтъ героевъ. Роль Анастасіи Романовны совершенно опущена. Даже Никита Романовичъ, смѣлый спаситель царевича, умѣвшій дѣйствовать на Грознаго, прославленъ здѣсь больше тѣмъ, что отдалъ своего клюшника. Многіе изъ варіантовъ совершенно забыли о грамотѣ на Микитину вотчину. Поэтому сцена въ церкви, начинающая вторую часть основной Пѣсни, замѣнилась общимъ мѣстомъ пира, задерживающимъ движеніе разсказа.

Указанныя выше ссылки отдѣльныхъ пересказовъ на „трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ“, на то, что съ воцареніемъ Ѳедора наступитъ „хорошее время“, на замѣну имени Ѳедора именемъ царевича Дмитрія, на слова Грознаго, что по „Гагаринѣ“ были заступники, а по его сынѣ никого не оказалось [1])—показываютъ

[1]) Послѣднее изъ пѣсенъ Петровскаго времени. См. Вейнбергъ. О. с. стр. 29, 104—105.

непрекращающіяся попытки единичныхъ измѣненій. Какъ единичныя, врядъ ли они входили во вторую редакцію, для которой останется разсказъ о неудачной попыткѣ жестокаго царя Ивана казнить своего сына. Отрицательная характеристика царя, на которую такъ щедры варіанты второй редакціи, указываетъ на возникновеніе послѣдней въ болѣе позднее время.